

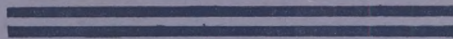
Н О В Ы Й
М И Р

||
11
||

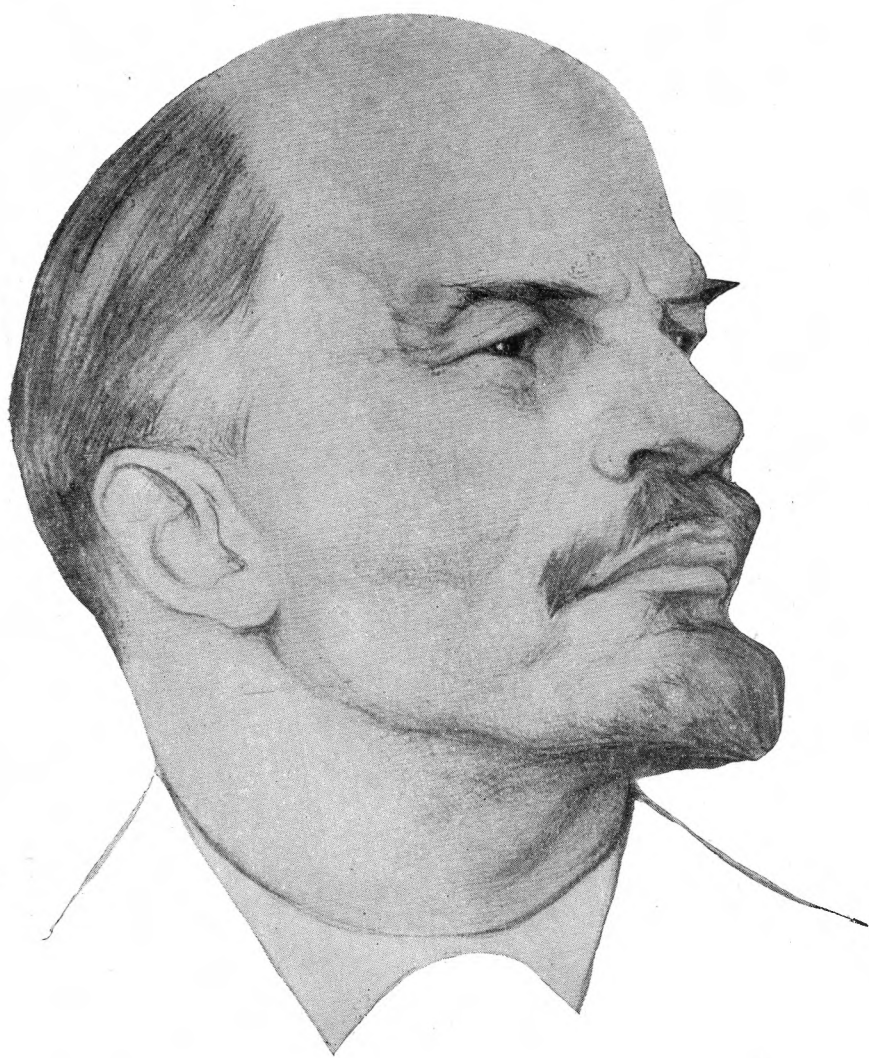
Н О В Ы Й М И Р

|| 1957 ||

11

1957

НОВОЫЙ МИР

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Год издания XXXIII

№ 11

Ноябрь, 1957 г.

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
РАЗМЫШЛЕНИЯ ПИСАТЕЛЕЙ ОБ ОКТЯБРЕ	3
БОРИС ЛАВРЕНЕВ — Моему юному другу...	
БОРИС ПОЛЕВОЙ — О самом заветном	
ПЕТР ВЕРШИГОРА — Эстафета поколений	
АННА КАРАВАЕВА — Что питает таланты	
ВЛАДИМИР СОЛОУХИН — Несколько слов о собственной жизни	
СЕРГЕЙ ЗАЛЫГИН — Высокая цель	
ЛЕВ НИКУЛИН — Образы прошлого	
—	
НА СОРОКОВОМ ГОДУ. ОЧЕРКИ НАШИХ ДНЕЙ	
Я. ТАВРОВ — Имени Владимира Ильича	25
СОРОК ОКТЯБРЕЙ — СОРОК СТИХОТВОРЕНИЙ...	52
Великая Октябрьская революция в стихах русских советских поэтов	
1917 год. Владимир Маяковский. Ешь ананасы. — 1918 год. Николай Полежаев. Красная площадь. — 1919 год. Сергей Есенин. Кантата. — 1920 год. Валерий Брюсов. Я вырастал в глухое время... — 1921 год. Демьян Бедный. В тумане. — 1922 год. Николай Асеев. Новая Кремлевская стена. — 1923 год. Эдуард Багрицкий. Освобождение. — 1924 год. Александр Жаров. Седьмой Октябрь. — 1925 год. Виссарион Саянов. Современники. — 1926 год. Владимир Маяковский. Не юбилейте! — 1927 год. Александр Безыменский. В те дни. — 1928 год. Сергей Городецкий. Одиннадцатый год. — 1929 год. Иван Молчанов. Наш путь. — 1930 год. Иосиф Уткин. Октябрьская тревога. — 1931 год. Виктор Гусев. Октябрьский смотр. — 1932 год. Владимир Луговской. Октябрьские стихи. — 1933 год. Юрий Инге. Придет пора... — 1934 год. Александр Твардовский. Хозяин. — 1935 год. Александр Гитович. Ущелье. Костра красноватые клочья... — 1936 год. Семен Кирсанов. Встреча с Октябрем. — 1937 год. Павел Антокольский. Октябрьские стихи. — 1938 год. Михаил Голодный. Октябрь в Екатеринославе. — 1939 год. Владимир Замятин. Счастье. — 1940 год. Михаил Троицкий. Вечер перед Октябрем. — 1941 год. Николай Тихонов. Седьмое ноября 1941 года. — 1942 год. Степан Щипачев. 1917—1942. — 1943 год. Михаил Светлов. 7 ноября. — 1944 год. Михаил Исаковский. Слово о России. — 1945 год. Александр Твардовский. Отчизне. — 1946 год. Александр Яшин. Красный флаг. — 1947 год. Маргарита Алигер. Счастье. — 1948 год. Анатолий Софронов. Прекраснее нет. — 1949 год. Александр Прокофьев. Слово о Родине. — 1950 год. Бронислав Кежун. Слово о рабочем знамени. — 1951 год. Евгений Долматовский. Земля	

(См. на обороте)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИЗВЕСТИЯ СОВЕТОВ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ СССР»
Москва

СОДЕРЖАНИЕ (продолжение)

	Стр.
расцветет. — 1952 год. Николай Грибачев. Когда ударит гром салюта... — 1953 год. Вера Инбер. Разлив. — 1954 год. Сергей Орлов. Первая годовщина. — 1955 год. Сергей Смирнов. Накануне. — 1956 год. Алексей Сурков. В канун Октября.	
МИХАИЛ КОЗАКОВ — Петроградские дни, повесть	113
ЯРОСЛАВ СМЕЛЯКОВ — Три стихотворения	186
КОНСТАНТИН ВАНШЕНКИН — Октябрь, стихи	190
ПАРУИР СЕВАК — Октябрю, юноше в день рождения! Стихи. Перевел с армянского Р. Рождественский	192
ИРЖИ ТАУФЕР — Когда, стихи. Перевел с чешского Мих. Луконин	195
СОРОК ЛЕТ НАЗАД	198
ПЕТРОГРАД, 24—25 октября 1917 года	
ТРИУМФАЛЬНОЕ ШЕСТВИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ	
П. ФЕДОТОВ — Семь дней в огне	
А. ДИЖБИТ — Среди латышских стрелков	
И. ЧУЕВ — В борьбе с контрреволюцией	
А. ПИСАРЕВ — Вся власть Советам!	
Ф. МИНГАЛЕВ — Первые дни	
В. КАМЕНЩИКОВ — ...И грянул гром	
С. СИМКИН — Без единого выстрела	
К. ВАСИЛЬКОВСКИЙ — Три месяца борьбы	
Н. ЛЕВЧЕНКО — У железнодорожников	
А. КОВАЛЕВ — Вражеская вылазка	
Я. ШУМЯЦКИЙ — Октябрь — декабрь	
М. ГУБЕЛЬМАН — Во Владивостоке	
ИЗ ДОКУМЕНТОВ ТЕХ ДНЕЙ	
ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА	
А. КАРАГАНОВ — Черты творческого метода	250
Е. ДОБИН — Богатырское племя	270
КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ	
<i>Литература и искусство</i>	280
Геннадий Фиш. Утро Советов. — В. Герасимова. Неизбежная победа. — Сергей Наровчатов. Повесть о крестьянском сыне. — Ю. Сотник. Вмятины от пальцев.	
<i>Политика и наука</i>	291
Д. Кислик. В. И. Ленин в 1917 году. — Е. Муравьева. Вся власть Советам! — А. Лукашев. Волнующие документы. — Г. Петровский. Из жизни партии. — И. Красюкова. Говорят участники Октября. — Кандидаты исторических наук А. Байкова, И. Маяк. Иностранная печать о нашем сорокалети. — А. Филиппов. Великие завоевания. — И. Пешкин. Записки рабочего. — Дм. Рудь. На благодатной почве социализма.	
ОТГОЛОСКИ МИНУВШЕГО	310
Записная книжка Ульяны Громовой. — Выступление В. Я. Брюсова в пятую годовщину Октября	
КОРОТКО О КНИГАХ	316
КНИЖНЫЕ НОВИНКИ	319

На вклейке: Владимир Ильич Ленин. Рисунок Н. Андреева.

РАЗМЫШЛЕНИЯ ПИСАТЕЛЕЙ ОБ ОКТЯБРЕ

7 ноября 1917 года зал «Авроры» возвестил миру о том, что веками обездоленный, нищий, неграмотный в массе своей народ — издавна прославленный, однако, своими талантами, своей силой и своей мыслью,—вступил под предводительством Коммунистической партии на новый исторический путь и начинает сам строить свою жизнь.

Сорок лет минуло с той поры — примерно половина одной человеческой жизни. 5 октября 1957 года «Правда» опубликовала официальное сообщение о движении искусственного спутника Земли. Красный огонек новой звезды зажегся высоко в небе над всей планетой, словно воплощая в себе великолепные итоги пройденного пути, на котором советский народ зримо приблизился к коммунизму,— из отсталого превратился в самый передовой народ мира, от темноты и неграмотности пришел не только к поголовной грамотности, но и к вершинам науки, к наиболее развитой технике, к умению одолевать любые задачи, даже те, которые вчера еще могли быть лишь плодом фантазии и мечты.

Свет новой звезды — это воплощение всепобеждающей силы раскрепощенного разума.

Свет новой звезды — это воплощение воли и мудрости Партии коммунистов.

Свет новой звезды — это величайшая мирная победа нового над старым.

С высот, к которым привел народы Советского Союза сорокалетний путь социалистической революции, мы видим сегодня прошлое и вглядываемся в широкую дорогу, лежащую впереди. Она нелегка. На ней ожидает нас много трудов, много битв и много побед. Много задач предстоит решать на этом пути и советской литературе, верной самому прогрессивному и могучему методу, вооружающему художника,—методу социалистического реализма.

Слушать голос Партии, быть верным помощником Партии, жить одной жизнью со своим народом и отдать «все свои силы, свой талант, чтобы воспеть героические подвиги нашего великого народа — строителя коммунистического общества», — под этим благородным девизом вступает советская литература в новое десятилетие нашей истории под светом зажженной нашими руками звезды.

Мы открываем наш праздничный номер размышлениями писателей разных поколений, об Октябре.

БОРИС ЛАВРЕНЕВ

МОЕМУ ЮНОМУ ДРУГУ...

Есть у меня совсем юный друг. К нему я сейчас обращаюсь. С ним хочу поделиться некоторыми воспоминаниями, сравнениями, раздумьями.

Действие происходит полвека назад в большом городе на берегу полноводной реки, недалеко от моря. В этом городе живут сто тысяч человек.

Темная, как чернила, летняя ночь Юга. Сверкают в вышине серебряные капли звезд. Чуть слышно шуршат под ночным ветерком тополи и акации.

Пройдемся по городу и начнем нашу прогулку с окраин.

Немощные улицы, на которых лежит слой мелкой, как пудра, пыли. Каждый шаг поднимает облака этой душной, вызывающей кашель пудры. Повсюду ямы и колдобины, в которых того и гляди сломаешь ногу. Никакого света на этих улицах нет. Кромешная тьма. Лишь кое-где на пуховик пыли ложится бледная полоска отсвета керосиновой лампочки, тускло горящей за окном в этот поздний час. В ночную тишину врывается вдруг отчаянный вопль: «Караул! Грабят!» Крик обрывается стоном, и снова тишина. Слышен только глухой топот быстро бегущих ног. Продолжая наш путь, мы неожиданно натываемся на лежащего в пыли человека. Он хрипло дышит. Зажигаем спичку и видим, что человек держится рукой за бок и между его пальцами текут струйки крови. Он еще жив, но глаза его уже тускнеют. Нужна срочная помощь врача. Но врачи не живут на окраинах. Нужно позвонить по телефону, вызвать скорую помощь. Но телефон в городе — роскошь. Древние телефонные аппараты, похожие на шарманку, имеются только у немногих богачей в центре города. Да если бы и нашелся поблизости телефон, звонить некуда. Никакой скорой помощи в городе нет. Истекая кровью, ограбленный бандитами человек умирает на улице. Никто не поможет. Никто не рискнет выйти на улицу, боясь за свою жизнь. И зачем, собственно, беспокоиться? Это — самое обычное ночное происшествие на этих улицах. Утром пройдет городской, остановит проезжающего ломовика. Вдвоем они грубо, как мешок, бросят мертвое тело на подводу и свезут в морг у старинных городских ворот. А если ограбленный еще жив, то его сдадут в больницу «богоугодного заведения», в набитую людьми, как матрац клопами, убогую палату с потеками дождевой воды на потолке.

Мы продолжаем наш путь по улицам. За поворотом из раскрытых освещенных окон единственного здесь двухэтажного дома летят звуки расстроенного пианино и визгливой скрипки. Слышен топот танцующих, крики женщин, пьяные голоса мужчин. У подъезда ярко горит фонарь с красными стеклами. Это самое страшное, самое проклятое место города — публичный дом. Здесь за гроши продается на час, на ночь женское тело. Женщине, которую загнала сюда беспросветная нужда, есть отсюда единственный выход — в безыменную яму на кладбище, где хоронят безвестных покойников, где над проваленными холмиками нет даже креста. Когда мы проходим мимо этого страшного дома, парадная дверь распахивается и вылетевший из нее человек плюхается в пыль. Это швейцар публичного дома, «вышибала», огромный мужчина нечеловеческой силы, выбросил за дверь учинившего пьяный скандал или не заплатившего за женское тело гостя.

Но уйдем скорее от этого дома. Уже наступает рассвет. Из приземистых убогих домишек с камышовыми крышами выходят нищенски одетые люди. Это потянулись на работу рабочие городских предприятий и портовые грузчики.

Их трудовой день начинается на заре и кончается с наступлением темноты. В жалких узелках они несут с собой еду на день — ломоть посоленного черного хлеба и твердую, как гранит, воблу-тарань. Один за другим они исчезают в грязных, задымленных, прокопченных зданиях, где в тумане от копоти и махорочного дыма едва можно найти свое рабочее место. Начинается день каторжного труда. Стучат и трещат расхлябанные попотопные станки, шелестят ничем не огражденные приводные ремни, пощелкивают шкивы, льется в формы расплавленный металл, наполняя помещение едким дымом. Никакой вентиляции нет. Люди захлебываются кашлем, глаза наливаются кровью. Ходит, приглядываясь ко всему злыми глазами, цепной пес хозяина — мастер. Он придирается к рабочим из-за любви, мельчайшей оплошности, а то и без всякой оплошности. Записывает неугодным штраф без всякой причины. Вот взял у рабочего выточенную деталь, повертел в колбасках пальцев и с размаху ткнул ею рабочего в лицо с отвратительной руганью. Стекает по губе кровь, но нужно молчать. Вчера нашелся дерзкий смельчак, который ответил ударом на удар мастера. Его тут же выгнали с волчьим паспортом, с которым нигде не возьмут на работу. Но что это за шум? Почему все бросились в угол цеха? Там, на полу, прислонясь потной спиной к грязной стенке, сидит бледный как мел человек, придерживая левой рукой изуродованную, окровавленную, беспомощно повисшую правую руку. Ничего особенного! Рядовой случай! Рука попала в неогражденное колесо машины. В одно мгновение человек стал инвалидом.

Его, конечно, сейчас отвезут в больницу, будут лечить, семье дадут пособие, за ним сохранится зарплата за время лечения?

Что? Вы в своем уме? Будет хозяин нести убытки из-за ротозейства пострадавшего, который сам виноват в своем несчастье!

Обернули искаленную руку грязной промасленной тряпкой, которой вытирают станки, и ступай домой. Деньги на извозчика? Это что за блажь? Дойдет и так, не велик барин! В одну секунду сломана не только рука, но и вся жизнь человека, и он выброшен на улицу, обречен на нищенство. Таков закон буржуазного мира. Человек человеку — волк. Рабочий — быдло, а жалость — чувство, недопустимое в деловой практике хозяина. Разве что хозяин окажется «гуманным» и выдаст пострадавшему по своей воле засаленную пятерку. Живи на нее богато!

Пройдем теперь в порт. На просторе реки стоят десятки больших грузовых пароходов с флагами разных стран. Все они пришли сюда за золотой, полновесной русской пшеницей. Сейчас погрузочный сезон в разгаре. У бортов пароходов стоят баржи, полные зерна, которое переходит в глубокие трюмы пароходов. Здесь мешки с зерном поднимаются стрелами. А у причалов капитаны пароходов считают лишним тратить пар на работу лебедок. Погрузка идет вручную. По качающимся и трещащим сходням вереницей идут люди, гнувшиеся под тяжестью мешков. Обломается, не выдержав тяжести, гнилая сходня, десяток людей слетит в воду — не беда. Еще только сентябрь, вода не холодна, купанье полезно. Ну, а если какой-нибудь неудачник утонет, так что же? В животе и смерти бог волен. А тем, кто выплывет, приказчик владельца зерна набьет морду за то, что утопили мешки.

Полдень. На четверть часа останавливается погрузка. На берегу гостеприимно распахнула двери «казенка» — лавка, торгующая водкой. Грузчики входят и выходят с «мерзавчиками» в руках. Удар в ладонь — пробка вылетает, грузчик опрокидывает маленькую бутылочку в разинутый рот и закусывает воблой. Так каждый день, год, десять, двадцать лет, пока не ослабеют узловатые, намозоленные руки, не надорвется спина, не наживется грыжа. И тогда ступай на улицу протягивать руку за подающим и подыхай во швивой ночлежке!

Но вот девятый час утра. По улицам города пробегают фигуры мальчиков в серых шинелях и синих фуражках с серебряными гербами и девочек в форменных платицах с пелеринками. Это гимназисты и гимназистки спешат на занятия.

В городе сто тысяч населения. Из них около двенадцати тысяч детей школьного возраста. Но в двух мужских и трех женских гимназиях учатся две тысячи. Остальные лишены возможности получить среднее образование. Это «кухаркины дети», дети рабочих и низших служащих, у которых нет средств платить за право учения, которых, даже если у родителей и заведутся нужные гроши, не принимают в гимназии, чтобы не смешивать их с детьми из «приличного общества». Это, наконец, еврейские дети, для приема которых установлена царским правительством трехпроцентная норма. На класс в тридцать человек полагается один еврей, не больше. Исключения допускаются для детей еврейских богачей за крупные даяния гимназическому начальству. С завистью смотрят на счастливых, идущих в гимназии, лишенные этого счастья дети. Но не все гимназисты имеют возможность продолжать образование в высших учебных заведениях. Опять нужно платить за право учения от ста до трехсот рублей в год да еще посылать студенту деньги на житье в университетском городе. А средний чиновник в царской России получает пятьдесят — шестьдесят рублей в месяц. И половина выпускников мужских гимназий заканчивает образование аттестатом зрелости и поступает на службу в родном городе, чтобы тянуть по стопам отцов служебную лямку за те же гроши. Еще хуже положение девушек. Только единицы попадают в высшие учебные заведения, да и то только медицинские и педагогические. Двери технических учебных заведений наглухо закрыты для женщин. Получила аттестат зрелости — и сиди дома, тоскливо жди жениха, чтобы как-нибудь устроить свою маленькую, душную судьбу. Жизнь идет вяло, беспросветно. В театр часто не пойдешь — не по карману. А сидеть на галерке за двадцать копеек для девушки «из общества» неприлично. Единственное развлечение — смотреть фильмы в разных «иллюзионах» и «биоскопах».

Но вот мы на большой торговой площади города. Что здесь происходит? Что это за огромная толпа деревенских девчат, босых, простоволосых, которые заполнили всю площадь, стоят, сидят, лежат прямо на грязных булыжниках мостовой? Между ними ходят какие-то откормленные субъекты в холщовых пыльниках и белых картузах, подходят к девчатам, бесцеремонно разглядывают их. Похоже на рынок рабов в древней Кафе — Феодосии, куда крымская орда после набегов сгоняла пленниц на продажу в чуждальные страны.

Да, это современный рынок рабынь. Безземелье, нищета, забитость погнали их сюда, на плодородные земли Екатеринославщины, Херсонщины, Северной Таврии, в поисках грошового заработка у помещиков в качестве полевых батрачек. Они тянутся сюда не только с Украины, но и из русских губерний. Их босые ноги стерты до крови, тяжкую дорогу большинство проходит пешком — на железнодорожный билет нет денег. Они ждут работы, в их глазах отчаянная надежда и слезы. Люди в пыльниках и картузах — управляющие имениями графа Мордвинова, «великого князя» Михаила Николаевича, фон Таля, Синельникова, Тропина, Фальц-Фейна, некоронованных земельных магнатов, владельцы десятков тысяч десятин чернозема. В помещичьих экономиях девушки-батрачки живут в темных грязных бараках с вонючими нарами, кишашими клопами. С первыми проблесками рассвета их гонят в поле на работу, под беспощадное южное солнце. Горят обожженные руки, трескаются губы. Работа идет до ночи. Кормят кулешом из гнилого пшена с тухлым салом. За всякую провинность хлещут по щекам, таскают за косы, лупят нагайками. Вычитают штрафы из микроскопической платы, и часто, проработав все

лето, дивчина уходит в покинутую весной родимую хату, заливаясь слезами, завязав в жалкий узелок два-три рубля за три месяца непосильного, изнуряющего труда. Нередки смерти от изнурения на поле, солнечные удары. Бывают и самоубийства замученных и опозоренных девушек.

А рядом с огромными массивами помещичьих земель ютятся жалкие клочки крестьянских запашек. Да и то земля эта часто не своя, а арендованная у помещика за высокую плату. Обработка крестьянского поля идет древними, как мир, методами, даже на черноземе урожай плох. Хлеба не хватает от осени до нового урожая. В самой деревне зверствуют кулаки, выжимая из бедняков последние соки. Вечером после трудового дня в деревне темно, как в могиле. Керосин дорог, его не напасешься. Ни книги, ни газеты. Да и зачем, когда в деревне девяносто процентов неграмотных? Всякий командует мужиком: земские начальники, мировые судьи, становые пристава, урядники, волостные старшины, писаря, попы и дьячки — все сидят на мужицкой спине. А попробуешь распрямить спину и бросить дармоедов — отдерут розгами при всем честном народе, а то и бросят в тюремную камеру. Целыми селениями снимались крестьяне с родных мест и шли искать счастья в далекие края — Казахстан, Сибирь, Камчатку. Многие ложились в могилы на трудной дороге, а кто добирался до цели — узнавал, что и на новых землях те же порядки, тот же гнет и ярмо раба.

Вечером в городе ходят друг к другу в гости представители «хорошего общества». Играют в преферанс «по маленькой», судачат, сплетничают, заводят мелкие, грязные интрижки с осатанелыми от скуки женщинами, пьют, разговаривают о чинах и орденах, о наградах.

Свинцовая, мутная тоска висит над городом, и кажется, что нет из нее выхода, как нет выхода из нищеты и беспорядка окраин.

Вот я показал тебе, мой молодой друг, частицу жизни старой России.

Сравни же эти страшные картины прошлого с нашим солнечным сегодня. Сегодня в моем родном городе, где живут уже сто пятьдесят тысяч человек, есть три высших учебных заведения, несколько техникумов, до пятидесяти средних школ. Обучение в средних школах обязательно для всех детей школьного возраста, независимо от социального положения и национальности. Аттестат школы открывает всем широкий доступ и к работе и к высшему образованию. Для девушек широко раскрылись двери технических вузов, и у нас есть уже много женщин инженеров всех специальностей, а также кандидатов и докторов различных наук. В вузах моего города прекрасные, хорошо оборудованные, почти бесплатные общежития для иногородних студентов, столовые, где кормят вкусно и питательно. Студенты обеспечиваются стипендиями от государства — только учишься хорошо, чтобы стать полезным гражданином Родины.

Маленький металлургический заводик превратился в гигантский завод имени Петровского. Исчезла профессия грузчика — погрузки в порту сплошь механизированы. За городом выросли грандиозные корпуса консервного завода и текстильного комбината. Каховка обеспечивает их энергией. На смену уродливым, кривым хибаркам окраин встали красивые белоснежные дома рабочих поселков с удобными светлыми квартирами. В цехах — солнце, воздух, цветы. Для детей созданы ясли, детские сады, и матери-работнице не приходится больше тревожиться за судьбу ребят, брошенных дома на произвол судьбы. На том месте, где стоял страшный публичный дом, теперь прекрасный клуб. При заводах собственные амбулатории и клиники, где рабочие получают бесплатную медицинскую помощь. Несчастные случаи на производстве стали редкостью. Охрана труда зорко следит за безопасностью. Тысячи инженеров,

техников и рабочих получают во время отпуска бесплатные или льготные путевки на лучшие курорты Родины. В заводских клубах выступают артисты, и год от году расцветает самодеятельность, многие участники которой удостоены премий на всесоюзных конкурсах. Многие передовики производства стали государственными деятелями, с гордостью носят на груди значки депутатов Верховных Советов страны.

Стала совсем иной жизнь нашего колхозного крестьянства. Лампочка Ильича внесла в деревню не только электрический огонек, но и свет культуры. Книга стала насущной потребностью колхозника, и почти в каждом доме есть полочка с произведениями любимых авторов. На полевых работах появились чудесные машины, облегчившие издревле тяжкий крестьянский труд. В область сказок ушли пестрядинные зипуны и домотканые свитки. Лапти и постолы лежат только в витринах этнографических музеев. В домах водопровод, радио, телевизоры. Деревенскую клячу и скрипучую телегу сменили велосипеды и автомобили. Гордо распрямилась согбенная веками крестьянская спина. Советское крестьянство стало надеждой и опорой страны в ее победном движении к коммунизму.

Это чудо волшебного превращения страны совершил Великий Октябрь!

Задумайся над этим чудом, мой молодой друг!

Подумай, сколько труда, пота и крови вложили люди старшего поколения в великое дело Коммунистической партии Советского Союза, которая создала для вас светлую и счастливую жизнь. Вспомни с благодарностью тех, кто в тяжелых боях отдал жизнь за это счастье, за приближение коммунистического будущего!

Преклони голову перед героическими подвигами народа, ведомого партией, храни верность партии, береги единство ее рядов, будь верным сыном Родины, готовым в любую минуту встать на защиту ее покоя и благоденствия! Таким, как тебе, достается замечательное наследство! Будьте достойны его и продолжайте вести Родину по пути, указанному первым гражданином Родины, вождем и учителем нашим — Владимиром Ильичем Лениным!

БОРИС ПОЛЕВОЙ

О САМОМ ЗАВЕТНОМ

Среди реликвий Отечественной войны у меня хранится одна, самая для меня дорогая. Это два старых и, признаться, не очень умело сделанных фотоснимка. На одном из них комсомольский билет. Обычный комсомольский билет № 8926153, выданный Качалову Григорию Матвеевичу, 1922 года рождения. На другом — заявление о приеме в партию, короткое, взволнованное и потому не очень связно написанное.

Вот оно. Я процитирую его по подлиннику, не исправляя и не редактируя, ибо такие документы нельзя ни редактировать, ни исправлять:

«В партийную организацию от красноармейца Качалова Григория Матвеевича.

Заявление.

Я гражданин Качалов Григорий М., прошу партийную организацию полка принять меня в партию, так как идя в смертный бой хочу быть

коммунистом. Какая бы мне задача ни была бы поручена, буду выполнять ее не шадя своей крови и самой жизни... Как коммунист буду врага бить до последней своей жизни. К сему Г. Качалов».

В комсомольском билете дыра с рваными краями, оплывшая засохшей кровью. Заявление, написанное на листе бумаги, вырванном из школьной тетради, пробито в четырех местах.

Я смотрю на эти документы, и мне вспоминаются самые тяжелые дни обороны Сталинграда. Бои огромнейшего напряжения. Полоска земли, находившаяся у нас, местами стала такой узенькой, что ее можно было простреливать из автомата. На участках двух дивизий противник, уже прорвавшись к Волге, разрушает эту полоску. Река подмерзла у берегов. По утрам белеют широкие закрайки. Но она еще не стала, по ней плывет «сало», и потому подвоз продуктов и боеприпасов крайне затруднен. Узенькая полоска земли! Но как дорога она нам, с какой яростью отстаивается каждый ее клочок!

В эти дни ночью, зайдя на командный пункт полка, помещавшийся в подвале, под мельничными амбарами, я увидел знакомого мне парторга. Набросив полушубок, он сидел в уголке просторного и холодного помещения. Перед ним на ящике из-под снарядов горела свеча и лежала стопка партийных билетов. Это были билеты коммунистов, погибших в последних боях. Рядом лежал пробитый пулей комсомольский билет и извлеченное из него заявление — то самое, которое я процитировал.

Парторг показал их мне. Показал и рассказал коротенькую историю этих документов. Несколько дней назад на участке этой гвардейской дивизии случилась беда. Противник, атаковав ночью ее позиции, занял дом. Один-единственный дом, да и тот наполовину разрушенный. Но в Сталинграде, где земля измерялась в те дни метрами, это было уже потерей позиций. Сразу отбить дом не удалось. Гитлеровцы вцепились в него мертвой хваткой. Они устроили в нем два пулеметных гнезда, и дом этот, как заноза, врезался теперь в нашу оборону. Новые и новые контратаки лишь увеличивали потери.

В полку, во взводе разведчиков, был комсомолец Григорий Качалов. Тихий, ничем не примечательный боец. И вдруг он вызвался попробовать в одиночку ликвидировать пулеметные гнезда, устроенные противником в этом доме.

Под утро, когда ветер понес с замерзающей реки на город густой холодный туман, Качалов надел валенки, сбросил шинель, взял две противотанковые гранаты и бесшумно перемахнул через бруствер. Он исчез, будто растворился в молочной мгле. Даже бойцы, сосредоточенные для атаки, не слышали его шагов.

Бесконечно длинно тянулись минуты. Над городом уже брезжил рассвет. И вдруг в развалинах дома послышались два взрыва — один, а потом другой. Офицеры не успели еще передать команду атаки, как бойцы сами уже полезли из окопов. И вот из атакованного дома уже послышались крики борьбы. Дом был отбит минут за десять.

А через полчаса на плащ-палатке принесли тело разведчика. Пуля попала в его сердце, когда он бросал гранату во второй вражеский расчет. Из левого кармана его гимнастерки и был извлечен пробитый пулей комсомольский билет и лежавшее в нем вчетверо сложенное заявление. Заявление о приеме в партию.

Рассказав об этом, парторг долго сидел молча, потирая высокий лысоватый лоб. Потом он сказал:

— Была ли когда-нибудь на свете партия, в которую заявления о приеме поступали бы и таким образом?

А я не мог оторвать глаз от маленькой фотографии на билете. Простое, грубоватого склада лицо. Лицо юного труженика. Волевой склад губ. Глаза смотрят задумчиво. Это одно из тех лиц, которые кажутся на первый взгляд неприметными, но всегда запоминаются. И я думал над словами парторга. Ведь действительно не знало еще человечество партии, быть членом которой являлось бы самым заветным желанием труженика.

— Ну а сколько заявлений вам поступило в последнее время?

— За две недели четырнадцать, — ответил парторг. — Но учтите, что в нашем полку осталось всего сто девяносто штыков.

И тогда я сфотографировал этот билет и это заявление, но не потому, что они представляли собой нечто исключительное, поражающее, а именно потому, что два эти документа как бы иллюстрировали явление, которое в те героические дни было массовым.

Сколько таких вот заявлений о приеме в Коммунистическую партию Советского Союза было подано в дни войны и именно в тяжелейшие ее периоды и часто именно в последний час перед решающей атакой! В этом, как мне кажется, раскрывалась одна из прекрасных черт советских людей.

С детства любя и уважая партию большевиков, с отроческих лет начиная воспринимать ее животворные идеи, с юношеской поры сознавая, что быть коммунистом — это значит воплощать в себе лучшие черты своего народа, советские люди в труднейший час своей жизни выражали в этих заявлениях заветную мечту стать большевиком, стать членом ленинской партии.

Может ли хоть одна партия в мире, кроме Коммунистической партии, сказать, что, идя на смертный бой за торжество ее идей, простой беспартийный человек как о высшей награде мечтает о праве хотя бы посмертно быть названным коммунистом.

История политических движений дает много примеров того, как партии росли, укреплялись, увеличивали свое влияние в годы, когда принадлежность к ним сулила их членам карьеру, материальные преимущества, обеспеченную жизнь. В годы же тяжелых исторических потрясений они переживали кризис, отлив, а иногда и вовсе разваливались.

Славная история Коммунистической партии говорит как раз об обратном. Именно в годы исторических испытаний, в трудные для страны дни, когда во внутренней борьбе или в сражениях с внешним врагом решалась судьба нашего Советского государства, советский народ еще теснее сплачивался вокруг своей Коммунистической партии и ее ленинского Центрального Комитета.

Именно в годы, когда быть большевиком означало работать на самых трудных, самых острых участках, когда быть членом нашей партии значило идти все время в первых рядах атакующих, партия наша испытывала особенно бурный прилив. В этом проявляется непобедимая ее сила и великая творческая, организующая мощь ее идей.

И когда сейчас, в сороковую годовщину нашей Советской страны, мы, советские люди, думаем о всем том великом, что нам удалось за эти годы построить, создать, воплотить в жизнь, мы прежде всего думаем о ней, о славной Коммунистической партии, которой мы обязаны всем, чего мы достигли, осуществляя ленинские идеи.

Мы, партийные и беспартийные советские люди, думаем о партии, как о мудрой матери, вскормившей и воспитавшей нас, вдохновляющей на все самое лучшее. Мы думаем о ней, как о самом заветном, что только бывает у человека.

ПЕТР ВЕРШИГОРА

ЭСТАФЕТА ПОКОЛЕНИЙ

Не одно поколение советских людей встречает тебя, великий Сороковой Октябрь! Эстафетой человеческих судеб и устремлений ввысь, к будущему отмечена эта знаменательная дата истории могучей поступи человечества.

Первыми были те, что на рубеже двух веков приняли в крепкие, мозолистые руки знамена революционной борьбы — знамена декабристов, знамена Герцена, Добролюбова и Чернышевского — и, озарив их ярким светом научного социализма, выпестовали в недрах Российской империи партию рабочего класса. Ковалась она в подполье, в ожесточенных схватках.

Для этих борцов Октябрь был еще мечтой. И — путеводной звездой. Они видели эту звезду из тюрем и застенков; она вела их на баррикады Красной Пресни и Кровавого воскресенья. Они зажгли ее лучи в морозной Сибири, на Лене. Это поколение пламенных революционеров дало нашему народу и всему человечеству Ленина. И ленинскую когорту борцов: Бабушкина, Дзержинского, Шаумяна, Сталина, Фрунзе, Орджоникидзе, Калинина, Артема и других мужественных, негибаемых деятелей партии. Максим Горький — буревестник революции, великий ученик и друг Ленина — рос с этим поколением. Их жизнь неотделима от истоков партии, от первых революционных битв. Немногие из них дожили до славного сорокалетнего рубежа. Но все же есть и сейчас с нами эти восьмидесятилетние юноши, солдаты партии, люди, чья жизнь служит примером всем последующим поколениям. Да и те из этой славной когорты, кто ушел от нас, остаются в наших рядах, как живые. Они живы своими делами. И самый живой из них — великий Ленин.

Второе поколение революционеров приняло от старших братьев освященное на баррикадах, пронесенное сквозь мрак подполья и реакции, «руганное и пропетое, пробитое пулями» знамя. Им выпало большое счастье, и на их плечи легла тяжелая ноша. Поколение трагически величественное. Поколение Николая Щорса, Сергея Лазо, легендарного Чапая, Дмитрия Фурманова, Александра Фадеева, Всеволода Вишневского. Им, молодым двадцатилетним комдивам, восемнадцатилетним комиссарам, надлежало под руководством ленинской партии свергнуть царизм и капитализм. Надо было отстоять Октябрь в гражданской войне. Начать неизведанный путь — заложить фундамент социализма.

А Ленин сказал — учиться. И вот шахтер и слесарь, комбедовец и кухарка, селькор и женотделка пошли на рабфак. Старшие — в комвузы! «Свердловка» и «Артемовка», Промакадемия и Комакадемия — большевистские университеты, где первые командиры социалистической стройки овладевали наукой, — пусть не исчезнут из нашей памяти!

Этому же поколению выпало на долю не только счастье великой победы. Ему же надлежало первым воспеть и осмыслить победоносный путь революции. «Чапаев», «Разгром», «Железный поток» — это песни и гимны победоносного Октября.

Мы — третье поколение — те, кто «опоздал» к Октябрьским боям и бесчисленным подвигам гражданской войны. Только наиболее пылкие и смелые, — такие, как Николай Островский, — пятнадцатилетними мальчишками уходили к Котовскому или сражались в Первой Конной. Некоторым удалось выстрелить из обреза по бандиту, или быть мальчишкой-проводником в южном походе Якира, или провести лихой уральско-сибирский рейд вместе с бойцами Блюхера. Но в своей массе мы уже опоздали — к первым боям. Мы пришли в комсомол с пламенными

песнями о «Молодой гвардии рабочих и крестьян», о «красной кавалерии» и о «былинниках речистых», что ведут рассказ — «о том, как в ночи ясные, о том, как в дни ненастные...» Казалось нам, все уже завоевано, все подвиги совершены... Наивные разочарования и трогательные заблуждения нетерпеливой молодости. Распевая на субботниках песни гражданской войны, спускаясь в шахты в ударных бригадах Донбасса, работая грабарями на Турксибе, на Магнитке, в Кузбассе, действуя в продотрядах, многие из нас и не подозревали, что и наше поколение уже подставило свое плечо, принимая на себя ношу двух старших поколений. И когда взвилось ввысь знамя первой пятилетки, когда миллионы людей были вовлечены в мощный поток индустриализации страны и социалистического переустройства деревни, мы вместе с ветеранами революции взяли на себя новое задание истории. Мы — в то время уже «старые» комсомольцы и молодые коммунисты.

Кадры, овладевшие техникой, в это время решали все. Вчерашние неграмотные комнезамщики, рабфаковцы — так же как и старшее поколение в свое время — ринулись по призыву партии штурмовать науку. И они стали кадрами партии, кадрами индустрии, кадрами социализма. Из них выросла новая советская интеллигенция. Оказалось, что и на нашу долю хватило подвигов. Наше поколение выдвинуло и Никиту Хрущева, и Макара Мазая, и Алексея Стаханова, и Валерия Чкалова, и двух Виноградовых, и Марию Демченко, и Пашу Ковардак, и многих, многих других — смелых и трудолюбивых, пылких и честных... Но нашему поколению надлежало совершить еще один подвиг. Подвиг слова, чувства и мысли! И тот, кто был первым на полях битв и стройках, смело взял и этот труднейший барьер. Он мужественным голосом пропел, протрубил песню о том, «Как закалялась сталь». Мир дрогнул от восхищения и уважения перед мужеством и непоколебимой верой, перед глубиной чувства почти сраженного, но борющегося воина партии и певца ленинского комсомола, верным сыном которого был этот рабочий паренек и боец кавбригады Котовского. Сыны нашего поколения пропели песнь о великом походе, о судьбах наших сверстников говорила «Педагогическая поэма» и история «Сталинградского тракторного»; наш «Танкер «Дербент» смело выплыл в литературное море...

Следующему поколению пришлось войти в самостоятельную жизнь под гром орудий Великой Отечественной войны. Это дети Октября, которым при появлении их на свет справляли «октябрины», — сыновья и дочери первых комсомольцев и комсомолок, люди, никогда не видевшие ни царя, ни помещика, ни капиталиста, ни даже городского с «селедкой» на боку. Люди, с первых дней жизни воспитанные партией и комсомолом, пошли в смертельный бой против фашизма и оказались достойными своих отцов и дедов. Гастелло и Талалихин, Зоя и молодогвардейцы, Матросов и те, кто водрузил знамя Победы над куполом рейхстага...

Миллионы их — молодых героев этого поколения. Солдаты на полях сражений от Волги до Эльбы, знаменосцы легендарных гвардейских дивизий, подпольщики и лихие партизанские разведчики — это все они, четвертое поколение Октября. В жестокой военной страде слились усилия всех четырех поколений пролетарской Революции. Мощной лавиной, ведомые мудростью ленинизма, всем, что воплощено в многомиллионной партии коммунистов, шли они все — и безусые комсомольцы и белые деды — на подвиги. И одержали победу! Слава и мужество их не померкнут в веках.

Но в эти грозные годы и следующему в эстафете поколению пришлось раньше времени вступить в строй. В снежных даях Урала подростки становились к станкам и ковали оружие для старших братьев и отцов. И сейчас в разных уголках страны можно встретить высококвалифицированного рабочего или инженера, который с гордостью вспомнит:

«Я в тринадцать лет нормы — и не подростковые — выполнял!.. Стоял на ящике, чтобы достать до карусели станка, а взрослого рабочего заменял. Так-то...»

Да, в воинском подвиге народа есть частица и твоего вклада, раньше времени вступившее в строй юное пятое поколение Октября. Ему же вместе с вернувшимся, задымленным порохом сражений воином выпала на долю и великая страда восстановления. Подвиг первой послевоенной пятилетки закалил вашу волю. Оживить развалины городов и сел! Возродить пепелища Сталинграда и руины Севастополя! Воссоздать индустрию Ленинграда! Построить новые фабрики и заводы в Минске и в Сибири, на Кавказе и в Курске, на Волге и в Харькове! Поставить в строй новый, послевоенный Донбасс! И дети оказались достойными своих отцов.

А вслед за ними уже зрело шестое поколение Октября. Покорители целины и работники великих строек коммунизма. В степях Казахстана и в плавнях Каховки, у славных разинских Жигулей и в Кулундинской равнине Алтая, у седого Байкала и в пермских отрогах Урала — на берегах Камы и Чусовой гремит ваша слава и совершается жизненный подвиг. Вы среди тех, кто расщепил ядро атома и построил первую на земле мирную атомную станцию. Уже у многих из вас на груди звезды Героев, мирные звезды — венец трудового подвига. Всему свету известны славный житель целины Иван Рудский и его товарищи, подруги, соратники. Эскаваторщики и бетонщики, трактористы и агрономы. Славная молодежь, что не гнушается трудом. Та, что совмещает учебу с работой. Студенты, что несут свою трудовую вахту на уборке могучих целинных урожаев. А среди них и те, которых мы еще не знаем по именам, но скоро узнаем их, те, что пролагают пути в Космос. Славные разведчики Вселенной. Правнуки Циолковского и дерзкие наши современники — шестое поколение Октября! В ваши руки можно смело отдать эту истерзанную землю и это звездное небо.

Выйдет с флажками в руках на улицы, запоет звонкие октябрьские песни в пионерских дружинах и самое юное, — если продлить тот же условный счет, — седьмое поколение революции. Те, кто сейчас приносит пионерскую присягу и кто уже берет в руки комсомольский билет; те, кому учиться и зреть. Вместе со старшими поколениями воинов и труженников приходят они к славному сорокалетию. Им принадлежит то будущее, во имя которого жили и живут, боролись и борются, трудились и трудятся поколения строителей коммунизма!

Эта эстафета поколений прошла в мыслях, как поток лет и просторов. Где же найти эпическую мощь пророков, звонкую силу поэта, трагедийную высоту мыслей и страстей?

Он еще придет, Гомер и вещий Боян славных, неповторимых дел и времен!

АННА КАРАВАЕВА

ЧТО ПИТАЕТ ТАЛАНТЫ

Каждый человек, живущий одной жизнью с Родиной, всегда сознает себя действующей частицей ее героической истории: мы жили в ней, она живет в нас. Октябрьские дни, сорокалетие которых мы сейчас отмечаем, не какая-то туманная даль, о которой вспоминают в торжественных случаях, — нет: они для нас всегда живые, вечно молодые!..

Биография советского человека, особенно перешагнувшего за пятьдесят — шестьдесят лет, — это несколько эпох, заключенных в одной

грудь, это живая связь времен, которые ни в обычаях нашего общества, ни в нашем сознании не распадаются никогда. Мы помним ближайшие к нам прошлые годы, помним и то, что было четверть века назад, помним и то, что было сорок лет назад, — и всегда видим в прошлом истоки наших сегодняшних свершений.

Чем гордились мы в первые годы становления нашего строя, тем продолжаем гордиться и сейчас. Разве можно, например, забыть, с каким гордым чувством вся страна читала Декрет о мире, подписанный рукой В. И. Ленина!.. Юная, только родившаяся власть Советов открыла путь к революционному выходу страны из войны, показав тем самым широким народным массам всего света, что идея борьбы за мир составляет основу советской внешней политики. Миллионы людей, которых нетерпеливо ждали дома их матери и жены, были спасены от смерти. Каждый, кто, как и я в числе многих и многих, ожидал возвращения с фронтов своих близких и любимых, низко кланялся этой молодой власти, обращал к ней радостные слова благодарности. Пусть во всем этом было много личного, сердцем выстраданного, — было и другое, общественно-сознательное начало: вот она, рожденная революцией власть, как поняла она заветное стремление народа к возвращению мирной жизни!

Трудовой народ за это и восславил ее, как власть единственно родную для него и жизненно ему необходимую.

Как ни зелено еще было в то время политическое мышление интеллигентской трудящейся молодежи, мы понимали, почему у молодого государства столько друзей, понимали мы и откуда взялись враги. И, кстати сказать, были они те же, что и сейчас. Да ведь и миллионы простых, до того не искушенных в политике людей, защищая вскоре свою страну от разбойничьего нашествия четырнадцати держав и от внутренней белогвардейской контрреволюции, знали, за что и почему так хотели нас уничтожить, смести с лица земли: наша революция с небывалой силой ударила по всем планам хищников и палачей, которые бешено нажились на войне и хотели продолжать ее. А мы, советский народ, идя за Лениным, за партией, всегда хотели мира и жаждали мирного созидания, хотя на протяжении многих лет нам навязывали войны. Враги мира и прогресса, нападавшие на нас, всегда надеялись, что пламя войны авось пригнет нас к земле, ослабит мощь советского народа. И каждый раз эти господа просчитывались: народ-труженик, руководимый партией, которая вела его по ленинскому пути, отразив врагов, с новой силой и блеском таланта принимался за созидательный труд. Десятилетиями мы видели, как этот всенародный труд побеждал на бескрайних просторах нашей страны, — побеждал не только благодаря умению и мастерству народа, но и его массовому ясному сознанию нашей исторической правоты.

Великая Октябрьская социалистическая революция покончила на веки веков с прогнившим самодержавным строем, который презирали и ненавидели все мыслящие люди России; она открыла новый мир революционных идей, преобразующих сознание, волю, мечты и стремления миллионов тружеников. Когда в беседах с молодежью мне случается рассказывать об этом забываемом, овеянном октябрьскими ветрами времени, некоторые спрашивают меня, почему я рассказываю о нем так, будто те годы были какими-то особо счастливыми, а ведь это было тяжелое время голода и разрухи. Да, представьте себе, отвечаю я, особенное, неповторимое счастье началось для меня именно в те суровые годы. Дело не только в том, что была пора цветущих молодых лет, когда, как известно, все испытания переносятся легче и проще. Нет, дело было совсем в другом.

Вероятно, как и многим, мне открылась истина. Оказывается, кроме счастья любви, материнства, дружбы, кроме радостей, приносимых успехами твоего труда, есть еще особое духовное счастье — счастье познания,

счастье нового понимания действительности. Всем, кто стремился видеть и слышать, партия большевиков открыла подлинную закономерность исторических событий.

И теперь хотелось рассказать это другим людям, хотелось помочь им поскорее убедиться в преимуществах социализма, помочь довериться будущему. Конечно, как общественный работник, да еще в области народного просвещения, я имела достаточно возможностей, чтобы делиться с другими волновавшими меня мыслями и чувствами. Но этого мне было мало — не терпелось воплотить дорогие мне открытия в живые образы, чтобы неизвестные мне люди, которым я горячо желаю того же, чем обладаю сама, заинтересовались чьей-то изменившейся судьбой, смелостью, душевной красотой человека в революции, чтобы задумались и о своей жизни. Так и родилось стремление писать — убеждена, что и многие тогда начинавшие в литературе испытывали примерно то же самое.

— А талант? — спросят у меня. — Разве не в состоянии талант сам по себе, так сказать вне всяких эпох и социальных перемен, вырваться на поверхность?

Но без толчка, а потом без попутного ветра и талант не проявится. Талант, как парус, наполненный свежим и крепким ветром, проявляет себя всего плодотворнее в атмосфере движения, борьбы, победы. Да к слову сказать, разве мало талантов пропадало у нас на Руси именно из-за того, что им не хватало попутного ветра, что их угнетали тьма и несправедливое?

Советская литература — подлинное духовное детище величайшей из революций всемирной истории — родилась в борьбе за новую, справедливую жизнь, росла и развивалась на плодотворной почве социалистического созидания, дышала его воздухом, зажигалась его мечтами.

Откуда ширь и ясность ее горизонтов, богатство сюжетов, многогранность образов, глубина идей?

Что питало таланты наших художников слова, кисти и музыки, что помогало им и набирать высоту и быть всегда близко к земле? Откуда пришло и приходит то вечно живое счастье познания действительности, без которого талант глух и нем? Источник всего этого — всеобъемлющее учение нашей партии, могучий ее опыт, с которым ничто не может сравниться, ее связь с миллионными массами, вместе с которыми в нерушимом единстве творит она великое дело коммунизма.

Враги мира, клеветники и всякого рода скептики и непрошенные «советчики» по вопросам «освобождения» творчества от его священного долга служения народу, от партийного руководства, от верности ленинским заветам партийности литературы продолжают ломать копыта на страницах реакционной печати, взывают все о том же, что и сорок лет назад. Уж если нет у этих господ ни ума, ни сердца, так пусть была бы хоть самая простая логика!

В самом деле, о чем говорят факты? В образах, созданных русской и всей советской литературой, отражены важнейшие этапы истории первого в мире социалистического государства: великие Октябрьские дни, суровые годы гражданской войны, борьба с голодом и разрухой, восстановление хозяйства и переход на рельсы индустриализации, социалистическое строительство и все расширяющийся размах первых советских пятилеток, жесточайшие испытания Великой Отечественной войны, когда народ наш показал высочайшие примеры героизма и преданности Родине. Ни один историк не пройдет мимо художественных свидетельств, созданных нашей литературой, в которых показаны глубинные корни жизни, развития нашего общества и каждого члена его, свободного человека-созидателя, хозяина страны. Несколько поколений писателей вкладывало жар любящего свою Родину сердца в книги, посвященные ее величавому, справедливейшему и бесконечно трудному пути к коммунизму.

А непрошеные советчики и радетели «освобождения» искусства от жизни полагают, что освещать великое преображение страны из технической и культурно отсталой в могучую страну передовой культуры, индустрии и сельского хозяйства можно под каким-то иным, где-то за рубежами «занятым» идейным знаменем?! Да это все равно как если бы меня спросили, можно ли человеку «занимать» где-то мать и отца. Какое безумие, какая ложь!..

Одно у нас духовное родство, одно знамя было, есть и будет — знамя Ленина, знамя Коммунистической партии, знамя марксизма-ленинизма. Только в нем спасение человечества от ужасов войн, от империалистического рабства, от нищеты и унижения. Мы, литераторы, еще многого не сделали, мы еще не умеем охватить все богатство и многогранное движение жизни по пути к коммунизму, но главный смысл и цель нашего творческого труда в том, чтобы помогать этому движению, вдохновлять людей преодолевать все препятствия на этом трудном, но единственно верном и справедливом пути к будущему. Все эти сорок лет мы видели перед собой это будущее, наш сегодняшний день, в действительности нашей мечты заключалась та молодость духа, которая так характерна для советских людей. И мы, люди старшего поколения, старые русские писатели, вступаем в сорок первый год бытия нашего родного социалистического государства с молодой верой в его грядущие победные свершения во славу мира и счастья нашего народа и всех честных тружеников земли.

ВЛАДИМИР СОЛОУХИН

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О СОБСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Оказывается, мир — это что-то гораздо большее, чем расстояние от лавки в переднем углу до полатей или от Петра Семенычева сарая до Ефимова амбара. Мир — это даже не то, что увидишь, забравшись на высокую липу и оглянувшись на все четыре стороны: вон деревни Брод, Негодяиха, Останиха, Курьяниха, Куделино, Зельники... Вон Плаксинские кустики, а вон и сама Журавлиха.

Все это хорошо, но, оказывается, есть еще страна Италия, очертаниями схожая с сапогом, и Скандинавский полуостров, похожий на прыгающую кошку. Учительница показывает нам, а мы запоминаем.

Оказывается также, что мир начался не вместе с нами, но что-то было и до нас, например, Парижская коммуна и Октябрьская революция.

Мы, родившиеся в середине двадцатых годов, естественно, стали понимать это лишь в тридцатые годы. Восстание декабристов, Парижская коммуна и Октябрьская революция для нас казались тогда уже одинаково далекими историческими фактами.

Так человеку, родившемуся в 1957 году, будет, когда он осознает себя, далекой историей казаться Великая Отечественная война.

Он не сразу научится понимать, что мог бы родиться рабом, а не гражданином Советского Союза, а мог бы и совсем не родиться, потому что мать его угнали бы в фашистское рабство, а отца казнили бы за то, что он коммунист.

Сам я, если признаться откровенно, довольно поздно задал себе вопрос: а что было бы со мной, кем бы я родился, чем бы занимался, что бы и кто бы я был, если бы за семь лет до моего рождения не произошла Великая Октябрьская революция.

Положим, начальная школа в нашем селе была давным-давно. Говорят, что она называлась церковно-приходской. Но ведь ни у кого из нас — ни у меня, ни у моих сверстников: Васи Кузова, братьев Грубовых, братьев Черновых, — ни у кого из нас и мысли никогда не было остановиться на четырех классах начальной школы.

Как-то решилось само собой, что мы стали учиться в семилетке.

Это «само собой» потом часто будет встречаться в нашей жизни, и только позже мы поймем, что вовсе тут все не само собой, но что за все уже на сто лет вперед оплачено кровью борцов семнадцатого года.

Так, например, после окончания семилетки я собрал чемоданишко и уехал «в город». Так называлось у нас уехать во Владимир, потому что не было поблизости других городов. Само собой совершилось, что стал я учеником средней школы № 1, которую во Владимире зовут образцовой. Тогда я ни минуты не задумывался, почему ее зовут образцовой и почему я «само собой» начал учиться в такой школе. Теперь я знаю, что образцовой ее звали по старинке: некогда это была губернская образцовая гимназия.

Вот, значит, и первая разница. Уж наверное в губернскую образцовую гимназию, где учились дети с Дворянской улицы (ныне улица III Интернационала), не поступить бы мужицкому сынишке из глухого села Алепина. А если бы, чтобы поиграть в либерализм, и приняли для экзотики одного-двух, то ничего бы это не изменило. А ведь весь наш класс 8 «Б» — это были дети рабочих и крестьян.

Когда же мне захотелось получить техническую специальность, я был принят в механический техникум и стал учиться там и получил диплом техника-технолога, все это я воспринял как должное, и все совершалось так, как будто кто-то заранее приготовил для меня и самый техникум, и общежитие при нем, и ежемесячную стипендию, и темно-синюю книжицу диплома, и, наконец, должность на заводе.

Нам, выпускникам, диким показалось бы, если бы кто-нибудь сказал: ну что ж, выучились, а теперь ступайте на все четыре стороны, сами ищите себе работу, сами устраивайтесь в жизни как хотите.

Это другое дело, что нам, восемнадцатилетним паренкам, не пришлось и дня проработать в новых должностях, потому что подоспела другая работа. Шел 1942 год, и немцы рвались к сердцу Кавказа.

С каждым годом все разительнее разница в судьбах меня, живущего сегодня, и того воображаемого меня, который жил бы на земле, не познавшей Октябрьской грозы.

Россия без индустриальных пятилеток, без социалистической системы ведения хозяйства, конечно, не устояла бы под ударами гитлеровской военной машины, и рабство, унижительное и беспросветное, поглотило бы русский народ. И каждый сын его и каждая дочь его разделили бы с ним горькую эту судьбу. Значит, начались бы годы подпольных мыслей, подпольных чувств, подпольного накопления сил, которые, конечно, рано или поздно разметали бы все и вся, что придавило народ к земле, потому что никто и ничто не может держать согнутым целый народ безгранично долгое время.

Вместо всего этого после окончания войны я поступил в Литературный институт имени Максима Горького.

Литературного института, конечно, и в помине не было бы при иных исторических условиях, а если бы и возникло учебное заведение похожего типа, то, конечно, оно было бы одним из самых привилегированных и, значит, самых недоступных для нас заведений.

Кирзовые сапоги и полинявшие от соли гимнастерки, в которых пришлось в институт наше поколение, вряд ли явились бы пропуском в Царскосельский лицей.

Василий Федоров и Маргарита Агашина, Владимир Тендряков и Лидия Обухова, Юлия Друнина и Николай Старшинов, Майя Ганина и Семен Шуртаков, Константин Ваншенкин и Григорий Бакланов, Юрий Бондарев и Евгений Винокуров, Эдуард Асадов и Ольга Кожухова, Юрий Трифонов и Евгений Елисеев, Игорь Кобзев и Алексей Марков, Анатолий Лёвушкин и Григорий Поженян, Семен Сорин и Инна Гофф, Михаил Годенко и Виктор Гончаров, Лариса Федорова и Александр Парфенов, Виктор Ревунов и Николай Евдокимов, Расул Гамзатов и Наби Бабаев, Анна Ковусов и Отар Челидзе..

Я мог бы называть и называть имена моих сверстников, учившихся в Литературном институте вместе со мной и теперь плодотворно, каждый в меру своих сил и таланта, работающих в советской литературе.

Вот я и думаю, какова была бы судьба всех нас, если бы за несколько лет до нашего рождения не произошло Октябрьской революции.

Просто-напросто не было бы нас как таковых, ибо творческие индивидуальности большинства из нас, проявившиеся теперь, скорее всего погибли бы под спудом, не имея возможности проявиться.

Может быть, от слишком частого употребления мы привыкли к словам: «Советская власть открыла дорогу...», «Советская власть сделала возможным...», «Советская власть вывела в люди...»

Но ведь в этом-то и заключается правда. Да, открыла дорогу, да, сделала возможным, да, вывела в люди.

И мы, выведенные в люди, не должны забывать своего неоплатного долга перед Советской властью.

СЕРГЕЙ ЗАЛЫГИН

ВЫСОКАЯ ЦЕЛЬ

История знала много революционных событий, но такого, как Великая Октябрьская социалистическая революция,— никогда.

Никогда мир не знал ничего подобного, ибо он существовал в своей предыстории, и только Россия распахнула первую страницу его подлинной истории, смысл и содержание которой было гениально угадано Марксом.

В октябре семнадцатого года мир как бы раскололся надвое, и с тех пор судьбы человечества — это не что иное, как исход борьбы, исход соревнования между социализмом и капитализмом.

Человек, глубоко уверенный в своей правоте и силе, безбоязненно вступает в соревнование с противником.

И социализм идет на мирное соревнование с капиталистическими странами, с самой сильной из них, с США, и не боится сравнений.

Промышленность? В моем городе Новосибирске выпуск промышленной продукции в минувшем году возрос в 932 раза по сравнению с 1913 годом, а в целом по Советскому Союзу — в 27 раз.

Сельское хозяйство? За последние три-четыре года сбор пшеницы увеличился у нас в стране в полтора раза, мяса мы стали получать больше на тридцать процентов, молока — на двадцать. Это — начало того соревнования, в котором мы хотим догнать Соединенные Штаты по производству масла, молока и мяса на душу населения.

Образование, культура? Нужны ли здесь цифры? Достаточно сказать, что неграмотная в недавнем прошлом Россия нынче больше всех других стран издает и читает книг.

Наука, техника? Маленькая красная звездочка первого искусственного спутника Земли на весь мир прославила научный, технический гений советского человека.

Военная мощь? В ней противники социализма могли убедиться очень хорошо, очень наглядно.

Условия нашего соревнования с капитализмом далеко не равны.

Они неравны потому, что каждая процветающая и просто благополучная человеческая судьба там, в капиталистическом мире, оплачена потом, кровью и даже жизнью черных, желтых и белых рабов, в то время как мы живем за свой собственный счет и, более того, оказываем неизменную помощь народам других стран.

Условия этого соревнования неравны потому, что ни одна страна не перенесла столько суровых войн и не претерпела за последние сорок лет столько разрушений, как наша. Условия этого соревнования неравны, наконец, потому, что все шаги социализма в области его экономики, культуры, его политики и государственного устройства — это шаги, сделанные людьми впервые, за которыми еще нет большого опыта, выучки, нет истории, это первые шаги, но в этом новом — и наша необыкновенная сила.

Пройдут годы, и в мире не останется ни одной капиталистической страны с более мощными экономическими показателями, чем наши, и тогда капитализм для своего оправдания должен будет изобрести еще более призрачную и шаткую концепцию, чем та, которой он пользуется сейчас, доказывая «преимущества» капиталистического образа жизни.

Не впервые в споре с нами капиталу придется начисто отказываться от им же самим созданных «незыблемых» и «непоколебимых» утверждений. Ведь утверждалось же в свое время, что Советская Россия не просуществоет и месяца?

Что планы наших пятилеток — блеф, обман, безрассудность?

Что во второй мировой войне наше социалистическое государство погибнет раз и навсегда?

Что нам не справиться с задачей запуска первого спутника Земли?

Эти и другие такие же утверждения, все, сколько их было, пошли прахом, а объективные законы развития человеческого общества, которыми руководствуется социализм, восторжествовали.

И нужно думать, что уже сейчас наиболее дальновидные издатели и редакторы буржуазной прессы заказывают тексты пластинок, которые они заведут, лишь только Советский Союз по всем экономическим показателям обойдет все капиталистические государства.

Поторапливайтесь, господа!

Вернее всего, вы снова и снова, несмотря ни на что, будете расхваливать свою «демократию».

Колхозный плотник Федор Лошкарев в Тарском районе, Омской области, человек не очень грамотный, неторопливый, вдумчивый, как-то, между делом свертывая сигарку, помнит, сказал мне:

— Ты вот что, товарищ писатель, написал бы как-нибудь, выбрал бы время, капиталам от меня. Ежели у них там действительно демократия, пусть она постановит, чтобы десять самых матерущих миллионщиков сдали бы свои миллионы народу. Оставить, сколько нужно, себе на пропитание, на одежду, ну, там на кино — остальное народу. Вот тогда я поверю ихней демократии. А без этого ясно: не демократия правит, не она сильнее, а те десять тузов правят демократией!..

Со времени этого разговора прошло немало лет, но и сейчас, разумеется, Федор Лошкарев имеет все основания послать такое письмишко «капиталу».

Свобода свободе рознь!

Можно помпезно похоронить свою безвременно усопшую собачку, поставить ей памятник. Это — куда ни шло, это хоть и противно здравому смыслу, хоть еще раз унижает достоинство неимущих, которые детей своих хоронят куда более скромно и не ставят им памятников, но по крайней мере это не угрожает ничьей жизни.

А можно, пользуясь свободой, писать комиксы для детей младшего возраста, преподнося деткам рецепты, как поскорее избавиться от своего папы и от своей мамы. Отчего же нельзя, если издатель соглашается выплатить гонорар?

И, наконец, гонорар безусловно обеспечен, если с парламентской трибуны, со страниц газет и журналов призывать людей к взаимному уничтожению.

Свобода грабителя, эксплуататора, куклуксклановца еще никогда и никому не делала чести.

Демократия капитала? Она тоже стоит не так дорого.

Видимо, это самые рьяные приспешники демократии бросают бомбы в окна школ только потому, что в этих школах учатся «черные» дети, это они «прославили» Литл-Рок.

Однако я так думаю: если бы капитал, вложенный в дело борьбы за равноправие негров, приносил двадцать—двадцать пять процентов годовых, скоро в США негры стали бы самой привилегированной нацией.

Но речь-то идет о человеческом отношении к человеку, о гуманных традициях, созданных обществом человеческим в отличие от других живых существ, речь идет о чести страны и той же самой демократии — всего-навсего об этом. А все это котируется на свободном рынке в грошах.

Никогда еще ни один успех — творческий или экономический, в области ли искусства или производства — не был достигнут при отсутствии ясного и определенного стремления к этому успеху, без стремления к цели.

Для каждого гражданина социалистического мира цель его существования ясна: он создает равноправное, справедливое коммунистическое общество. Эту цель можно назвать единственной, не потому что она действительно одна: человек в соответствии со складом своего характера, способностями и склонностями имеет множество других, личных устремлений. Эта цель единственная, так как она превышает всех других, главная, главнейшая. Она — та сила, которая объединяет людей в единое по духу и смыслу общество, которая одна только способна опровергнуть принцип «человек человеку — волк».

А для того, чтобы направлять общество к единственной цели его существования, нужна и единственная партия — коммунистическая.

В капиталистическом мире такая цель существования отсутствует, капитал не может обещать людям ничего, кроме дальнейшего обогащения меньшинства за счет большинства. Так как явное большинство людей заведомо не устроит такая перспектива, существует огромный механизм, призванный утверждать, что у общества нет ясных целей его существования. Этот механизм называется буржуазной демократией. Он создает видимость свободной борьбы мнений вокруг тех вопросов, которые уже предпрешены капиталом в свою собственную пользу, он систематически отучает человека задумываться над судьбой человечества, он, этот механизм с его прессой, пропагандой, искусством и литературой, приучает человека мыслить категориями только сегодняшнего дня, текущими спорами, дразгами и пикантными происшествиями.

Одновременно работает не один, а два механизма. Первый — пресс, которым горстка магнатов выдавливает из общества прибыли, — это дик-

татура капитала, второй призван делать улыбки на лицах тех, кто попадает под пресс,— это «демократия».

Двигатели соединены синхронно: чем больше давление, тем громче кричит и яростнее бьет себя в грудь «демократия».

Литературе в этом механизме предоставляется сомнительная свобода — свобода более или менее занимательной, более или менее художественной, более или менее талантливой и даже более или менее претендующей на гениальность болтовни.

Разумеется, не вся литература капиталистического мира такова.

Мы хорошо различаем одних от других — тех, кто чувствует тревогу за судьбы людей, кто хочет честно служить людям вопреки всему, от тех, кто поддается соблазну болтовни.

Коммунистическая партия на протяжении всего своего существования возлагала, возлагает и будет возлагать на писателя нелегкую обязанность — служить народу, служить той цели, к которой наш народ стремится. Она воспитывает в нас чувство ответственности перед народом, ответственности за его судьбы, она призывает нас к тесной связи с жизнью народа, она видит в нас своих верных помощников.

Да, писать, творить при таких условиях несравненно труднее, чем просто болтать — мило или сварливо, лирически или трагически, — все равно.

На этом пути, при этих условиях самый смысл успеха и неуспеха литературного произведения становится иным: успех литератора становится успехом партии и всего народа, а неудачи и ошибки переживаются литератором острее и больнее, заживают медленнее, потому что каждый советский литератор понимает: его личная ошибка становится оружием в руках его недругов и недругов его народа.

Но кто из советских писателей откажется от этой доли, от этих обязанностей помощников партии, от чувства ответственности, которые партия в нем воспитывает? Никто! Тот, кто отказывается от истинного назначения искусства, не дорог ни искусству, ни людям.

Нашему обществу сорок лет.

Сорок лет всему, что носит название «советский», — Советскому государству, советской науке, советской культуре, советским людям...

Да, мы миновали пору молодости, сорок лет — это пора зрелых размышлений и могучих замыслов. Но оглядываясь на свою молодость, мы не сможем упрекнуть себя в напрасно потерянном времени: чувство ответственности перед историей жило в нашем советском обществе с первого дня его существования.

Нам сорок лет.

Весь прошлый опыт человека, вся его вера в будущее как бы сосредоточиваются в нем к сорока годам.

В сорок лет в человеке — и стране! — созревают самые точные и самые дерзкие замыслы.

ЛЕВ НИКУЛИН

ОБРАЗЫ ПРОШЛОГО

Человек, старающийся вспомнить исторические события, свидетелем которых он был, представляет себе их не во всем объеме, а чаще всего в отдельных подробностях, почему-то запомнившихся особенно ярко. Так запомнился мне пасмурный день, вернее сумерки, 27 октября 1917 года в Москве. День прошел в суете, в городе возникли смутные слухи о событиях в Петрограде, о том, что готовится выступление красногвардейцев...

В то время, в октябре 1917 года, я жил в переулке у Петровских ворот. Вернувшись в свою студенческую комнату, взял книгу и попробовал читать. Хотя день был прохладный, но окно было открыто, и когда почти стемнело, в открытое окно ворвался грохот ружейного залпа... Именно в эту минуту юнкера открыли огонь по проходящим по Красной площади двинцам — революционным солдатам, о которых в то время злобно писали в буржуазных газетах.

И эта перестрелка на Красной площади означала начало вооруженного восстания в Москве — начало длительных и кровопролитных уличных боев...

Не стану описывать день за днем то, что происходило в различных районах Москвы; наш район был с самого начала во власти восставших, и, насколько я помню, конные милиционеры, расположенные на Петровке, в казармах бывшего жандармского дивизиона, сразу перешли на сторону Советской власти. О том, что происходило в доме, где я жил, тоже не стану рассказывать, чтобы не повторяться. Об этом подробно и без преувеличений рассказано в романе «Московские зори», написанном мной через много лет после Октябрьских дней в Москве.

Обычно читателей интересует, в какой степени описываемые в произведении писателя события являются вымыслом и в какой степени они взяты из жизни. В этом случае в главах, где описываются эпизоды Октябрьского восстания в Москве, вымысла почти нет; жильцы дома, их переживания, их быт в эти грозные дни в романе изображены точно и правдиво. Правда, в одном случае автор перенес эпизод, происшедший в переулке у Петровских ворот, на Остоженку, но самый-то случай имел место в действительности.

Тот, кому довелось прочитать роман «Московские зори», возможно, запомнил главу, где герой романа приводит тяжело раненного матроса в квартиру своих родственников. Матрос остается в квартире военного врача Артемьева до конца уличных битв в Москве, до победы Советской власти...

Этот случай тоже произошел в действительности, и именно в той квартире, где жил автор романа, и он, как мне кажется, интересен, потому что имел продолжение, не описанное в книге.

Комната моя находилась в квартире известного московского врача В. Я. Зеленина, ведавшего всеми московскими городскими госпиталями. О моем хозяине, почти никогда не бывавшем дома, кстати говоря, не раз упоминает в своих мемуарах недавно умершая писательница Шепкина-Куперник. Хозяйством Зелениных ведала милая старая женщина — Матреша, прослужившая в этой семье не одно десятилетие. И вот, в дни Октябрьских боев в Москве, однажды на рассвете послышался стук в «парадную» дверь, у которой по случаю событий дежурили жильцы. Дверь открыли после долгих переговоров. Солдат и штатский-красногвардеец привели с собой раненого матроса. Он держался мужественно, хотя очень страдал; у него была раздроблена голень. Матрос был ранен выстрелом с чердака — видимо, кто-то за ним охотился: в те времена слова «матрос» и «большевик» были синонимами.

Матрос оказался родным сыном Матрешы. Его поместили в квартире. Доктор, живший в этом же доме, — отнюдь не хирург, а терапевт — сделал ему перевязку. Матрос был рослый, красивый парень, подводник, прошел всю войну и в Москву прибыл с отрядом балтийцев, направленных по приказанию В. И. Ленина из Питера в Москву на помощь восставшему народу. На второй день матроса ранили, и он попросил товарищей отвести его в дом, где жила его мать.

Таким образом мы узнали из «первоисточника» о том, что произошло в Петрограде, — о провозглашении Советской власти. Надо сказать, что

в те дни о победе Октября в точности знали пока лишь немногие москвичи.

И еще довольно подробно рассказывал раненый матрос о взятии Зимнего, о том, как матросы и красногвардейцы проникли через не известные охране дворца проходы и отрезали часть здания.

На этом, собственно, рассказ о раненом матросе-большевике, которого приютила мать, можно было бы закончить. Моряк пробыл у нас несколько дней, а затем товарищи увезли его в госпиталь.

...Прошло три года.

Осенью двадцатого года мы, политработники Красного Балтийского флота, жили в Петрограде, в «Отеле Петросовета» — так именовалось общежитие на Троицкой улице. Однажды, возвращаясь туда из Адмиралтейства, я встретил красного командира и узнал в нем моего старого знакомого — матроса, раненного в Москве в дни Октября. Оказалось, он сражался потом на Южном фронте, помнится, командовал полком. Беседовали целый вечер, вспоминали первую встречу, его мать; Матреша была еще жива и жила там же. Доктор Зеленин умер где-то в Сибири от тифа.

И тут, во время беседы, мне пришла в голову одна мысль: в то время мы готовили массовое действо — постановку «революционной мистерии» «Взятие Зимнего дворца» по случаю третьей годовщины Октябрьской социалистической революции.

На следующее утро бывший матрос присутствовал на совещании в штабе округа. Здесь собрались театральные деятели, режиссеры, художники, политработники, обсуждавшие сценарий «революционной мистерии». Насколько я помню, присутствовала и Мария Федоровна Андреева — комиссар зрелищ Петрограда, в прошлом известная артистка Художественного театра, старый член партии с дореволюционных лет.

Матрос рисовал нам карандашом план дворца и тот ход, через который наступающие проникли в здание, но больше всего его интересовала сама «революционная мистерия» и весь замысел этого грандиозно задуманного массового действия.

После совещания мы вместе возвращались из штаба и, перед тем как проститься, долго говорили о том, можно ли было думать три года назад, что 7 ноября 1920 года на площади Зимнего дворца картина революционного штурма будет воспроизведена как массовое зрелище для петроградского пролетариата.

А между тем так оно и было, несмотря на то, что контрреволюция еще не была сломлена, барон Врангель готовил наступление на Юге и предстояла еще война с белополяками...

За две недели до 7 ноября 1920 года на дверях «собственного его величества» подъезда Зимнего дворца появилась самодельная вывеска: «Штаб по проведению Октябрьских торжеств».

Штаб действовал по-военному, мобилизованы были не только моряки и красноармейцы, но и артисты, художники и даже балет. На Дворцовой площади, по левую руку от арки Главного штаба, построили эстраду, вернее — сцену невиданных размеров.

Налево и направо от Александровской колонны воздвигли временные деревянные трибуны. Репетиции происходили в Гербовом зале Зимнего дворца. Мы провели несколько ночей во дворце, спали в шинелях в покоях Александра II.

Никакого текста, никаких диалогов в мистерии не могло быть. Мало того, так как фигурка Керенского на фоне гигантской сцены безусловно пропала бы, роль Керенского исполняли десять одинаково одетых во френч и краги, с портфелями под мышкой статистов. Таким образом, на огромной сцене действовали одновременно и двигались, повторяя друг

друга, десять Керенских; одновременно прыгали они в десять автомобилей и одновременно удирали.

Все это происходило на фоне гигантских декораций, изображавших залы Зимнего дворца. Там же, помнится, показывали подобие не то бала, не то приема, причем на сцене появлялись десятки декольтированных дам, изображавших «разгул буржуазии».

Зрелище получилось очень внушительное. Сначала оно шло на сцене у здания Главного штаба. Там показывали то, что происходило внутри дворца, сцены паники, бегство Керенского. Затем действие переносилось в самый дворец и отчасти на Неву. Исторический крейсер «Аврора» с утра прибыл из Кронштадта в Петроград и стал на якорь у Николаевского моста.

Как только сбежал Керенский (вернее, десять Керенских), окна по всему фасаду дворца осветились, и в освещенных окнах, как на транспаранте, появились движущиеся силуэты сражающихся.

Затем дважды выстрелила пушка «Авроры», вспыхнули лучи прожекторов. Посередине площади, огибая Александровскую колонну, ринулись тысячные толпы — десять тысяч участников штурма дворца с оружием в руках. Добежав до дворца, они развернулись во фронт, и над ними заколыхались сотни красных знамен. На крыше Зимнего вспыхнула алая звезда. Все дрогнуло вокруг от громового, торжествующего, победного «ура»...

На этом окончилось массовое действо — последняя «революционная мистерия», поставленная в таких громадных масштабах в первые годы революции.

Вспомним те годы — разруху, голод, блокаду, еще не завершившуюся гражданскую войну. Какая незыблемая вера в конечную победу, какая жажда искусства жила в сердце народа, с таким энтузиазмом праздновавшего в эти суровые годы третью годовщину Октября!

НА СОРОКОВОМ ГОДУ

Очерки наших дней

Я. ТАВРОВ

★

ИМЕНИ ВЛАДИМИРА ИЛЬЧА

Завод на Щипках

В 1847 году англичанин Гоппер основал в Москве, на Щипках, механический завод. В туманной дали теряется день, когда разорившиеся голоштаные мещане и отпущенные на оброк крепостные вошли под низкие своды литейной, только что окропленной «святой» водой.

Еще отбывают свой срок в Забайкальских рудниках декабристы и свист николаевских шпицрутенов рассекает просторы Российской империи, еще жив Белинский, еще не вышел в свет «Коммунистический манифест», еще ездят на перекладных,— а за Серпуховской заставой, на Щипках, возникает новый, пока еще маленький отряд нарождающегося рабочего класса.

Нам не известно, оправдала ли Москва ожидания предприимчивого англичанина. Очевидно, да. Потому что в начале этого века с завода кормятся уже трое братьев Гопперов и где-то под столицей основывается их новое предприятие.

В 1913 году, после семидесятилетнего существования, заводик на Щипках, согласно справочнику о предприятиях России, обладал энергохозяйством в... четыре паровых двигателя мощностью в 120 лошадиных сил. Кроме того, имелись две вагранки, два паровых молота и сотня с лишним станков. Не станем гадать, какие доходы выколачивали из рабочих братья Гоппер, — не столь уж любопытно это для нас. Но из архивов извлечены документы, которые проливают свет на другой, более важный процесс — обогащение самих рабочих. Оно заключалось не в каменных палатах, не в сукнах и даже не в сбереженных на черный день медяках, а в самом ценном достоянии пролетариев — революционном опыте. Чем дальше от наших дней, тем меньше свидетельств о нем. Однако среди них есть одно, которое дает нам в руки важную нить.

В середине девяностых годов на заводе уже существует рабочий кружок. В него входят все модельщики вместе с мастером Малининым. Кружком руководит профессиональный революционер и марксист С. И. Мицкевич, впоследствии один из основателей Московской социал-демократической организации. Он едет летом 1893 года в Нижний и встречается там с В. И. Лениным. Во время бесед о политической обстановке в Москве Мицкевич, естественно, не мог не рассказать о заводском кружке. Так, за четверть века до лета 1918 года, когда вожь победившей пролетарской революции впервые приедет к бывшим гопперовским рабочим, Ленин узнал о заводе, дружба с которым не оборвется до последних дней его жизни.

Но и это не все. В Москве в девяностых годах жили Анна и Дмитрий Ульяновы. Оба они были знакомы с Мицкевичем. Обнаружена

справка департамента полиции о том, что Анна Ильинична «имела связи с рабочими кружка Мицкевича». На этом следы не обрываются. Представим себе старую, скованную декабрьским морозом Москву 1893 года. Накатанный, упругий снег скрипит под полозьями санок, уносящих с недавно построенного Курского вокзала молодого крутослобого человека в черном с мерлушковым воротником пальто. Его худощавое лицо обрамляет небольшая светлая бородка с рыжинкой.

Это молодой Ленин прибыл во вторую столицу для разведки революционных сил. Он выступает на сходке московских социал-демократов; на нее приглашен один из участников заводского кружка, что на Щипках.

...Как по добытым из шурфа мельчайшим осколкам пород геолог судит о строении огромных массивов, так эти извлеченные из архивов детали позволяют воскресить глубочайшие исторические процессы. Неважно, что поле действия — небольшой завод на Щипках, то же происходило повсюду. Люди пока что чаще боролись не с хозяином, а лишь с его самоуправством. Но и такая борьба объединяла.

Из чувства общности рождается сознание силы. Для завода наступает пора первой маевки. Она проводится настолько удачно, что жандармы узнают о ней только спустя два года, по случайно найденной фотографии. Так одновременно возникают и конспиративная сноровка и революционная традиция.

Словно какой-то могучий насос нагнетает свежий воздух в удушье фабричной неволи. На сквозняке по-иному дышится, по-иному думается. Это работает партия. Уже не против самодура-мастера, не против штрафов и заборных книжек — на самого батюшку-царя и его присных замахивается русский пролетарий.

Пора сквозняков миновала, близится буря.

Проходит всего одно десятилетие с того дня, когда маленькая горсточка революционеров слушала Ленина в доме Залесской, что стоял на углу Воздвиженки и Арбатской площади, и Красная Пресня уже покрылась баррикадами декабрьского восстания.

Минуло еще десять лет. Разразилась первая мировая война. Гопперовским рабочим выпадает «высокая честь» погибать в Мазурских болотах и на полях Галиции за преуспевание английских и французских капиталистов, а в купе с ними и отечественной буржуазии. Ее представитель — золотопромышленник Михельсон, — прихватив солидную субсидию из казны, покупает у Гопперов завод на Щипках и обязуется организовать на нем выпуск двух миллионов гранат по 12 рублей за штуку.

Об этом стоит упомянуть уже по одному тому, что для налаживания боеприпасного дела приглашаются из Петербурга в новый гранатный цех металлисты-путиловцы. Среди них оказалось несколько стойких большевиков.

Так на Щипках слились в один поток два революционных ручья — свой, коренной, и петроградский.

Не удивительно, что после февраля 1917 года завод Михельсона (так он теперь назывался) стал одним из оплотов большевиков в Замоскворечье.

В парткоме

...Ну и невезучий день! Недалек вечер, а я почти ничего не успел: дела в партийном комитете завода идут плотным косяком, и Федор Григорьевич никак не может вклинить между ними не столь уж срочную беседу со мною. Сейчас его вызывают в райком.

— Вот ознакомьтесь для начала, — говорит Федор Григорьевич, оставляя меня одного.

В моих руках — увесистая стенограмма общезаводского производственного совещания, а на душе — чувство досады. Куда бы лучше поговорить с Резниченко, чем изучать бумаги.

Я прочитываю несколько страниц, и мое настроение круто меняется. Секретарь парткома сделал больше того, что я мог ожидать: он открыл мне дверь в самое нутро заводской жизни. Осматривайся, мол, товарищ, выбирай сам, что тебе приглянется у нас.

Документ этот возник по примечательному поводу. Уже ряд лет завод имени Владимира Ильича идет в первой когорте столичных предприятий. Возьмем ли мы производительность труда или себестоимость, завод из пятилетки в пятилетку намного опережает плановые задания. В 1955 году завод при незначительном увеличении численности рабочих дал почти вдвое больше продукции, чем в 1951 году. В первые годы шестой пятилетки завод не сдал своих позиций.

И вдруг ильичевцы узнают: в далеком Кемерово, на заводе такого же профиля, трудоемкость электродвигателей значительно ниже, чем у них, — следовательно, там работают лучше. Правда, это — новое предприятие, его не тянет вниз устаревшая, не поддающаяся механизации литейная; оно строилось с учетом заданной технологии, а не мучительно приспособлялось к ней. Но разве дело в скидках? Ими не успокоишь сердце. На заводе привыкли тем больше дорожить производственными победами, чем больше изобретательности и слаженности требуют они.

Производственное совещание, о котором идет речь, созывалось не для того, чтобы объяснить отставание, а чтобы покончить с ним. Конструкторы, технологи, мастера выявляли явные и подспудные резервы, обнажали несовершенства технологии, атаковали руководителей, друг друга. Это был обычный для нас, невозможный без взаимных обид труд самоисправления. Мы зовем его критикой и самокритикой.

Молодой мастер Маргарита Белова, недавно окончившая институт, насадала на инженеров, годившихся ей в отцы. Это никого не удивляло — новый глаз часто видит зорче и острее. Люди толковали об очень специальных вещах — унификации деталей, заливочном конвейере, манипуляторах и тому подобном, однако за инженерными спорами вставляли характеры. Мне хочется еще раз перечитать стенограмму, но возвращается Федор Григорьевич.

Сегодня Резниченко решительно недосыгаем. Пока он отсутствовал, набежали другие неотложные дела. Приходится перекочевать в маленькую приемную. И тут «невезение» снова оборачивается для меня удачей.

В комнатке идут разговоры на очень острые темы. Первые месяцы работы совнархоза... Подготовка к переходу на семичасовой рабочий день... Новая серия электродвигателей... Фестивальные заботы... Заселение нового дома... Со всеми этими и многими другими проблемами идут в партком люди.

Многотиражка обрушилась на конструкторов, и они явились объясняться к Резниченко. Возникла мысль собрать материалы об истории завода, и рабочие пришли в партком посоветоваться. Вот из рук в руки бережно передается редчайшая фотография — группа рабочих, внизу дата: 1917 год. Все так и впились в снимок.

— Поглядите, Стрелков! — восклицает кто-то.

— А вот Уваров, — замечает другой.

— Уваров... — вполголоса произношу я, — мне где-то встречалось это имя.

— вполне возможно, — соглашается почтенного вида мужчина с тяжелыми, усталыми веками и выбеленной годами шевелюрой. — Об Андрее Уваровиче в Музее революции есть документ. Это он ездил к Ленину в 1917 году насчет передачи рабочим завода.

Оказывается, Иван Иванович Калачов — мой собеседник — как раз и принес эту фотографию. Он бережно завертывает ее в большой белый лист бумаги и кладет на колени.

Из кабинета выходит Федор Григорьевич. Заметив Калачова, быстро приближается к нему, и снова все склоняются над снимком.

— Спасибо вам, Иван Иванович, за эту реликвию, — говорит Резниченко. — Сегодня вечером у нас встреча со старыми большевиками. Обещал приехать и Уваров...

Перекличка

Подобной переклички мне еще никогда не доводилось слышать. Ее начал Андрей Уварович Уваров. Он не председательствовал, в обычном смысле этого слова, а словно вел застольную беседу, направляя общее течение мыслей. Он положил на стол большие выразительные руки, а сам, даже сидя в кресле, поражал масштабами огромного, не утратившего крепости тела. И в лице его тоже все было очень большим, ясным, добрым.

Вначале слово дали старейшим рабочим — Буданову и Веселову. Каждый из них потрудился на заводе шестьдесят лет и только недавно, получив заводской пропуск с надписью «без срока», ушел на покой. Но и теперь стариков связывало общее дело — совет ветеранов, созданный на заводе. Они и вправду выглядели ветеранами, и в их сухости, замедленных движениях, во всем облике ощущались те почтенные годы, перед которыми хочется склонить голову.

Это чувство возрастной дистанции оказалось очень мимолетным. Оно исчезало по мере того, как поднимались на трибуну бывшие красногвардейцы, участники Октябрьских боев в Москве — люди, с которыми мы работаем бок о бок, спорим порой до хрипоты и не всегда помним, чем им обязаны.

Закончив трудовой день в Институте физики Земли, приехал сюда Андрей Уварович. Из Ленинской библиотеки добирался на завод старый большевик Иосиф Иванович Антонов, чудесный, не по возрасту стремительный человек, очень похожий своей остроконечной бородкой и еще чем-то другим, неуловимым, на героя Парижской коммуны Дамбровского. После лекции поспешил к ильичевцам сухопарый, по-командирски подобранный Чиненов, в Октябрьские дни член Военной комиссии Московского комитета партии.

Полчаса назад сдал свою смену старший мастер Михаил Подкопаев. В это время товарищ его юности, видный станкостроитель, оставшийся навсегда для Подкопаева Петей Ермаковым, подписывал государственной важности документы. Они сидят теперь рядом, старые друзья, вспоминают былое. Разными дорогами вела их жизнь. Один врос в завод, не мыслит себя без него, без родных Щипков, другой — где только не побывал, каких только масштабов дела не выполнял; одного избирали в завком, другого — в Верховный Совет. Товарищи, случалось, не виделись по доброму десятку лет, но всегда помнили друг о друге. Можно забыть многое, но разве сотрется в памяти звонкое майское утро, когда в подмосковной роще, в Черемушках, двое молодых красногвардейцев учились стрелять из одной винтовки! Тогда они впервые встали в еще нестройные красногвардейские ряды. Годы основательно изредили этот отряд. Одних унесли белогвардейские пули, других — тиф, третьи не вернулись с хлебозаготовок, четвертые... да разве все перечтешь!

Но уцелевшие и теперь стояли в одном строю. Они сейчас делились с заводской молодежью пережитым, немолодые, но на редкость энергичные, закаленные жизнью, твердые люди. И каждый из них по-своему воплощал неистребимую силу великого поколения.

Переключка старых большевиков продолжалась. Я слушал ее и думал, почему нас так волнует простая мысль: в наши дни еще здравствуют и плодотворно работают рядовые зачателси нового общества, разумность и справедливость которого познает ныне на опыте ни много ни мало — одна треть человечества. В самом деле, почему так волнует эта мысль? Разве то удивляет нас, что люди, перешагнувшие за шестой или даже седьмой десяток, сохраняют работоспособность? Нет, не это, а совсем другое.

Для отсчета истории и человеческой жизни всегда существовала одна хронологическая мера — год. Она значила много в биографии личности и ничтожно мало в жизни народа. Не год, а десятилетия уходили унылой чередой, не внося никаких перемен в условия существования огромных масс. Время не прибавило большинства людей к исполнению самых простых желаний, а, напротив, относило их от цели. Люди жили и не жили. Но ничто из сотворенного ими не пропадало бесследно. След оставляла и песня, сложенная в народе, и смекалка мастерового, и опыт землепашца. Но движение вперед совершалось невероятно медленно.

Землю опустошали голод, мор, войны, но если бросить на одну чашу весов унесенные ими жизни, а на другую — всех загубленных беспросветностью существования, перевесила бы вторая чаша. Из всех форм ограбления человека, порожденных общественным неравенством, эта была самая всеобщая и страшная.

После Октября год стал подлинной мерой истории. И сорок лет — половина нормальной человеческой жизни — превратились в эпоху.

...Старые большевики собрались не для того, чтобы увидеться и разойтись. Здесь было решено объединенными усилиями старых и молодых восстановить историю Октябрьских дней на заводе.

Состоялась еще одна встреча. Пожилая женщина читала главу «От Февраля к Октябрю» из книги о заводе имени Владимира Ильича, подготовленной ею к печати. Для ее будущих читателей эта книга будет воскрешать прошлое. Для собравшихся здесь она воскрешала их жизнь. Каждый абзац поднимал в памяти цепь событий, иная строка вызывала споры, приводила к неожиданным открытиям.

— Да нет же! — воскликнул Петр Ермаков и, вскочив с места, повернул стул, уселся на нем верхом, по-домашнему. — Не так было. О трамвайной подстанции я скажу вот что. Мы взяли ее в свои руки вечером двадцать седьмого октября. Взять-то взяли, а дальше ни тпру ни ну. Поставило юнкерье на кремлевской стене пулеметы и давай полосовать. На Каменный мост носа не высунешь. А у них, стервцов, к тому же броневики. Думали вышибить нас из станции... Очень тут нам помогли солдаты 55-го полка. И, припоминаю, командовал солдатами молодой прапорщик, быстрый, маленький, очкастый...

— Я ими командовал, — тихо произносит человек с большими очками на сухом, морщинистом лице. Он здесь гость, как и многие другие.

От неожиданности Ермаков встает. Встает и бывший прапорщик — ныне инженер Василий Васильевич Свистков.

— Он! — радостно кричит бывший красногвардеец. — Он самый! — и бросается к Свисткову.

Кому довелось побывать на заводе имени Владимира Ильича, тот, вероятно, приметил на Павловской улице непомерной длины здание. Это бывшие Александровские казармы. В них в 1917 году размещался 55-й запасный полк. Большинство солдат шло вначале за эсерами и меньшевиками. Тем важнее было вытеснить соглашательское влияние большевистским. Это и было сделано.

Перед нами открывается одна из славных страниц истории завода. О связи его с революционным полком в мае 1917 года рассказывал

Ленину рабочий Уваров. Еще не захвачена рабочим классом власть, а завод уже превратился в центр политического руководства. Заводские большевики стали своими, доверенными людьми в казармах. Они смогли проникнуть туда, потому что в полку существовала маленькая коммунистическая ячейка. Они сидят сейчас рядом: бритоголовый, краснощекий здоровяк Лупол Сокол, председатель полкового комитета шумный Иосиф Антонов и строгий Иван Чиненов. Они рассказывают о том, как топал ногами командующий Московским округом Рябцев, как грозил расстрелом и требовал, чтобы полк выдал оружие. Его не отдали. Оно пригодилось. Солдаты 55-го полка охраняли в Октябрьские дни Моссовет, они плечом к плечу с красногвардейцами вели бои за мосты, штурмовали Кремль.

В те дни и встретились Петр Ермаков и прапорщик Свистков. В те дни сражался за Советскую власть и Пегин друг — Миша Подкопаев.

Жизнь

Нельзя рассказать все пережитое, но его можно увидеть. И при ослепительных вспышках памяти ты можешь сразу представить себя и босоногим мальчишкой и зрелым мужем; события, разделенные десятками лет, выстраиваются рядом. Так и случилось с Михаилом Алексеевичем Подкопаевым после того, как он, простившись с боевыми друзьями, встреченными на заводе, остался один.

В этот вечер многие москвичи с удивлением присматривались к странно державшему себя высокому сутулому человеку. Одни видели его на углу 2-го Щипковского переулка. Может быть, он искал какой-нибудь дом или квартиру? Но незнакомец стоял и ни о чем не спрашивал. Ему здесь все было слишком хорошо известно. За этими заколоченными окнами, в глубоком подвале, где теперь, наверное, хранились овощи, в темной комнатухе жили его родные, он сам. Здесь во мраке и сырости терял свое могучее здоровье отец, батрачивший в возчиках и упрямо не склонявшийся под ударами нужды свою умную голову. Однажды на рассвете он повел сына в длинную, протянувшуюся далеко от заводских ворот очередь. Стояли долго, и солнце пекло уже всю, когда вышел мастер, отсчитал на выбор три десятка человек. Среди них был и Миша.

В семье прибавилось сорок копеек в день. Через два года вышла прибавка — двадцать копеек. А достатку не прибавлялось. Какой там достаток! Нужда брала за горло. И Михаил, уже взрослый парень, даже не смел думать о том, чтобы привезти в город приглянувшуюся в деревне девушку, жениться на ней. Только бы прокормиться, только бы выжить. Ни о чем другом не было мыслей. Сколько лет так прошло? Михаил этого не знал. Ему казалось, что он никогда не жил и не будет жить иначе.

Тогда он вместе с товарищами взялся за оружие. Осенним днем 1917 года токарь Михаил Подкопаев вышел на улицу драться за жизнь, достойную человека. Красногвардейцы тогда шли по...

Что если он снова пойдет по тому же маршруту?

Надо лишь завернуть за угол. Крохотный переулок теперь гордо именуется Партийным, тогда он назывался 3-м Щипковским. И офицер царской службы — благонадежнейшая личность — владел вот этим двухэтажным невзрачным домом. У верного слуги престола рабочий Гриша Матвеев снял комнату под склад оружия. Здесь никому и в голову не приходило его искать. Потом браунинги и винтовки были переправлены в гранатный цех завода, и Миша принимал самое непосредственное участие в этом наисекретнейшем деле, а позже вытаскивал оружие из-за деревянной обшивки. Это началось Октябрьское восстание...

Теперь он на Полянке. Останавливается у ничем не примечательного дома. Вокруг тишина, и в ней на весь квартал разносится чей-то перелив-

чатый, несказанно счастливый смех. Но память доносит человеку выстрел. На его глазах падает на мостовую его товарищ по цеху, почти погодок, Саша Киреев. Из вздрагивающего затылка течет тоненькая струйка алой крови. В Киреева стреляли из окна. Сколько еще будет таких пуль, посланных из-за угла!

...С крыши захваченной подстанции красногвардейцы следят за подростком, пробирающимся по пустынным закоулкам к Каменному мосту. У мальчика смешная кличка — «Арбуз». Его фамилия Андреев. Он святой, должен пробраться через мост. И вдруг — словно кто-то сильно и резко шелкнул кнутом. Мальчик волчком завертелся на булыжниках, рванулся и затих навсегда... И этого тоже — в спину!..

И еще одно воспоминание. По Полянке, через Каменный мост в торжественном и скорбном молчании идут победившие рабочие. Они провожают в последний путь павших товарищей. В ломком осеннем воздухе над толпой плывут гробы. Вон в том лежит Саша Киреев. В толпе человек видит и себя, большого, неуклюжего парня в рваных башмаках и заплатанной одежде. Он едва умеет подписывать свое имя. Но он знает одно: нельзя жить по-прежнему. Скинули царя. Скинули гопперов и михельсонов. Теперь надо самим строить свою жизнь, свое счастье...

Октябрьская революция создала стремительные биографии. Тысячи, сотни тысяч пролетариев с первых дней переворота взяли на себя всю неимоверную тяжесть управления разоренной страной. Однако для очень многих рабочих, готовых на любое революционное самопожертвование, еще впереди пора, когда они ощутят в себе силы, нужные для непосредственного соучастия в строительстве новой, советской государственности.

Тридцатого августа 1918 года на завод бывший Михельсона приехал Ленин. В огромном гранатном цехе море голов — пять тысяч человек ждут слова Ильича.

Об этом заводе Ленин слышал еще на заре революционного движения.

Год назад к нему в Петроград, в бывший дворец Кшесинской, приехали рабочие того же завода (среди них был Уваров). Они рассказали о решении взять завод в свои руки. Мысль верная, но рано; пролетариату надо прежде взять власть в стране — таков был смысл ответа Ленина. И вот теперь Ленин, после победы, приехал на тот же завод поговорить о коренном вопросе пролетарской революции, о диктатуре пролетариата и диктатуре буржуазии.

Да, Ленин так именно и начал свою речь: «Нас, большевиков, постоянно обвиняют в отступлении от девизов равенства и братства. Объяснимся по этому поводу на чистоту». Ленин объясняет рабочим, что немного стоит «хваленое равенство и братство» там, где все богатства принадлежат капиталистам, а свобода собраний является фикцией и «означает свободу собираться разве на том свете».

Механика классового обмана обнажена. Все покровы сорваны. Лжи и призрачности буржуазной демократии Ленин противопоставляет правду подлинного народовластия, и все сказанное им в этот день на заводе, начиная от спокойного зачина, кончая поднимающей на бой завершающей фразой — «У нас один выход: победа или смерть!», — вдохновенный призыв к борьбе за реальную свободу на этом свете.

А в это время в нервном возбуждении, сжимая вороненый браунинг, ходит у заводских ворот террористка, надеющаяся отравленной пулей оборвать вместе с жизнью Ленина процесс развития реальной свободы. И невдомек ей и пославшим ее на убийство, что этот процесс необратим.

Конечно, потребуется еще какое-то время, нужна будет огромная воспитательная работа партии, многие перемены и в экономике и в сознании, чтобы люди, еще вчера придавленные нуждой и бесправием, сумели высвободить дремлющие в них внутренние силы.

Знакомясь с историей завода имени Владимира Ильича в период после Октябрьской победы до тридцатых годов, я тщетно искал в материалах упоминание о Михаиле Подкопаеве. Его имя не всплывало и в устных воспоминаниях старожилов. Это умолчание объяснялось очень просто — людям нечего было рассказать о ничем не выделявшемся в те годы рабочем. Но именно потому судьба Подкопаева все больше и больше интересовала меня.

Постепенно, из отрывочных воспоминаний самого Подкопаева, а больше из сведений, полученных стороной, составилось представление о том, как жил, работал в первые годы революции замоскворецкий красногвардеец.

Естественно было ожидать, что он продолжит путь, начатый с винтовкой в руках у Каменного моста, на бесчисленных фронтах гражданской войны. Но завод нуждался в опытных рабочих. Республика держала на счету каждый снаряд, плуг, топор. И вышло так, что первые годы Советской власти Михаил провел на тех же Щипках, правда, уже не в подвале, а в светлой, просторной комнате. Комната была хороша, но она стояла зимой почти нетопленной, а ее хозяин жил круглый год впроголодь. И снова он не решался соединить свою судьбу с любимой девушкой.

Да, внешне жизнь мало изменилась. Подкопаев ходил на тот же завод, обтачивал те же детали и, если говорить по правде, работал хуже прежнего. То было время, когда выработка рабочего снизилась в ряде отраслей шестеро против довоенного времени. Сказывалась разруха, физическая истощенность. Спасти от голода мог только высокопроизводительный труд, а попробуй добейся его, если станок плывет у тебя перед глазами, а небольшую болванку и то не поднять без помощи соседа. Где же выход? И существует ли он? Очевидно, да, потому что есть голод, интервенция, но нет растерянности и отчаяния.

В мае 1919 года коммунисты перенесли на себе в первые субботники 1 300 пудов железа, топлива. В апреле 1920 года в субботниках участвовало без малого 30 тысяч человек (из них половина беспартийных), и они переместили 111 637 пудов. Такой груз теперь поднимает за месяц один, средней мощности, кран. Но тогда эта сотня тысяч пудов значила многое. То были особенные пуды, их впервые в мире поднимала бескорыстная, коммунистическая забота о благе своего государства. Здесь и был выход. О нем партия неустанно говорила народу. Но это было одно из тех понятий, которые нельзя вложить сразу и в полном объеме в сознание масс самыми лучшими словами до тех пор, пока правота слов не подтверждена предметно, историческим опытом.

В таком подтверждении нуждался и Подкопаев. Он слышал, как Стрелков, Уваров и другие заводские большевики на митингах и в беседах старательно, на все лады, со всех сторон проясняли главную мысль: Октябрьская революция, социализм не могут не победить, ибо беспредельны силы, таящиеся в трудовом народе.

Подкопаев дрался с юнкерами, он ходил на субботники, сердце его тянулось к словам большевиков, все в них было понятным, убедительным, привлекающим. И только одно никак не мог представить себе Михаил: как это он и ему подобные, не шибко грамотные рабочие смогут управлять государством? И к чему это приведет?..

Советская Россия выстояла. Но победа досталась народу дорогой ценой. Страна дошла до последнего предела истощения. Нужна экономическая передышка, перегруппировка сил.

Весна 1921 года. Десятый съезд партии открывает на время клапан для частнокапиталистической инициативы. Она не опасна пролетарскому государству, сохранившему в своих руках командные высоты.

Подкопаев больше не мерзнет, не голодает, он уже не одинок, в его квартиру вошла та девушка, которую он ждал столько лет. Им еще житье очень трудно, ну что ж, трудно живется всем.

Скоро все это останется позади. Исчезнут заботы, придет достаток. Подкопаев хочет, чтобы его сын рос, не зная нужды, учился, знал и умел больше, чем отец. Время идет. И вот уже Подкопаев думает не о сыне, а о сыновьях. По утрам жена, всегда улыбающаяся, ловкая, снаряжает мужа на завод. Он выходит из дому опрятно одетый, после вкусного завтрака. В цехе его ждет работа, которая — он знает — идет на благо всему народу и оттого становится все больше и больше по душе. Заработок Михаила растет. Вечерние часы супруги Подкопаевы нередко проводят в кино, в театрах. В погожие теплые дни они уходят под липы Донского монастыря. Покой. Тишина. Безмятежность...

Надолго ли?

Подкопаев заметил, что у заводских коммунистов появилась знакомая ему суровая озабоченность. Они вели себя словно перед боем. Борьба продолжалась. «Из России нэповской будет Россия социалистическая», — сказал Ленин.

Нарастившая производственное мастерство, Михаил вскоре столкнулся с серьезнейшей преградой — собственной малограмотностью. Он стал учиться, ему помогли, как помогали и во всем другом. С грамотой в дом пришли книги, с ними — мысли и размышления.

В те времена политическое просвещение носило крайне воинственный характер, в самом прямом смысле этого слова. В ходу были политсуды, политбои. Политсражения развертывались между бригадами, цехами и даже заводами. Многие помнят, как в цехах завода висел лозунг: «Разгромим в очередном политбою бромлеевцев!»

Однажды Михаил случайно задержался в цехе и стал свидетелем политсхватки. Вел ее один из товарищей Подкопаева по Красной гвардии. Чья-то вражеская рука умело организовала антисоветскую вылазку. Выступали искушенные демагоги. Они забивали агитатора провокационными вопросами, били его красноречием. Слушатели заколебались. Молодому коммунисту приходилось туго. Было время, когда он и Михаил вместе стреляли из одной винтовки. А теперь друг стоял один под вражеским огнем. И Подкопаев стал с ним рядом. В тот вечер он снова узнал самую высокую радость — стоять в одном строю с товарищами, поборниками правого дела. Так получилось, что Михаил стал задерживаться после работы на заводе...

Вот и все, что я узнал о жизни Михаила Алексеевича Подкопаева в первое десятилетие советской эры.

А дальше... Дальше вести о нем посыпались очень густо. Из них вставал иной облик. И он тоже менялся на глазах.

Еще недавно статичная биография приобрела стремительный характер. Если бы я ограничился лишь протокольным перечислением событий, занесенных в заводскую летопись — многотиражную газету, то и тогда бы потребовалось немало времени для рассказа о том, как рядовой токарь становится заметным лицом на заводе, причем след его индивидуальности тянется сразу по нескольким направлениям.

Прежде всего в Подкопаеве освободилась от рудной оболочки и за сверкала всем своим немеркнущим блеском золотая жилка изобретательности. Подкопаев не просто ударник-энтузиаст, он «придумщик» в своем деле, родоначальник целой плеяды рационализаторов. Заводская газета все чаще и чаще пишет об умении Подкопаева направлять труд своих товарищей. Эта также доселе захороненная способность не остается неза-

меченной. Промышленности нужны организаторы. Их выделяет из своей среды рабочий класс.

И вот сбывается то, чего долго не мог представить себе рабочий Подкопаев, — он начинает управлять. Вначале маленьким участком, затем более крупным. Проходит несколько лет, и мы видим Михаила Алексеевича начальником экспериментальной мастерской. Каждая новая ступенька, на которую поднимается Подкопаев, требует от него не только повышения знаний, но и умения руководить подчиненными, воспитывать их. Нетрудно представить себе, как с каждой такой переменной расширяется радиус действия еще недавно «домоседской личности», как она влияет на все более широкий круг людей.

Такая, на первый взгляд неожиданная, производственная и политическая активность не пришла сразу, ни с того ни с сего. Это было приобретенное качество. Взрыв энергии подготовлен всеми годами новой, советской эры.

Когда Подкопаев был просто искусным токарем, в то время на заводе порой не выходила на работу треть его товарищей и бракодельство не считалось за большой грех. Когда Подкопаев начал быстро продвигаться вперед, на заводе в социалистическом соревновании участвовало уже три четверти всех рабочих и служащих. В этом новом отношении к труду, в воспитанной советской средой потребности работать по-социалистически надо искать корень всего того, что произошло с Подкопаевым, как и со множеством других.

И есть еще личная судьба. Здесь слилось все: и неугасимая ненависть к страшному прошлому — вечный счет за юность, которую не ощущал, и пуля, сразившая Сашу Киреева, и политкружки, о которых иногда не помнишь, были ли они в твоей жизни, и которые делают тебя другим на всю жизнь.

Беседа

...Недавно воспитанники московского училища, издавна подшефного ильичевцам, приехали в заводской клуб. Здесь было все, что положено: и торжественная часть, и художественная самодеятельность, и воспоминания старых рабочих.

В одной из комнат ребята, повиснув буквально на плечах друг у друга, обступили двойным кольцом явно стесненного вниманием красивого, несмотря на лета, а может быть и благодаря им, человека с очень ясным, правдивым взглядом из-под тяжелых век. На юных лицах можно было прочесть и жадный интерес и какую-то озадаченность. Так бывает, когда слышишь не то, что ожидаешь услышать.

Молодежь хотела знать, как мытарили ученика Ванюшку Калачова, и воображение рисовало им мастера — пьяницу и зуботычника, постоянную беготню в кабак за водкой. А у Ивана Ивановича Калачова сохранилась лишь благодарность к своему первому наставнику в слесарном деле, добряку и умнице. Насчет же водки в цехе было строго, и думать о ней не смей!

Юноши допытывались, где и как жил Калачов, и заранее представляли себе мрачный закуток, в котором на голых досках вместо кровати спал после непосильного труда подросток. Но и здесь Калачов вынужден был разочаровать своих слушателей. Ни в закутках, ни в углах ему не приходилось жить. А спал он в обычной постели, хотя, конечно, и не на пуховиках.

Тогда посыпались вопросы о главном — о заработке. Вначале, верно, получал Калачов гроши. А потом, выучившись, «выгонял» по тем временам вполне прилично.

У сидевшего подле меня горбоносого смуглого парня рука сама собой потянулась к затылку, точно у школьника, решающего трудную задачу.

— Непонятно? — спросил, чуть усмехнувшись, Иван Иванович.

Да, молодые люди не понимали. Им казалось, что если при старом порядке родившийся в рубашке счастливец избежал побоев и голода, если он жил более или менее по-человечески, то откуда у него могли взяться счеты с прошлым?

А они явно были у этого человека.

Для Ивана Ивановича, живо помнившего судьбу многих искусных рабочих, пользовавшихся относительным достатком, едва ли не самым страшным в минувшей жизни было то, что ни сытость, ни благополучие нисколько не делали ее лучше.

Это испытал на себе Ваня Калачов. Умер отец, и мать повезла сироту к брату в Москву. Ванин дядя уже тридцать лет работал у Гопперов; не пьяница, редкий умелец, он был сущим кладом для хозяина. Устраивало и то, что он сторонился «смутьянов». Дядя без труда определил племянника к месту и поселил его у себя, в собственном маленьком домишке, долг за который выплачивался уже много лет, а конца ему не было видно. В этом доме у Вани была постель, здесь его поили, кормили, порой жалели, а случалось, корили и постелью и пищей. Дядька не был злым, возможно, он был добр. Но упаси боже это выказать. Ведь семейный уклад жизни строился на суровости, она рождала покорство. Ставя себя в пример, дядя доказывал, что лишь незлобностью, трудолюбием, бережливостью можно добиться самостоятельности в жизни. А сам, как ни ценил его хозяин, больше всего боялся потерять место. Быть может, дядя не так уж верил в смирение, как хотел показать. И получилось, словно кто-то провел магическую черту вокруг маленького домика: через нее не переступала нужда, но сюда не входила и радость.

Калачов ушел от дяди. С тремя товарищами он снял комнату. Учение кончилось. Но дядина наука не прошла даром. Ваня стал рассудительным юношей, умевшим вести счет своему небольшому заработку и даже выкраивать два рубля за учение на чертежных курсах. По воскресеньям Калачов с друзьями заходил в чайную Цветкова, известную всем Щипкам. Здесь хрипел граммофон, подавались рубцы, водка. Ваня не пил. Он был всегда замкнут, молчалив. Он очень любил свое дело, выказывал немалые способности, и все же ему чего-то не хватало, а чего — он не знал.

Мне довелось видеть старый групповой фотоснимок, сделанный в 1913 году. На фотокарточке впереди с каменными, напряженными лицами сидит около десятка пожилых рабочих, за ними стоят более молодые, среди них юный Калачов. Его отличает от всех костюм — он в пиджаке и на нем высокий, по моде того времени, твердый воротничок и топорщащийся галстук.

Да, Миша Подкопаев так не одевался. И учиться чертежному делу он тоже не мог.

Но отчего, несмотря на молодость, благополучие, так невесел взгляд этих больших честных глаз? Возможно, они видят проклятый круг, через который не прорвется ни подлинная радость, ни подлинное счастье. А может быть, они просто ищут правду?..

В конце первой империалистической войны Калачова призывают в армию. Вскоре в окопах, среди страданий живых и молчания тех, у кого уже отняли навеки возможность страдать, сапер Калачов начнет понимать, кто очертил страшный круг вокруг людей. Но одно — понять истину, а другое — воспринять ее так, чтобы она стала частью тебя самого. Нет ничего быстрее человеческой мысли — и нет ничего неподвижнее устоявшегося веками человеческого сознания.

Калачов вернулся с фронта с новыми настроениями. У него был какой-то странный, отсутствующий вид. На его глазах все-еще взлетали на воздух минные поля, а он сам до одури, до надсады рубил проволочные заграждения с висящими на них искромсанными солдатскими телами. И чем больше он думал об этом, тем сильнее ему хотелось такого дела, чтобы было оно сильнее и войны и душевной тоски, чтобы словно живой водой оросило все вокруг.

Советское правительство решало задачу задач: где найти горючее. Топливный голод взял за горло страну. Мерзли люди, стояли заводы. А под самой Москвой лежали торфяные поля, и инженер Классон разработал гидравлический способ добычи торфа. Ленин высоко оценил этот метод, увидев в нем и освобождение людей от каторжного труда и возможность умножить во много раз выемку торфа.

Сложные по тому времени агрегаты для добычи и обезвоживания торфа поручили производить заводу на Щипках. Когда Калачов развернул первый чертеж, его сердце забилося сильнее. Да, тут было над чем поразмыслить! Но мало произвести сложные машины. Их надо еще собрать на месте. Никто не имеет такого опыта.

Токарь Калачов берется за сборку новой установки. Токарь превращается в механика. Он монтирует под Москвой торфонасосные краны.

Вокруг, сколько видит глаз, тянется зыбкая, мшистая топь, по краям березовых перелесков рассыпались ветхие избы. Топь существует извечно. Избы построены невесть когда. В одной из них живет Иван Иванович. Хозяйка в обиде на город: нет ни керосина, ни соли, ни спичек, — сетует на жизнь. Дохозяйничались, на всю деревню два однолемешных плуга.

— Чем пахать-то, как будем жить дальше? Отвечай, москвич!

Калачов не знает, что толком ответить. Он обращается к газетам. И как-то поздно вечером, при чадающей коптилке, он прочел о том, что специальная с мудреным названием комиссия составляет план электрификации России. Предстоит построить десятки электростанций, и уже не пар, а электричество завертит станки, и многие электростанции будут работать на торфе, том самом торфе, который добудут машины, монтируемые Калачовым. Энергия! Будет она — будут и керосин, и соль, и плуги, и еще множество новых, неведомых машин.

И вдруг впервые Иван Иванович каждой кровинкой ощутил: при таком строе, при такой власти народу под силу то, о чем и помыслить он не мог при помещиках и капиталистах. Это они стреножили страну, заставили ее плестись в обозе у других государств.

Выходило, что здесь, на торфоразработках, начиналось важнейшее дело и Калачов был в нем прямой участник. Теперь Иван Иванович знал как рассеять крестьянские сомнения. У него еще могло не хватить доводов, но он обладал теперь верой, которая не могла не увлекать. На душе незнакомая прежде взволнованность, она не мешает, а помогает делать все лучше, чем раньше. В те дни много толковали о находчивости и изобретательности молодого мастера. Но Иван Иванович знал: «выдумку» вытолкнуло на свет новое чувство. Он затруднялся, как его назвать, но оно было очень большим и горячим и вело в мир, где все становилось возможным, потому что то был мир общего труда. Мир этот лишь возникал, но уже делал людей сильнее и чище.

Переделка жизни и человека шла одновременно.

...Писатель Борис Горбатов верно заметил, что в начале тридцатых годов «уже стал явственно обозначаться характер нового человека на земле — советского человека, строителя социализма».

Биографии ильичевцев подтверждают такой вывод. К этому времени политически и духовно созревает Михаил Подкопаев. В 1930 году идет в партию Иван Калачов.

Мы были тогда еще дико бедны, отсталость тысячекудовыми гириями висела на наших ногах. Сбрасывая ее на ходу, мы начинали один из труднейших переходов в будущее. Социализм еще впереди, и он уже рядом.

Но почему же в то время, когда не хватало продовольствия, обуви, мануфактуры, люди переживали необыкновенный подъем? Быть может, так жило, действовало поколение романтиков, мечтателей, фанатиков будущего, не замечавших действительности? Нет, то были люди, ощутившие на деле последствия Октябрьской победы. Будущее приходило к ним школами и институтами, в которые поступали их дети, техникумом, куда пошел учиться сорокалетний Иван Калачов. Будущее вставало в новых цехах, поднимавшихся в тучах строительной пыли на Щипках взамен гопперовских развалюх. И поди разбери, что такое пока еще не существующая вторая металлургическая база страны — будущее или настоящее? — если Михаил Подкопаев уже работает в совете содействия Магнитогорску и Кузбассу.

Самые отдаленные события переплетались с близкими.

Советские рабочие потуже затягивали пояса, чтобы хлынул поскорее металл из новых уральских и сибирских домен. Пройдет немного лет, эта сталь обратится в тысячи тракторов, комбайнов, паровозов, турбин. Напал вероломный и сильный враг, и сталь, перелитая в пушки и танки, оказалась в советских руках щитом всего человечества, а потом снова обернулась машинами, станками — всем тем, без чего немислим расцвет мирной экономики и что питает глубокую уверенность советского человека: созиданием победим!

...Но пора, пожалуй, вернуться в клуб, где два поколения не сразу поняли друг друга. Юношам, находившимся во власти книжных представлений о прошлом, казалось, что главное для Ивана Ивановича в происшедших на его веку переменах — иной материальный уровень жизни. Да, он сильно возрос, что было бесконечно важно. Но для Калачова эта сторона действительности отходила на задний план перед возможностью свободно и сообща трудиться над претворением в реальность величайшей в истории человечества идеи.

Как свойственно всем людям, Иван Иванович Калачов всегда стремился жить лучше, обеспеченнее. Но сытость, достаток не были для него самым существенным, центральным в жизни. Новая, разумная, справедливая жизнь — советская жизнь — не могла бы столь быстро восторжествовать, если бы творившие ее люди не поступались своими личными интересами ради общего блага. Такие поступки «противоестественны» для законченного обывателя. Они представляли бы нелепость в мире чистогана и капиталистического невольничества. Потому-то даже честные буржуазные наблюдатели нашей жизни не могут подчас понять, почему советский человек не считается займовыми сбережениями с государством; почему он, покидая насиженные места, комфорт больших городов, уезжает в необжитые казахстанские степи. Не понимают всего этого и потому видят всевластие государства там, где проявляется величие нового человека.

Путь предприятия

Заводы, так же как и люди, не всегда сразу находят себя, свое призвание, или, выражаясь более точно, свой производственный профиль. Пример тому — завод имени Владимира Ильича.

В технике он долго шел очень извилистыми путями. К чему только не приспособляли его за годы Советской власти! Но за каждой томкой всегда стояла железная, диктуемая интересами страны необходимость.

Надо бить Колчака и Деникина — завод дает снаряды. Нужен торф — завод производит машины для его добычи. Стране понадобился лес для новостроек, для экспорта — и завод переходит на выпуск пилорам. Затем наступает черед специальных станков. Строится метро — и завод дает для него первые щиты и тубинги... Лишь производственник может понять, какие трудности порождает каждая такая перестройка, какой изобретательности требует она от инженеров и рабочих.

Поиски обогащают человека, в них обретают опыт и целые коллективы. Опыт и зрелость ильичевцев испытывает Великая Отечественная война. Она кладет на знамя завода два ордена — орден Ленина и орден Трудового Красного Знамени.

Еще армия Венка пытается пробиться к осажденному советскими войсками Берлину, а на заводе имени Владимира Ильича уже все готово, чтобы вместо боеприпасов выпускать самоходные комбайны, картофелекопалки, льнотеребилки...

Но вот восстанавливаются предприятия, издавна специализированные на выпуске сельскохозяйственных машин. Завод имени Владимира Ильича выполнил свою миссию. Чем он послужит теперь стране, поднимающейся на новые большие дела? И настал ли для него, наконец, час найти свою настоящую стезю? Да, настал. Эта стезя — электромашиностроение.

Наша промышленность нуждается в сотнях тысяч, в миллионах электродвигателей разнообразнейшего назначения. Если машиностроение — сердцевина индустрии, то сердце каждой машины — ее электрическая часть. Здесь один из ключей к техническому прогрессу. Ильичевцы оказались на главном направлении.

Поначалу пришлось адски трудно.

— Да, адова была работа, — вспоминает Сергей Иванович Курочкин, а сам мягко, задумчиво улыбается, как улыбаются при воспоминании о чем-то хорошем и дорогом сердцу.

На любом заводе среди командного состава есть инженер из старожилов — живая история предприятия, работяга из работяг. Есть у него своя должность, и немалая, свой круг обязанностей, а идут к нему решительно со всем — уж очень многое и прочно он помнит. Все эти сведения не мертвый клад, потребность в них возникает ежечасно. Такого работника привлекают к любому делу не по привычке, а потому, что постоянно нуждаются в его опыте, знаниях и энергии.

К категории таких людей и принадлежит Сергей Иванович Курочкин. По сравнению с Подкопаевым и Калачовым он представляет более позднее поколение ильичевцев.

На завод Курочкин пришел в 1927 году. Был он в ту пору здесь единственным электриком, и довелось ему застать не только трансмиссии, но и токарный станок, соединенный с «индивидуальной» паровой машиной. Квартировал Сергей Иванович на первых порах на заводе у старого механика в домишке, прилепившемся к кузнечному цеху, и когда на стол ставили самовар, он начинал медленно двигаться в такт ударам парового молота.

Хоть и очень широкими замыслами жил в то время молодой инженер, горячо приверженный к своей специальности, но уж никак не мог он себе представить, что когда-нибудь ему придется на этом самом предприятии, с техникой, уходящей в те дни в девятнадцатый век, организовывать производство первоклассных электродвигателей и что машины с маркой «ЗВИ» станут известными в десятках стран.

— Моя профессия стала ведущей на заводе уже после войны, — рассказывает Курочкин. — Вначале голова кругом шла. За что ни возьмись — того нет, другого нет. Прессов нет, технологии нет, специалистов гоже. Имелось единственное преимущество, и знаете какое? Мы никогда не бы-

ли баловнями. На другие предприятия чуть что сыпался дождь ассигнований, мы же привыкли обходиться собственными силами, изыскивать все необходимое по возможности у себя дома. Конечно, чудес не бывает, долго еще терзала нас полукустарщина, особенно в пропиточных процессах. Вручную все делали, понимаете, вручную! А теперь сконструирована и сооружена здесь же, на нашем заводе, первая в электромашиностроении полуавтоматическая пропиточная установка.

Я слышал, даже читал об этой замечательной установке. Ее создал коллектив заводских инженеров, его душой был Курочкин.

Сергей Иванович из числа тех инженеров, которые помнят, что лучший советчик конструктора — рубль. Пропиточный агрегат позволил повысить вдвое сьем продукции, он очень экономичен в эксплуатации. Экономичность! По поводу нее у моего собеседника много соображений. Надо смелее проектировать машины на предприятиях, и сюда следует во многих случаях перенести центры конструкторской мысли. Тем самым мы выиграем в технологичности конструкции. В то же время на заводах надо учиться мыслить в государственных масштабах, освобождаясь от собственной «кочки зрения».

— Наша беда, — говорит Сергей Иванович, — заключалась в том, что упраздненное министерство сваливало на завод всевозможнейшие заказы по принципу: вали кулем, потом разберем. Средства и силы коллектива тратили зачастую на мелочи. Сейчас азбука производства — поточность. Попробуйте ее широко внедрить, если на заводе до последнего времени существовало пятьсот типов исполнения машин! А ведь мы в состоянии создавать чудо-двигатели, вплоть до электрических машин для контрольной автоматики. Очевидно, в совнархозе дело пойдет по-другому. Дайте нам специализацию, и мы перевернем всю технологию.

Сергей Иванович помнит первые совнархозы. Разумеется, теперь иной масштаб производства, иная техника, иные кадры, но задача та же — работать так, чтобы преимущества единого плана, единого руководства все полнее и полнее подкреплялись неисчерпаемым многообразным опытом масс, выступающих в двойной роли — и работников и хозяев. Социалистическая демократия в действии — вот что такое новая система управления промышленностью. Эта система в равной мере подготовлена и переменами в технике и переменами в человеке.

— Уж если толковать об этом, то есть у нас в механическом цехе любопытные люди, — сказал мне на прощание Сергей Иванович. — Очень советую с ними познакомиться.

Новое в новом

Трудно представить себе что-либо менее впечатляющее, чем первое внешнее знакомство с механическим цехом. Вы не найдете тут ни автоматических установок, ни огромных пролетов, где дух захватывает при виде выстроенных в поточных линиях батальонов ультрасовременных станков. Так бывает обычно на недавно введенных в строй предприятиях.

В непритязательном здании, выстроенном еще при Гопперах, стоит вперемежку и новое, молодое, и великовозрастное оборудование. Последнее попало сюда в основном поздней осенью 1941 года, когда после эвакуации завода тогдашний начальник цеха, Иван Иванович Калачов, собирал со всех концов Москвы беспризорные станки, чтобы пустить производство.

Зато в старых стенах, выдавших подневольный труд, теперь делалось все возможное для совершенствования человека, пробуждения в нем веры

в свои творческие возможности. И делалось очень умело!.. А как же именно? — поинтересовался я.

Когда речь заходила об этом, с кем бы мне ни приходилось говорить, какие бы объяснения я ни выслушивал, все они вели к двум лицам — Ивану Ивановичу Калачову и Сергею Ильичу Невструеву. Однако эти имена всегда всплывали в окружении других имен: механика цеха Одибцова, технолога Соннова, токаря-скоростника Комарова и целой плеяды рабочих-новаторов. В этой неотделимости от коллектива уже прорезывалась какая-то очень важная черта, черта новых характеров. Внимание привлекал и самый факт совместной работы Калачова и Невструева. Я знал, что она началась при не совсем благоприятных обстоятельствах.

Сергей Ильич, очень способный и очень увлекающийся человек, обладающий даром привлекать к себе людей и вести их за собой, совершил в свое время серьезную ошибку и был снят с должности начальника крупного цеха, которым он руководил в войну.

На заводе любили Невструева, верили в то, что с помощью коллектива он сможет «стать на горло собственным недостаткам». И потому, что Невструеву хотели помочь, его направили в менее крупный цех, заместителем к Калачову.

Это сочетание вызвало у многих очень скептическое отношение. «Не сработаются», — говорили на заводе. И действительно, трудно было представить себе, что мягкий, осторожный, умудренный опытом и годами Калачов и бурный, властный, не всегда осмотрительный Невструев найдут общий язык. Они его нашли. Как можно было предполагать, две столь разнородные натуры, сблизившись, прекрасно дополнили одна другую. Невструев нисколько не стремился властвовать. Калачов буквально открыл «зеленую улицу» для невеструевской инициативы.

Между этими двумя людьми возникло полное взаимопонимание. Оно имело прочную основу. Как для Калачова, так и для Невструева работать — значило не просто руководить, то есть командовать, расставлять людей, без чего, конечно, нельзя управлять производством, но и обязательно творчески вторгаться в технику. И начальник и его заместитель были первыми рационализаторами в цехе. У них был, в сущности, один стиль руководства — увлекать примером. Но, помимо того, между ними существовала дистанция, которую никому не дано ни удлинить, ни укоротить, — дистанция в возрасте.

К Калачову подобрался страшный враг — усталость. Затем его стало подводить зрение. И Невструев неприметно, как бережный друг, облегчал Калачову тяжелый груз, он все больше и больше, не говоря никому ни слова, брал его на себя. Вероятно, со стороны кое-кто видел это смещение ролей. Но все молчали, никто не мог вообразить цех без Калачова. К тому же он и сейчас, давая меньше, давал очень много. Такая ситуация могла длиться очень долго.

Однажды к директору завода вошел необычно торжественный и чуть побледневший Калачов.

— Нехорошо медлить дальше, — сказал Иван Иванович. — Меняйте нас местами. Невструев ведет цех.

Так и было сделано. После этого прежнее творческое содружество Калачова и Невструева продолжалось еще несколько лет, до ухода Ивана Ивановича на пенсию.

Не скрою, с первого взгляда мне показалось, что сложившийся в моем представлении образ Невструева неверен. В маленькой худощавой фигуре Сергея Ильича, в его веселом веснушчатом лице с каким-то легкомысленным и милым мальчишеским носом и лучистыми, прямодушными глазами не было ничего, что выдавало бы волю, энергию. Но стоило Невстру-

еву заговорить, и он сразу преображался. Потому что работа мысли, совершающаяся обычно где-то в глубине, прорывалась в нем стремительно на поверхность.

— Озлился я только что, — сказал он в разговоре со мной и тут же встал, так как не любил говорить сидя. — Читали мне мораль в заводоуправлении. Передовики, мол, а держите рабочих сверх плана аж пять человек. «А какой у нас объем продукции с квадратного метра?» — спрашиваю. И ухом не ведут. Я говорю: «Вы бы к сельскому хозяйству пригляделись, там нашли золотую основу — сто гектаров — и идут от нее. Кто с них больше взял, тот и герой, потому что если больше, значит и дешевле. А тут поставили частокोल показателей — ни вправо, ни влево не ступить».

Невструев приблизился ко мне.

— Не так давно в «Коммунисте» была напечатана статья нашего директора Шувалова. В ней говорится про то, что дала инициатива рабочих заводу. Это раз, и второе — о том, что она могла бы дать, если бы ее меньше пеленали. Дело, конечно, не только в громоздком плане и в недостаточных еще правах директора, начальника цеха, мастера. Дело и в понимании человека. Можно к нему очень хорошо относиться, а полной цены ему не знать. Рабочая выдумка дала заводу за две последние пятилетки экономии около семнадцати миллионов рублей. Я утверждаю...

Здесь Сергей Ильич остановился, сделал рукой отсекающий, молниеносный, как взмах клинка, жест и снова повторил:

— Я утверждаю, что мы могли сэкономить гораздо больше. Надо действовать так, чтобы на поиски нового, прогрессивного людей толкала сама обстановка, атмосфера цеха, завода. Иногда рабочий придумал самую малость, да и ту не очень удачно. А на душе у него праздник. Ему, может, кажется, что он Нартов, Ползунов. И прекрасно! Раздуть бы надо такое чувство. Не по шкале его поощрять, а за первую творческую искорку. Мы, руководители, в ответе за то, что очень многие рабочие дают меньше, чем они могли бы дать...

Сергей Ильич резко оборвал ход своих мыслей.

— Пойдемте в цех, — сказал он.

Это было небольшое, но очень занимательное путешествие. Я видел станки с наращенными конечностями, с новыми органами, с удвоенной против паспорта мощностью. И повсюду воздух зажимал, выбрасывал, поворачивал изделия, облегчая труд рабочего. Кто так придумал? Все.

На многих заводах широко применяется пневматика и совершаются остроумнейшие операции с целью омоложения оборудования. Но тут, в невструевском цехе, сама массовость эксперимента придавала ему новое качество. Удивление вызывал именно размах новаторской хирургии.

В первом квартале этого года 213 работников цеха дали 211 рационализаторских предложений. Примерно то же было и в прошлом году. Хочется доискаться, что породило такой напор рабочей инициативы.

— Прошла «мода» воспитывать одних передовиков, — говорит с иронической улыбкой Невструев. — Распрощались мы навсегда с рекордсменством, с парадностью. Партия помогла понять простую истину: надо собирать опыт отовсюду, работать со всеми, выслушивать весь коллектив, его критику, его пожелания.

Мне думается, отсюда и начинается разгадка. Только там, где всем прививается хозяйская оглядка на дело, там, где каждый в состоянии внести что-то свое в котел совместных усилий, — лишь там никто не обойден радостью сопричастности к общему успеху. Но ведь для этого надо очень многое — и просиявший для всех свет социалистической сознательности и широкий технический кругозор.

Все то, что узнаешь в механическом цехе, очень ценно, ибо здесь в каком-то совершенно естественном, не требующем дополнительного домысла усилении видишь, как далеко зашла коммунистическая перedelка человека, насколько высок средний уровень общей и профессиональной образованности.

Наивно было бы полагать, что по степени просвещенности, технической умелости механический цех выделяется на заводе, на котором, не говоря о вечерних и заочных институтах, только в филиале Московского электротехнического техникума учится около 300 студентов-вечерников; около полтораста молодых рабочих занимается в вечерней десятилетке, и что ни год, то все больше приходит на завод юношей и девушек с законченным средним образованием, а многие получают его, работая у станка.

Точно так же и сам завод стоит в этом отношении в ряду других предприятий. Почва везде одинакова, а урожай различен. Все дело в том, в какой мере приводится в движение колоссальный заряд политической активности и трудовой энергии, накопленной советскими рабочими. Возьмем такой факт. На Всесоюзном совещании рационализаторов и изобретателей в 1956 году было объявлено, что сегодня к совершенствованию производства в ряде отраслей причастен каждый четвертый — пятый рабочий. Правильно, когда этим фактом гордятся, скверно, когда им лишь умиляются, а лучше всего, когда спрашивают себя: нельзя ли сегодня требовать большего?

Можно и нужно, решили в механическом цехе и доказали свою правоту делом. Здесь творчески вторгается в производство каждый второй — третий рабочий. Это привело к наглядным последствиям. Если за пятую пятилетку весь завод снизил трудовые затраты по выпуску изделий на 43 процента, то в механическом цехе они снижены на 80 процентов. В два раза сократилось вспомогательное время, занимающее львиную долю в общем балансе рабочего времени.

Пuls производства нащупывается в его ритме. Нормальный ритм там, где высокая техническая культура, там, где план стал законом и в большом и в малом, где воспитывается нетерпимость к рывкам и неравномерному выпуску продукции. Кто не знает эти лихорадочные минуты, когда в сборке что-то рвется — иссяк побочный ручеек и стал весь поток? На заводе имени Владимира Ильича ведется упорная борьба за единый график подачи деталей, или, точнее, сдачу их комплектными узлами.

— Я какие времена помню, — рассказывал мне Сергей Ильич, — месяц начался, все ходят вразвалку, двадцать дней пройдут впустую, словно их корова языком слизнула. А потом несусветная гонка. За месяц едва на две трети план вытянем. В многотиражке шапка: «Ударим июньским штурмом по майскому безобразию!»

Невструев шумно и аппетитно хохотал, потом что-то вспомнил, помрачнел.

— Смеяться тут, конечно, не следовало бы, — произнес он. — Я сам, не таюсь, тогда втянулся в штурмовщину. Привык было к этому — свистать всех наверх.

Сергей Ильич подошел к окну, помолчал, потом негромко сказал:

— Сегодня наш цех один из немногих сдает детали только комплектно.

...В лице Невструева представлено новое, по сравнению с Подкопаевым и Калачовым, поколение ильичевцев. Это поколение бредило в детстве краснoзвездными шлемами. Оно начало созидательную жизнь в годы, когда решалось — быть или не быть социализму, и революционная романтика перекочевала с полей гражданской войны в первые колхозы,

где шел смертный бой с кулачеством, на первые новостройки и реконструируемые заводы, где техника решала все, а с техникой справлялся человек.

В декабре 1917 года Владимир Ильич Ленин, разоблачая «нелепый, дикий, гнусный и мерзкий предрассудок», закреплявший за «высшими классами» способность управлять государством и хозяйством, писал, что рабочие и крестьяне «еще не освоились с тем, что они — теперь господствующий класс, еще недостаточно решительны. Этих качеств в миллионах и миллионах людей, всю жизнь вынужденных голодом и нуждой работать из-под палки, не мог создать переворот сразу». И далее: «Рабочие и крестьяне еще «робеют», от этого они должны избавиться и они, несомненно, от этого избавятся».

Эта робость осталась уже позади, ее не знают сверстники Невструева. Они с комсомольских лет отважно взвалили на свои плечи бремя больших тягот и большой ответственности, они не думали об удобствах, уюте, достатке, от этого их юность не делалась менее прекрасной. Они физически ощущали давление старого мира и знали всем своим существом одну непреложную истину: не догнать тот мир — значит погибнуть, а они хотели жить и побеждать.

То было время, когда впервые на земле искусство обтачивать сталь начали венчать славой, и токарь Невструев был совсем еще молод, когда Михаил Иванович Калинин вложил в его руку коробочку, в которой была эмалевая пятиконечная звезда. В войну ильичевец, начальник ведущего цеха Невструев получил орден Ленина. В каких-нибудь десять лет рядовой рабочий постигает опытным путем сложное искусство — руководить производством и приобретает свой, правда еще ломающийся, но индивидуальный организаторский почерк. Самое примечательное в нем — смелость и, я бы сказал, романтический захват строго деловыми задачами. Чем они труднее, тем больше воодушевление.

В свое время Горький так сформулировал тему книги «Две пятилетки»: «Социалистический труд как организатор нового человека и новый человек как организатор социалистического труда».

Эти слова дают ключ к судьбе сотен тысяч таких людей, как Невструев. Труд на себя, на общество, на свое государство выпрямляет человека. Выпрямленный человек перестраивает труд. Причина и следствие непрерывно меняются местами, и нет конца и края этому могучему взаимодействию. Из самой основы социального бытия — отношений в производстве — возникает главнейшая черта нового характера — великолепная целеустремленность в труде, а следовательно, во всей общественной практике.

Работать по нужде, против воли, на чужое благополучие — все равно ради сухого хлеба или хлеба с маслом — с этого начинается раздвоенность сознания. Человеку всегда свойственно вкладывать душу в свой труд. Весь вопрос — для чего? Если для обогащения эксплуататоров, то возникает непоправимый разлад между делаемым и желаемым, двойная жизнь в мире помыслов, мечты и невольничьей реальности. Только социализм кладет конец этому расколу, возвращает людям внутреннюю цельность, а значит, и силу.

«Меня просто ужасает современный человек,— писал более ста лет назад о своем буржуазном современнике Герцен.— ...как скоро стынет в нем порыв, как рано изношено в нем увлечение, энергия, вера в собственное дело! — и где? чем? когда эти люди истратили свою жизнь, когда они успели потерять силы?»

За минувшее столетие рак душевной опустошенности проделал страшную работу. Он породил белокурых нищестанствующих бестий, от него пошла коричневая проказа фашизма, признавшего смешными и устарев-

шими такие «предрассудки», как совесть и человечность. И вот теперь на «том берегу» враждебные, а порой и заблуждающиеся голоса пытаются объяснить нашу страстную целеустремленность следствием внешней, механической дисциплины.

Об этом стоит вспомнить не для полемики, она в данном случае ни к чему. Гораздо важнее другое: даже мы сами не всегда отдаем себе отчет, каким путем достигается «тайна тайн» новой действительности — единство нашей воли и нашего сознания. Мы знаем эту тайну чуть ли не с пионерского возраста, но зачастую, дожив до седых волос, знаем ее хоть и в правильной, но уж очень общей форме. Виной тому отчасти поразительная неконкретность многих книг и статей, посвященных формированию советской идеологии и культуры, но — увы! — покоящихся преимущественно на цитатном основании и чаще всего содержащих ворох ярких, но очень академично комментируемых цифр.

Насколько полнее раскрылась бы эта животворящая тайна, если бы ее наблюдали, глубже прослеживали вблизи, у самых истоков народной жизни! Мы еще очень мало знаем о том, как труд на заводах, в колхозах становится увлекательнейшим умственным делом. Оно идет тем лучше, чем более сведущи труженики не только в своей специальности. Политическая зрелость, духовное богатство значат тут не меньше, чем техническая грамотность.

Такой строитель нового общества стал главным лицом советской современности. «Встречаясь и беседуя с этими людьми, — сказал Н. С. Хрущев, — испытываешь чувство горечи и сожаления о том, что так редко удается писателям и художникам достойно воплотить в произведениях литературы и искусства образы наших людей, показать, что это новые люди, рожденные и воспитанные эпохой социализма. Эти новые люди являются борцами за свободу и счастье человечества, воплощают в себе высокие душевные качества и черты коммунистической морали».

Завод как он есть

Слитность, нерасторжимость материального и духовного прогресса — отличительная черта социалистической культуры. Советское предприятие, какую бы продукцию оно ни производило, вырабатывает попутно новые человеческие качества, нравственные, умственные, физические.

Завод имени Владимира Ильича — это несколько тысяч людей, которые объединенными усилиями дают стране высококачественные электродвигатели. Но тот же завод — это и десятки самодеятельных художественных коллективов. Их участники слушают циклы лекций по театру, музыке, литературе. Хотя они не ушли целиком в искусство, но искусство навсегда вошло в них. И потому такие горячие споры вспыхивают в цехах о спектаклях, о книгах, о новых музыкальных произведениях.

Завод — это легкоатлетические состязания, кроссы, спартакиады, зимние, весенние, летние; четырнадцать футбольных и восемнадцать волейбольных и много других команд (спортом здесь не занимается редкий молодой рабочий). Организованная забота о силе, ловкости человеческого тела лежит на плечах горячих и умелых энтузиастов. Они были вознаграждены, когда вся Москва смотрела по телевидению выпуск, посвященный спортивным делам ильичевцев.

В Большой Советской Энциклопедии есть статья о заводе на Щипках. Ее написал кадровый ильичевец Николай Пислегин. Для этого он провел подлинно исследовательскую работу.

На страницах газеты «Вечерняя Москва» встречаются френологические заметки за подписью В. Охотникова. Их автор работает шлифовальщиком на заводе имени Владимира Ильича. Недавно он поместил в многотиражке «Боевые темпы» написанный очень наблюдательно и по-настоящему поэтично рассказ о своей недавней поездке с сыном в верховье реки Нудоль.

При «Боевых темпах» действует литературное объединение «Ильичевец»; несколько из его членов уже вышли за пределы заводской печати. Внимание рабочих привлекла оживленная дискуссия о понятии прекрасного. Очень интересно прошел здесь «день поэзии», участие в котором приняли видные советские литераторы. День поэзии на заводе! Даже самый смелый мечтатель вряд ли мог подумать об этом сорок лет назад, когда два класса церковно-приходского училища создавали рабочему славу грамотея.

Политическая зрелость и знание техники, физическая культура и эстетический вкус, широкая осведомленность о том, что происходит в мире, воспитываются в коллективе одновременно. Удивительно ли, что социалистическая разносторонность становится все более характерной для облика советского рабочего?!

На заводе имени Владимира Ильича мне не раз приходилось слышать о рационализаторских удачах слесаря по штампам — Сергея Анатольевича Антонова. Я узнал, что у него непокладистый, шумный и даже задиристый характер, что, поднимаясь на трибуну, Антонов редко говорит приятные для начальства вещи, зато шипов в его выступлениях хоть отбавляй; что он очень чуток ко всем новым и смелым начинаниям, поборником и ярым защитником которых тотчас же становится.

Как-то в заводском клубе я услышал в исполнении молодой работницы не известную мне басню «Гудок». Автором был назван Сергей Антонов.

Неужели тот самый? Оказалось, тот самый. Басни Антонова очень любят на заводе. В них люди не принимают обличья зверей, огонь ведется прямой наводкой, с хорошей злостью осмеиваются дутые авторитеты, зажимщики рабочей инициативы, подхалимы, лодыри.

Сатирик! Вновь узнанная черта дополняла мое представление о немном новаторе. Оставалось с ним познакомиться.

Сергея Анатольевича я застал в неожиданном окружении. Большую, но, скажем прямо, порядком уплотненную комнату, кроме самого хозяина и его семьи, заселяли многочисленные пресноводные и пернатые обитатели. Я попал в какой-то зооуголок. «Дети завели», — подумал я. Нет, не дети, а отец.

В Антонове радуется то, что он пронес через сутолоку городской жизни одну из стародавних чудесных русских черт — любовь к живому. Но начали мы разговор о птичьем рынке, кормах, и вдруг выяснилось, что на заводе имени Владимира Ильича существует целое племя любителей природы. Сотни рабочих увлекаются рыбной ловлей, для этого на заводе существует филиал специального общества. Завянутый рыбак — Сергей Ильич Невструев. Очень сильна среди ильичевцев тяга к разведению цветов, фруктовых деревьев, ягодников, и есть место, где ее можно реализовать, — солидный земельный массив в Подмосковье. Замечательный сад вырастил Иван Иванович Калачов. Приезжайте в Востряково — увидите!

— Не помню я такого ни до войны, ни даже еще лет пять назад, — говорит Антонов, прилаживая шланг для перекачки воды из аквариума.

— Перельешь, опять перельешь, — самым пессимистическим тоном заявляет маленькая Валя; ее ротик плотно сжат, а озорные круглые глаза вездут при этом с отцом лукавую, им одним понятную игру.

— Смотри мне, пророчица! — грозит пальцем отец и продолжает беседовать со мной. — Точно прорвалась какая-то запруда — подай всем зелень, птиц, большие и малые чудеса земли. Что случилось? Я думаю, завелся душевный достаток. Шире стал человек, открылись у него глаза на многое.

— Льется, льется прямо на пол! — звонко хлопает в ладоши Валюша. Лицо ее расплылось в улыбку, и тут-то обнаруживается, что всем она взяла, а зубов нет, самая пора им меняться.

Смеется и Антонов. И, глядя на них, улыбается вошедшая из кухни мать, хотя надо подтирать паркет и ничего смешного не случилось, но всем весело. Очевидно, в этой семье привыкли искать поводы для веселья, а не для раздражения.

Очень забавно рассказывает об отце Валюша; дочка в курсе всех его дел. От нее вы узнаете, как папа промахнулся с покупкой скворца, и как ему вручали недавно значок отличника, и что не дело по утрам кормить птиц, а самому уходить не евши, а уж за струнный оркестр папе совсем не надо было браться, потому что где же взять на все время! Говорится это не спеша, рассудительно, и совершенно ясно, что в запасе у Валюши еще целая груда событий, от которых она не прочь разгрузиться.

Об этих происшествиях не расскажет подросток Таня. Она очень гордится отцом, но не хочет выносить свое чувство на свет. Ничего подобного вы не услышите и от Шурика, потому что у него вообще нет времени для разговоров с посторонними. У мальчугана уйма дел, причем некоторые из них покрыты глубокой тайной. Одна из них разоблачена лишь на днях: Шурик подружился с соседом-мотоциклистом и уже разбирается во внутренностях машины.

Но и мотоциклет, и аквариум, и любое иное увлечение забываются здесь ради шутки, а то и веселого, остроумного вышучивания. Уж где-где, а у Антоновых не упустят случая посмеяться!

Семья пристрастна к чтению. Книги стоят на почетном месте, маленькая, но продуманно собранная библиотечка. В ней представлены Крылов и Пришвин, Гоголь и Блок, Сервантес и Шолохов, Свифт и Маяковский. Это книги-друзья, к ним постоянно возвращаются, перечитывают вновь и вновь любимые страницы. Особенно близкие строки, крылатые слова и свои мысли Сергей Анатольевич заносит в записную книжку.

В ней я прочел:

«Идти к цели через опыты и учиться на ошибках (Эдисон)».

«Когда я стал, мир пошел (Пришвин)».

«Теория, мой друг, сера.

Но зелено вечное дерево жизни (Гёте)».

«Что такое искусство? Сгусток природы (Бальзак)».

«Для того, чтобы изобретать, необходимы три условия: 1) иметь голову, 2) уйти в дело с головой, 3) не терять головы, если ничего за это не получишь».

Я бережно закрываю маленькую книжечку.

Пора уходить, но жаль расстаться. Я обвожу взглядом комнату, где цветы, птицы, книги, телевизор, вся атмосфера дружной и счастливой семьи выдают черту нашей действительности — разносторонность советского рабочего-новатора, природолюбца, обличителя чувств, навыков, протянувшихся в наш день из немилого прошлого.

Апологеты капитализма с упорством, достойным более разумного применения, продолжают на все лады тянуть столетней давности погудку: социализм-де суживает человека. Бардам буржуазного индивидуализма не хочется открыто признать, что истинная разносторонность возникает лишь из страстной приверженности к одной всепоглощающей великой цели.

Легче создать совершенную промышленность, чем совершенных людей. Если глядеть из будущего, мы, возможно, прошли крохотный, но самый трудный отрезок предстоящего пути. Но и эта ступень высоко подняла нас над буржуазной ограниченностью.

В романе Митчелла Уилсона «Жизнь во мгле» есть очень убедительный в своей жизненности образ старого профессора Кларка Ригана, красиво начавшего свою дорогу в науку. А кончает он тем, что «с горлом, сухим от ненависти», подглядывает по вечерам через сконструированный в юности телескоп за частной жизнью своих коллег. Такие метаморфозы в изобилии преподносит «свободная» заокеанская действительность.

Старшим мастером трудится и по сей день Михаил Алексеевич Подкопаев. Ему уже вышла пенсия, и немалая; в таких годах можно бы и отдохнуть, особенно если по вечерам ждут тебя внук, сын, невестка и в просторной квартире есть где понежиться и есть чем поразвлечься. Но внук часто засыпает, не дождавшись дедушки. Михаил Алексеевич, видите ли, посещает семинар конкретной экономики. Он выдвинул через печать мысль о создании музея истории родного завода. Не так давно он делился в Доме журналиста воспоминаниями о Ленине.

Человека создает общество. В одном случае оно с годами отсекает, как засохшие ветки, некогда блестящие устремления и превращает ученого в наблюдателя чужих интимных тайн; в другом — наделяет уже пожилого человека новыми чувствами, замыслами, превращает бывшего чернорабочего в общественного деятеля.

Еще один ильичевец

Среди многочисленных уголков перестраиваемой Москвы трудно найти более контрастный и своеобразный, чем район Варшавского шоссе. Новое в облике улиц утвердилось тут далеко не так полно, как в других местах, оно только выслало сюда первых разведчиков — широкофасадные горделивые дома. Они размашисто и смело, великанным шагом ворвались в неповторимый по пестроте пейзаж, где на небольшом пространстве соседствуют сомкнувшиеся, точно крепость, корпуса прежней Даниловской мануфактуры и унылые казарменные здания, построенные некогда для рабочего люда, и бог весть из какого века заблудившиеся ветхие домишки, покосившиеся не то от старости, не то от удивления перед обступившими их переменами.

Добавьте ко всему этому широко, не по-городскому раскинутый горизонт, холмы, позволяющие видеть, что как ни пространна Москва, но и она обрывается шеренгой индустриальных гигантов, — и вы получите некоторое представление о том месте, где стоит десятиэтажный дом, построенный для ильичевцев в прошлом году.

В этот дом меня привело знакомство с Александром Селиверстовичем Смирновым. Оно завязалось случайно, при не совсем обычных обстоятельствах.

На заводе имени Владимира Ильича показывали свое мастерство артисты приехавшего в Москву шанхайского театра Пекинской оперы.

— Пекинская опера хороша, но Шаосинская ей ни в чем не уступает, — сказал сидевший рядом со мной мужчина средних лет в синей спецовке, очень тихий и очень задумчивый.

Завязалась беседа. Вначале я был уверен, что мой новый знакомый видел Шаосинскую оперу в Москве в 1955 году. Оказалось, он видел ее позже в Китае. Смирнов пригласил меня посмотреть фото, привезенные оттуда.

Снимков было очень много. На них Александр Селиверстович и его товарищи беседовали с китайскими энергетиками, осматривали пагоды и

электростанции, императорские дворцы и детские ясли, города с тысяче-летним прошлым и еще недостроенные рабочие поселки, переплывали реки, безбрежные, как море, и катались в плоскодонных лодочках на парковых озерах, поросших причудливыми цветами. И вот среди фотографий мелькнула сцена из «Опьяненной Ян Гуй-фэй», и несравненная, прошедшая через века нежная красавица предстала передо мной в одном из самых своих совершеннейших воплощений, созданных Мэй Лань-фаном. Смирнов видел игру великого актера. Он смотрел и гордость Шаосинской оперы кудесницу Фу Цюань-сян, покорившую москвичей.

Теперь у Александра Селиверстовича был повод поделиться своими впечатлениями о китайском театре. И не только о китайском, но и о берлинском, — так я узнал, что Смирнов совершил длительную поездку по Германской Демократической Республике.

В нашу жизнь вошла новая разновидность бывалого человека. За его спиной нет ни романтической профессии, ни опасных путешествий, он не горел в танке, не партизанил, он изо дня в день занят одним и тем же будничным делом, и вот оно-то и выводит его за рубежи родной страны, делает желанным гостем в братском государстве.

Московский рабочий посещает дом Гёте, он слушает органную музыку в Дрездене, а потом на Востоке жадно всматривается в сокровища древнейшей цивилизации. Такому человеку есть что порассказать.

Чем больше видит глаз, тем он становится требовательнее. Так приходит подлинная культура. Не потому ли мера и вкус чувствуются во всем в этой двухкомнатной, очень скромно обставленной квартирке, полной воздуха, света и чего-то неопределимого, очень чистого, что идет уже не от обстановки, а от чистоты человеческих отношений.

За стеной возникает мягкая мелодия — вначале неуверенная, затем быстро крепнущая импровизация. Это играет на баяне Сима Смирнов. С осени отец, по совету педагогов, хочет определить сына в музыкальную десятилетку.

— Иногда приходишь к своему дому, — говорит Александр Селиверстович, — а он как музыкальная шкатулка: изо всех окон музыка, пение. Хорошо!..

Передо мной человек, очень любящий искусство и подготовленный к его восприятию больше, чем рабочие старших поколений. Смирнов пришел на завод в разгар культурной революции. Голод и холод остались позади. Настало время заботы о духовных потребностях народа. В годы свирепой экономии многие миллионы рублей тратились на то, чтобы рабочие бесплатно смотрели спектакли, слушали концерты. Впервые в мире вместе с экономикой планомерно осваивалась и культура. И здесь были свои передовики. Смирнов принадлежал к ним. С тех пор минуло немало лет...

Александр Селиверстович складывает фотографии и задумчиво произносит, бросая последний взгляд на запечатленные на них реки, озера, дворцы, пагоды:

— Природа, искусство — чего лучше! Но одно зрелище показалось мне прекраснее всех других в Пекине. Знаете ли какое? Снос старых кварталов. Советский бульдозер играючи подминал под себя ветхие фанзы. Они на глазах превращались в пыль, очищая место для нового.

Очистить место от обветшавшего для нового! С этого начинается все — благополучие, человечность, красота...

Снести старое — не значит покончить с ним. Пока есть корни, есть и поросль. Есть люди, которые слишком многое потеряли, чтобы разбираться в средствах борьбы. Есть люди, которые ничего не потеряли, но прошлое цепко держит их в своих путях, вливается в них рельефом предрас-

судков, собственнических навыков. И в Шанхае и в Дрездене Смирнов видел, насколько еще по-разному работают, по-разному думают.

Иначе и не может быть. И мы прошли через это. Ленин говорил тогда, упоминая о закрытии Сухаревского рынка, что страшен не этот рынок сам по себе, а та «сухаревка», которая живет в душе и действиях каждого мелкого хозяина». Ее-то не закроешь никаким декретом. Расколотая силой новых чувств, размытая временем, она и по сей день дает знать о себе карьеристами, лодырями, рвачами и просто мутными субъектами.

— Доисторическая порода — так думал я о них еще совсем недавно, — делится со мной своими мыслями Александр Селиверстович, — а повидал свет и мысль по-иному. Порода вполне современная, только не на наш образец. И вытравить ее до конца очень трудно, пока твой сосед, возможно, дышит еще тем воздухом. Отгородись-ка от него! И когда кое-кто на очень высоких постах начинает шататься, терять веру в силу народа, это в конечном счете жмет капитализм... Вот рассуждали об искусстве, а пришли к политике, — улыбаясь, замечает Смирнов. — Ось, она всегда ось, никуда от нее не денешься.

Политика для моего собеседника начинается с хозяйства, с трудовых усилий, таких неприметных, что разглядывай их хоть в лупу, если брать порознь каждое, и которые вместе сливаются в необъятную громаду. От такой политики — наша сила и наша уверенность, от нее мир на земле. Но коли так, то уж позвольте спросить с каждого за его труд полной мерой!

Я начинаю понимать, почему именно этого тихого, задумчивого рабочего коммунисты-ильичевцы послали своим делегатом на Двадцатый съезд партии. И вправду, нелегко встретить человека, в котором ровное воодушевление так гармонично уживается с суровой трезвостью, умением схватывать сразу и свет и тень в повседневных явлениях.

Новый поворот мысли, и я не узнаю Александра Селиверстовича. Его лицо принимает деловитое и даже суховатое выражение. Он берется за карандаш.

В наши дни приходится слушать немало рассуждений о резервах Смирнов ведет им строгий, я бы даже сказал, педантичный счет. Сейчас он, аргументируя цифрами, толкует о том, что перестройка аппарата управления промышленностью должна продолжаться на заводе. Недавно объединили три небольших цеха. Это хорошо, но надо идти дальше. Смирнов помнит время, когда во всем инструментальном цехе насчитывалось с десятков инженеров и техников, а сейчас на участке с тридцатью рабочими четыре мастера, два распреда, два контролера, над ними технолог, старший мастер ОТК. Не многовато ли?..

Рядом со мной сидел и толковал о государственных делах рачительный и жесткий хозяин.

— Выйдемте на балкон, — неожиданно предлагает он, — я вам кое-что покажу.

С пятого этажа открывается вид, который в старину назвали бы захватывающим. Это тоже край Москвы, но обрывается она здесь не своей промышленной мощью, а зеленой грядой Ленинских гор, к ним подступают бело-розовыми уступами новые жилые дома, грандиозное подножие, с которого возносит в небо свою певучую остроконечную громаду Московский университет.

Но Александр Селиверстович смотрит вниз, на маленький пятачок земли, поросший хилой травой.

— Вспомните, — сказал он, — наверное, здесь бывали.

И я вспомнил. Тут стояли бараки. В небольших комнатах с маленькими, низко посаженными окнами, одной кухней на десять семейств жили рабочие.

— Вот там, справа, будет заложен еще один дом, такой же красавец, как и наш. Еще несколько лет, и конец всем баракам, всем завалюхам.— Александр Селиверстович чертит в воздухе крест. Он снимает очки, и я вижу, как теплы его глаза.

В бараках жили неутомимые, терпеливые советские люди. Жили долго, не год, не два. Страдали от скученности, от неудобств. Им было очень нелегко, но они умели ждать, потому что умели приближать желаемое. Партия научила их великому искусству сжимать время.

И пора больших свершений приблизилась. Еще недавно мы говорили: догнать и обогнать — и не уточняли сроков. Теперь обозначились рубежи для многого — для молока, масла, мяса, для жилья. И все больше экономистов за рубежом подсчитывает сроки, когда Советский Союз, уже опередивший по экономической мощи все крупнейшие капиталистические державы, кроме одной, опередит наконец и эту последнюю.

Вот отчего так много мыслей будит маленький «пяточок», на котором еще недавно стояли бараки.

Пожалуй, сквера спокойнее и меньше нет в Москве. Он вытянулся узкой аллеюшкой между заводской оградой и подступившими вплотную к ней уютными, увитыми зеленью домиками старинной постройки. И оттого, что они невелики, такой большой кажется прямоугольная колонна, с которой, словно с вышки, смотрит вперед запечатленный в камне Ленин.

Ему здесь очень хорошо. За его спиной славно разрослись молодые ухоженные деревья. Тут же буйно, сплошным строем цветут флоксы, левкои. Цветы всегда лежат и у подножия постамента. Их приносят старики, девушки, дети. Рядом, за оградой, именно так, как он мечтал, сообщают работают люди, за чье счастье он боролся. Некоторые из них видели, слышали его здесь же.

У сквера часто задерживает свой шаг Михаил Алексеевич Подкопаев. Нередко, окруженный гурьбой школьников, приходит сюда Иван Иванович Калачов. С этого места он начинает экскурсию по заводу, ставшему живым памятником Ильичу. А монумент как бы заглавная страница к нему. Ребята молча читают ее. И на их лицах, только что насмешливых и проказливых, озорных и рассеянных, теперь отражается одно строгое, большое и недетское чувство. А иногда в погожий денек Иван Иванович, живущий по соседству, отдыхает в сквере с внуками. Мальчику седьмой год, и он важно катит в коляске сестренку, крохотное загадочное существо. Существо это еще не знает ничего о мире, но уже ощущает, что он ласков и тепел к ней, и улыбается ему.

Улыбайся, милая, расти! Пока ты вырастешь, повзрослеешь, наш мир станет еще ласковее, теплее и моложе. Отсвет этой молодости лежит уже на заводе, под чей мерный шум ты полудремлешь в коляске, и на темной тополиной листве, колышущейся над тобой.

Люди могут делаться только старше. Человечеству же дано молодеть. Мы зовем эту молодость коммунизмом.

Недавно, в один из фестивальных вечеров, и я побывал на Павловской улице, возле завода имени Владимира Ильича. В маленьком сквере было тише обычного. Даже влюбленные парочки и те отхлынули в центр, туда, где по площадям и улицам катился пенящийся вал многоязычного веселья. Но праздник чувствовался и здесь. Сильное и ровное освещение мягко выносило из нежной августовской полутьмы облик Ильича. И, глядя на него, у постамента недвижно и благоговейно стояли темнотицы юноши и девушки в свободных белых одеждах. Они удалились неслышными шагами.

«Guardate, guardate, esse lo!» («Смотрите, смотрите, вот он!») — слышалась певучая речь.

Это пришли итальянцы. Затем появился негр с красным цветком. Он, склонившись, положил его на мрамор. Потом сел на скамью и обхватил руками колени. Я так и оставил его в глубоком раздумье.

А к памятнику поодиночке и группами все подходили и подходили дети разных рас и континентов и несли к нему сдержанную, немую дань признательности за благодатные перемены на земле, за то, что существует общество, где человека делают человеком не фразы о добре, истине, справедливости, а сила самих обстоятельств.

Более века назад Маркс, развивая мысль о безнадежности попыток сделать человека человеческим, не сделав человеческими обстоятельства, писал, что только «уничтожение частной собственности представляет полное освобождение всех человеческих чувств и свойств».

Всего четыре десятилетия — крайне малый срок в истории — длится в Советской стране, уничтожившей эксплуатацию, великое совершенствование обстоятельств. Но уже значительны его плоды. Человек стал другим, и его новые чувства и свойства особенно радостно видеть на заводе, где Владимир Ильич Ленин на заре Советского государства «объяснился на чистоту» с рабочими о природе двух властей и двух демократий.

СОРОК ОКТЯБРЕЙ — СОРОК СТИХОТВОРЕНИЙ...

Великая Октябрьская революция в стихах русских советских поэтов

Когда в 1918 году, в первую годовщину Великой Октябрьской социалистической революции, Владимир Маяковский назвал революцию благословенной, когда он писал в 1919 году: «Сотую — верю! — встретим годовщину», — недоброжелатели иронически ухмылялись. Но вот прошло сорок лет — и что осталось от усмешек скептиков и от них самих?! А страстная убежденность, с которой славил революцию Маяковский, стала органической чертой всей советской поэзии!

Великий Октябрь — это знамя нашей литературы, знамя не только политическое, но и эстетическое. В идеях Ленина, идеях Коммунистической партии, в неутомимой борьбе ее сынов за торжество коммунизма советские поэты находили и находят неиссякаемый источник творчества. В героическом размахе революционной борьбы и социалистического созидания они черпают материал, героев, темы. Ленинский принцип коммунистической партийности служил, служит и будет служить советским поэтам вернейшим компасом, ярким маяком, освещающим их творческие поиски на путях подлинно народного, правдивого, жизнеутверждающего искусства.

Если бы свести воедино лучшие из стихов об Октябре, это поэтически раскрыло бы заново и величие пути, пройденного нашей поэзией, и неотрывность ее судеб от судьбы партии и народа, и то поистине неоценимое обогащающее влияние, которое оказали на поэзию великие идеи Октября.

Стоит сравнить интонацию, ритм, наконец, самую творческую манеру, с которой решают октябрьскую тему поэты разных поколений и художественных устремлений, — от мягкой, задумчивой лирики до философского раздумья и ораторского пафоса, — чтобы убедиться, как неисчерпаема тема Октября, как рассыпаются при первом соприкосновении с фактами сочиненные врагами нашей страны и нашего искусства мифы о мнимом «однообразии» советской поэзии.

Если глубже взглянуть в раскрывающуюся картину, легко убедиться: вопреки утверждениям недоброжелателей или невежд картина эта отнюдь не статична, в ней есть своя эволюция, движение темы. Пусть поэты и двадцатых, и тридцатых, и сороковых годов обращаются к одним и тем же событиям — на каждом стихотворении лежит не только неизгладимый отпечаток Октября, но и печать того времени, которое его создало. Жизнь не стоит на месте, не стоит на месте и советская поэзия, и каждое поколение, каждый настоящий художник находит новые краски и черты в этой величественной странице истории.

В поэзии двадцатых годов тема Октября сначала чаще всего связывалась с романтикой походов, штурмов, партизанских подвигов, позже в ней зазвучали мотивы свободного творческого труда, возникли образы могучей социалистической стройки. Бурный рост социалистического строительства в городе и деревне властно диктовал новый «поворот» темы, может быть лучше всего выраженный в стихотворении В. Маяковского «Не юбилейте!». Как ни хочется Маяковскому «дать... революции такие же названия, как любимым в первый день дают!», он настаивает:

...для нас
 юбилей —
 ремонт в пути,
 постоял —
 и дальше гуди.

Октябрь требует не «названия в колокол», а неустанного труда, смелого творчества, дерзновенных поисков и борьбы — борьбы против сил старого мира, борьбы в труде, в политике, в идеологии. Эта мысль входит в советскую поэзию как закономерное развитие октябрьской темы.

А к теме социалистического созидания жизнь прибавляет еще одну тему — тему бдительности, готовности защищать завоевания революции с оружием в руках. «Держать порох сухим» — этот патриотический призыв особенно настойчиво звучит в поэзии предвоенных и военных лет. И когда сегодня перечитываешь ноябрьские, праздничные номера газет и журналов, вышедшие в годы Отечественной войны, то кажется совершенно естественным, что о наших бойцах, отстаивающих честь и независимость любимой Родины, поэты говорят как о воинах революции, солдатах Октября. Да, в дни войны в творчестве наших поэтов с особенной силой зазвучало слово Родина. Бой-то шел за Советскую родину, ту, что мы заново завоевали для себя 7 ноября 1917 года! Когда наши солдаты в тяжелых боях отстаивали независимость Родины, когда они затем победоносно шли на штурм фашистских твердынь, они несли на своих знаменах негаснущую правду Октября, они были солдатами Революции, и стихи, прославлявшие их подвиг во славу Родины, закономерно развивали в новых исторических условиях то чувство пролетарской солидарности, «чувство семьи единой», которое так громко звучит в многонациональной советской поэзии с самого ее возникновения. И стихи о трудовом подвиге народа, определяющие нашу современную послевоенную поэзию, — это тоже стихи в честь Октября, как и те, что прямо обращаются к незабвенным дням 1917 года.

Как в самой жизни, как в самой нашей истории, так и в нашей литературе Октябрь неотделим от образа Ленина и образа Партии. Знаменитые строки Маяковского «Партия и Ленин — близнецы-братья» могут служить эпиграфом ко всей советской поэзии, проникнутой и вдохновленной идеями Ленина, идеями коммунизма и запечатлевшей Ленина и Партию в эпических поэмах и проникнутой лирике.

Художественная сила и выразительность стихов о революции позволяют выявить важную черту советской поэзии — ее благородную публицистическую традицию. Не случайно лучшие стихи, связанные с октябрьской темой, появлялись именно в периодической печати как непосредственный отклик на годовщины и оставались затем жить в нашей поэзии. Глубокая органическая связь с революцией, с партией, с народом, активное вторжение в жизнь, живой отклик на политическую злобу дня лишь помогали творческим исканиям наших поэтов, открывали перед ними все новые и новые горизонты. Так наглядно опровергается та лживая легенда о «вредности» публицистичности для художника, против которой всю жизнь боролся своим творчеством Маяковский.

И еще одно обстоятельство бросается в глаза: гигантское и плодотворное влияние Октябрьской революции на судьбы народов, в прошлом угнетенных, бесправных и достигших расцвета жизни и культуры в братской семье советских народов, которое так глубоко и полно отразилось в стихах об Октябре таких поэтов, как Максим Рыльский и Егише Чаренц, Микола Бажан и Галактион Табидзе, Людас Гира и Мажит Гафури, Джамбул и Стальский, Янка Купала и Хамза, Ян Судрабкалн и Самед Вургун...

Посвященная Октябрю поэзия дает широкую и яркую картину не только всесоюзного, но и мирового, международного значения Великой социалистической революции, свершившейся в России. К незабываемым дням Октября обращаются прогрессивные поэты капиталистических стран. К этим дням обращается поэзия тех народов, которые борются против колониального рабства и выходят на широкий путь национальной независимости. К ним обращаются поэты великого Китая и всех стран народной демократии, вставших на путь строительства социализма.

Тема Октября никогда не будет исчерпана: каждое новое поколение поэтов найдет в ней новые источники вдохновения, каждое прославит по-своему «Октябрьское, руганное и пропетое, пробитое пулями знамя».

На страницах журнала невозможно, разумеется, воссоздать сколько-нибудь полную грандиозную поэтическую картину, которая складывается из произведений, посвященных Октябрю (хотя потребность в такой картине очевидна, и нашим издательствам следует подумать о создании подобной антологии). Не претендуя на то, чтобы заменить будущую антологию, редакция считает, однако, целесообразным представить на страницах журнала хотя бы небольшую часть такой картины. Пусть в нее неизбежно войдет далеко не все лучшее из того, что сделано советской поэзией в решении этой магистральной темы,— даже первый намек на будущую картину не может, думается, не представить интереса для читателя.

Но что отобрать из этой гигантской картины? Как воссоздать хотя бы маленькую часть ее на узком «плацдарме» журнала? Каким принципом отбора руководствоваться, если невозможно представить больше чем по одному стихотворению за каждый год, а в одном и том же году стихи об Октябре писали Аюпян, Чаренц и Маяковский?

Редакция попыталась показать движение октябрьской темы в одной национальной поэзии — русской. Конечно, это обрекает картину на неизбежную неполноту, ибо невозможно сегодня представить себе любую национальную советскую литературу без тесного взаимодействия с братскими литературами. Частичная попытка восполнить этот пробел делается в примечаниях.

И второе. Октябрьская тема публицистична по самой своей природе. Несомненно, интересно проследить, как поэтически решалась она на страницах нашей периодической печати. Желанием редакции проследить именно движение темы объясняется и то, что раздел построен не по «монографическому», а по хронологическому принципу, и то, что в основу подборки положены стихи, появлявшиеся главным образом в наших газетах и журналах в связи с празднованием годовщин Октября. Этот же принцип положен и в основу примечаний. В них указывается источник публикации, называются, а по возможности и аннотируются, некоторые другие стихи на ту же тему, появившиеся главным образом в периодике.

Естественно, что многие хорошие стихи оказались просто физически невозможным включить в подборку из-за отсутствия места, а также, что в ней до обидного мало отражено творчество наших поэтов, а многие не представлены и совсем. Из соображений места пришлось отказаться и от включения в подборку широко известных произведений крупной формы (поэмы «Двенадцать» Блока, «Владимир Ильич Ленин» и «Хорошо!» Маяковского, «Про землю, про волю, про рабочую долю» и «Главная Улица» Д. Бедного и другие).

Работа по составлению раздела (подбор текстов, их подготовка к печати и примечания) выполнена А. Коганом и Л. Левицким. Помощь в этой работе оказали сотрудники Библиотеки СССР имени В. И. Ленина Н. И. Тюлина, Т. Н. Постримова и А. А. Кунина.

1917 год

ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ

ЕШЬ АНАНАСЫ

Ешь ананасы,
рябчиков жуй!
День твой последний
приходит, буржуй!

Владимир Маяковский. Ешь ананасы. Впервые напечатано в журнале «Соловей» № 1, 1917 г.

В статье «Только не воспоминания» поэт писал: «Это двестише стало моим любимейшим стихом: петербургские газеты первых дней Октября писали, что матросы шли на Зимний, напевая какую-то песенку: «Ешь ананасы»... и т. д.»

В этой самооценке отчетливо выявлено то общее требование, которое Маяковский предъявляет к советской поэзии, — требование действительности. Позднее поэт не раз высказывался об этом с той же определенностью: «Пусть вспоминают лирики стишки, под которые влюблялись. Мы рады вспомнить и строки, под которые Деникин бежал из Орла».

Д. Бедный откликнулся на революцию поэмой «Про землю, про волю, про рабочую долю». Эта первая в советской поэзии поэма была посвящена Октябрю и датирована 1917 годом (эпилог написан в 1920 году).

Горячо откликаются на Октябрьскую революцию поэты ранее угнетенных национальностей, которые революция освободила навеки. Мажит Гафури (позднее народный поэт Башкирии) выступает со стихами: «Дни освобождения», «Весть свободы» и другими. Галактион Табидзе в афористичном восьмистишии «Хмурясь, город глядит» рисовал картину Петрограда в ночь на 25-е: безмолвен корабль, неподвижно стоящий среди реки, над мачтами —

Облаков набегающих ключья,
И орудий стволы, устремленные к сонной земле,
Судьбы мира решат этой тихой осеннею ночью.

Едва ли не впервые в советской поэзии возник в этом стихотворении величественный образ «Авроры».

1918 год

НИКОЛАЙ ПОЛЕТАЕВ КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ

Знамен кровавых колыханье
На бледно-синих небесах,
Их слов серебряных блистанье
В холодных и косых лучах.
Рядов сплоченных шаг размерный,
И строгость бледно-серых лиц,
И в высоте неимоверной
Гудение железных птиц.
Не торжество, не ликование,
Не смехом брызжущий восторг, —
Во всем холодное сознание,
Железный непреложный долг.

Н. Полетаев. Красная площадь. Публикуется по книге: Н. Полетаев. Стихи («Библиотека «Горна»). 1919 г.

Первый послеоктябрьский год был для советской поэзии очень плодотворным. Революции посвящают свои стихи поэты разных поколений и школ — и давно служащие своим пером революции (Бедный, Полетаев), и поэтическая молодежь (А. Безыменский, и художники, приходящие к революции, — А. Блок создает в 1918 году «Двенадцать» и «Скифов».

Одно из наиболее значительных программных стихотворений года — «Ода революции» В. Маяковского (впервые появившаяся в № 27 литературно-художественного журнала «Пламя» 7 ноября 1918 года). Не закрывая глаза на неизбежные противоречия революции, поэт возносит «над руганью реемой» горжественное «о» оды, противопоставляет обывательскому «о, будь ты проклята трижды!» свое «поэтово — о, четырежды славясь, благословенная».

Стихи о первой годовщине Октября широко публикует центральная пресса. В «Правде» напечатаны стихи Д. Бедного, В. Александровского, в «Известиях» стихотворение Юрика Ивнева «Октябрь» (номер за 6 ноября). 10 ноября под общим заголовком «К годовщине Октябрьской революции» в «Известиях» были опубликованы «Ключ» П. Орешина, «Портрет» С. Обрадовича и «Раскаianie оборонца» П. Нарбута.

Горячо откликаются на годовщину поэты народов, освобожденных революцией. Назовем, к примеру, стихотворения Хакимзаде Ниязи Хамза (будущего народного поэта Узбекской ССР): «Да здравствуют Советы!», «Пусть в мире торжествует труд».

★

1919 год

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН

КАНТАТА

Спите, любимые братья!
 Снова родная земля
 Неколебимые рати
 Движет под стены Кремля.
 Новые в мире зачатья,
 Зарево красных зарниц...
 Спите, любимые братья,
 В свете нетленных гробниц.
 Солнце златою печатью
 Стражем стоит у ворот...
 Спите, любимые братья,
 Мимо вас движется ратью
 К зорям вселенским народ.

Сергей Есенин. Кантата. Впервые напечатана в сборнике «Зарево заводов», книга I (Самара, 1919). «Кантата» посвящена памяти бойцов, павших в боях за Великую Октябрьскую социалистическую революцию, и написана к открытию на Кремлевской стене мемориальной доски, исполненной С. Т. Коненковым, ныне народным художником СССР.

В центральной прессе к празднику появляются: «Вопль отчаявшейся буржуазии» Д. Бедного («Известия» за 7 ноября) и его же «Правда-матка» («Правда» за 7 ноября) — исповедь поэта, который «за правду распинается почесть десятков лет» и не дает пощады «помещикам, заводчикам». Поэт горячо любит Родину, «но не рабыню — Русь», а «советский вольный край».

Ярко отражают обстановку и настроение тех лет заключительные строки стихотворения:

В сапожках Кривда в лайковых,
 А Правда — босиком.
 Но за босою Правдою
 Пойдем мы прямиком!

В том же номере газеты опубликован и отрывок «1919 г.» (из поэмы «Псединок») пролетарского поэта Василия Александровского — о «бешеном набате» Октября, ударившем «над сонными полями». В том же году написаны «Россия» и «Нам проба» В. Брюсова — о революционном обновлении России.

★

1920 год

ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ

Я ВЫРАСТАЛ В ГЛУХОЕ ВРЕМЯ...

Я вырастал в глухое время,
 Когда весь мир был глух и тих,
 И людям жить казалось в бремя,
 А слуху был не нужен стих.

Но смутно слышались мне в безднах
 Невнятный гул, далекий гром,
 И топоты копыт железных,
 И льдов тысячелетних взлом.

И я гадал: мне суждено ли
 Увидеть новую лазурь,
 Дохнуть однажды ветром воли
 И грохотом весенних бурь.
 Шли дни, ряды десятилетий.
 Я наблюдал, как падал плен.
 И вот предстали в рдяном свете,
 Горя, Цусима и Мукден.
 Год пятый прошумел, далекой
 Свободе открывая даль.
 И после гроз войны жестокой
 Был Октябрем сменен Февраль.
 Мне видеть не дано, быть может,
 Конец, чуть блещущий вдали,
 Но счастлив я, что был мной прожит
 Торжественнейший день земли.

Валерий Брюсов. Я выросал в глухое время. Печатается по тексту, приведенному в книге: Валерий Брюсов. Незданные стихи (1914—1924). Собранные И. М. Брюсовой. Под редакцией Н. С. Ашуккина и А. А. Ильинского-Блюменау. Гиз. М.—Л. 1923. Теме Октября В. Брюсов посвятил также такие известные стихотворения, как «Третья осень», «Октябрь 1917 года», «Парки в Москве» (все написаны в том же году).

В литературном сборнике «Заря грядущего», выпущенном литературной секцией курсов красных топографов (1920), опубликовано стихотворение пролетарского поэта Павла Арского «Огненный Рубинон», заканчивающееся строками:

Не затрубит в «Трубу Возврата»
 На пепелище старый гном...
 Греми с восхода до заката,
 Интернационала гром!

«Правда» 7 ноября 1920 года опубликовала «Честь красноармейцу» Д. Ведного. «Россию» С. Обрадовича и стихотворение украинского пролетарского поэта Ивана Кулика «25 октября». «Известия» в этот день опубликовали «Красный Кремль» Вл. Кириллова и «В пути» Г. Устинова.

★

1921 год

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

В ТУМАНЕ

Хо-хо-хо!! Эка, братцы, проклятая мгла!
 Эй, не спи, подбодрись!.. Еще будут дела.
 Приготовьтесь, друзья, к неожиданной встрече.
 Скрыты мглою, враги сторожат нас кругом,
 Мы вчера посчитались не с главным врагом,
 Главный враг где-то рядом, от нас недалече.

Хо-хо-хо!.. Для уныния нету причин.
 Кто сказал, что вчерашняя битва — ошибка?
 Это, братцы, была генеральная сшибка,
 Генерального боя — великий почин.
 Не затем мы свершили такое начало,
 Чтобы нас укачало
 Мертвой зыбью бездонных пучин.

Капитан на посту. Его глаз осторожен,
Его твердой рукой руль направо положен,
Пусть кричат наши пленники в трюме — «ура!».
Мы ль смутимся теперь торжеством их поспешным?
Обреченные явственно силам кромешным,
Они были напуганы крепко вчера,
Новый курс окрылил им сегодня надежды,
Лица их и одежды
Омрачат ли нас праздничным видом своим?

На постах боевых мы спокойно стоим,
Чутким слухом мы ловим призыв капитана,
Что ведет наш корабль среди густого тумана,
Средь бесчисленных, явных и тайных преград,
Средь врагов, притаившихся где-то лукаво:

— «Впе-ре-ед!..» — «На-за-ад!..»

— «На-ле-е-во!..» — «На-пра-а-во!..»

— «Кре-пи-и па-ру-са-а-а!..»

И, певцу, любо мне среди натянутых тросов
Видеть чудо-работу героев-матросов,
Слышать громкие бодрые их голоса:
— «Е-е-е-есть!..»

Демьян Бедный. В тумане. Опубликовано в праздничном номере «Правды» (6—7 ноября).

Там же напечатаны стихотворения: «Владимирга» (его же), «Октябрь» В. Александровского и «Октябрь. 1917—1921» С. Образовича, говорящее о «четырёхлетье голода и пыток», но проникнутое оптимистической уверенностью:

И карайте, и карайте над нами—
Не потускнеет в смутные года
Пропитанное потом знамя
Труда.

В ноябрьских номерах «Известий» помещены стихи Петра Орешина «Да здравствует» и «Русь» Сергея Городецкого. В октябре Маяковский выпустил «Окно» РОСТА № 402 «Используем все», переключающееся по теме с приводимым стихотворением Д. Бедного. «Окно» кончается так:

И когда фундамент промышленности крупной
будет под Октябрь подведен,
и наша буржуазия
и заграничная купно
постепенно выкинется вон.

★

1922 год

НИКОЛАЙ АСЕЕВ

НОВАЯ КРЕМЛЕВСКАЯ СТЕНА

Октября
    кровавые знамена,
пулями
    прошитые
            насквозь,
разве вспомнишь
    всех вас
            поименно,

каждый
                   сердца бившийся клочок.
 И на каждом
                   лесовом завале,
 обрывая
                   трубки у гранат,
 вновь и вновь
                   они голосовали
 за тебя,
                   свободная страна!
 Это их
                   суровые колонны
 нынче вышли
                   на сплошной парад,
 это ихней
                   кровью раскаленной
 напоен
                   осенний листопад.
 Октября
                   кровавые знамена,
 пулями
                   прошитые насквозь,
 разве вспомнишь
                   всех вас
   поименно,
 отстоявших
                   зори над Москвой?

Н. А с е е в. Новая Кремлевская стена. Печатается по тексту, приведенному в книге: Н. Асеев. Разнолетье. Стихи. 1950 г.

Пятая годовщина Октября вызвала множество поэтических откликов. «Правда» 7 ноября опубликовала одно из лучших произведений Демьяна Бедного — поэму «Главная улица», а также стихотворение «К всесветному Октябрю» Ивана Жижина. 9 ноября в «Правде» напечатано стихотворение И. Филипченко «Ты». В «Известиях» 7 ноября помещены: «Кумач» Н. Асеева, «Рабочий» А. Ротштейна, «Шли» П. Орешина и «Пять лет» Георгия Шенгели.

В том же году написаны «Боги заговорили» — фрагменты классика армянской поэзии Акопа Акопяна.

1923 год

ЭДУАРД БАГРИЦКИЙ

ОСВОБОЖДЕНИЕ

За топотом шагов неведом
 Случайной конницы налет,
 За мглой и пылью —
 Следом, следом —
 Уже стрекочет пулемет.
       Где стрекозиную повадку
 Он, разгулявшийся, нашел?
 Осенний день,
 Сырой и краткий,
 По улицам идет, как вол...

Осенний день
Тропой заклятой
Медлительно бредет туда,
Где под защитою Кронштадта
Дымят военные суда.

Матрос не встанет, как бывало,
И не возьмет под козырек.
На блузе бант пылает алый,
Напруженный взведен курок.

И силою пятизарядной
Оттуда вырвется удар,
Оттуда, яростный и жадный,
На город ринется пожар.

Матрос подымет руку к глазу
(Прицел ему упорный дан),
Нажмет курок —
И сразу, сразу
Зальется тенором наган.

А на плацдармах —
Дождь и ветер,
Колеса, пушки и штыки,
Здесь собрались на рассвете
К огню готовые полки.

Здесь:
Галуны кавалериста,
Папаха и казачий кант,
Сюда идут дорогой мглистой
Сапер,
Матрос и музыкант.

Сюда путиловцы с работы
Спешат с винтовками в руках,
Здесь притаились пулеметы
На затуманенных углах.

Октябрь!
Внесен удар упорный
И ждет падения руки.
Готово все:
И сумрак черный,
И телефоны, и полки.

Все ждет его:
Деревьев тени,
Дрожанье звезд и волн разбег,
А там, под Гатчиной осенней,
Худой и бритый человек.

Октябрь!
Ночные гаснут звуки,
Но Смольный пламенем одет,
Оттуда в мир скорбей и скуки
Шарахнет пушкою декрет.

А в небе над толпой военной,
С высокой крыши,
В дождь и мрак,
Простой и необыкновенный,
Летит и вьется красный флаг.

Эдуард Багрицкий. Освобождение. Впервые опубликовано в газете «Известия» (Одесса, 7 ноября 1923 г.). Печатается по тексту ленинградской «Красной газеты» (7 ноября 1928 г.).

В «Известиях» 7 ноября напечатан «Шестой год» С. Городецкого, там же — «Марш-плакат» Сергея Третьякова, кончающийся четверостишием:

Долой банкиров!
Долой растап!
Рабочий мира,
Даешь Октябры!

В еженедельном журнале «Красная нива» (№ 44) напечатано «В Октябре» Петра Орешина с повторяющимся рефреном:

Мы шли — разбить.
Мы шли — сгореть.
Иль победить,
Иль умереть.

В литературно-художественном сборнике «Недра», книга I («Новая Москва», 1923) опубликован «Кремль» А. Ширяевца.

В «Правде» 7 ноября опубликованы стихи «В Октябре» В. Александровского.

1924 год

АЛЕКСАНДР ЖАРОВ

СЕДЬМОЙ ОКТЯБРЬ

В этот день, в этот час, в этот миг,
Когда землю знамена тревожат,
Когда вдумчивый ленинский лик
Светит в лицах живых молодежи,—
В этот день, в этот час, в этот миг
Я хотел бы
Быть на год моложе!

Не затем, чтоб вернуться назад,
К дням вчерашних бодрящих волнений.
Их и нынче несет на парад
Стройный строй молодых поколений:
Октябrevичей, Октябrevят —
Всех вписавших в сердца свои: «Ленин».

Всех пришедших сегодня спаять
Сердце с сердцем, шаг с шагом теснее,
Чтоб под ленинским знаком отдать
Жизнь заводам, полям и траншеям!..
В этот день хорошо бы не знать,
Что Ильич, наш Ильич — в мавзолее...

В этот миг, в этот час, в этот день,
День, который вождем заложен, —
Есть ли мысль, чем мысль о вожде,
Вдохновенней, острей и дороже?!

В этот миг, в этот час, в этот день
Я хотел бы
Быть на год моложе!

А. Жаров. Седьмой Октябрь. Напечатано в «Известиях» 7 ноября.

Седьмой год революции — год кончины В. И. Ленина. В большинстве стихов, опубликованных в этом году в связи с Октябрьской годовщиной, особенно остро звучат и боль народа, потерявшего Вождя, и уверенность в торжестве ленинского дела. Эти чувства нашли наиболее яркое выражение в поэме В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин». В номере «Известий» за 7 ноября Маяковский опубликовал отрывок из поэмы (от строки «Гнет капитала, голод-уродина» до слов: «мы и кухарку каждую выучим управлять государством»). В журнале «Прожектор» (№ 21) напечатаны стихи В. Наседкина, в праздничном (44-м) номере журнала «Красная нива» опубликована поэма Н. Асеева «Семь лет», в «Правде» (7 ноября) — сатирические стихи Д. Бедного «Семь лет — и все конца нет!» (с подзаголовком «Барынин сон»), «Лениния» И. Филипченко.

1925 год

ВИССАРИОН САЯНОВ СОВРЕМЕННОКИ

Пусть поют под ногами камня,
Высоко зацветают поля,
Для людей моего поколенья
Верным берегом стала земля.

И путиловский парень, и пленник,
Полоненный кайеннской тюрьмой, —
Все равно, это мой современник
И товарищ единственный мой.

И расскажут покорные перья,
С нетерпеньем, со смехом, с тоской,
Все, чем жил молодой подмастерье
В полумраке своей мастерской.

Снова стыннут снега конспираций,
Злой неволи обыденный гнет.
В эту полночь друзьям не пробраться
К тем садам, где шиповник цветет.

Но настанет пора — и внезапно
В белом пламени вздрогнет закат,
Сразу вспышки далекие залпов
Нежилые дома озарят.

И пройдут заповедные вести
Над морями, над звонами трав,
Над смятеньем берлинских предместий
И в дыму орлеанских застав.

Наши быстрые годы не плохи
И верны и грозе, и литью,
На больших перекрестках эпохи
Снова сверстников я узнаю.

Виссарион Саянов. Современники. Печатается по книге: Виссарион Саянов. Избранные стихи. 1948.

В журнале «Молодая гвардия» № 10—11 опубликовано «Письмо другу (7 ноября 1925 г.)» Александра Жарова. В праздничном номере «Правды» (7 ноября) напечатаны стихи Д. Бедного «Разгадка», И. Молчанова «Подарок», И. Филипченко «Песнь о Москве».

В ноябрьском (48-м) номере «Красной нивы» — стихотворение П. Дружинина «Восьмой», в пятой (октябрьской) книжке журнала «Звезда» напечатано «Семнадцатое Октября» — стихотворение Геннадия Фиша.

вот что лезет
                   из букв
                           «ю-б-и-л-е-й».
 А для нас
                   юбилей —
                           ремонт в пути,
 постоял —
                   и дальше гуди.
 Остановка для вас,
                   для вас
                           юбилей —
 а для нас —
                   подсчет рублей.
 Сбереженный рубль —
                           сбереженный заряд,
 поражающий вражеский ряд.
 Остановка для вас,
                   для вас
                           юбилей —
 а для нас —
                   это сплавы лей.
 Разобьет
                   врага
                           электрический ход
 лучше пушек
                   и лучше пехот.
 Юбилей!
                   А для нас —
                           подсчет работ,
 перемеренный литрами пот.
 Знаем:
                   в графиках
                           довоенных норм
 коммунизма одежда и корм.
 Не горюй, товарищ,
                   что бой измельчал:
 — Глаз на мелочь! —
                           приказ Ильича.
 Надо
                   в каждой пылинке
                           будить уметь
 большевистского пафоса медь.
 Зорче глаз крестьянина и рабочего,
 и минуту
                   не будь рассеянной!
 Будет:
                   под ногами
                           заколеблется почва
 почище японских землетрясений.
 Молчит
                   перед боем,
                           топки глуша,
 Англия бастующих шахт.
 Пусть
                   китайский язык
                           мудрен и велик —

1927 год

АЛЕКСАНДР БЕЗЫМЕНСКИЙ

В ТЕ ДНИ

В Питер

В последний раз,
                                 поглядев на шалаш,
 Тихо поежился:
                                 сыро немного.
 Руки в карманах.
                                 Под мышкой багаж.
 Значит, готово.
                                 Пора в дорогу.
 Вечер
                                 его не сумел разглядеть.
 Время на миг
                                 потеряло зренье.
 Жадное время
                                 торопит людей,
 А человек
                                 торопит время.
 Пьяная тройка
                                 плелась наугад,
 Хлюпала топь
                                 и недалняя осень.
 Слышала жизнь,
 Как калоши скрипят
 И как скрипит
                                 земная ось.
 Где-то мелькнул
                                 полусонный огонь.
 — Станция! —
                                 вымолвил строго и нежно.
 Тихо вошел
                                 в темноватый вагон
 И у окна
                                 развалился небрежно.
 Голос колес,
                                 как всегда, был угрюм.
 Будто бы кто
                                 разговаривал где-то.
 Было обычно:
 И люди, и шум,
 Вздохи и голос:
                                 — Ваши билеты!
 Голос колес
                                 был угрюм, как всегда.
 Где-то смеялся ребенок звонко.
 Сонный кондуктор:
                                 — Иэхх, борода! —
 Так деловито
                                 прощелкнул картонку.
 Поезд летел,
                                 и качался вагон.

Время летело,
                     и время качалось,
 Время летело
                     в тьму и в огонь,
 Грузно давя
                     и сомненья и жалость.
 В двери крестьянка
                     внесла сундучок
 И зашаталась,
                     как будто от ветра.
 Встал человек
                     и старухе помог
 И улыбнулся
                     улыбке ответной.
 Он увидал
                     земляное лицо,
 Радость в глазах,
                     что от слез утомились,
 И услышал
                     огневое словцо,
 Слово простое:
                     — Спасибо, кормилец! —
 Вздрогнула жизнь
                     среди неистовых дел.
 Ай да спасибо!
                     Ну, что за спасибо!
 Время летело,
                     и поезд летел.
 Дыбом земля,
                     и вселенная дыбом.

Заседание

Лестница. Стук.
                     Из дверей — голова.
 — Можно. —
                     Вошел и засовы задвинул.
 Громко и весело
                     крикнул:
 — Уваа!
 Здравствуйте, Галина! —
 Черные очи
                     от страха мертвы.
 Вдруг
                     из очей словно молния пала.
 — Слушайте! Вы!
                     Неужель это вы?
 — Я...
                     Не узнала... —
 Время, как сторож,
                     быстрей и быстрей
 Ходит вокруг дома,
                     мечтая о чуде.
 Женщина стынет
                     у темных дверей,
 Спорят о чем-то
                     какие-то люди,
 Изредка только,

покинувши спор,
 То полуголый,
 то в драной тужурке,
 За самоваром
 бежал в коридор
 Звонкий пострел,
 и веселый и юркий.
 Медленно били часы за Невой,
 Но понапрасну
 тревожилось время.
 Время не видело
 ничего.
 Время на день
 потеряло зренье.
 Мир не видал,
 как ударил об стол
 Тот, что когда-то
 слышал «спасибо».
 Это ведь он
 эту жизнь расколол
 Тихим ударом:
 «л и б о —
 л и б о»,
 Через минуту
 он поднял глаза
 И незаметно
 кивнул головою:
 — Кажется, ясно,
 что все
 з а, —
 И возражают
 двое.
 Кончены пренья,
 Так, значит, теперь
 Проголосуем —
 и поздно иль рано...
 Вдруг загремела
 тяжелая дверь
 И задрожали стаканы.
 Кто-то там ломится,
 мечет и рвет,
 Кто-то, как видно,
 теряет терпенье.
 Время, наверно, проснулось
 и вот —
 Вновь обрело
 зренье.
 Все, как один,
 не сказав ничего,
 Но приготовив
 оружие и разум,
 Встали стеною
 вокруг одного
 Разом.
 Женщину взвили
 тугие ветра,

1928 год

СЕРГЕЙ ГОРОДЕЦКИЙ
ОДИННАДЦАТЫЙ ГОД

СССР! Он весь растет,
Летит за Ленинской звездой,
Не удержать его полет
Былого рваную уздой.

Лохмотья прочь! Смелей порыв!
Пусть от работы ноют плечи,
Мы одолеть должны наплыв
Всех тягот, всех противоречий.

Открыв воздушные пути,
Пропеллером мы небо гложем,
Но ни проехать, ни пройти
Своей землей еще не можем.

Полярные громады льда
Винтами «Красина» взрывая,
Мы вдруг краснеем от стыда
Под хлесткой розгой Лудорвая.

Взнуздав и Волхов и Куру
Турбинами Электростроя,
Мы деревенских крыш дыру
Обветренной соломой кроем.

Поймав историю в капкан
Диалектических законов,
Мы терпим все еще туман
Церковных ладанов и звонов.

Нет! Нет! Невежества тайгу,
Спиртного змея людоедство,
Звериный сон в грязи, в снегу —
Былого подлое наследство —

Мы можем, смеем, мы должны
Набегом юности проворной,
Напором мускулов стальных
Преодолеть в борьбе упорной!

Взгляни на карту! Как медведь,
Ломая клеть меридианов,
Союз на полюс поглядеть
Прилег к седому океану.

И словно горсть посевной ржи,
Рассыпанная в пустошь мира,
Тысячка городов лежит,
Кой-где рассеянная сиро.

Кругом бегут леса стремглав,
И воют реки по безлюдью.
Земля глядит из диких трав
Кой-где распаханною грудью.

В просторах дикой тишины
Глодают бешеные ветры
Едва родящейся страны
Несчитанные километры.

Тираны знали с давних лет:
Для трона крепче нет подножья,
Дороги к рабству лучше нет,
Чем тьмы народной бездорожье.

Но загорались очаги,
И горны молнии ковали.
Тиранства дерзкие враги
Рождались, падали и звали.

В подполье каждая доска,
В Сибири каждая тропинка
Потела кровью бедняка
Перед Октябрьским поединком.

И вот одиннадцатый год,
Как месть и смерть, огонь и злоба,
Сметая все, что жизнь гнетет,
Громаду вынули из гроба.

Взгляни на карту! Не узнать
Смиренной родины Толстого!
Бушует юная весна,
Снося развалины былого.

Слепых губерний темнота
Восстала радугами наций.
Пустынь иссохшие уста
Уже с каналами роднятся.

Сверкают дали все густей
Огнями домны алозвездой.
И тонет в стройке областей
Тоска заплеванных уездов.

Руками врубовых машин
И жалом бурова стального
Тепло мы тянем из глубин
На стройку счастья мирового.

Мы человечество ведем
На волю из позорной клетки.
И смотрит будущим вождем
Питомец каждой семилетки.

Не каркайте за рубежом
На юную Страну Советов!
Дотла мы прошлое сождем,
Лучами Ленинского света!

Да! Не хватает чугуна!
Да! Заострен кулацкий сектор!
Но труса праздновать вольна
Лишь обывательская секта.

Труднее было. Мы снесли!
Опасней было. Не сдались мы!

Нас ожидают не вдали
Неслыханные катаклизмы.

И одолеем мы везде
Былого дряхлое уродство.
Мы всем владеем, овладев
Орудиями производства.

Их сами мы должны создать
Из нашей крови, коль нет денег!
К лишениям нам не привыкать,
Но кандалов мы не наденем!

Дружной напор! Смелей порыв!
Пусть от работы ноют плечи,
Мы одолеть должны наплыв
Всех тягот, всех противоречий.

Сергей Городецкий. Одиннадцатый год. Опубликовано 7 ноября в «Известиях».

В тот же день в праздничном номере «Правды» появляются «Блаженной памяти» Д. Ведного, «Москва» Александра Жарова, «Вой» С. Обрадовича, «Станция» И. Молчанова. Судьба маленькой железнодорожной станции, в прошлом заброшенной, в годы войны развороченной снарядами, ныне «как день» расцветшей, послужила поэту толчком для раздумий о том пути, который за «светлые наши одиннадцать лет» прошла вся страна:

Старая станция, новые сны.
Маленький слепок огромной страны.

В «Комсомольской правде» в эти дни публикуются стихи М. Рудермана «Октябрь». В «Красной ниве» № 45 — стихи Н. Дементьева «Оборона Петрограда».

Поэзия национальных республик все шире разрабатывает октябрьскую тему. Укажем, к примеру, на поэму Павлюка Труса (Белоруссия) «Десятый фундамент», посвященную десятилетию Советской власти в Белоруссии.

★

1929 год

ИВАН МОЛЧАНОВ

НАШ ПУТЬ

Как безбрежное
Зарево боя,
Как немислимых армий
Поход,
Он сегодня
Встает предо мною,
Молодой
Героический год!

Сквозь сумятицу
Штормов рычащих,
Сквозь туманы
И стаи ворон
Выносили мы
Молодость нашу
На простреленных
Крыльях знамен!..

Это мы
В необъятные сини
Гнали,
Ветру подставив грудь,

Это мы
К перекопской твердыне
Расчищали
Зубами путь!

И когда
Деревням и заводам
Улыбнулся ясней
Небосвод,
На разруху
Последним походом
Мы бросали
Бесчисленность рот...

Это мы,
Разметая сугробы,
Не зажившей от раны
Рукой
Брали будничные
Перекопы
Молотком,
Мотыгой
И киркой.

Выли ветры
Звериным воем
По узорам
Раскольниковых крыш...
Это мы
Молодым Волховстроём
Вздуродражили
Хвойную тишь.

Значит, знали мы
Крепкое слово —
То, что нас
Сберегло от оков!..
Э т о м ы —
З а ч и н а т е л и н о в ы х,
К н а м н а в с т р е ч у
И д у щ и х
В е к о в!

Иван Молчанов. Наш путь. Опубликовано в «Комсомольской правде» 7 ноября.
В газете «Труд» 7 ноября напечатан «Октябрьский марш» В. Маяковского. В том же году в журнале «Печать и революция» № 12 напечатано стихотворение Н. Асеева «Она продолжается». Вот его заключительная строфа:

Идти заодно
с годами всегда,
где руки не слабнут,
глаза не смежаются.
И знать, и помнить,
и верить в одно:
она продолжается.

В «Известиях» 1 ноября помещена «Песня о комбриге» И. Молчанова. «Октябрь» Д. Бродского опубликован в «Огоньке» № 43, «Герб» А. Берестова — в «Красной ниве» № 45.

В 1929 году создается значительное произведение одного из основоположников армянской советской поэзии Егише Чаренца «25—26 октября 1917 г.». Этот незавершенный фрагмент, или, как обозначил его сам Чаренц, «отрывок» (ему предпослан эпиграф из А. С. Пушкина), ярко передает тот все растущий страх, который испытывают правящие классы при мысли о надвигающейся революционной буре.

1930 год

ИОСИФ УТКИН

ОКТЯБРЬСКАЯ ТРЕВОГА

Враг
     жив еще!
         Гремучий газ
                                 горит.

И только
     к тишине
         кольцо его
                                 прижалось.

Взводи оружие!
     Кто смеет
                                 говорить

Сегодня
     про какую-то там
                                 жалость?!

К станку,
     ударники!
         Товарищи,
                                 не ах,

Не ох нужны
     среди орудийных
                                 гулов!

Откуда враг?
     Враг
         всходит
                                 на дрожжах

Стяжательства,
     простоев
                                 и прогулов.

К станку,
     ударники!
         Для нефти,
                                 для сырца,

Для чугуна —
     все песни,
                                 каждое движенье.

Ударный год.
     И мы
                                 свои сердца

Объявим
     на военном
         положеньи!

Высот грядущего
     багряный круг
                                 горит...

Счастливый путь!
     Недалеко
                                 осталось...

К станку,
     товарищи!
         Кто смеет говорить

Сегодня про какую-то
     усталость?!

Иосиф Уткин. Октябрьская тревога. Опубликовано 7 ноября в «Известиях».

«Правда» в праздничном номере (7 ноября) поместила «Развиваем ход» Демьяна Бедного, отрывки из поэмы Александра Безыменского «Трагедийная ночь». 20 ноября газета опубликовала «Люди Октября» А. Жарова. «Литературная газета» 5 ноября напечатала «Декларацию прав поэта» Ильи Сельвинского.

В журнале «Прожектор» № 32 — стихотворение С. Щипачева «Через рубежи», продолжающее мысль Маяковского о «едином человеческом общезитье».

1930 годом датирован один из фрагментов «Ленинградской поэмы» классика армянской литературы Акопа Акопяна — фрагмент V «Ленинград» (над всей поэмой поэт работал с 1929 по 1932 год).

1931 год

ВИКТОР ГУСЕВ

ОКТЯБРЬСКИЙ СМОТР

Не глядя на непогоду,
презирая протесты дождей,
Идут молодые художники
к полотнищам площадей.
Они не жалеют красок,
они не жалеют трудов,
И вспыхивают плакаты
на улицах городов.
И вот выплывает в небо
холодная луна.
Осталась до годовщины
короткая ночь одна.
И кажется мне —
начиная
пятнадцатый свой год,
Октябрьская революция
совершает ночной обход.
Она проверяет твердость
армии своей.
Она проверяет оружие,
она проверяет людей.
И прежде всего она спрашивает
каждого из нас:
— Под знаменем партии Ленина
идет ли рабочий класс?
И мы отвечаем —
впрочем,
надо сказать точнее —
Автомобили АМО
за нас отвечают ей,
Молодые кузнечные домны
чугуном отвечают ей,
И ясли ей отвечают
ровным дыханьем детей.
Ее приветствуют школы
каракулями ребят,
Ей орденом салютуют
герои ударных бригад.
И хоть работы немало
и некогда им присесть,

— Вперед! —

говорит Революция,
и они отвечают:
— Есть...

Она проходит дальше

и спрашивает она:

— А что моя Красная Армия,
попрежнему ли сильна? —

Вопрос ее затихает,
встреченный тишиной.

Нельзя говорить часовому,
а армия — часовой.

И это лучше ответа,
недаром вопят в ночи

Французские генералы,
бухарские басмачи.

Недаром сжимается злобно
в расшитых шевронах рука.

Овладевают техникой
дивизии РККА.

Умножь ее на соревнование
и силы попробуй учесть.

— Готовьсь, —

говорит Революция.
И бойцы отвечают:
— Есть!

Она проходит дальше,

и хочет она узнать:

Быть может, сошла на Европу
Гуверова благодать?

Но полицейские залпы
оттуда гремят в ответ.

Глодает газ безработный —
самый дешевый обед.

С грохотом рушатся биржи,
пылают банкиров закат.

«Рот фронт», — говорят ей компартии
на сорока языках.

Миллионы угрюмых рабочих
они ведут за собой.

— В бой, —

говорит Революция.
И они отвечают:
— В бой!

И дальше идет Революция.

И рапорт ей отдает

Мой девятьсот девятый,
довольно отважный год.

Он в призывных комиссиях
стоит, к обороне готов.

Его врачи выслушивают,
и он говорит — здоров.

И нам дают назначенье
и круглую ставят печать.

Наша приходит очередь
Республику защищать.

Мы, конечно, молоды,
но поступь у нас тверда.
— Вперед, —
говорит Революция.
И мы отвечаем:
— Да!

Не глядя на непогоду,
презирая протесты дождей,
Идут молодые художники
к полотнищам площадей.
Они не жалеют красок,
они не жалеют трудов.
И вспыхивают плакаты
на улицах городов.
И вот выплывает в небо
холодная луна.
Осталась до годовщины
короткая ночь одна.

Виктор Гусев. Октябрьский смотр. Опубликовано в десятой книге ежемесячного литературно-художественного журнала «Локаф» (в дальнейшем «Знамя»).

В той же книге «Локаф» напечатан «Октябрь» Михаила Головина. «Отталкиваясь» от воспоминания о товарище по гражданской войне — героически гибнущем матросе, жалеющем лишь об одном: «—доплыть до коммуны... не дали... сволочи», — поэт радуется победному шествию по миру той идеи, за которую отдал жизнь матрос-каспиец. Он знает:

Сквозь ненависть,
Кровь,
Сквозь обвалы вражды
Мы путь пробиваем
Истории.

В «Красной ниве» № 32 впервые опубликован «Разговор с сыном» Эдуарда Вагрицкого. Вот последняя строфа:

Время настанет — и мы пройдем,
Сын мой, с тобой по дорогам света...
Братья с Востока к плечу плечом
С братьями освобожденной планеты.

★

1932 год

ВЛАДИМИР ЛУГОВСКОЙ ОКТЯБРЬСКИЕ СТИХИ

Мы жили в ребристом мире,
пели и горевали,
Надолго не обижались,
радовались без затей.
Мы кипятили чайники
на дымных кострах перевалов
И синюю тень самолета
распластывали на высоте.

Камень не перегорает,
и дерево не тонет.
Молодость не умирает,
работа не выдает.

Вот оно, наше будущее,—
в теплых ковшах бетона.
С ним по земле несслыханной
идем
вдвоем.

Я поднимаю голос
мужественный и грубый.
Герои мои не приходят
со мной толковать по ночам.
Меня воспитали трудности,
а не парадов трубы,
А песня сама поется —
важно ее начать.

Герои ко мне не приходят,
я прихожу к героям.
Это мои товарищи,
я с ними учился и рос.
В одно и то же мы верим,
одно и то же мы строим
В клокочущем напряжении,
в капустном дыму папирос.

И это не так уж просто:
мы пели и горевали,
Мы ели, что приходилось,
как люди, мучились мы.
И часто меня томили
глухие ходы рояля.
Рассвет, разрезающий сердце,
сумеречные холмы.

Все подлинное и живое
в товарищах моих горело.
Весь мир человеческих песен
не был для них чужим,
Но выше, чем жизнь человека,
наше суровое дело,
Ценою утрат и лишений
освободившее жизнь.

Жизнь,
но не ту, что манит
исподволь и украдкой:
— Вот теплая кружка счастья,
держи и губы макай. —
Слышишь,
землю обходит
тоска золотой лихорадки,
Маленький Чарли Чаплин
в зевающих башмаках.

За ним мускулистые летчики,
задумчивые авантюристы,
Веселые самоубийцы,—
романтика милых бродяг,—

Вся гвардия старого мира
под радужным флагом корысти.
Я поднимаю взмахом
наш одноцветный флаг.

Проклятая волчья похлебка!
Сколько людей ты взбесила,
Зарезала гложущей страстью —
первыми добежать,
Грабить чужое счастье,
грабить чужие силы
И воспевать свободу
кражи и грабежа.

Один загребает счастье
в бессмысленной лотерее,
Он выкатил жирные грудки,
как цирковой борец.
Белая яхта удачи
несет озаренные реи.
Плывите, красивая барышня, —
звезда одиноких сердец!

В ярости и тревоге
шли революции сроки,
На пепле спаленного хлама
она поднялась,
пряма.
Мы приняли, как присягу,
ее боевые уроки:
Знание конечной цели,
ясную силу ума.

Мы взяли наживу грабителей —
награбленное именье,
Конфисковали счастье,
сиявшее всем напоказ,
Чтобы открыть дорогу
таланту, уму и уменью,
Творческому соревнованью
стомиллионных масс.

Революция уничтожает
все пошлости и прикрасы,
Она бережет все лучшее,
что создано было людьми.
Единственный класс человечества,
уничтожающий классы,
Увидел немалое счастье —
освобожденный мир.

На нас еще огрызаются,
как боровы у корыта,
Лоточники старых идеек,
сплавляющие благодать.
Они потихоньку тянут
падаль полузарытую,

Но судьбы таких всеядных
не трудно уже угадать.

Возле жестокой стройки
бродят, куплетами тенькая,
Гнусавые кадилоносцы,
юродствующие враги.
Мы жили в ребристом мире,
врагов мы ставили к стенке,
И эта елейная сволочь
не спутает наши шаги.
. . . . .

И первая честь поэта —
слышать, как рушат и роют
Могучие корни жизни
старую глушь земли,
Быть рупором и сигналом,
гореть, как мои герои,—
Они на дрожжах революции
здорово подросли.

Многообразье времени,
список побед и несчастий
Силой правдивой мысли,
твердой строкой одеть,
Быть начинателем сдвигов,
целым звеном,
а не частью,
Смело шагать через прошлое
в мире живых идей.

И, отшвырнув ударом,
добрым ударом слова,
Псаломщиков нашей славы,
копеечные умы,
Наполнить пронзительным смыслом
землю, добытую снова,
Рассвет, разрезающий сердце,
сумеречные холмы,—

Все, что насильем и голодом
скрывалось от века до века,
Все, что глаза не видали,
чем не дышала грудь,
Все подлинное и живое,
что свойственно человеку,
Который только вступает
на свой настоящий путь.

Владимир Луговской. Октябрьские стихи. Напечатано в журнале «Красная новь», книга 11.

1932 год — год пятинадцатилетия Октября. В этом году в творчестве и русских поэтов и поэтов братских республик тема Октября представлена необычайно широко. В юбилейных номерах журналов и газет появляются такие сохранившие и сегодня свое идейное и эстетическое звучание стихи, как «Вполголоса» В. Инбер («Красная новь» № 11), три стихотворения Александра Прокофьева («Когда мы в огнемётной лаве» и другие — «Звезда» № 10—11), стихи М. Рыльского, С. Голованевского, Я. Купалы и других.

А. Прокофьев начинает свой по-балладному четкий цикл признанием:

Когда мы в огнеметной лаве
 Решили все отдать борьбе,—
 Мы мало думали о славе,
 О нашей собственной судьбе —

и говорит о судьбе поколения, «потрясающего мир», идущего навстречу ветру («не было ранений в спину у нас, прошедших бурей молодых»), живущего и борющегося с именем Ленина:

Все было в нем:
   поля и семьи,
 И наш исход из вечной тьмы,—
 Так, дуб не держится за землю,
 Как за него держались мы.

М. Рыльский ведет лирический разговор с будущим («Правнук»).

★

1933 год

ЮРИЙ ИНГЕ ПРИДЕТ ПОРА...

Придет пора, заплесневет порох,
 Потухнет злоба, мир изменит вид
 И все, что нынче побеждало в спорах,
 Лишь в сказках превосходство сохранит.

Наступит день, и, может быть, мой правнук
 Закончит дело, начатое мной,
 И наших дней торжественную правду
 Он назовет последнею войной.

И, зная, как на поле битвы горек
 Вкус бьющей горлом крови и слюны,
 Он подойдет бесстрастно, как историк,
 К неповторимым ужасам войны.

Все это взяв, как массу перегноя,
 На коем мир спокойствие воздвиг,
 Он все, сегодня конченное мною,
 Использует как первый черновик.

Наступит день, и труд мой, как основа
 Или чертеж, понадобится дням,
 Я мысль свою, заверстанную в слово,
 Как эстафету в беге передам.

И потому мы побеждаем в спорах,
 Что вместе с песней в будущем стоим,
 Придет пора...

  Но нынче нужен порох —
 Сегодня он вдвойне необходим.

Ю р и й И н г е. Придет пора... Напечатано в одиннадцатом номере журнала «Литературный современник». Ю. Инге погиб в 1941 году в боях под Таллином.

В десятой книге журнала «Новый мир» опубликован «Гвардеец» Алексея Суркова. В «Литературном современнике» № 11 напечатан «Октябрь» Александра Гитовича.

В журнале «Прожектор» № 15 напечатано стихотворение Александра Коваленкова «Совершеннолетие».

1934 год

АЛЕКСАНДР ТВАРДОВСКИЙ ХОЗЯИН

Вот он едет
на первой подводке под флагом,
А за ним — девятнадцать
с новым хлебом подвод.
Тянут ровные лошади
сдержанным шагом,
И под красную арку дорога ведет.
Он сидит, он гордится
доставленным хлебом,
Лошадьями, мостом,
проезжая по нем,
Самолетом,
что наискось плыл через небо,
И товарным составом,
прошедшим с углем.
Он, как дома, глядит
по-хозяйски кругом.
Он гордится всем городом,
флагами, аркой,
Часовым-красноармейцем,
как сыном своим,
Грузовую машиной
с разборчивой маркой...
— Ты гордился ли
чем-нибудь в жизни таким?!
Ты приучен был жить,
не мечтая о славе,
Так, как жили на свете
твой прадед и дед.
Пары новых лаптей
по себе не оставив,
Умирили они, —
при господском ли праве,
На голодной ли воле —
разницы нет.
И в избе,
что сгнила у тебя без сеней,
Уходя, запирали ты раздетых детей.
А коровку —
единственный хвост на дворе —
На холстах, на веревках
таскал в январе.

Двор стоял,
 точно шапка у пьяницы, — криво,
 Мыши с голоду дохли,
 попадая в сусек.
 И скрипел журавель
 на колодце тоскливо,
 Чтобы помнил
 о жизни своей человек...

* * *

Хороша эта честь
 и хозяйская радость —
 Первым с грохотом въехать
 под навес, где весы.
 И фотограф снимает
 обоз и бригаду,
 И любимца коня
 ты берешь под уздцы.
 Ты заснял бы еще
 за особую плату
 Сад в колхозе,
 посаженный нынче весной,
 И свою пятистенную
 новую хату,
 И себя со старухой
 и нарядной семьей.
 Ты из города едешь,
 усевшись пошире,
 Посмотрите, зайдите с любой стороны:
 Едет пахарь,
 Колхозник, счастливейший в мире,
 Земледелец великой Советской страны.

Александр Твардовский. Хозяин. Опубликовано в журнале «Огонек» № 21. «Правда» 7 ноября опубликовала стихотворение Янки Купалы (в переводе Сергея Городецкого) «Город Борисов» и стихотворение Сулеймана Стальского «Октябрю». «Известия» в праздничном номере поместили «Пятиконечная» Александра Прокофьева, «Республике» Михаила Светлова и «Ленинский путь» Сулеймана Стальского. В «Литературной газете» 6 ноября напечатан «Гармонист» С. Васильева.

★

1935 год

АЛЕКСАНДР ГИТОВИЧ

УЩЕЛЬЕ. КОСТРА КРАСНОВАТЫЕ КЛОЧЬЯ...

Ущелье. Костра красноватые клочья.
 Звезда над китайской рекою.
 Нас Азия жжет пограничною ночью.
 Она не дает нам покоя.
 Я только сказал,
 Что, по скромным подсчетам,
 Что так, — потихоньку мечтая, —
 Отсюда четыре часа самолетом
 До красных районов Китая.

Где с боем проходит
 Над смертью бездарной
 Суровое братство народа
 И рвутся в бессмертье
 Тропой легендарной
 Знамена шестого похода.

Я только сказал командиру,
 Что руки
 Имею, способные к бою.
 Я год обучался военной науке
 И дружбе с отвагой любою.

Когда же дозволено будет приказом
 За лучшее дело на свете
 Скрипучий подсумок набить до отказа,
 Коня заседлать на рассвете?..

И только река грохотала над миром,
 Трудясь, волочила каменья.
 И я услышал своего командира:
 — Терпенье, товарищ. Терпенье.

Александр Гитович. Из цикла «Четыре стихотворения», напечатанного в
 одиннадцатом номере журнала «Знамя».

5 ноября в «Литературной газете» опубликован «Пир победителей» Осипа Ко-
 лычева. В том же номере — «О дружбе» Ильи Сельвинского и «В Европе» Абулькасыма
 Лахути. В № 31 журнала «Огонек» — его же «Мост над Вахшем».

1936 год

СЕМЕН КИРСАНОВ

ВСТРЕЧА С ОКТЯБРЕМ

В Мадриде
 смотрят
 «Мы из Кронштадта».
 Город дождем непогоды продут...
 Тысячестный театр
 расшатан
 топотом,
 криком:
 — Они не пройдут!
 С борта крейсеров,
 с экрана сурового,
 к испанцам спустили
 сияющий трап,—
 в гуденьи
 балтийского ветра сырого
 с Испанией
 встретился
 русский Октябрь.

Он крейсером шел.
 Он держался в окопах,
 покуда в пальцах
 оружие есть,
 и залу казалось,
 что это бок о бок
 они защищают
 Аранжуэс.
 И верилось залу
 с бойцами отряда,
 что белым
 вовеки не отобрать
 «Авророй»
 плывущего
 Петрограда —
 ленинской крепости Октября!
 Когда расходились
 к себе
 по окраинам,
 к себе по окопам,
 по койкам казарм,
 сиянье
 советской победы
 с экрана,
 как отблеск,
 проскальзывало по глазам.
 Испанцы
 сумеют
 с врагом рассчитаться,
 и время
 по пальцам уже сочтено,
 и, может быть,
 очень скоро
 кронштадтцы
 пойдут в Ленинград
 на премьеру в кино.
 И крупные буквы
 встанут открыто,
 и, зааплодировав
 братьям своим,
 кронштадтцы увидят
 «Мы из Мадрида» —
 документальный фильм.
 Там будет все:
 и грохоты танков,
 и «Юнкерсов» падающие орлы,
 и бегство наемников —
 Мола и Франко —
 назад в Португалию,
 обратно в Берлин!
 Увидят,
 как толпы
 «Зырянину» машут,
 согнав «невмешательства»
 всех королевств, —
 в свободном Мадриде
 прекрасную нашу

За тобой, моей сестрою,—
Ранней спутницей моей,—
Котлованы наших строек,
Берега чужих морей.

За тобою — рельсы, версты,
Встречи с веком молодым,
Корректуры первых версток
И махорки сладкий дым.

Ты несла в политпросветы
Боевых агиток гнев,
Ты встречала час рассвета,
На ветру оледенев.

Ты товарищей встречала
Меж снастей, баркасов, барж.
Ты у волжского причала
Прокричала «Левый марш».

Я терял тебя из виду,
Но в толпе мелькала ты.
Мне казалось, только выйду
Из житейской тесноты,

Оглянусь, сосредоточусь,
Все, что мелко, истребя,
И дана в награду почесть
Называть на ты тебя.

Здравствуй, милая! Дай руку.
Мы пройдем по городам,
Мимо башен, виадуков,
Маяков, ангаров, дамб.

Встретим мы друзей, конечно,
В Горьком, в Киеве, в Баку.
Только б список бесконечный
Втиснуть в ломкую строку.

Только бы сказать смиренней,
Проще, тверже и прямей:
— Здравствуй, первый день творенья,
Праздник юности моей!

2

Из всех даров Октябрьского ветра,
Из всех открытых кладов и ключей
Что выбрать нам в сокровищнице щедрой,
Что для живого сердца горячей?

Поставим на голосованье выбор!
Пройдут картины Родины в цвету,
Огромных дат нетесанные глыбы,
Руда в земле, рекорды в высоту.

Костры Артека, шахты Метростроя,
Огонь в окне у друга в этот миг,
Те четверо на полюсе, те трое,
Летевшие свозь вьюгу напрямик.

Мой выбор — этот глобус. Он вертится
 На звонкой металлической оси.
 Возьми его, как сказочную птицу,
 И меж знамен и лозунгов неси.

Он будет кстати в праздничном веселье
 Поблескивать под музыку. Потом
 Пусть водворится в класс на новоселье,
 А рядом встанет Робинзона том.

И школьники столпятся удивленно
 И, не дыша, впиваясь в каждый звук,
 Услышат о вселенной, удаленной
 От нас на годы световых разлук;

О маленьком неукротимом шаре,
 Летящем в черном бархате пустот;
 О телескопах, что уперлись, шаря,
 В ночную твердь, в бездонный бархат тот;

Об истине, добытой кровью лучших;
 О книгах, что сжигались на кострах;
 О столь известных неблагополучьях,
 Как нищета, невежество и страх;

Об угнетенных черных странах мира,
 Где что ни пядь — засада и редут...
 И как на снежное плато Памира,
 На первую ступень они взойдут.

Но сколько ступеней преодолеть им!
 Как долго, над обвалами клонясь,
 Шагать по каменным мильнолетьям
 От ледниковых прашуров до нас!

Они увидят сплюснутые хари
 Тех прашуров. Они найдут следы
 Бежавшей прочь орды в Гвадалахаре
 И свастику на знамени орды.

К ним долетит через Урал глухая,
 Но слышная сейчас, как никогда,
 С мостов Янцзы и из лагун Шанхая
 Рыдающая жгучая беда.

И вся дымясь, и вся дыша ненастьем,
 В кровоподтеках, в саже, в клочьях тьмы,
 Внезапно распахнет ворота настужь
 История пред нашими детьми.

Мой выбор — этот час в колхозной школе;
 За окнами — зеленый хвойный край.
 О молодость! Расти на вольной воле,
 Исполни правдой, радуйся, играй!

Пройдут года. Пройдет за датой дата.
 Тебе большое счастье суждено.
 Недаром было сказано когда-то,
 Что молодость и родина — одно.

Павел Антокольский. Октябрьские стихи. Опубликовано в журнале «Знамя» № 11.

Стихотворение Николая Тихонова «Когда весь город празднично одет» напечатано в газете «Известия» (7 ноября). В журнале «Литературный Азербайджан» № 10—11 напечатана «Красная площадь». Переца Маркиша, Двадцатилетню Великого

Хоть и числюсь с полгода я членом
союза.
Что мне делать?
Увы! Мне четырнадцать лет!
Я гляжу на деревья, на темные сучья,
Что, как черные руки, под небом
торчат.
Низко-низко проносятся серые тучи,
И со свистом взрывается первый
снаряд.
Это брянцы встречают Октябрь над
домами.
Первый раз застрочил пулемет
за углом.
Над Советом вздымается красное знамя,
Первый выстрел карниз засыпает
стеклом.
Будут завтра враги мои в переполохе,
Мой черед посмеяться над ними
теперь!
Я подростком стою на пороге эпохи.
Треск прикладов! Мне в мир
открывается дверь!..
Что за жизнь в нем?
Какие там краски и звуки?
Как там встретят меня?
Не пошлют ли назад?
И, засунув в карманы озябшие
руки,
Отправляюсь к Совету, где наши стоят.
Пусть смеются!
Пусть будут в азарте ругаться,
Черт возьми! Я для них приготовил
ответ:
— Не четырнадцать мне — мне
пятнадцать! Шестнадцать!
Я солгал — мне семнадцать
исполнилось лет!

Михаил Голодный. Октябрь в Екатеринославе. Опубликовано в «Литературной газете» 7 ноября.

В «Правде» 7 ноября напечатаны стихи Джамбула «Октябрьская песня». «Литературная газета» в номере за 7 ноября поместила «Митинг с Маяковским» Н. Асеева (отрывок из поэмы «Маяковский начинается»).

★

1939 год

ВЛАДИМИР ЗАМЯТИН

СЧАСТЬЕ

Я знаю все, хоть не был там.
Дрожал на листьях холодок.
По желтым рощам и садам
Летел осенний ветерок.
Он в каждый двор,
он в каждый дом

Стучался. Дальше улетал.
 ...Старик холшовым рукавом
 Тихонько слезы утирал.
 Кругом радушье теплых глаз —
 Не верит счастьем он.
 Он улыбнулся в первый раз:
 Быть может, это сон?
 На танках звезды горячи —
 Плывут со всех сторон.
 Горят червонные лучи.
 Быть может, это сон?
 На землю ногу тверже ставь,
 Взгляни бойцу в глаза.
 Все это радостная явь,
 Твоя земля,
 твои леса!
 Мы встанем вместе во весь рост.
 Сбылась, сбылась мечта!
 И теплота кремлевских звезд —
 Теперь и ваша теплота.
 Раскрой, мой брат, пошире дверь.
 Забудь нужду и плеть.
 Вы с нами будете теперь
 Трудиться, радоваться, петь...
 Я знаю все, хоть не был там.
 Дрожал на листьях холодок.
 По желтым рощам и садам
 Летел осенний ветерок...

Владимир Замятин. Счастье. Стихотворение является откликом на освободительный поход Красной Армии в Западную Украину и Белоруссию осенью 1939 года, принесший народам этого края свет Октября. Напечатано в журнале «Смена» № 11.

«Правда» публикует «Два преданья» В. Винникова, «Гимн Октябрю» Джамбула (в переводе П. Кузнецова).

«Песня о бронепоезде товарища Газа» ленинградской поэтессы Ел. Рывиной («Красная звезда» за 5 ноября) посвящена памяти героя гражданской войны, питерского рабочего-коммуниста Ивана Газа, позднее одного из руководителей ленинградской партийной организации.

В журнале «Огонек» № 29—30 были помещены стихи А. Адалис «XXII». В «Литературной газете» за 7 ноября — стихи А. Твардовского «Сказ тысячеустый», Н. Сидоренко «Бессмертье», В. Скорбина «С праздником вас», Винетт-де-Рока (Чили) «Детям Советского Союза» и Маркоса Вега (Перу) «СССР».

★

1940 год

МИХАИЛ ТРОИЦКИЙ ВЕЧЕР ПЕРЕД ОКТЯБРЕМ

Еще сентябрьским перламутром
 Блится ясный небосвод,
 Когда художник рано утром
 Пустую площадь обойдет.
 Рисует на клочках бумаги,
 Он словно видит в чертеже —
 Воображает он уже
 Эмблемы, лозунги и флаги.

Домов нарядное убранство,
И миноносцы вдоль Невы,
И необъятной синевы
Как бы ожившее пространство,

Где в росчерках прямых и смелых,
Выравнивая мощный лёт,
В порхании листовок белых
Воздушный пролетает флот.
Сверканье стройное парада,
Гудящих танков грозный ряд,
И все, что мы увидеть рады,
И все, что каждый вспомнить рад.

И я приду, воображая
В суровой простоте стиха —
И час, когда, словно чужая,
Пустынна площадь и тиха,
И громыханье меди жаркой,
И песню, что подхватит хор,
И шум шагов под гулкой аркой,
И светлый площади простор,
Что, нас охватывая сразу,
Ведет по кругу своему;
И я обрадуюсь всему,
Что моему явилось глазу,
Звучало слуху моему
И что в груди моей звучало.

Припоминая каждый год
Его торжественный приход,
Люблю я праздника начало —
Приготовлений и забот
Степennyй, чинный обиход.

Со всенародным он движеньем,
С торжественным значеньем дня
Живет в моем воображенье
И ныне радует меня.

Еще в мазках простых и грубых
Огромный праздничный портрет,
Еще в домах культуры, в клубах
Ни сыгралок, ни спевок нет;
Тем больше привлекают взоры
Заметки быстрые газет:
О темах праздничных бесед,
И пожелания, и сборы,
И сталеваров договоры —
Обычай многих славных лет.

Но вот, сменяя день обычный,
Весь транспарантами горя,
Приходит он, от всех отличный,
Чудесный вечер Октября!

Так не похож ни на вчерашний,
Ни на другой. Ни на какой!

И звон часов Кремлевской башни
Сегодня тоже не такой.

Одно мы чувствуем, наверно,
Пока часы звонят в Кремле,
Пока торжественно и мерно
Разносят волны «Коминтерна»
Великий гимн по всей земле.

И кажется, что всюду в мире
Аккорды стройные звучат...
По всей земле сейчас не спят,
Внимая голосу в эфире.

А он разносится вешаньем
По всем морям и берегам —
Народам братским обещаньем
И гордым вызовом врагам.

Михаил Троицкий. Вечер перед Октябрем. Опубликовано в газете «Ленинградская правда» 6 ноября. Михаил Троицкий погиб в первый год Отечественной войны в боях за Ленинград.

В журнале «Знамя» № 11—12 напечатано стихотворение С. Олендера «Пройдет столетье».

Стихотворение М. Рыльского «Праздничный Киев» опубликовано в газете «Известия» за 7 ноября (в переводе Ник. Ушакова). В «Известиях» за то же число появилось стихотворение В. Лебедева-Кумача «Чудесный лозунг».

Ноябрьские празднества 1940 года были первыми, в которых приняли участие новые члены семьи советских народов — трудящиеся Латвии, Литвы, Эстонии. Их чувства ярко переданы в стихотворении Л. Гиры «Наш первый Октябрь» («Известия» за 7 ноября).

★

1941 год

НИКОЛАЙ ТИХОНОВ

СЕДЬМОЕ НОЯБРЯ 1941 года

Опять над гордым Ленинградом
Октябрьских зорь полет,
Опять гремит железным градом,
Нам салютуя, флот.

Опять мы слышим в перекличке
Великий край родной,
Просторов дальних голос зычный,
Морской, степной, лесной.

И нам звенит с высот багряных
Родных моторов звон,
Сверкает штык четырехгранный
Меж танковых колонн.

И надо всем, в красе румяной,
Как всей семьи глава,
Как мать народа-великана, —
Могучая Москва.

Но только праздник стал грознее
Над синею Невой.
Теперь гремит салют над нею
С пристрелкой боевой.

Не светит штык четырехгранный
 Меж танковых колонн,—
 Немецкой кровью окаянной
 Темнеет нынче он.

На всех языках чудной речью
 Гремит страны раскат:
 «С тобой, Москва, идем на сечу,
 С тобою, Ленинград!»

Николай Тихонов. Седьмое ноября 1941 года. Написано в первую осень Великой Отечественной войны, в дни обороны Ленинграда от фашистов. Напечатано впервые в газете «Ленинградская правда». Печатается по сборнику: Н. Тихонов. Поэмы, баллады, лирика. 1947.

Осенью 1941 года написано стихотворение О. Берггольц «Ленинградским большевикам». Вот его заключительные строки:

Нет, земля, в неволю, в когти смерти
 ты не будешь отдана, пока
 бьется хоть единственное сердце
 ленинградского большевика.

В том же году «Правда» опубликовала стихи Х. Алимджана «Москва» (номер за 6 ноября) и Д. Бедного «Я верю в свой народ» (7 ноября).

В эти дни в нашей печати публикуются стихи крупнейших прогрессивных поэтов мира. В «Правде» 8 ноября напечатано стихотворение Жана-Ришара Блока «Октябрь 1941 года» (в переводе П. Антокольского); в журнале «Интернациональная литература» (№ 9—10) — «Москва» И. Бехера (в переводе В. Левика).

1941 год — год начала Великой Отечественной войны. Перо советской поэзии и впрямь оказалось приравненным к штыку, песня и стих стали бомбой и знаменем. На фронт ушли Н. Тихонов, А. Твардовский, А. Сурков, С. Щипачев и многие другие поэты.

1942 год

СТЕПАН ЩИПАЧЕВ

1917—1942

На четверть века стал старше век,
 Но не забыл я день в октябрьском громе,
 Неву, и мокрый петроградский снег,
 И стекла, выбитые в сером доме.

Плакаты, камни, кровь на мостовой —
 Все утверждало: в будущее верьте!
 И знамя реяло над головой,
 Овеянное Ленина бессмертьем.

Вся в шрамах Родина. Ревет металл,
 Встает железа и огня ограда.
 Как будто бой октябрьский не стихал
 До этих дымных дней у Сталинграда.

Как и тогда, мы проливаем кровь,
 Как и тогда, защитное надели,
 Чтоб счастье вновь нашло наш мирный кров
 И радость стала к детской колыбели.

Степан Щипачев. 1917—1942. Журнал «Октябрь» № 12.

В номере 11—12 «Нового мира» помещено стихотворение В. Лебедева-Кумача «Октябрьская звезда». Поэт славит неугасающую звезду Октября, которая прежде «венчала наше знамя, святое знамя трудовой земли», а ныне «вновь народы в битву подняла» — «За родину, за все, что сердцу мило».

В том же году в журнале «Интернациональная литература» № 11 появляется стихотворение знаменитого чилийского поэта и борца за мир Пабло Наруды «Седьмое ноября», являющееся откликом одновременно на годовщину Октябрьской революции и на годовщину освободительной борьбы испанского народа с фашистами.

★

1943 год

МИХАИЛ СВЕТЛОВ

7 НОЯБРЯ

По рядам засеченных точек
Мчится огненная гроза...
В полночь раненый пулеметчик
На минуту открыл глаза.

Перекрыта ночью тьмою,
Шла пехота в смертельный бой...
Он спросил: — Сегодня седьмое? —
Мы кивнули ему головой.

Мы сказали: — Ты был героем! —
Он ответил: — Мы на войне!
Я не выбыл еще из строя!
Помогите подняться мне.

Я недаром живу на свете,
Боевые мои друзья!
Я достойно наш праздник встретил —
В нем участвует кровь моя!..

Гул сражения над полками,
Полночь праздничная плывет...
Он слабеющими руками
Поворачивает пулемет.

Взглядом жадным и воспаленным
За полетом огня следит —
Смерть по вражеским батальонам
Длинной очередью бежит.

Тьму ночную взрывают мины,
Бьют снаряды. Земля в огне...
Так встречаем мы годовщину!
Мы — солдаты! Мы — на войне!

Михаил Светлов. 7 ноября. Печатается по книге: М. Светлов. «Избранное». Гослитиздат. 1953.

Из многих стихов этого года, посвященных Октябрю, укажем на стихи Д. Бедного «Родина» («Правда» за 9 ноября), Н. Рыленкова «Современники» («Известия» за 29 октября). Для Д. Бедного тема древней мощи России сливается с темой России социалистической. Поэт иронизирует над теми, для кого душа России казалась «неразрешимой загадкой», кто не понял, что секрет мощи народа — в его любви к Родине. Николай Рыленков говорит о своих современниках, «словно клятву, повторявших два слова — Родина и честь», о том, как они вернутся с войны в родной край,

Где мы прошли огонь и воду
В бзях за молодость свою.

Тему переклички боев за Ленинград с боями за Октябрь развивает Б. Лихарев в стихотворении «Нева» (журнал «Ленинград» № 15—16).

★

1944 год

МИХАИЛ ИСАКОВСКИЙ
СЛОВО О РОССИИ

Советская Россия,
Родная наша мать!
Каким высоким словом
Мне подвиг твой назвать?
Какой великой славой
Венчать твои дела?
Какой измерить мерой —
Что ты перенесла?

В годину испытаний,
В боях с ордой громил,
Спасла ты, заслонила
От гибели весь мир.
Ты шла в огонь и в воду,
В стальной кромешный ад,
Ложилась под танки
Со связками гранат;
В горящем самолете
Бросалась с облаков
На пыльные дороги
На головы врагов;
Наваливалась грудью
На вражий пулемет,
Чтобы твои солдаты
Могли идти вперед...

Тебя морили мором
И жгли тебя огнем,
Землею засыпали
На кладбище живьем;
Тебя травили газом
Вздымали на ножах,
Гвоздями прибивали
Во вражьих блиндажах...

Скажи, а сколько ж, сколько
Ты не спала ночей
В полях, в цехах, в забоях,
У доменных печей?
По твоему призыву
Работал стар и мал.
Ты сеяла, и жала,
И плавил металл,
Леса валила наземь,
Сдвигала горы с мест —
Сурово и достойно
Несла свой тяжкий крест...
Ты все перетерпела,
Познала все сполна.
Поднять такую тяжесть
Могла лишь ты одна!
И, в бой благословляя

Своих богатырей,
Ты знала — будет праздник
На улице твоей!..

Скажи, какой же славой
Венчать твои дела?
Какой измерить мерой
Тот путь, что ты прошла?
Никто в таком величье
Вовеки не вставал.
Ты выше всякой славы,
Достойней всех похвал!
И все народы мира,
Что с нами шли в борьбе,
Поклоном благодарным
Поклонятся тебе;
Поклонятся всем сердцем
За все твои дела,
За подвиг твой бессмертный,
За все, что ты снесла,—
За то, что жизнь и правду
Сумела отстоять
Советская Россия,
Родная наша мать!

Михаил Исаковский. Слово о России. Впервые напечатано в газете «Правда» 6 ноября 1944 года под названием «Слово об Отчизне».

В том же году появились стихи А. Суркова «Солдаты Октября», входящие в большинство изданий поэта (датированы ноябрем 1944 года), и «Победителю» («Правда» за 8 ноября). В «Правде» за 4 ноября помещен отрывок из поэмы С. Щипачева «Домик в Шушенском» — «Тут Ленин жил». В «Ленинградской правде» за 5 ноября помещены стихи И. Колтунова «Перед праздником» — о тех, кто встречает праздник Октября в родном городе, и о тех, кому «в восьми далеких странах — в Норвегии и в Польше, на Балканах и по Восточной Пруссии идти».

★

1945 год

АЛЕКСАНДР ТВАРДОВСКИЙ ОТЧИЗНЕ

Одной тебе под стать твои дела.
Вовек бессмертен подвиг твой исходный,
Когда себя сама ты создала
И назвала Советской и Свободной

И, защитив свободу от врагов,
Ты власть свою и волю утвердила
И подвиг на себя взяла другой,
Что также был одной тебе под силу.

И подвиг тот — Великий перелом,
Перепахавший межи вековые,—
История сравнила с Октябрем,
Как две свои эпохи мировые.

И подвиг третий с ними наравне
Встает, свершенный в нынешние сроки,—
Твоя победа в праведной войне
На западе твоём и на востоке.

И всей земле являет нынче он
 Тех первых двух твоих свершений славу,
 Со славой древних дедовских времен
 В себе соединив ее по праву.

Ведь труд годов твоих необозрим,
 Он — как простор земли твоей родимой...

Не называя, в сердце повторим
 Два имени, что с именем твоим
 И подвигом твоим — неразделимы.

Александр Твардовский. Отчизне. Помещено в «Правде» 5 ноября.

1945 год — год окончательной победы над немецко-фашистскими захватчиками. Это, естественно, сказалось и на поэзии тех лет: гордость за народ, первым пошедший по ленинскому пути, сливается во многих стихах с гордостью за то, что именно этому народу дано было одержать всемирно-историческую победу над фашизмом. Таким настроением проникнуты стихи А. Прокофьева «Наш праздник, мы приветствуем тебя!» («Правда» за 9 ноября), С. Васильева «Святая дата» и «Парад доблести» («Известия» за 4 и 10 ноября), Я. Хелемского «Ноябрьский вечер» («Комсомольская правда» за 11 ноября) и многие другие.

1946 год

АЛЕКСАНДР ЯШИН

КРАСНЫЙ ФЛАГ

Под солнце вскинут Октябрем,
 Он реет в небе над полями,
 Над городами, над садами,
 Над всем, что Родиной зовем.

Весь в ясном золоте шитья,
 Он, как восход, широк и светел.
 Его взметенные края
 За рубежи относит ветер,

Все благородные сердца
 Ему на верность присягают,
 И песни в честь его слагают
 От летописца до бойца.

Под красным флагом мы стоим.
 Отчизна крепнет с каждым годом.
 Он вознесен самим народом,
 Сама история за ним.

Александр Яшин. Красный флаг. Напечатано в журнале «Огонек» № 42—43.

В этом же номере «Огонька» помещены стихи Геворка Эмина «Октябрю» (в переводе В. Звягинцевой) и Эмилиана Букова «Октябрь на границе» (в переводе В. Потаповой). Буков пишет о Молдавии как о крае, обновленном Октябрем, напоенном свежей водой свободы из его чистой криницы; Эмин спрашивает, может ли он не славить Октябрь,

...Когда над всей землей
 Гремит победный ленинский твой голос,
 Когда скитальцев ты вернул домой
 И выпрямил в полях поникший колос.

В ноябре напечатаны стихи А. Суркова «Наша сила» («Огонек» № 44—45), В. Рождественского «Ночь» («Звезда» № 11) и другие.

1947 год

МАРГАРИТА АЛИГЕР

СЧАСТЬЕ

День прошел, и девочки уснули.
Тишиной повеяло.

На стуле
голубые фартучки закрыли
маленькие ситцевые крылья.

Что вам снится?

Моря летний берег?
Азбука? Грибы? Районный скверик?
Кот соседский? Новые салазки?
Накануне слышанные сказки?
Сны колышут белые кровати...

Отодвину в сторону тетрадки,
постою у тихого порога,
детский сон послушаю немного,
подышу родною теплотою,
потолкую со своей мечтою.

У меня она совсем простая,
каждому понятная:

чтоб дети
не видали горя, вырастая,
чтоб получше им жилось на свете.
Чтобы полон был мирок ребячий
радостей, забав, любви горячей.
Чтобы все тяжелые работы
мы успели переделать сами,
чтобы до конца свели мы счета
с нашими старинными врагами.

Это наше счастье быть бойцами,
чтобы вы могли гордиться нами.
Ваше счастье — это наша слава...
Только нет у нас такого права,
нет у нас в роду таких традиций —
с младшими достатком не делиться.

Стало быть, пускай вам с малолетства
мужество достанется в наследство.
Пусть в любимом озаренном доме,
посреди веселых игр и книжек,
проступают знаки: мир огромен,
он еще в огне, в неправде, в громе,
только часть его свободно дышит.
Пойте и любите наши песни.
Если мы не довоюем, если
вам кончать — пусть знают все на свете,
где вы выросли и чьи вы дети.

Как же уместить в душе ребячьей
куклу с золотыми волосами,
дальний путь с ночными голосами,
справедливость с точными весами,

вечность с быстролетными часами?
 Это очень трудная задача.
 Матери ее решают сами.
 Тридцать лет назад тому стояла
 мать моя, с надеждами, с любовью,
 к моему склонялась изголовью,
 только той судьбе, что мне желала,
 точного названия не знала.

Я счастливей со своей мечтою;
 может, позже тридцатью годами,
 у своих родных постелек стоя,
 будут дочки вспоминать о маме,
 выросавшей в дни Советской власти,
 твердо знавшей, как зовется счастье.

...Осторожно шторы приоткрою.
 Яркой вспышкой небо озарится.
 Что это? Огни далеких строев?
 Коммунизма близкая зарница?

Ночь на миг дыханье задержала.
 Город спит... Наполнен воздух снами...
 И тридцатилетняя держава
 бережно склоняется над нами.

Маргарита Алигер. Счастье. Напечатано в «Комсомольской правде» 10 ноября.

Тридцатилетию Октября посвящены стихи советских поэтов, появившиеся в «Правде» (Я. Судрабалн. «Советская Отчизна», в переводе В. Державина), в «Известиях» («Героический путь» М. Матусовского, «Великим Октябрем озарены» С. Васильева, А. Коваленкова и А. Софронова, «Человек Страны Советов» А. Граши, в переводе В. Державина) и другие.

В 1947 году появляются стихи Г. Табидзе «Сквозь тридцать лет», в переводе Л. Пенюковского («Литературная газета» за 7 ноября), Д. Гулиа «Ленин» и др. В «Литературной газете» за 5 ноября напечатаны стихи Ярослава Смелякова «Накануне парада».

В «Комсомольской правде» 6 ноября напечатаны: «Слава большевикам» А. Безыменского, 7-го — «Наш герб» С. Маршана, «Ноябрь 1947 года» П. Антокольского.

Тридцатилетие Октябрьской революции широко отмечалось за рубежом. Особое значение имел этот праздник для великого китайского народа, как раз в те дни успешно боравшегося под руководством Коммунистической партии Китая с контрреволюционными силами Чан Кай-ши. Известный китайский писатель и общественный деятель Го Можо посвятил тридцатой годовщине Октября свои «Октябрьские впечатления» (напечатаны в «Литературной газете» 15 ноября 1952 года в переводе А. Гитовича).

★

1948 год

АНАТОЛИЙ СОФРОНОВ ПРЕКРАСНЕЕ НЕТ

Ты слышишь, товарищ, как Родина
 дышит,—
 Туманы плывут у горы Недреманной.
 Расходятся в поле и тают туманы,
 Колхозник
 куранты кремлевские слышит;
 В Невинномысском прорытом канале
 Рассветные зори уже заиграли.
 И трактора рокот все выше и выше...

Рабочее утро встает у Дашавы,
 В степях у Полтавы, в садах
Балаклавы —
 Рабочее утро Советской державы,
 Предвестник невиданных в мире побед!
 Мартены и домны шеренгами встали
 На «Азовстали», на «Запорожстали»,
 И отразился в металле кипящем
 Наш день настоящий,
 Прекрасней которого нет!

А н а т о л и й С о ф р о н о в. Прекраснее нет. Опубликовано в «Литературной газете» 10 ноября.

В том же номере — В. Саянов. «Утро двухсот миллионов». В «Известиях» 7 ноября впервые опубликовано стихотворение А. Твардовского «Молодость Родины».

Газета «Правда» в праздничные дни опубликовала: Е. Буков. «Страна моя» (отрывок из поэмы) в переводе Вл. Державина (6 ноября), С. Щипачев. «Бессмертная дата» (7 ноября), А. Сурков. «Песня сильных» (9 ноября).

★

1949 год

АЛЕКСАНДР ПРОКОФЬЕВ СЛОВО О РОДИНЕ

(Отрывки)

1. Звезда

Над нею шли, от грома битв немые,
 Лихие вихри. Их гнала война.
 Морской гранит, что пеною намылен,
 Встречал удар не тверже, чем она!

Недавнее пора припомнить ныне,
 Аллюры наших сабельных погонь,
 Как мы ее, крушившую твердыни,
 На шлемах пронесли через огонь,

И через тьму кромешную походов,
 Где дымы поднимались, как стена,
 В реках, пронесших огненную воду,
 В любых она была отражена.

Везде осталось это отражение,
 И, как всегда, История права:
 Последним залпом главного сраженья
 Открыта миру новая глава,

Которую, охваченные гневом,
 За новой пограничною чертой
 Открыли боевые парни в шлемах
 С пятилучевой красною звездой.

2. За тебя, наше Завтра...

За тебя, наше Завтра, мы в сраженьях поныне,
 Нас ведет пятикрылая наша звезда.
 Мы идем в коммунизм.

Ни единой твердыни

Враг не сдал нам без боя, ни одной. Никогда!
 Нелегко нам. Да когда-либо было легко нам!
 Мы что море, у которого нет берегов,
 И огнем огрызаются, бьют бастионы
 Оголтелых и злобных врагов.
 Но везде мы как жизнь: на тропах каменных
 И у синих морей нам положено встать.
 Мир наполнили мужеством мы, коммунисты,
 Нам дерзанье под силу и сила под стать!
 И гремит наша доблесть. Каждый встал, как
 наследник
 Самолучшего, светлого в мире своем...
 Как недавно мы пели: «Это будет последний!»,
 А теперь — «Это есть наш последний!» — поем.
 Это есть наш последний и решительный... Братья!
 Из-за грома и молний, из-за пепельных туч
 К выходящим на битву миллионною ратью
 Молодой и отвесный вырывается луч
 Незакатного солнца...

3. Мы — ленинцы

Такого места нету на земле,
 Где б запросто не думалось о нем,
 Не говорилось. Где б его огнем
 Не тронуты сердца и не горели,
 Где бы о нем не помнили, не пели...
 Такого места нету на земле!
 Он дал заводы нам, луга и пашни,
 Великой правдой землю озарил,
 Он всюду малодушным дал бесстрашие,
 А смелых всюду больше окрылил!
 С ним на дворцы пошли мы, на палаты,
 И стали мы хозяева судьбы:
 Красногвардеец, бросивший гранату,
 И школьник, что сказал: — Мы не рабы! —
 Впервые прочитав их по складам.
 Они летели в мир по проводам,
 Без проводов: — Всем! Всем! —
 В строках декрета,
 Снимая тьму и все законы тьмы,
 Чтобы читал за партой семилеток:
 — Мы не рабы! Рабы — не мы! —
 Мы самые свободные на свете,
 Мы дерзновенным ленинским путем
 Проходим.
 Вей знамена, ветер!
 Мы знаменосцы Правды.

Мы идем!

Александр Прокофьев. Слово о Родине. Из цикла, опубликованного в журнале «Звезда» № 11.

В газете «Правда» в праздничные дни опубликованы: М. Исаковский. «Колхозная осень» (6 ноября), С. Щипачев. «Я славлю» (9 ноября).

Тема Октября звучит в таких стихотворениях 1949 года, как «Первый декрет» М. Лисянского (сборник «Всегда с нами». 1955), «Поступь Октября» В. Сосюры («Литературная газета» за 7 ноября, перевод Л. Озерова), «Кремлевские куранты» А. Софронова (там же), «Светоч мира» А. Маркова («Известия» за 6 ноября), «День рождения» Р. Гамзатова («Литературная газета» за 5 ноября, перевод с аварского В. Тушновой) и другие.

1950 год

БРОНИСЛАВ КЕЖУН

СЛОВО О РАБОЧЕМ ЗНАМЕНИ

Вступление

За Нарвской заставой взлетает гудок,
Звенит басовитая нота,
И, смену окончив, рабочих поток
Идет в заводские ворота.

Мелькают фуражки, береты, платки —
И, медленно-медленно тая,
Поток разбивается на ручейки,
Течет к остановкам трамвая.

Одним — на трамвай, на автобус — другим,
А третьи, чей дом недалеко,
Пешком по проспектам, как жизнь дорогим,
Шагают походкой широкой.

Пред ними — кварталов бескрайний разбег:
Прямой, точно слово приказа,
Здесь к улице Стачек стремится проспект
Ивана Ивановича Газа.

Здесь каждое зданье, куда ни взгляни, —
И прямо, и слева, и справа, —
Напомнит былое: Истории дни
Шумят над тобою, застава!

Я вижу ряды пролетарских полков,
Встающих под знамя Коммуны,
И молодость партии большевиков,
И класса рабочего юность.

Я вижу того, кто нетленен в веках,
Чья правда — для всех поколений:
Здесь в первых марксистских рабочих
кружках

Учил пролетариев Ленин.

И вновь объявлял забастовку завод,
Застава, как буря, гудела:
Вставал, поднимался рабочий народ
В борьбу за рабочее дело!

Вставал, поднимался рабочий народ,
И грянул громами семнадцатый год!
Сквозь годы, как сквозь амбразуры,
Мне видится школа у Нарвских ворот:
На месте ее Дом культуры
Встречает теперь коммунизма зарю...
Здесь, в школе, в дни съезда шестого
Звучало, Россию зовя к Октябрю,
Великого Сталина слово.

Я вижу Октябрь: патрули у реки...
Стрельба юнкеров, баррикады...

Путиловцы строили броневики,
Шли Гвардии Красной отряды...

Пылает восход. В этот утренний час
Заветных друзей — бригадиров
И весь трудовой героический класс
Приветствует с площади Киров.

Стоит, как живой, коренаст и плечист,
С мечтой в беспредельном полете.
Он часто бывал здесь, и, как коммунист,
Он здесь состоял на учете.

И счастлив был тем, что путиловцев труд
Прославлен в просторах Союза:
Лебедки, которые сделаны тут,
Щиты и ворота для шлюзов.

Что ходят на пашнях с утра до утра
Стальные с «Путиловца» кони,
Что наши машины, летя сквозь ветра,
Гудят на любом перегоне.

За Нарвской заставой взлетает гудок,
Звенит басовитая нота,
И, смену окончив, рабочих поток
Идет в заводские ворота.

А солнце, как плавка, — в огне золотом,
Синеют рассветные тени,
И новое утро встречают трудом
Кузнечный, прокатный, литейный.

Бронислав Кежун. Слово о рабочем знамени. Напечатано в журнале «Звезда» № 11.

5 ноября 1950 года в «Правде» помещены стихи М. Турсун-заде «Огни Отчизны».

Тридцать третьей годовщине Октября посвящены также стихи А. Суркова «Песня о счастье» («Правда» за 6 ноября).

В «Известиях» опубликованы стихи А. Граши «Партии» (4 ноября), С. Васильева «Тридцать три года» (5 ноября) и др. В «Новом мире» № 10 — стихи Г. Эмина «Моим друзьям» (перевод В. Звягинцевой, М. Максимова).

★

1951 год

ЕВГ. ДОЛМАТОВСКИЙ ЗЕМЛЯ РАСЦВЕТЕТ

Электростанции, леса, каналы,
И города, и новые моря..
Да, нам работы предстоит немало,
Строителям эпохи Октября!
И наконец зловещий зной отхлынет,
И мы заставим землю расцвести.
Чтоб нашим детям показать пустыню,
За океан пришлось бы их везти!
Мы строим так, как прежде
воевали, —
С ожесточеньем и любовью. Нас
Узнают люди из грядущей дали

По новостройкам, начатым сейчас.
 Ведь мы кладем бетона кубометры
 Не в мертвые надгробья пирамид,
 А в основание жизни и бессмертья —
 В турбинах вечность юностью шумит.
 А бы, что «зоною пустынь» хотели
 Недавно сделать наши города, —
 Здесь ваши жадные глаза истлели,
 Сердца остановились навсегда.
 Мы воздвигаем новые плотины,
 И в них не только ток и плеск

Волны:

Встают сегодня стройки-исполины
 Преградой на пути войны.

. . . . .

Последние рыбки сухого ветра
 Перелетают по морскому дну.
 За сутки вновь
 шесть тысяч кубометров
 Уложено в плотину на Дону.

Евг. Долматовский. Земля расцветет (из цикла «У будущих морей»). Журнал «Знамя» № 10.

Из других поэтических откликов 1951 года на великую годовщину назовем стихи М. Исаковского «В дни праздника» («Правда» за 6 ноября), А. Яшина «Слава людям труда» («Правда» за 2 ноября), Н. Сидоренко «Земля Октября» («Известия» за 6 ноября). В «Литературной газете» за 3 ноября напечатано стихотворение австралийской общественной деятельницы Джесси Стрит «Я видела страну чудес» (в переводе С. Болотина и Т. Сикорской).

★

1952 год

НИКОЛАЙ ГРИБАЧЕВ

КОГДА УДАРИТ ГРОМ САЛЮТА...

Когда ударит гром салюта
 И пламя вскинется стеной,
 Не вечер видится, а утро
 Над необъятною страной.
 То отсвет доми, хлеба без края,
 Лесов зеленые шатры,
 То в дали катится, сверкая,
 Волна Цимлы и Ангары.
 То, всех сердец теплом согрета,
 Над морем песен и огней
 Во весь свой рост встает Победа
 Минувших и грядущих дней.
 В ночное небо гром кидая,
 Она сквозь дали верст и лет
 В сады Балкан, в поля Китая,
 По всей земле струит свой свет.

Николай Грибачев. Когда ударит гром салюта... Напечатано в журнале «Огонек» № 46, 7 ноября.

В «Литературной газете» 7 ноября напечатано стихотворение Д. Гулиа «Баллада о спасенном пастухе», в переводе М. Соболя. Ему же принадлежит написанное в том же году стихотворение «Ван Ю с Желтой реки» — о братстве советского и китайского народов в борьбе за дело Октября.

Назовем также стихотворения Дм. Осина «С первых дней Октября» («Новый мир» № 11), А. Жарова «Октябрьские сари» («Известия» за 6 ноября), А. Межирова «В эти дни» («Комсомольская правда» за 12 ноября).

Тридцать пятую годовщину Великой Октябрьской социалистической революции широко отмечал не только советский народ, но и все прогрессивное человечество. Некоторые поэтические отклики из-за рубежа появились и в нашей печати. В журнале «Октябрь» № 11 помещено стихотворение индийского поэта Валлатхола «Мавзолее Ленина» (перевод В. Журавлева).

★

1953 год

ВЕРА ИНБЕР

РАЗЛИВ

Нева течет расплавленным металлом,
У Зимнего дворца фасад в огне.
Закатный пламень полукружьем алым
Мерцает у «Авроры» на броне.
Июльский день семнадцатого года...
На многолюдной площади — вокзал.
В густой толпе один из пешеходов
Ничье внимание не привлекал.
Рабочий. Сестрорецкий оружейник.
По пропуску — Иванов Константин,
По внешности — отнюдь не исполин,
Рост невысокий. Хваткие движенья.

Мотаает, видно, все себе на ус,
Хотя усы он сбрил, да и бородку.
На нем потертое пальто, картуз,
На белых пуговках косоворотка.

Гудок. Зажегся семафора свет,
Ушел по расписанию поезд дачный.
И, сыщиков не наведя на след,
Иванов едет: все сошло удачно.

Полным-полно. Вагон разноголос.
Здесь как бы вся страна в ее разрезе:
Сидит матрос, в скамью как будто врос,
Чиновник (очевидно, скоро слезет).

В вагон на костылях с трудом вошел
Солдат, надолго выбывший из строя.
Какой-то гражданин, в проходе стоя,
Читает Блока (времечко нашел!)
Больной ребенок, мается, не спит он,
Мать дремлет — ночью, видно, не спалось.
Отец — на фронте, в корчах от иприта,
А дома ждут — вернется он авось.

Старик крестьянин малоговорливый,
А рядом — седовласый краснобай:
«Константинополь... Нам нужны проливы...»
— Ты не водицу нам, — землю дай.

Но седовласый все журчит водой,
 Слова текут, как из худого крана.
 Рабочий достает немолодой
 Листок газеты «Правда» из кармана.
 Все разные. На каждом пассажире
 Лежит своя особая печать.
 В вагоне разговор идет о мире.
 Солдат сказал: — Войну пора кончать.
 — Пора! — сказала вдовая солдатка.
 — Пора! — сказал рабочий, сжав кулак.
 Крестьянин молвил: — Людям, ох, несладко.
 Царь обезврежен. А война — никак.

— Вести войну, — воскликнул седовласый, —
 Должны мы до победного конца.
 Должны, не разделенные на классы,
 Спасти Россию русские сердца...
 Иванов так был спором увлечен,
 Что чуть было не принял в нем участия.
 Однако тут же спохватился, к счастью,
 И лишь досадливо повел плечом.

А в это время разговор в вагоне
 Особо жгучий приобрел накал.
 Кой-кто шипел, что Ленин на балконе
 Недаром у Кшесинской выступал;
 Что, захватив роскошное палаццо,
 Недаром он кричал: «Долой войну».
 — Ты что это про Ленина? А ну! —
 Сказал матрос и стал приподыматься.
 — П... позвольте, ведь доказано, да-да,
 Что связан с немцами Ульянов-Ленин,
 Он их агент. Он уличен в измене,
 И явится на суд он, господа.

Для большевистского для главара
 Исход, конечно, будет очень грустен.
 Рабочий глянул, будто говоря:
 «Не явится. Не ждите. Не допустим».
 Был вражий голос, как пила, визглив.
 Иванов слез на станции Разлив.

Удостоверясь в том, что это можно,
 Он снял картуз, а заодно — парик.
 И воздух дуновеньем осторожным
 Ко лбу его высокому приник.

Здесь ночи не такие, как на юге.
 Здесь сумерки, прохладой бодря,
 Почти до половины сентября
 Напоминают о Полярном круге.
 Как будто наше солнце дорогое,
 Светя балтийским водам и лесам,
 Не рвется в полушарие другое,
 К чужим, американским небесам.
 Вот и сейчас, на диво хороша,
 Никак не гасла северная ночка.
 Потрескивал костер у шалаша.
 В воде двоилась рдеющая точка,

Лежало озеро в зеркальном блеске,
И, словно кто его сюда позвал,
Вдруг поздний соловей в густом подлеске
Запел, как и весною не певал.
Он сыпал трели, щелканье и свист.
Так пел, что сердцу становилось тесно.
Ильич вздохнул: «Не до тебя, солист,
Хотя ты и поешь архичудесно».

Не до него! Он сыпал серебром,
Пылил жемчужно-капельным дождем,
Но Ленин был уже не им захвачен.
Сейчас не до него.

Перед вождем
Стояли архисложные задачи:
Стоял июль,
чреватый Октябрем.

В. И н б е р. Разлив. Опубликовано в газете «Правда» 4 ноября.

1953 год богат поэтическими откликами на Октябрьскую годовщину. В журнале «Октябрь» № 3 напечатано стихотворение Е. Винокурова, «В ту ночь...», рассказывающее, как началась эпоха, «в которой мы родились».

Торжественной дате посвящены появившиеся в 1953 году стихи М. Дудина «Советская держава» («Известия» за 5 ноября), Н. Грибачева «Октябрьские дни» (Литературная газета за 5 ноября), А. Прокофьева «В Ленинграде» («Литературная газета» за 7 ноября), Г. Эмина «Партия знает» в авторизованном переводе В. Звягинцевой («Знамя № 10»), А. Граши «На Красной площади» («Известия» за 5 ноября), А. Суркова «Во имя мира» («Правда» за 6 ноября), А. Жарова «Кремлевские куранты» («Известия» за 6 ноября).

Седьмого ноября в «Правде» появляются стихи М. Исаковского «В дорогу». В «Известиях» 4 ноября — стихи К. Киреенко «Жизнь моя — Россия» (в переводе с белорусского А. Шарاپова).

★

1954 год

СЕРГЕЙ ОРЛОВ

ПЕРВАЯ ГОДОВЩИНА

Советской власти был лишь только год.
С плакатов РОСТА суриком и мелом
Красноармеец звал на бой народ
С международной гидрою и с белой.

Решил Совет рабочих и крестьян
Назначить праздник — скоро год восстанью.
И вот приказ войскам столицы дан,
Кумач отпущен для убранства зданий.

Разбужена вся матушка Москва,
Пока еще булыжная, с церквами,
Она еще такого торжества
Не видела, хотя стоит веками.

У Спасских царских выездных ворот,
В шинели, куртки, в стеганки одетый,
Свой красный праздник празднует народ
Впервые за историю планеты.

С народом Ленин. Радостью полны,
Рабочие, крестьяне и солдаты
Затихли так, что всем слова слышны...
О, как минуты эти будут святы!

Океанской свежести сродни.
 И бегут на все четыре стороны
 Абсолютно мирные огни.
 Посмотри на световые поясы —
 В них
     огни Дуная и Янцзы,
 Точки ясных окон возле полюса,
 Где буран коварнее грозы...
 Лейся, свет, на улицы и здания.
 Вейтесь, флаги, сердцу говоря,
 Что земля —
     во власти ожидания
 К нам идущей даты Октября.

Сергей Смирнов. Накануне («Правда» за 6 ноября).
 Там же напечатано (в переводе с белорусского Якова Хелемского) стихотворение
 «Друзьям» Петруся Бровки.

В «Правде» опубликованы также: М. Дудин. «Нас осеняет ленинское знамя» (7 ноября),
 И. Нехода. «Всем нам сияет звезда Октября» (там же). А. Прокофьев. «Великий день»
 (8 ноября). «Известия» поместили стихи В. Урина «Глаза» (5 ноября), А. Яшина «Первый
 эшелон» (6 ноября), С. Чиковани «Песня Октября» в переводе А. Межирова (7 ноября).
 В этом же номере помещено стихотворение китайского поэта Юань Шуй-по «Сердца двух
 стран» в переводе П. Железнова. В журнале «Октябрь» № 11 — стихи А. Коренева «Про-
 лог» (из цикла «О людях революции»).

★

1956 год

АЛЕКСЕЙ СУРКОВ

В КАНУН ОКТЯБРЯ

Косматых волн вскипающие горы
 От взморья гонит ветер штормовой.
 Ноябрьской ночью силуэт «Авроры»
 Чуть брезжит из потемок над Невой.

Над местом исторической стоянки
 Матрос на вахте отбивает склянки,
 И звон хрустальный слушает земля
 От Смольного до древних стен Кремля.

Спит легендарный крейсер у причала,
 Вонзив — навечно — в глину якоря.
 В порывах ветра песня, что звучала
 В ту памятную полночь Октября.

Все это: песня, ветер и «Аврора» —
 Рубеж рожденья, молодость моя.

* * * * *

Советской власти будет сорок скоро,
 А разве мы состарились, друзья?

Алексей Сурков. В канун Октября. Опубликовано в журнале «Нева» № 11.

В том же номере журнала напечатано: Вс. Азаров «Песни». В «Правде» 2 ноября публикуется «Перед штурмом» П. Железнова, 9 ноября — «Порывы Октябрьского ветра» В. Луговского, «Октябрьские знамена» Хута Берулава (в переводе Д. Самойлова).

В «Известиях» 7 ноября: А. Софронов. «Присяга», В. Полторацкий. «Россия», М. Рыльский. «Солнце Родины» (в переводе В. Звягинцевой).

Героика Октября воспевается в таких стихах 1956 года, как «Родившимся в двадцатых» Н. Коржавина («Новый мир» № 11), «У Смольного» Б. Кежуна («Нева» № 11), в «Октябрьской песне» индийского поэта Б. Гхоша (перевод С. Северцева. «Иностранная литература» № 11).

МИХАИЛ КОЗАКОВ

★

ПЕТРОГРАДСКИЕ ДНИ

Повесть

1

На Знаменской площади в трамвайный вагон, сворачивавший в сторону Невского проспекта, вошел высокий, стройный, медноусый человек лет тридцати восьми — сорока, в сером костюме и серой шляпе. Отыскав глазами свободное место на скамье, он занял его между пехотным поручиком и осанистой старухой, на коленях у которой сидел двухлетний внучонок.

Новый пассажир подозвал кондуктора, купил билет — и поручик Капля безошибочно распознал польский акцент, с каким говорил этот человек. Ничем другим больше трамвайный сосед не обратил на себя внимания Капли, и офицер этот, впервые в жизни попавший в Петроград, с любопытством вполне понятным стал разглядывать в окно знаменитый проспект, его дома, пешеходов. Все это было так не похоже на прифронтовые латышские деревни, которые лишь сутки назад покинул поручик.

Через минуту, однако, сосед вновь напомнил о себе: он развернул газету, название которой было незнакомо доселе офицеру, — «Рабочий». В ту пору — август 1917 года — выходило множество разных газет, и слово «рабочий» было обычным и частым в различных печатных заголовках и потому, казалось, не должно было возбудить любопытства поручика Капли. Больше того, через секунду он понял, что к газете этой он, Афанасий Капля, относится неприязненно, и тем не менее сбоку заглядывал в нее, стараясь ознакомиться с содержанием печатных полос. Он, Капля, отнюдь не большевик, но что поделать, если они сейчас пишут правду?..

А они, большевики, обращались в своей газете («Это взамен закрытой Временным правительством «Правды», — сообразил поручик) ко всем рабочим и солдатам Петрограда со следующими словами:

«Контрреволюция надвигается на Петроград. Предатель революции, враг народа генерал Корнилов ведет на Петроград войска, обманутые им. Вся буржуазия во главе с партией кадетов, которая непрестанно сеяла клевету на рабочих и солдат, теперь приветствует изменника и предателя и готова от всего сердца аплодировать тому, как Корнилов обагрит улицы Петрограда кровью рабочих и революционных солдат... Чтобы облегчить Корнилову расстрел пролетариата, буржуазия выдумала, что в Питере будто бы восторжествовал мятеж рабочих. Теперь вы видите, что мятеж поднят не рабочими, а буржуазией и генералами во главе с Корниловым».

«Временное правительство, — читал Капля, — клянется воевать с Корниловым и вместе с тем оно сдается корниловщине. Министр-председатель Керенский объявляет открытой «гражданскую войну» с Корнило-

вым и вместе с тем принимает в свое министерство кадетов, идущих туда, чтоб этой «гражданской войны» не допустить. На словах — борьба с Корниловым, на деле — полная капитуляция перед корниловцами... Только своим силам, своей дисциплинированности, своей организованности можем мы доверять... Солдаты и рабочие! Вы смогли свергнуть царизм, — докажите, что вы не потерпите господства ставленника помещиков и буржуазии — Корнилова».

Большевики говорят правду!

Рига, недавно оставленная русскими войсками, преднамеренно, из эгоистических политических соображений была сдана немцам верховным командованием — Корниловым! Он, Капля, в этом убежден. Делегация фронтового комитета 12-й армии, с которой прибыл в столицу поручик, вчера же доложила обо всем ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов. О, какой это позор — иксюльский прорыв, о котором торжествующе трубят теперь немцы!

В катастрофический день 19 августа позиции на Двине, в районе прорыва, занимала 186-я пехотная дивизия. Она-то и попала под невероятный ураганный огонь. Химические снаряды действовали ужасающе. Противогазы плохо помогали. Дивизия вела бой, истекая кровью. Ее укрепления были сравнены с землей — и войска отошли к Двине, готовясь к контратаке.

В тылу у себя 186-я дивизия имела отличную, «стальную», как называли ее, пехотную дивизию, которой командовал недавно назначенный Корниловым генерал Скалон. Командир корпуса, генерал Болдырев, приказал Скалону двинуть «стальную» в атаку. Что же сделал корниловский ставленник? Вместо того чтобы бросить в дело всю дивизию, он пустил сначала один только полк, затем другой... третий и четвертый полки. Очень странное, нелепое решение!..

Штыковым ударом, под огнем неприятеля херсонцы прогнали немцев на шесть верст к железной дороге. Но артиллерийский огонь подавил их, и остатки полка были заменены тираспольцами, которых, увы, ждала та же участь. Не избежали ее также Бессарабский и Бендерский полки. Оба они потеряли своих лучших сынов. В глубине прорыва находилась одна лишь только латышская бригада, состоявшая — докладывала ЦИК фронтовая делегация — почти целиком из большевиков. Эта латышская бригада, получив приказ идти вперед, выступила с красными знаменами и оркестрами музыки. Она сражалась мужественно. Но разве могла она спасти положение?

Да и вообще! Артиллерийского резерва не было — повторялась печальная русская история 1915 года. Служба связи была поставлена в дивизии из рук вон плохо. Связь была разорвана между частями, так как провода сразу же были уничтожены противником. Штаб вынужден был сообщаться с частями при помощи... верховых! Наши атаки задерживались из-за отсутствия патронов или потому, что к русским винтовкам присылались патроны... японского образца!

И все же... И все же, считал поручик Капля, резолюционная армия, если сравнить ее с царской, обнаружила небывалую стойкость и сознательность. Ах, как хороши в бою наши солдаты и младшие офицеры! Корниловская Ставка винит, конечно, во всех несчастях солдат, но вот вчера в ЦИКе демонстрировали точную копию телеграммы, посланной здешним румынским послом в Бухарест. О Корнилове посол Диаманди сообщал:

«Войска оставили Ригу по его приказанию. Генерал Корнилов рассчитывает также на впечатление, которое взятие Риги произведет в общественном мнении в целях немедленного восстановления дисциплины в русской армии».

Не для этого ли «впечатления» генерал Скалон безжалостно и бессмысленно уложил под Ригой русские полки и храбрых латышей, защищавших родину и революцию?.. Поручик Капля готов был простить теперь этим латышам даже то, что они большевики.

Человек в сером костюме, прервав чтение газеты, вдруг заулыбался, скосив глаза в сторону ребенка, сидевшего на коленях старухи соседки: ребенок, обутый в желтые башмачки, норовил просунуть носок в его пиджачный карман.

Поручик Капля не видел этого. Не мог он знать и того, о чем подумал и вспомнил в эту минуту сидевший с ним рядом читатель большевистской газеты.

...Это случилось несколько лет назад. Незадолго до рождения сына он, отец, был арестован и сослан. Через год, однако, ему удалось бежать (в который раз!..) и вновь попасть в Варшаву. Но к моменту его нелегального возвращения Софья — жена — в свою очередь была арестована, и их десятимесячный сын попал в приют. Там его и увидел впервые любящий отец, вынужденный назваться «дядей», дабы не стать жертвой доносчиков. Однако чувств своих он скрыть вполне не мог, чем и вызвал подозрения у администрации приюта, — на улице он был опознан агентами полиции и снова заточен в тюрьму. С тех пор он не видел уже своего сына... Тот, конечно, старше малыша в новеньких желтых башмачках, но не возрастом, а чем-то другим — милым сердцу ребячеством, детской забавностью своей — малыш этот напоминает о сыне.

Человек протянул руку к ребенку и погладил его по головке. Осанистая бабушка добродушно-снисходительно усмехнулась.

— Он у нас с мужчинами дружит.

«Не знаю, почему я так люблю детей, — думал о себе самом ее сосед. — Как никого! Когда я встречаюсь с ними, плохого настроения моего как не бывало. Исчезает неловкость, которую иной раз чувствую в присутствии их отцов и матерей».

Дети, впрочем, не всегда были столь безобидны, сколь им полагалось быть, иногда ухмылялся он, перебирая в памяти свое прошлое. Ведь двадцать лет назад он впервые был арестован (на площади у собора, в Ковно) не без помощи выследившего его девятилетнего босоногого мальчугана, вознагражденного жандармами «синенькой».

— Как зовут малыша? — спросил он у старухи.

Ему хотелось услышать вдруг «Ясик» — имя сына.

— Ну, скажи, как тебя зовут? — переадресовала бабушка этот вопрос внучонку.

Он не отвечал и лишь посапывал, старательно, но безрезультатно впихивая носок своего башмачка в карман улыбающегося «дяди».

Еще года не прошло, как этот «дядя», сидя в московской тюрьме, писал оттуда сыну в Швейцарию:

«Милый мой Ясик! Я получил слова приветя, которые ты мне послал с высокой горы Губель. Они, как маленькие птички, летели ко мне и долетели... Мой милый, когда я вернусь, мы пойдем и на еще более высокую гору — высоко, высоко, туда, где тучи ходят, где белая шапка снега покрывает верхушку горы, где орлы выют свои гнезда. И оттуда будем смотреть вниз на озера и луга, деревни и города, зеленые роши и бурые, голые скалы, и вся жизнь предстанет перед нашими глазами. Я буду рассказывать тебе о своей жизни, где я был и что видел, как радовался и горевал...»

— Садовая! — выкрикнул кондуктор.

В вагоне затолкались, приготовились к выходу у книжного магазина суворинского «Нового времени». Пожав ножку ребенка, направился к передней двери и человек в сером костюме и серой шляпе.

Часы у Публичной библиотеки показывали пять без нескольких минут. Человек в сером костюме и Анна Артемьева (девушка, выскокившая из прицепного трамвайного вагона) почти одновременно сверили свои часы с большими уличными, и оба свернули направо от остановки, по Садовой.

Здесь, на углу Невского, орали питерские газетчики. На все голоса, каждый со своей интонацией:

— «Вечерняя биржевая!» Керенский и Корнилов!

— «Вечернее время»!.. Тревожная ночь Временного правительства!

— Союзные послы на приеме у Терещенко... Газета «Речь»!

— «Свободная жизнь»!.. Будут ли закрыты высшие учебные заведения?.. «Свободная жизнь»!.. Вместо «Новой жизни»...

— «Ру-усская воля»!.. Берегитесь немецких цеппелинов!

— «Последние новости», вечерний выпуск!.. «Газета-копейка»!

— Газе-ета «День»!..

И конкурент-газетчик тут же озорничал:

— Газета «День»... тень на плетень! Врать не лень... газета «День»!

А в ответ, на голосом слабым, женским:

— Биржевая... никакая. Буржуазная... лабазная!

Поодаль, уже на Садовой, инвалид с костылем, оценивая взглядом прохожих, останавливал вдруг кого-либо из них.

— Возьмите, а? «Правда» это...

И протягивал номер газеты «Рабочий».

Он и не подумал бы сейчас предложить ее синеглазой франтоватой барышне в модной кокетливой шляпке с поднятыми сбоку соломенными полями, но Анна Артемьева сама обратилась к нему: «Дайте-ка «Правду»,— и газетчик не без удивления подал ей газету.

— Утром вас не было здесь,— сказала Анна.

— Только часа два назад газета поступила в экспедицию,— разъяснил газетчик. И, словно эта неожиданная покупательница придала ему смелости состязаться с оравой других газетчиков, он, обнаружив вдруг глубокий бас, затянул теперь:

— Газета «Рабочий»!.. Правда обо всем. Только правда!

На лестнице дома, где жила Анна, ее обогнал незнакомый человек в сером костюме. Он остановился на площадке третьего этажа и позвонил в квартиру профессора медицины Ивана Сергеевича Артемьева. Дверь открыла нянька Луша; она осведомилась, как доложить.

Всходя на площадку, Анна услышала ответ незнакомца:

— Мы условились с профессором. Скажите ему, пожалуйста, что пришел Феликс Эдмундович.

2

Двадцать седьмого августа верховный главнокомандующий, генерал Корнилов, уличенный в подготовке заговора против революции, обратился со следующим воззванием к армии и русским людям:

«Русские люди!..

Вынужденный выступить открыто — я, генерал Корнилов, заявляю, что Временное Правительство, под давлением большевистского большинства советов, действует в полном согласии с планами германского генерального штаба и, одновременно с предстоящей высадкой вражеских сил на Рижском побережье, убивает армию и потрясает страну внутри...»

В Могилеве, где находилась Ставка, наборщики отказались набирать это воззвание. Пришлось послать в типографию отряд текинцев из «дикой дивизии». Под угрозой смерти их командир принудил рабочих набрать и отпечатать генеральскую прокламацию.

Текинцы ни слова не понимали по-русски — этим воспользовался Могилевский Совет рабочих и солдатских депутатов: в ту же ночь набор-

щикам был передан текст приказа Временного правительства об устранении генерала Корнилова. Под ревностной охраной текинцев был отпечатан — раньше корниловского воззвания — этот приказ, и первые свежие экземпляры его были розданы ранним утром войскам Ставки.

Провозглашение Корнилова диктатором должно было состояться еще две недели назад, в дни Государственного совещания, созванного Временным правительством в Москве: здесь казалось тише, спокойнее, здесь не столь сильно, сколь в Питере, бушуют политические страсти и не столь «дерзок» гарнизон.

Здесь, в Москве, партии эсеров и меньшевиков, поддерживавшие Керенского, готовили сговор с русской реакцией.

С трибуны Государственного совещания атаман казачьего войска Каледин огласил корниловские требования правительству. Армия должна быть вне политики, стучал он кулаком по столу. Все Советы и комитеты должны быть упразднены как в армии, так и в тылу. Декларация «прав солдата», рожденная в дни Февральской революции, должна быть пересмотрена и дополнена декларацией его обязанностей. Распространение разрешенной Керенским смертной казни на фронте — на весь тыл, на всю Россию. Вождям армии должна быть предоставлена «полная мощь», как выразился сам Корнилов.

В Москву он приехал на второй день после открытия Совещания. На Александровском вокзале его встречали депутаты всех буржуазно-помещичьих партий, купцы, заводчики, акционеры промышленных фирм, духовенство. Полковники, штабс-капитаны, ротмистры и поручики несли его на руках к заграничному автомобилю, присланному в подарок будущему русскому диктатору одной из иностранных миссий. Жена бывшего градоначальника, генерала Рейнбота, упала на колени перед Корниловым. «На вере в вас мы сходимся все, вся Москва!» — провозгласил ему «славу» кадетский оратор, член Государственной думы Родичев.

Желто-серый от зависти и тревоги, Керенский ждал генерала на сцене Большого театра, в котором происходило Совещание. Юнкерам, охранявшим театр, были выданы боевые патроны. Для чего? На этот вопрос не мог бы, вероятно, ответить в тот момент и сам Керенский — подозрительный, ревнивый «маленький Наполеон» российской мелкой буржуазии.

Но ясно было, что он чего-то опасался. Весьма возможно — московских пролетариев. Центральный Комитет большевиков призывал к протесту против контрреволюционного собрания в Большом театре, и четырех тысяч московских рабочих объявили однодневную стачку — вопреки сопротивлению эсеро-меньшевистского большинства Московского Совета. Вот тебе и «тихая» Москва!..

Гарнизон тоже ничего хорошего не сулил корниловцам. Он с настороженностью и явной неприязнью следил за казачьей частью, вызванной верховным командующим с фронта в Москву (7-й Оренбургский казачий полк), за двумя тысячами царских офицеров, неожиданно съехавшихся сюда из разных концов России. Боевые патроны получили не только юнкера Керенского, но и московские солдаты революции, — об этом деловито позаботились их полковые комитеты. Многие из них возглавлялись уже ленинцами.

Итак, в Москве «сорвалось». Пришлось отложить государственный переворот в пользу единоличного диктатора и согласиться на образованные директории с корниловской программой действий.

Глашатай коалиции, лидер меньшевиков Ираклий Церетели в знак сговора на виду у всех пожимал руку капиталиста Бубликова.

В дипломатической ложе английский посол Бьюкенен, наклонясь к своему французскому коллеге, говорил:

— Керенский и Корнилов, мне кажется, не очень любят друг друга. Он не простит вам, мсье, вашего автомобиля — подарка генералу. Но наша главная гарантия, мсье, заключается в том, что ни один из них не может обойтись без другого. Керенский не может рассчитывать на восстановление военной мощи без Корнилова: это единственный человек, способный взять в свои руки армию. В то же время Корнилов не может обойтись без Керенского. Несмотря на свою убывающую популярность, Керенский — единственный человек, который с наилучшим успехом, мсье, может говорить с массами. Он может заставить их согласиться с энергичными мерами, которые должны быть проведены в тылу, если армии придется проделать четвертую зимнюю кампанию.

В левом накладном кармане всем известного коричневого френча Керенский хранил бумажки, горячившие вспльчивое сердце: это были телеграммы и резолюции недавних друзей и поклонников, изменивших ему ради Корнилова.

Было так.

День выдался теплый, но мало солнечный, с пухлыми тучками, вот-вот готовыми упасть дождем на крыши московских домов. Августовское солнце упрятано, казалось, в Большом театре: партер и все пять ярусов его были залиты электричеством. Мерцало золото театрального убранства. За пурпурными занавесями и перевитыми золотым плюшем колоннами — казаки, бородатые крестьяне и седоволосые священники, кооператоры и земцы русских уездов, губернские комиссары Временного правительства и фельдфебели из тыловых частей, рабочие куртки и сюртуки московских, петроградских и прочих российских интеллигентов (их большинство здесь), генеральские и офицерские погоны, говор украинский, татарский, грузинский — словом, вся пестрая Русь, с любопытством вззирающая на самое себя, впервые повстречавшаяся сама с собой... Из ложи присматриваются к ней послы-чужестранцы.

В центре открытой, выдвинутой вперед сцены — широкая кафедра для ораторов. Налево от нее — длинный, под красным сукном стол для правительства, направо — столики прессы, в глубине сцены — места для почетных участников Совещания.

Все торжественно и пышно. Одно только смущает и по-своему смешит столичных, искушенных участников Государственного совещания: оно «идет» в оставленных на сцене декорациях вчерашнего оперного спектакля «Пиковая дама»!.. Так и вспоминается шутникам, глядящим на Керенского, знаменитая ария: «Что наша жизнь? Игра!»

Видишь перед собой белую картонную балюстраду, висящую над арками и малахитовыми колоннами, — и приходит на память вслед за Германом роковая старуха, шепнувшая некогда тайну трех счастливых карт.

Еще ни разу не присев с момента появления на сцене, нагнув слегка голову, опершись руками о стол, Керенский (кафедра так и не понадобилась ему) заговорил хриплым голосом — то запальчивым и гневным, то сниженным до мучительного шепота, но всегда голосом, возвышенным до крайних нот государственной надменности:

— По поручению Временного правительства объявляю Государственное совещание, созванное верховной властью государства российского, открытым под моим председательством, как главы Временного правительства.

Лицо — скомканная пожелтевшая бумага, губы вспухли, рот перечеркнут болезненной гримасой: от страха, что ли, перед бессилием этой самой верховной власти... И все же мысли ищут слов торжественных, властных и для того — нарочито архаичных:

— Великая вера в разум и совесть народа русского руководила и руководит Временным правительством, в своем составе меняющимся, но

в своих основных задачах остающимся неизменным, с момента низвержения старой деспотической власти и до Учредительного собрания почитающим себя единственным вместилищем суверенных прав народа русского.

«Вместилище» за столом президиума приосанилось на виду у всех. Министры украдкой посмотрели друг на друга, словно каждому из них действительно понадобилось в этот момент удостовериться в «суверенных правах» своего соседа.

А он — глава правительства, Керенский, — рукой нащупав накладной карман своего френча, в котором были собраны доказательства чужих, враждебных помыслов, бросил теперь со злой патетикой в партер и во все ярусы:

— Пусть знает каждый, и пусть знают все, кто уже раз пытался поднять вооруженную руку на власть народную, пусть знают все, что эти попытки будут прекращены железом и кровью!

Это было предупреждение тому, кто должен был завтра появиться здесь, кто, наверно, уже мнил себя единоличным российским Тьером, — предупреждение малорослому сухонькому генералу с узенькими угольями-глазками, с морщинистым, коричневым от загара лицом, тонкими кривыми ножками и калмыцкими, опущенными книзу сивыми усами.

Железом и кровью... Ой ли?

Над Керенским уже посмеивались многие. Даже его собственные друзья: нет, это лишь Федор Иоаннович, который очень хотел бы походить на Бориса Годунова! Или: у человека ведь лирический тенор, а он старается греметь на всю Россию таким «государственным» басом.

И напрасно льстили ему в те дни газеты: история, строгая и неумолимая, уже сулила России поединок двух других сил...

3

Итак, то, что сорвалось в Москве, что грозило революции расправой и местью со стороны фабрикантов, помещиков и царских генералов и что попутно сулило личные неприятности честолюбивому Александру Федоровичу Керенскому, через две недели хлынуло вновь к воротам Петрограда.

О событиях последних дней августа и первых — сентября в семье профессора-медика Ивана Сергеевича Артемьева знали со слов зятя профессора — Викентия Константиновича Сереброва, человека, близкого по партии Керенскому, близкого ему и по былым, недавним связям — профессиональным, адвокатским.

Вот как передавал он рассказ самого министра-председателя, доверчиво выслушанный в тот день в артемьевской семье:

«...Я как раз в это время подписал указ о назначении генерала Крымова командующим 11-й армией. Оказывается же, он все время сидел в Ставке и выработывал по поручению Корнилова дислокацию войск «на случай восстания большевиков» и затем вдруг очутился здесь, под Петроградом. Я его спрашиваю по прямому проводу:

— Кто вы такой?

— Я — командующий Особой армией.

— То есть? Какой?

— Которая назначена в Петроград.

— Кем назначена?

— Верховным!

Мы послали к нему в Лугу когда-то служившего вместе с ним генерала Самарина для того, чтобы разъяснить обстановку. Это мы сделали уже тогда, когда наши телеграммы о приостановке движения корпуса остались без исполнения. Миссия Самарина удалась: он привез ко мне Крымова. Я пригласил их к себе в кабинет, где находился уже мой по-

мощник по военному министерству генерал Якубович и другие лица. («Я также!» — рассказывал в семье Викентий Константинович.)

Вначале генерал Крымов говорил, что они шли отнюдь не для каких-либо особых целей, что они направлены сюда в распоряжение Временного правительства, что, по их сведениям, они должны были оказать здесь правительству содействие, что никто никогда не думал идти против правительства, что, как только выяснилась вся обстановка, все недоразумение разъяснилось и он остановил дальнейшее продвижение. Потом он добавил, что имеет с собою по этому поводу приказ.

— Покажите приказ, генерал!

После некоторого колебания он вручил мне свой приказ по корпусу. Я прочел его...

Крымов понял, что для меня уже ясна его роль в этом деле. Он мне сознался, что в Ставке они выработали дислокацию и проект о введении осадного положения в Петрограде, что предполагалось разделить Петроград на военные комендатуры.

Ему, я думаю, невыносимо было сознание, что он, Крымов, уклонился от истины. Во-первых, он не сказал откровенно о своей роли, а во-вторых, в крымском приказе пункт 4-й начинался словами: «Из Ставки мне сообщили, и по моим личным сведениям, в Петрограде происходят бунты» и т. д.

Я его спросил, какие же основания он имел от своего личного имени объявлять о бунтах. Он принужден был сослаться на неизвестно откуда, неизвестно куда проезжавшего офицера. Вообще он никакого объяснения этому не мог дать. Тогда я расстался с ним, отпустил его, не подав руки.

Кажется, всего только через час или два по выходе из моего кабинета генерал-лейтенант Крымов застрелился».

Как и все русские семьи в ту пору, как и вся мыслящая Россия в те времена, дом Артемьевых жил большими политическими страстями. Пожалуй, не было до этого в истории государства российского такого бурного, такого пристрастного внимания людей к политической судьбе своего отечества.

Сидели за воскресным завтраком: Иван Сергеевич с Серафимой Капитоновной, дети их — Анна и первокурсник-историк Николай, старшая дочь Людмила с мужем Викентием Константиновичем. Исчезли в квартире платяной шкаф и один из кухонных шкафчиков, но в обмен на них деревенский спекулянт доставил в дом белую муку и фунта три настоящего вологодского масла, и на столе поэтому, возле фаянсового семейного кофейника с откидным птичьим зевом, ласкали глаз пышные, румяные лепешки (было их изрядное количество) и посыпанные сахарной пудрой домашние пончики изготовления Серафимы Капитоновны и старой няньки Луши.

Сама она, Луша, сидела тут же, но в сторонке, за чайным столиком — по многолетней привычке и домашним правилам, установленным в этой семье лет двадцать назад, когда еще не появился на свет божий Коленька.

Столовая расположена была в центре большой квартиры — с тремя дверями отсюда в комнаты Серебровых, в кухню и в кабинет Ивана Сергеевича.

Старинная мебель красного дерева отяжелела добротным спокойным весом просторную, выкрашенную в желтый цвет комнату, двумя венецианскими окнами глядевшую на Садовую.

По-утреннему ласковое сентябрьское солнце мягкими лучами своими золотило круглый стол посреди комнаты, поджигало, казалось, металлический клюв кофейника, нежило людские лица, прихотливо меняло

светотень на шишкинской лесной тропе — картине, висевшей в раме на одной из стен. Воскресный день в семье начинался уютно, небо над Петроградом было безоблачно и тихо, а события зрели в городе грозные и стремительные.

После первой чашки кофе, пробегая глазами одну из сегодняшних газет, Иван Сергеевич сказал:

— Слепая страна.

И обращаясь к жене:

— Слепая. Да-с. Бредет по самому краю пропасти и все, понимаешь, нащупывает клюкой «верную» дорогу. Помнишь, пять лет назад мы слушали с тобой Жореса, Сима? Он говорил: революция есть варварская форма прогресса.

— Помню. В Париже.

— Неостроумно, папа.

— Что неостроумно, Николаша?

— Жорес этот самый.

— Ты хорошо представляешь себе, Николай, о ком говоришь? — усмехнулся Викентий Константинович, блеснув четырехугольными стеклами своего пенсне, задетого лучевой солнечной дорожкой.

— А почему же? Представляю. Вполне!.. Революции исполнилось лишь каких-нибудь полгода. Да? А стало модным ее ругать... Людмила, налей мне, пожалуйста, еще кофе.

— Третью, Николаша...

— Не считал. Может быть, и третью чашку.

— И пончики не считал?

— Не твое дело, Анна!

— Кушай на здоровье, сынок. Чего это они к тебе пристали?

— Не знаю, мама.

— Я вовсе не ругаю революцию. Да-с! — Профессор зашевелился в кресле. — Мне обидно за Россию. Она сейчас словно грандиозная глиняная чашка с тюрей. Все с жадностью ее расхлебывают. Торопятся... алчные. Да-с. И бьют по этой посудине ложками. И летят во все стороны осколки. Вы следите, господа, что делается на Украине, в Киеве?.. И мне кофейку, Сима. — Иван Сергеевич протянул свою чашку жене. — В Киеве Центральная рада явно держит курс на отделение от нас. А там, гляди, и Кавказ. Или Средняя Азия. И немец откусит на западе пяток-другой губерний. Да-с. Свинство, господа, получается.

— Пропил пьяница денежки и вопит: «Помогите, не на что хлеба купить...» Это мы, Россия, — вздохнула Серафима Капитоновна.

По дому она ходила всегда в широкой, темной, в белых горошинках, блузе с крупными костяными пуговицами, не заправившейся в юбку, и потому выглядела преувеличенно массивной. Но и без этого Серафима Капитоновна обладала фигурой внушительных размеров, унаследованной из детей одним лишь Николаем. Но сын был не только плечист и могуч телосложением, но и высок, выше ростом Ивана Сергеевича.

— Кушай, Николаша, кушай.

И мать по-серьезному повелительным взглядом заставляла Анну подкладывать рядом сидящему брату то снова пончик, то маслянистую лепешку.

Оттого ли, что сегодня выдалось такое сытое, румяное утро в семье, или по какой-либо другой причине Людмила чуть протяжно, как всегда говорила, сказала вдруг:

— Я поняла, что люблю деревню. Ей-ей.

— Ты? — удивилась сестра.

— Как полагается жене эсера! — ухмыльнулся Николай.

— Довелось нам на пасху с Викой попасть к батюшке одному деревенскому. Помнишь, Вика? Сейчас почему-то вспомнилось мне... Розго-

рины, полнотелая попадья сдобными руками подает тебе кулич и пасху. Сметанную, сыро-творожную. С ванилью, с шоколадом.

— Недурственно! — облизнулся Николай.

— Самовар тут же...

— Этакий семейный запевала! — заулыбался профессор Артемьев.

— Да... Весна, пахнет ситцем, липовой корой из палисадника... И... грубой нежностью русской деревни, русским небом.

— Ляктричества там нету, и трамваи не ходят, — отозвалась из-за своего столика морщинистая, круглолицая, с лукавым взором Луша. — Иллюзиона с картинами нету. Скука! А небо, считаю, везде одинаковое.

— Верно, нянька! — Обернувшись и протянув к ней руку, Николай подмигнул Луше.

— О, неизъяснимая прелесть таится в русской деревне, — продолжала Людмила. — Жить бы там...

— В этакой тихой теперь, в этакой мирной теперь — правда? — деревне, — подала иронический голос Анна.

— И не знать всей этой столичной трескотни... Да!.. Ну, посмейся надо мной, Аннушка, ну, поиздевайся, если хочешь, — улыбнулась ей старшая сестра.

И так же неожиданно, на первый взгляд, как заговорила об идиллической деревне, сказала:

— Вчера в «Привале комедиантов» Бальмонт читал стихи. Одно его стихотворение напечатано сегодня. Называется «Осень». Из цикла «Безвременье». Хотите послушать?

Из вороха газет она взяла одну — московскую, восьмиполосную — и прочитала вслух:

Скрыта вся земля туманами,
Наливными, водопьяными.
Будет ливень, будет грязь,
Меж сердец порвется связь.

Листья, бывшие богатыми,
Пали судорожно-смятыми.
В жестком ветре чуть жива
Помутневшая трава.

За истекшими минутами
Грянут вьюги, станут лютыми.
Все, кто сеял в мире ложь,
Встретят в днях седую дрожь.

— «Меж сердец порвется связь...» — удержала в памяти острую строку Серафима Капитоновна. — Вот это, пожалуй, хуже всего, дорогие.

Меньше всех за столом говорил сегодня Серебров. Изредка он подавал короткие реплики, чаще же всего проявлял свое участие в общей беседе выразительной мимикой, свойственной его бритому «актерскому» лицу, или столь же выразительным междометием.

В доме он считался «государственным деятелем» — «февралистом», как однажды сам назвал себя шутливо, но не без явной гордости. Все знали в семье, что Викентий Константинович не только на хорошем счету у министра-председателя Керенского, у руководителей ЦК социалистов-революционеров, но и в военных кругах савинковцев — в кругах по правее, чем официальные лидеры этой партии, объявлявшие обычно о своей политике в газете «Дело народа».

Викентий Константинович печатался и в ней и в правозсеровской «Воле народа» и охотно отдавал не раз свое «февралистское» перо либерально-буржуазной прессе — всегда в тех случаях, когда надо было бить по большевикам.

В последние дни, когда зашла речь об образовании правительственной директории из пяти лиц: Керенский, министр иностранных дел Терещенко, внутренних — Никитин, военный министр генерал Верховский и морской — адмирал Вердеревский, Викентию Константиновичу стали прочить место заместителя управляющего делами директории, и думам об этом, конечно же, можно было принести в жертву все остальное во время воскресного семейного завтрака!

О своем официальном партийном вожде и лидере — черноусом и седогривом Викторе Чернове, вышедшем недавно из состава Временного правительства, не добившись даже куценькой земельной реформы, Викентий Константинович на днях в узком кругу приверженцев Керенского сострил: «Виктор Михайлович — сладчайший аббат, который служит аграрную мессу. Но известно, что все аббаты — лицемеры».

Острота была достойно оценена министром-председателем, активно не любившим Чернова, и вот немаловажная ведь служебная перспектива теперь в жизни Викентия Константиновича!..

Вчера в литературно-артистическом «Привале комедиантов», беседуя с одним из английских журналистов — хромоногим Эрквартом, готовившим очередную корреспонденцию за море о «политических штатаниях» безвластного уже русского правительства, Викентий Константинович не преминул щелкнуть в шутливой форме и прямых своих друзей-покровителей:

— Если бы, мистер Эркварт, искусство власти заключалось в искусстве реверанса, у нас, поверьте, не было бы лучшей власти, чем нынешнее Временное правительство.

— Разрешите процитировать? — гмыкнул англичанин.

— Только не указывая моей фамилии! — погрозил пальцем Викентий Константинович. — Нет, нет, прошу вас. Такого рода популярность мне вовсе не нужна в Петрограде.

«О да, она ни к чему», — думал он об этом и сейчас, за семейным завтраком, чередуя свои раздумья на политические темы дня с мечтами о личной своей судьбе, с мыслью о совершенно неожиданном, сделанном два дня назад «по секрету» признании жены Люды, что она беременна, со своим недавним наблюдением, что и Людин брат-мальчишка и сестра жены стали почему-то относиться к нему неприязненно, — чередуя все это со множеством других примечательных или, напротив, вовсе незначительных мыслей и наблюдений.

И тут же, за семейным завтраком, стали приходить на ум отдельные слова и фразы будущей статьи, обещанной для послезавтрашнего номера газеты промышленников-прогрессистов:

«Как немощный Лазарь, лежит Россия на одре болезни и ждет своего решающего общенародного консилиума... Изможденное, сморщенное, некогда богатырское тело с трудом шевелит членами, и одна за другой немеют и отпадают его конечности... Руки великой России висят, как высохшие плети. Что может сделать сухорукая страна... (так и назову статью: «Сухорукая страна»...) даже с пламенной верой?.. Нет, даже с пламенной волей... Армия — это мышцы страны, а не ее резонирующий аппарат. (Не очень ясно это, надо подобрать другое сравнение.) Армия называется во Франции «la grande Muette» — великая молчальница. У нас же она — «la grande Bavarde» — великая болтунья.

Ах, если бы можно было сделать ее покорной, доверчивой, обороноспособной и...»

Из кухни раздался сначала голос горничной Оли, а затем и другой припомнившийся сразу же голос — мужской, всегда веселый, и на пороге появился нянькин сын, Никита, прервавший своим приходом течение мыслей Викентия Константиновича.

— Почтение и уважение,— поклонился Никита.— Не беспокою?

— Глупости какие! — сказала Серафима Капитоновна.— Садитесь с нами.

— Благодарю, сыт.

— Про мать вспомнил? — с легкой укоризной спросила Луша. Расцеловавшись с сыном, она усадила его рядом с собой.— Я уж волновалась... Недели две, чай, уже прошли?

— Никита, милостивый государь! Где вы, в самом деле, пропадали? — Профессор наклонился в сторону гостя и поприветствовал его рукой.

— Вам, может, Иван Сергеевич, свидетельство о благонадежности представить? — со смешком сказал Никита.— Извольте... Я, Иван Сергеевич, дальше Гатчины не уезжал из Питера.

— Гатчина... А там что? — Луша притронулась к его плечу.

— А там, мать, поскольку я у тебя единственный, то старался найти себе братков. А?.. Братался я там, Иван Сергеевич. Это еще называется «разложение войск противника». Ну, а потом, мать, занят был более мелкими делишками.

— В корниловскую «дикую дивизию» выезжали? — спросила Анна и оглядела всего его бегло, но внимательно: не ранен ли был, того гляди...

— Так точно, туда и выезжал,— ответил он по-военному на ее вопрос.— Известно всем: наши питерские рабочие, моряки да солдаты...

Он не договорил, но всем было понятно: вот они, эти люди, и остановили корпус генерала Крымова, шедшего не только свергать Керенского, но — что ужаснее всего было бы! — и громить революцию. Они спасли ее, они лишили воинской силы корниловского генерала, и он вынужден был последовать за Самариным, в Петроград к Керенскому, потому что отдать приказ стрелять по рабочим и солдатским батальонам, преградившим ему путь у Гатчины, он уже не решался.

Гм... Появился в доме этот нянькин сын, этот большевик Никита Денисов, ничего еще, собственно, не сказал, а уж все за столом поняли, очевидно, что описание Серебровым в газете ликвидации корниловского мятежа не только не полно, но и незначительно без воздания заслуженной чести вот таким рабочим, солдатам, матросам, вот таким большевикам, как этот самый нянькин сын Никита...

При мысли об этом Викентий Константинович поморщился и, мало скрывая свою неприязнь к Денисову, вышел из-за стола, поцеловал поочередно обе руки жены и ушел на свою половину — коренастый, круглоплечий, крутогрудый, как борец, в полувоенном костюме «хаки», хорошо шитом у портного из английского посольства.

И, покуда шел по столовой, в голову лезли почему-то неотвязно, ни к селу ни к городу, сейчас им же самим, Серебровым, рожденные слова: «Как немощный Лазарь, лежит Россия... я лежу... вы лежите... они-оне лежат...» Боже, какие дурацкие сейчас слова прут!..

Профессору иногда нравилось поддразнивать большевика Никиту, и сегодня, перетащив его на место вышедшего из-за стола Викентия Константиновича, Иван Сергеевич спросил «нянькиного сына»:

— Власть скоро собираетесь брать? А?

— Всякому овощу свое время, Иван Сергеевич.

— Да вы, милостивый государь, не отшучивайтесь. Что это вы одними и теми же словами отвечаете? Дзержинский вот на днях был у меня. Один из ваших лидеров. Спросил я его, а он тоже: «всякому овощу...» Этские они, Сима, «огородники».

— У вас был Дзержинский?..

— Чему так удивляетесь, Никита? — спросила Серафима Капитоновна.— Мы с ним давно знакомы. Правда, чуть попозже, чем с Ульяновыми... У меня брат был, Антон...

И обращаясь уже к сыну:

— Ты только по карточке знаешь дядю Антона. Антон умер от туберкулеза в царском застенке. И вот он — Феликс Эдмундович — нежно ухаживал в тюрьме за Антоном, носил его на себе... на допросы и прогулки.

— Потрясающий человеколюбец! — присоединился к жене профессор Артемьев. — У него самого сейчас сердце основательно пошаливает. Я предупредил его: строгий режим, да-с.

— Строгий режим, ни в коем случае не волноваться и все такое, а сам ты, папа, только и лез к нему с политическими спорами! — укоризненно подала голос младшая дочь. — Я за дверью все слышала.

— Ну, и вывод каков, Анна?

И, не дождавшись ответа, профессор встал из-за стола и зашагал вокруг него то в одну, то в другую сторону — с салфеткой, заткнутой концом за борт застегнутой на все пуговицы домашней суконной курточки «венгерки».

— Я Дзержинскому говорил... и вам повторю, господа хорошие. Да-с. Мы в России одичали. Это одичание от рабства. Рабства множества десятилетий. Нелюбовь к родине — это болезнь рабства. Ей-ей. У рабов нет родины. А?.. У меня плоха память на стихи. Не то что у тебя, Людмила. Она ведь у нас разные стихотворения в тетрадки записывает. Показала мне одно на днях. Старинное, оказывается. Сороковые годы, какого-то стихотворца Печерина. Так ведь, Людмила? Скажи-ка этот стишок. Ну! Как это там?

Людмила продекламировала:

Как сладостно отчизну ненавидеть
И ждать ее уничтоженья,
И в разрушении отчизны видеть
Всемирного денницу возрожденья...

— Слыхали? Это похоже на сумасшествие. Не правда ли? — ходил вокруг стола, словно догоняя самого себя, профессор. — Но мы-то сами? Мы. Сейчас. Здесь, в Петрограде. В России. Как будто целым народом овладела жажда самоубийства, самоистребления... Культ самоистребления. Нищета желаний от нищеты состояния. Да-с... Ведь были же 1613 и 1812 годы! Тогда темный русский народ был достаточно патриотичен, любовь к родине спасла тогда Россию. Неужели с тех пор мы так одичали?.. Несмотря на все ошибки и крайности ваших, Никита, единомышленников и вообще, господа, интернационалистов, они владеют одной безусловной правдой — отрицанием войны. И поразительно совпадение этой правды интернационализма с национальной сущностью России! Уверяю вас, Лев Толстой наилучшим образом выражал нашу национальную сущность. Вечное... чисто физиологическое... отвращение к насилию как к системе, к методу государственного творчества, какой-то анархизм прирожденный, естественный, органический, — все это и есть русская национальная особенность. Мы все, русские люди, просто не любим войны.

— Господи, кто ж ее любить может... — вздохнула, выходя в кухню с подносом, Луша.

— Война для нас — как людоедство. Да-с. Нельзя воевать, но воевать еще надо. Надо, оказывается, еще больше, чем когда-либо. Тут, господа хорошие, трагическое противоречие не только, я думаю, нашей России, но и всего современного человечества. Нельзя, но надо! Война везде сама себя внутренне преодолевает. Она, надо верить, сама себя изживает. Невыносимость всякой войны... даже «без аннексий и контрибуций», господин мой Никита Денисов — вот это и есть национальная особенность русской природы. Славянской вообще природы. Что, нет?.. Да-с... Интернационализм, Анка, — он положил руку на плечо дочери, — в на-

шей крови. Русские люди — «всемирники», «всечеловеки». Отрицание захватного национализма...

— Империализма то есть... — подал реплику Никита.

— Да-с, то есть!.. Это и есть замечательное русское национальное свойство. Любить Россию — это и значит любить эту глубочайшую сущность ее: внутренний интернационализм, абсолютное отрицание войны, абсолютное утверждение мира, то есть братство народов. А?

И дальше, чтобы вновь поддразнить Никиту:

— Ваша партия кричит на всех перекрестках: «империализм, империализм»... Мы до такой степени не империалисты, сударь мой, по самой природе, что в последнее время одержимы настоящей манией преследования: везде видим империализм. А? Не так? Империалист Павел Николаевич Милюков, человек самого среднего роста, кажется нам гигантом-захватчиком: Константинополь, проливы и прочая чужая собственность... Но что значат даже десять тысяч Милюковых перед одним Львом Николаевичем Толстым — этим подлинным выразителем национальной сущности России! Ну, что? Тьфу!

— Напрасно преуменьшаете его роль, Иван Сергеевич.

— Чью? Чью роль?

— Павла этого самого Николаевича. Губитель он революции. Чтобы умертвить ее, отдаст он даже свои любимые идейки о Дарданеллах и о прочем. Покуда вы будете, простите меня, размышлять по-умному, в чем национальная сущность России да кто для интеллигенции — Иван Сергеевич, для интеллигенции только! — выражает лучше эту сущность, Милюков и его друзья делают все, чтобы...

— ...задушить... резать... растерзать революцию. Я ведь ваш лексикон знаю. Это хотите сказать, Никита?

— Вы не ошиблись. Именно это!

— Никита прав.

— Факт, папа. Он прав, и никаких гвоздей!

— Это еще кто? А? Кто влез в разговор? — засуетился Артемьев, словно он и впрямь не различил голосов младшей дочери и сына. — Я, вы знаете, не люблю Милюкова, он мне абсолютно чужд, к вашему сведению. Но...

— Что «но»? Ну, что? — Анна усадила отца и, встав позади него, стала поглаживать его голову. — Никаких «но»! Самый большой недостаток нашего родителя заключается в том, что у него довольно много маленьких недостатков! Например, это «но».

— Нуте-с? — притворно нахмурился профессор. — Выкладывай недостатки.

— Чересчур большая и явно седая, как у деда Мороза, борода! — сказала, улыбаясь, Серафима Капитоновна.

— Э, мама! Смотрите, как хитро она защищает его от критики!.. А я скажу прямо. Не без некоторого политического соглашательства этот наш прекрасный российский гражданин.

— Николаша, ты уж знай меру! — погрозила ему мать.

— Позвольте присоединиться к младшему брату! — подняла руку Анна.

— Ничего вы не понимаете! — серьезно возразила, покраснев, Людмила. Она вышла из-за стола и стала помогать вернувшейся из кухни Луше собирать посуду. — Наш отец — чудный. Я его очень люблю. Он ведь переполнен до краев добротой. И это замечательно. Потому что люди теперь стали злыми, злобными.

— Слыхали, а? Спасибо, дочка. Нуте-с, нуте-с? — повторил профессор. — Кажется, у молодежи это называется «игрой во мнения»?

— Еще недостаток есть, — сказал Николай, но уже другим тоном. — Яблоко ест всегда с зернышками, ничего не оставляет.

— Он их выплевывает, но они застревают в бороде,— посмеивалась Серафима Капитоновна.— Ваш отец, когда даже на боку спит, не прячет бороду под одеяло. Держит ее павлиньим хвостом.

Все захохотали. Смеялся и профессор, раскачиваясь всем туловищем и похлопывая себя по коленкам.

Никита давно знал всю эту семью, жил в ней до самого своего отрочества (он был ровесником Людмилы) и, уйдя из артемьевского дома в типографские ученики газеты «Биржевые ведомости», на Галерной улице, вблизи которой и поселился, аккуратно посещал Артемьевых и мать каждое воскресенье в продолжение ряда лет.

Несмотря на разные пути жизни — своей и всех Артемьевых, он считал их близкими людьми и даже к Сереброву относился до последнего года без враждебности, хотя этот новый, недавний член артемьевской семьи никогда не внушал ему приязни. В последнее же время Викентий Константинович стал ему просто ненавистен как враг политический, партийный, а в таких вопросах Никита Денисов не признавал компромиссов.

Но ведь профессор тоже не свой, не рабочий человек? Личность это порой ершистая, политически своевольная, с неожиданными суждениями, от которых иной раз так и шарахнет тебя с возмущением в сторону от него, и тем не менее, признаться, Никита никогда не испытывал недоверия и злых чувств к Ивану Сергеевичу.

«До краев переполнен старик добротой...— соглашался он с Людмилой. И прибавлял еще:— Честный: не обманет и не выдаст. Хороший, ей-богу, старик».

Всегда помнилось с благодарностью, как недавно совсем, в июльские дни, когда политическая разведка Керенского сотнями бросала большевиков в тюрьмы, он, Никита Денисов, за которым тоже охотились, был спрятан профессором в его клинику на Вознесенском проспекте, и в доме на Садовой никто, решительно никто, в это не был посвящен.

Никите был приятен Иван Сергеевич: стройный, длинноногий старик с пушистой аккуратной бородой, с приглаженными сверху густыми волосами, с лукаво бегающими голубыми глазами под стеклами пенсне или очков. В очках профессор, вооружавшийся ими для чтения книг и газет, походил уж без сомнения на доброго, уютного дедушку, и в такие минуты он был еще больше мил сердцу Никиты Денисова.

Но если от этого старика можно было еще ждать, считал он, каких-либо «неожиданностей», то вот Анна и Николай Артемьевы — присматривался к ним в последнее время Денисов — с явной симпатией относятся к революционной борьбе питерских, и не только питерских, рабочих. И он не удивился сегодня, когда после завтрака молодой студент звал его к себе в комнату и, прикрыв дверь, сказал напрямик:

— Хочу в партию, Никита.

— В какую?

— Неостроумно с вашей стороны! К меньшевикам я мог бы и не спрашивая вас.

— Так. Дело ведь это серьезное, Николаша.

— Меньше всего я, кажется, шутник и юморист! Конечно, дело серьезное.

— Партия наша нелегкая,— сказал Никита и посмотрел вопросительно на студента. «Этакий богатырь, ей-ей!» — подумал сейчас о нем. И, словно к этому впечатлению хотел добавить какое-то свое «но», он продолжал: — К силе рабочего класса надо еще присчитать его исторические возможности... Партия наша, видите, нелегкая,— повторил он.— Да, исторические возможности... Хоть Иван Сергеевич и заворчал на меня, а я все же не зря сказал: всякому овощу, знаете ли...

— Я не о том! Вы что-то действительно хитрите... не отвечаете на мой вопрос.

Николай, нахмутив брови, смотрел на своего собеседника. Тот подставил его взгляду свое круглое, как у няньки Луши, лицо, чуть-чуть поросшее темно-рыженьким волосом, с веселыми карими глазами в «смеющихся» морщинках век, с широким в меру носом, стиснутым скуластыми щеками, со снежнозубым (на зависть любой барышне!) ртом.

— На какой ваш вопрос я не ответил? — спросил Никита.

— Вы мне поможете вступить в большевистскую партию? Да или нет?

— Такого вопроса я еще не слышал, — серьезно сказал Никита Денисов и вынул из кармана помятую пачку дешевых папирос. — Это не минутное у вас настроение, Николаша?

— Садитесь... — указал ему место на своей обитой синим репсом тахте молодой студент и протянул гостю папиросную коробку «Дюбек». — Закурим.

Через час они вышли вместе из дому.

4

Октябрь в Петербурге — месяц тусклый, с короткими днями-плаксами: идет дождь или не идет (а, как правило, он всегда в эту пору стучится в окна домов) — город, забыв красоту свою, уныл. Морской ветер нагоняет на него сизый туман, укутывающий и слепящий дома.

В этот октябрь было темнее обычного. Городские станции подавали электрический свет в частные квартиры только с шести до двенадцати вечера — экономии. Ночью, из страха перед немецкими цеппелинами, город зажигал на улицах лишь редкие, скудные фонари. Петербуржцы (особенно женщины) недовольно покачивали головами: обыкновенная свечка по карточке стоила уже восемьдесят копеек, а керосина нигде не достать!

Темнота покровительствовала грабежам и убийствам; вооружившись винтовками и револьверами (революция сделала доступным для питерцев любое оружие), мужчины несли по очереди ночную охрану домов.

Петербургжцы (и не только женщины) угрюмо смотрели друг на друга и на все лады ругали Керенского и его правительство: хлебный паек упал с полутора фунтов до полуфунта, двухфунтовый сахарный — существовал лишь на бумаге. Добрая половина петербургских детей не имела молока. Осень — время фруктов, а яблоки и груши продавались по рублю за штуку.

Плату в трамваях повысили до двадцати копеек. Всюду стал ощущаться недостаток разменной монеты.

Разуверившиеся во всем обыватели иронизировали и над собой и над правительством:

Покуда травка подрастет,
Лошадка с голоду умрет.

О самом правительстве рассказывали анекдоты, которые, однако, оказывались сущей правдой.

Во время заседания Временного правительства открывается дверь, и в Малахитовый зал Зимнего дворца входит неизвестный человек. Всеобщее недоумение! «Кто вы?» Тот обиженно отвечает: «Я Орлов, товарищ министра продовольствия, к вашему сведению. И явился на заседание по делам своего ведомства». Гм... дошло, значит, до того, что в правительстве не все уже знали друг друга...

К осени 1917 года в столице существовало свыше пятидесяти игорных притонов, носивших такие безобидные названия: «Общество вдумчивых музыкантов», «Внеклассовый союз интеллигентных тружеников», «Отдых Проплюйского района» и т. д.

Они были открыты от зари до зари, ставки доходили до двухсот тысяч рублей. Клубы и кофейни заполнены кокотками в бриллиантах и драгоценных мехах.

В кинотеатрах демонстрировались преимущественно «Демон сладострастия» и «В атмосфере порока», «Мученики брака» и «Женщина с прошлым».

В Александринском возобновили постановку «Смерть Ивана Грозного». На премьере многим запомнился бледнолицый воспитанник бывшего пажеского корпуса: в антрактах он стоял навытяжку в своей парадной форме, обратившись лицом к пустой царской ложе, с которой давно уже были сбиты топором все орлы.

В газетах, любивших антибольшевистские сенсации, сообщалось, что писатель Александр Амфитеатов написал Горькому негодующее письмо, которым хоронит навсегда долголетнюю дружбу с «великим Максимом» и отрекается от него, «продавшегося большевикам».

Щеголяя малиновыми башлыками с золотыми позументами и чеканными кавказскими шашками, шумели в ресторанах и отелях веселые тыловые офицеры.

Бывая на «чашке чая» друг у друга, дамы «приятные во всех отношениях» привозили с собой кусочки рафинада в ювелирной коробочке или в старинной мужниной табакерке и ломтики булки в каракулевой муфте.

Шли выборы в Петербургскую городскую думу — проспекты и переулки были сплошь оклеены тысячами агитационных афиш и бюллетеней. Список кадетских кандидатов имел свой номер — 9. Женщины-наклейщицы озорно расклеивали эти бюллетени и афиши на тумбах и заборах вверх ногами, и била в глаза всем прохожим цифра «6» — номер большевистского списка.

Цифра эта — «6» — гипнотизировала и устрашала. Иные богатые петербуржцы старались переключиться в спокойную Финляндию либо спешно уезжали во Владивосток и Бухару, за полцены продавая удачливым коммерсантам военного времени свои многоэтажные дома, особняки, фабрики и дачи.

В середине октября газета меньшевиков сообщила, что генерал Багратуни, начальник штаба округа, уведомил Керенского о готовящемся выступлении большевиков. Демонстрация должна носить мирный характер; однако рабочие, по сведениям генерала, будут при оружии. День демонстрации большевики тщательно скрывают. Тем не менее генерал Багратуни уверен, что он заранее будет осведомлен о моменте выступления.

А куда этого выступления не было, о нем шумели и спорили на все лады. Большие митинги дробились на мелкие уличные стычки трех — пяти человек:

— Ну, возьмете, к примеру, власть. А чем кормить, чем одевать будете? То-то же. А кто вам считать будет, а кто учить детей будет? Немытые, нечесаные с заграницей разговаривать поедете? Держи карман, так они вас и примут!

— Зачем вы, товарищ, убеждаете этого большевика? Пускай, пускай. Не мешать им надо — наоборот. Пусть они берут власть... если руки, хэ-хэ, не обожгут... Покатаются денек-другой — и брык в сторону! А нам и лучше: тогда уж они за все ответят. За голод, за разруху, за все.

Женщина:

— А разве нынче люди едят? Нынче тоже одна видимость.

И вдруг насмешливый скрипученький голос:

— Запомните, други мои: мирозерцания меняются, но миропомазанье остается во веки веков. К сему и вернется Россия.

Это —остановившийся на минуту у места спора седенький батюшка с непомерно длинной клюкой в детской руке.

Найдена новая тема уличного разговора: сказывают, вчера правительство решило переехать в Москву и начать эвакуацию столицы.

Жадно поэтому набрасывались обыватели на каждый экстренный выпуск вечерних газет, ища там подтверждения всех важных слухов.

Хмурился от таких вестей Иван Сергеевич Артемьев, противоречивые мысли подчас одолевали его.

Неужели и в самом деле эвакуация?! Свистят, гудят и пыхтят грузовики... Никогда в таком большом количестве не видно было их на улицах. Непривычно это и потому тревожно.

Холодные осенние слезы лют низкое петербургское небо. Дома, в кабинете, садишься после дня работы в клинике у широкого камина, зажженного Лушей, выслушиваешь домашние новости, обогреваешься и становишься оттого молчаливее, задумчивее,— пусть ненадолго это, но в такие короткие минуты Иван Сергеевич любил оставаться наедине и со своими радостями и со своими печальями.

Неужели приходит конец Петербургу? — думал он и внутренне содрогался. Конец вот этому великому городу, в котором родился, вырос, трудился, провел всю жизнь. Господи, ведь это было не обычное, обывательское «проживание в городе», это была та неизменная влюбленность в свой город, в свой Питер, в свой Петербург, которая и отличает настоящего петербуржца от других людей, поселившихся в столице. Это было то чувство преданности, которое не покидало невских людей и тогда, когда судьба уводила их из родного города. Любви такой не понимают, казалось Артемьеву, люди в глубине России, не понимают ее даже в Москве.

Конец Санкт-Петербурга... Иван Сергеевич не только печалился — он умел и о ц е н и в а т ь, то есть умел свои чувствования подчинять объективным суждениям разума, общественного мнения, истории.

Эти чувствования и эти суждения его были таковы.

Вне России и, пожалуй, даже наперекор России существует этот город «моды, лореток и бар, где с полгосударства доходы поглощает заморский товар», — как писалось о нем в XIX веке. Между Россией неграмотной, серой, вялой и Петербургом действительно была пропасть. Разве, к примеру, архитектура города с его подтянутостью и строгой гармоничностью линий хоть чем-нибудь напоминает расплывчатые очертания русской равнины? Только в Париже и кое-где в Италии видел Иван Сергеевич такие великолепие благородных, чистых линий.

Да, Петербург был вотчиной императорской России, все делалось в нем прежде всего для царской услады. Помнится еще с детских лет профессору Артемьеву, как заводили здесь электрическое освещение — раньше, кстати сказать, чем появилось оно на улицах Парижа. Александр III ездил в Гатчину по Фонтанке и Измайловскому проспекту. И вот однажды, ранним вечером, «без лести преданный» генерал Грессер, градоначальник, осветил царский путь рядом молочно-белых фонарей. Впоследствии появились такие же фонари на Невском и Морской. Так было и в других делах: все шло от царского центра к обывательской периферии.

Петербург — город индивидуальной воли, город каприза, пусть даже исторического, но — каприза, случая. «Недаром и климат наш такой ужасный,— усмехался Иван Сергеевич.— Когда столицу строит народ, он безошибочно выбирает здоровое, сухое место».

Без правительства, без верховного управления, без искусственного сосредоточения интеллектуальных сил Петербург — просто ничто, скопление красивых каменных громад, музейных красот, и только, нарочито придиричливо думал о родном городе профессор Артемьев.

Только ведь в девяностых годах обратили наконец внимание на то,

что железнодорожный тариф и прямой путь между Москвой и Либавой так установлены и так построены, что Петербург как порт должен потерять всякое значение.

Дело Петербурга было «блистать очаровательно», как говорится у Островского, и ни о чем не заботиться, кроме внешнего великолепия. Самодержавие без границ — вот чем был Санкт-Петербург до нынешней революции. И даже то, что он примостился где-то у моря, куда из глубинного российского уезда «три года скачи — не доскачешь», тоже было в духе деспотии. А деспотия иногда предпочитает не открывать своего лица или открывать его весьма редко. Католическая месса, сравнимая с нею самодержавие Петербурга, думал Иван Сергеевич, придерживается латинского языка и потому, между прочим, что все непонятное звучит всегда торжественнее. Так и далекое — Санкт-Петербург, — плохо видимое и плохо различаемое, внушает больше беспокойства, почитания и страха. Но вот... неужели же ликвидация сегодняшнего, уже р е с п у б л и к а н с к о г о Петербурга?!

Тянутся по улицам автомобили с ворохом казенной канцелярщины. Это вывозят Россию. Да-с. Нет, нет, не говорите мне, Артемьеву, что то вывозят сор истории! За двести с лишним лет Россия свыклась с искусственным вывихом ее тела. Невообразимо грустно, привыкнув повелевать, превратиться в «повелеваемого», горько усмехался Иван Сергеевич. Невообразимо стыдно и обидно станет Петербургу.

Пыхтят и гудят грузовики на улицах. Еще ниже спустилось вечернее небо. Ну, о чем плачешь ты, неразумное? Хватит, перестань! Ах, как тяжело, да прости ты меня, родина. Но существуют ли такие русские люди, которые могли бы встать на твою защиту? Где они? Кто же они? — задавался вопросом профессор Артемьев.

5

Пассажирский поезд из Выборга прибыл на станцию Удельная густым октябрьским вечером. Остановка здесь — одна минута, а могло и совсем не быть: поезд не дачный, дальнего следования, и кому в голову придет ехать им не в самый Петербург, а в его ближайший пригород — в Удельную?..

И действительно, покинули здесь поезд всего лишь два пассажира. Вышли они из него так: один — из вагона, другой, ростом пониже, — по лесенке с паровоза.

Они прошли под висячим станционным фонарем, освещавшим часть вокзальной стены с приколоченным на ней желтым почтовым ящиком, мимо милиционера в дождевом плаще поверх солдатской шинели, мимо пустой скамьи у занавешенного окна дежурного по станции, и свернули за угол вокзала.

— Как мы пойдём? — спросил с явным финским акцентом высокий плечистый человек своего спутника.

— Лучше всего идти, по-моему, мимо завода «Айваз», — ответил тот. — Оттуда прямая дорога по Сампсониевскому проспекту. Не пройдет и часу, как мы будем дома.

«Гм... гм... дома»... Сколько раз в течение этого года менялось у него представление о «доме»!

Спутник, предложивший путь к Сампсониевскому проспекту, поправил кепку на голове, укрепил на щеке сползавшую с нее повязку, свидетельствовавшую о зубной боли, и, сказав «идем», зашагал быстрой и мерной походкой. Длинноногому финну пришлось прибавить шагу.

Еще виден был в отдалении красный огонек, мерцавший в хвосте только что отошедшего поезда, еще слышен был шум его убегающих колес. Через минуту исчезнут и эти следы проделанного пути.

— Не пройдет и часу, товарищ Эйно, и мы уже дома,— повторил Ленин и показал рукой вперед — на огни раскинувшегося в обе стороны от шоссе Петербурга.

Прошло ровно три месяца, как он вынужден был покинуть этот город. Надо было изменить и свой внешний облик и привычную одежду, чтобы обмануть сыщиков Временного правительства.

И Ленин сбрил бороду, подстриг машинкой усы и волосы на голове, надел рыжего цвета легкое летнее пальто одного из своих друзей, надвинул на лоб серую кепку другого приятеля и в таком виде поздним вечерним часом тронулся в путь с 10-й Рождественской, что на Песках, в Новую Деревню, к Приморскому вокзалу.

На безлюдной набережной Большой Невки, в условленном месте — у «группы» трех деревьев, его встретил сестрорецкий рабочий Емельянов, которому было поручено Центральным Комитетом большевиков укрыть Ленина в Сестрорецке, покуда не будет найдено для него наиболее безопасное место.

Вдоль ночного, последнего поезда, отходившего на Сестрорецк, медленно прогуливались двое. Эти люди и виду не подавали, что они провожающие.

Перед самым отправлением поезда Владимир Ильич вышел на заднюю площадку последнего вагона, в котором занял место рядом с Емельяновым... Сейчас, спустя три месяца, ему явственно помнится, будто один из провожавших, Аллилуев, как только колыхнуло вагоны, сказал ему, Ленину: «Счастливого пути!» — и он ответил Аллилуеву каким-то дружеским словом. Но, конечно, ничего этого на самом деле не было: не могла позволить того конспирация.

И прежде всего она, эта конспирация, укрыла его от всего внешнего, враждебного ему мира: вместо Ленина стал существовать человек с удостоверением в кармане, выданным администрацией Сестрорецкого оружейного завода на имя рабочего Константина Петровича Иванова.

Этот-то человек жил в непроезжем месте — в стоге сена, в шалаше, принимал участие вместе с семьей Емельянова в поисках грибов, в сенокосе и в рыбной ловле на озере, купался с малыми крестьянскими ребятами. Они хотели научиться плавать так же хорошо, как и он, но не могли понять, почему этот человек никогда не ныряет и никогда не снимает в воде картуза с головы. Он отвечал им самым серьезным тоном: «Чтобы голова не простудилась». А самому нещадно хотелось хохотать. Дети так и не узнали, что на голове «дяди Кости» был парик.

Парик на Ленине и сейчас, когда шагает Владимир Ильич по темному Выборгскому шоссе, где, казалось, никто из встречных не станет всматриваться в лицо. Впрочем, это уже не тот «неуютный» для головы парик, который друзья приладили в шалаше.

О происхождении нового грима он, Ленин, расскажет как-нибудь на досуге жене и друзьям. «Право, веселая история!» — улыбался он каждый раз, вспоминая о ней. А разве вообще все это происшествие, как он скрывался совсем недавно у гельсингфорского полицмейстера, не повергло бы в гнев и оцепенение правительство Керенского?

Да, довелось жить за это время и в квартире и. о. начальника гельсингфорской милиции финского левого социал-демократа, оказывавшего помощь питерским большевикам. Жена полицмейстера находилась летом в деревне, и целые дни в квартире на пятом этаже в доме номер один на Хагнесской площади никого не было. Немало здесь было написано программных партийных статей и документов, конспиративно отправленных в Питер: в «Правду» и в ЦК.

Перед самым отъездом в Выборг (чтобы оттуда — в Петербург) Ленин попросил своего квартирного хозяина достать парик (прежний

здесь не нужен был), краски для бровей и финский паспорт. Ранним утром следующего дня полицмейстер и его гость вошли в парикмахерскую в центре Владимирской улицы. Владелец заведения оказался старым петербуржцем, некогда работавшим в Мариинском театре. Ленину пришлось выслушать длинный рассказ, как этот парикмахер омолаживал искусно князей, графов, генералов и женщин-аристократок.

— Вы когда мой парик сделаете? — воспользовавшись паузой в рассказе, спросил Ленин.

— Не раньше чем через недели две, мсье. Это очень кропотливая работа: каждый волос пришивается отдельно.

Вот-те на! Уехать-то надо через два дня...

— Может, у вас готовые есть?

Парикмахер снял мерку с головы заказчика и спросил, какого цвета желателен парик.

— С сединой. Примерно для человека лет шестидесяти.

— Что вы? Ведь вам больше сорока лет нельзя дать. Зачем же вы берете такой парик? Да у вас и седина-то еще не выступила! — недоумевал парикмахер. — Простите, мсье, но я вас совершенно не понимаю.

«Это и хорошо», — подумал Ленин. И объяснил: он актер, и ему нужен для спектаклей именно такой грим.

Он стал рассматривать стоявшие здесь шкафы. Заметив в одном из них седой парик, он попросил его испробовать. Парик оказался подходящим, его лишь понадобилось чуть-чуть распороть и кое-где перешить.

При помощи красок брови стали тоже серебристо-седыми. Металлические очки с овальными стеклами дополнили грим Владимира Ильича. Он стал походить не то на старенького лютеранского пастора, не то на почтенного букиниста. Такое же впечатление он произвел на редактора Выборгской газеты Латтука, в чьей квартире он поселился и откуда сегодня вот отбыл в долгожданный Питер.

Сначала они с Эйно добрались до Райвола, а там, как условлено было, Ленина усадил к себе на паровоз финн машинист Ялава. Тот самый большевик Хуго Ялава, который в августе таким же образом отвез его в Финляндию... Помнится Ленину: вскочил он — «кочегар» — на паровоз, засучил рукава, хватал полено за поленом и бросал их в топку: ведь кроме Ялавы тут же находился (дремавший, правда) его помощник.

Через час ходьбы спутники достигли Выборгской стороны Петербурга. И на углу Лесного и Сампсониевского проспектов, у подъезда большого каменного дома, населенного рабочими семьями, Ленин остановился и сказал кратко:

— Сюда, товарищ Эйно.

Они поднялись по лестнице, не всюду имевшей перила, и на одной из неосвещенных площадок Ленин постучал в темную дверь.

— Кто? — спросил женский голос за порогом.

— К Фофановой. От Надежды Константиновны, Маргарита Васильевна, — ответил Ленин.

Дверь открыла пожилая худенькая женщина в простеньком бумазеевом платье. В руке она держала деревянный гриб с не заштопанным еще черным чулком. Прищуренные глаза Фофановой испуганно вдруг расширились, и рука с грибом и штопкой вытянулась вперед, словно хотела остановить совершенно незнакомого пришельца.

— Кто вы... позвольте?

— Великолепно! — серьезно и деловито сказал Ленин. — Прекрасная проверка, Маргарита Васильевна.

И он снял с бритого лица «зубную» черную повязку и с головы — приглаженный на косой прибор парик.

Как ни скрывали большевики возвращение Ленина, а слухи о том все-таки поползли в журналистской среде и в кругах Временного правительства.

Викентий Константинович сообщил об этом дома:

— Поздравляю, господи: Ленин снова объявился.

— Что это значит, Вика? — спросила его жена.

— Это значит, дорогая, что надо стрелять, — сказал жестко и несдержанно Серебров.

— Стрелять? Боже, в кого... в кого стрелять, Вика?

На этот вопрос он ответил лишь тогда, когда они остались вдвоем в комнате:

— Да, не миндальничать с ними, а стрелять. Хватит! Хватит правительству выступать на театральных подмостках. Этакие лицедеи! В Московском Большом театре — «государственное» совещание, здесь, в Александринке, — «демократическое» совещание. В одном случае без большевиков, во втором случае с непременно, видите ли, участием большевиков. Тьфу! А они, вот видишь, и в ус не дуют, плюют на всероссийский наш предпарламент и явно готовятся к государственному перевороту. Не зря же появился опять Ленин!

Предпарламент... Он недавно открылся — детище «демократического» совещания. Он собирался в зале общих заседаний бывшего Государственного Совета в Мариинском дворце. «А-а, я была там», — вспомнила Людмила, слушая мужа... Благодаря ему она сама и отец попали однажды на заседание этого «Совета Российской Республики», как официально именовали себя триста его парламентариев, подобранных правительством Керенского и его друзьями из эсеров-меньшевистского ЦИКА.

Зал предпарламента очень понравился Людмиле. Он, по мнению профессора Артемьева, несколько напоминает французскую палату депутатов: такой же стеклянный матовый потолок, но ряды амфитеатра и ложи здесь больше, просторные, расположены они по четырем углам. Стыдливо занавешена кисеей знаменитая картина Репина, изображающая заседание Государственного Совета. Рядом с картиной какой-то скрытый от взоров медальон — должно быть, царский портрет. Горят ряды больших «бриллиантовых» люстр, заливающих золотым, богатым светом четырнадцать рядов кресел и стульев. «Почему мебель тут разных форм и фасонов?» — недоумевала Людмила.

В ложе правительства раза два появлялся Вика. Людмила видела, как он — заместитель управляющего делами правительства — подавал британцу, в пенсне, Коновалову — заместителю премьера — какие-то бумаги на просмотр и тот, не делая никаких пометок, возвращал их Вике.

Ленина, рассказывал Викентий Константинович, ищут теперь повсюду с удвоенной энергией. Назначен приз («ценный, Люда») за поимку вождя большевиков.

Из служебных сводок, поступавших в управление делами Временного правительства, Викентий Константинович знал теперь даже фамилии лиц, поклявшихся доставить Ленина «живым или мертвым». Среди таких «фанатиков» были знакомые лично Сереброву правые эсеры: поручик Лаврушин и инспектор столичной милиции Леопольд Ламбертович Рума.

— Я его не доведу, я ему устрою побег, — многозначительно говорил Рума о Ленине.

Бельгиец по происхождению, Рума, как и Серебров, принадлежал к адвокатскому сословию. Он любил путешествовать, охотился на уссурийских тигров, ходил в тигровой куртке, был завсегдатаем игорных домов и, как убежден был Викентий Константинович, состоял в агентуре вели-

кобританского или американского посольства. Впрочем, ничего предосудительного в том Викентий Константинович сейчас не видел, хотя вообще-то циник Рума не был ему приятен. Настолько, что он не хотел, чтобы именно этому Леопольду Ламбертовичу посчастливилось арестовать вождя большевиков.

Однажды Рума заявился по делу на квартиру к Сереброву в тот час, когда забежал туда же к матери Никита. Кто его знает, чем именно привлек Никита к себе внимание Леопольда Ламбертовича («У меня нюх особый»,— любил говорить о себе тот), но Рума спросил Сереброва:

— Кто этот, который там со старухой беседовал?

— Ее сын, Никита.

— Аховый, по-моему, человек. Большевик, наверно?

— Вы не ошиблись.

— Вот видите!.. Не в списках ли разыскиваемых? Как фамилия?

— Нет!.. Я знаю списки, которые вы имеете в виду,— уклончиво сказал Викентий Константинович, не ответив на второй вопрос неприятного ему Румы.

В печати появился вдруг пересказ письма Ленина, направленного против раскольнической политики некоторых членов большевистской партии. Письмо это стало событием дня.

— Суди сама, Люда,— сунул ей Серебров газету «Новая жизнь».— Эти уж... интернационалисты, прости, господи!.. в курсе дела.

В газете Людмила прочитала:

«Тов. Ленин решительно вмешивается в тот спор о ближайших задачах дня, который идет теперь в рядах большевиков. Он бросает свое властное слово на чашу весов. Внешним поводом опубликования письма послужило, по заявлению т. Ленина, выступление «парочки товарищей, растерявших свои принципы», так как «известную смуту эта парочка товарищей внести может».

Письмо посвящено «восстанию». Для Ленина «выхода нет, объективно нет, не может быть, кроме диктатуры корниловцев или диктатуры пролетариата».

Отказ от восстания есть отказ от передачи власти Советам и «передача» всех надежд и упований на добренькую буржуазию, которая «обещала» созвать Учредительное собрание. Либо переход к либералам и открытый отказ от лозунга «Вся власть Советам», либо — восстание. Средины нет»,— рассказывала своим читателям о Ленине газета «Новая жизнь».

— Да, Вика, он, безусловно, в Петрограде,— сказала Людмила о вожде большевиков.— Вика, ты должен выполнить одну мою просьбу! — неожиданной скороговоркой обратилась она к мужу.

— Говори..

— Только не забудь, пожалуйста, об этой просьбе.

— До сих пор, мне кажется, я никогда не забывал...

— Спасибо тебе. Моя просьба касается нашего Николаши.

— Николая?.. Любопытно!

— Если начнется... Ну, если большевики выступают против Александра Федоровича, против всех вас, Вика... ты должен сделать так, чтобы Николаша не мог выйти отсюда на улицу. Ты должен сохранить его жизнь.

— Жизнь даже?

— Да, жизнь, Вика! Понимаешь?

— Не очень, признаться.

— Ну, устрой как бы домашний арест. Под каким угодно предлогом. Пусть в прихожей у нас сидит какой-нибудь солдат... или милиционер. Покуда будет происходить усмирение на улице, пусть они не выпускают Николашу на улицу. Он ведь знаешь какой?

И после короткой паузы:

— По-моему, он открыто на днях пошел в партию к Ленину... Ты не смотри так на меня, Вика!.. Это он от упрямства. Честное слово, от упрямства! Вся молодежь в марте разбрелась по разным партиям, а Николаша — никуда. Тоже своего рода упрямство. Но вот теперь... Да, да, это у него от упрямства! — в четвертый раз повторила Людмила это слово. Она как будто искала в нем не только объяснения неправильного, на ее взгляд, поведения своего младшего брата, но и защиты Николаши перед жестоко глядящим сейчас Викентием Константиновичем.

Ее просьба казалась Сереброву, конечно, наивной, не говоря уже о том, что и невыполнимой, но он сказал:

— Хорошо, не забуду, Люда.

В душе он послал ко всем чертям этого мальчишку-атлета, возмнившего себя политическим деятелем.

Он считанные часы бывал теперь дома и потому каждую семейную новость выслушивал из уст Людмилы с заметным интересом и любопытством. И прежде всего, естественно, о ее собственном новом самочувствии, известном покуда лишь им двоим.

— Ничего, все отлично... Не думай об этом,— говорила она.

Из домашних новостей он отметил в памяти касавшуюся свояченицы: сам Максим Горький принял для печати статью Анны о современной поэзии. «Хоть эта по крайней мере в политику не лезет. Не то что ее буйвол-братец!» — подумал, услышав новость, Серебров. И спросил:

— Нянькин принц больше не показывался?

— Как не стыдно?.. Зачем ты так о Никите?.. Нет. Он уже давно не приходил.

— Этот может, по-моему, знать или, во всяком случае, разузнать, что с Лениным...— вслух отвечал своим мыслям Серебров.

И продолжал их:

«Ну и что? Ведь все равно этот тип ничего нам не скажет».

Серебров не ошибался. Никита действительно знал, где находился в эти дни Ленин: однажды он видел его, хотя сразу и не мог признать Владимира Ильича, он охранял его и тем был счастлив. На всю жизнь Никита сохранит в памяти ночь 16 октября, когда это случилось.

7

А случилось так...

Большевичку Катю, сотрудницу финансового отдела районной Думы в Лесном, вызвал к себе в кабинет председатель управы Михаил Иванович Калинин.

— Вот что, Катя,— сказал он.— Ты сидишь внизу, в комнате у самой парадной двери. Тебе видно всякого проходящего. Так?

— Так,— ответила Катя.

— К трем часам должен прийти ко мне товарищ один. С бородкой вроде моей. Высокий, стройный. Скажет: «Делегат из Смольного». Веди, Катя, прямо ко мне. Да только так, чтобы наши эсеры из продовольственного отдела не любопытствовали. Понятно?

— Сегодня с двух часов получка жалованья. Никто тут не станет задерживаться, глазеть на проходящих.

— И я на то рассчитываю,— усмехнулся Калинин.— Кончится служебный день — ты не уходи.

— Куда мне уходить? Вам известно — я с матерью тут и живу, в Думе.

— Знаю. Я о другом, Катюша. Уйдут все служащие — ты входные двери не закрывай, а только притвори. Будут приходиться ко мне посети-

тели — ты их не останавливай, а покажи, куда пройти. Понятно? Ну, сама увидишь, какая придет публика. Мы здесь будем долго... В гости к себе сегодня никого не ждешь? — Близорукие, нуждающиеся в очках глаза Калинина посмотрели на Катю.

— Не беспокойтесь.

— Я думаю, что риску мало будет, — уже более откровенно продолжал разговор Михаил Иванович, и Катя поняла, что он как бы советует-ся с нею — товарищем по партии и человеком, знающим местную служебную обстановку. — Население привыкло, что мы тут, в Думе, часто заседаем по разным вопросам до ночи. Комиссии, перекомиссии... — улыбнулся он.

Поглядев в окно, на стоявшие напротив дачи, в которых топились сейчас печи, Калинин деловито сказал:

— Дым клубом, к несчастью это. Никому не любо будет шататься в такую погоду у нас под окнами.

Лесновская дума помешалась тоже на даче, принадлежавшей до войны жене директора акционерного общества швейных машин «Зингер и К^о», уехавшей из России германской подданной. Дача двухэтажная, просторная, и, когда большевики на выборах в Лесновскую думу получили подавляющее большинство мест в ней, они перевели управу из маленького тесного здания сюда, на бывшую дачу госпожи Бертлинг по Болотной улице.

— А не видно будет оттуда?

Катя указала рукой на двухэтажное здание с мезонином, высившееся за маленькой дачей, расположенной напротив Думы.

— Что видно? — спросил Калинин.

Он уже отметил про себя и оценил осторожность и наблюдательность девушки.

— Что? — повторила она. — То, что здесь будет. Партийное заседание, Михаил Иванович, вот что! — Под мохнатыми бровями девушки блеснули голубые, спокойные доселе глаза.

— Догадлива ты, Катюша...

— Надо будет занавесить оба окна здесь, — сказала она прежним размеренным тоном. — Наглухо занавесить. И вот еще что надо... Если, конечно, порядочное количество соберется.

Она по-хозяйски оглядела калининский кабинет: сильно ободран-ный, крытый темно-красным сукном письменный стол с резными львами и всего три дубовых стула с высокими прямыми спинками.

— Надо заблаговременно стулья сюда принести, Михаил Иванович.

— За такую заботу спасибо! — поблагодарил он.

Катюше была приятна эта похвала. Девушка была готова еще что-нибудь сделать для него. Ну, вот это хотя бы: на синей косоворотке Калинина белые пуговицы, одна из них — оторвавшаяся, но не потерянная — лежит у лампы на письменном столе, — взять бы Кате ее и пришить сейчас!.. Она хотела предложить свои услуги, но постеснялась.

А Михаил Иванович, уловив Катюшин взгляд, брошенный на письменный стол, вспомнил в эту секунду об оторванной пуговице и подумал о том, что хорошо бы попросить у Кати иголку с ниткой: он сам отлично пришел бы отлетевшую пуговицу, но... открыли дверь из секретарской и отвлекли его внимание.

В точно указанный Калинин час Катя увидела вошедшего в Думу высокого человека с бородкой и усами медно-русого цвета — очевидно, того самого человека, кого и ждали. На нем было черное осеннее пальто с бархатным воротником, коричневый шарф, обернутый вокруг шеи, и коричневый котелок, потемневший от дождя. Пришедший сильно отряхнулся, сбрасывая на пол с пальто и со снятого с головы котелка

крупные капли дождя, и, заметив наблюдавшую за ним девушку в дверях комнаты, спросил:

— Михаил Иванович здесь?

— Да, у себя,— ответила Катя.— Как ему сообщить о вас?

— Скажите ему, пожалуйста, что делегат из Смольного.

— Пойдемте, товарищ.

И, поднявшись с «делегатом» наверх, Катя молча показала ему дверь в кабинет Калинина.

— Спасибо.

Он был очень вежлив, этот человек, подумала Катя, возвращаясь к себе. И очень точен. Это она отметила еще две минуты назад, когда он появился здесь.

— Прощу, прошу, Феликс Эдмундович! — Калинин вышел к нему навстречу из-за стола и закрыл на ключ дверь, чтобы никто им не мог помешать.

— Я ни разу не был у вас,— сказал Дзержинский, присаживаясь к столу, бегло оглядывая комнату.— Куда ведет эта дверь?

— В секретарскую... Вы нашли нас без труда? — спросил в свою очередь Калинин.

— Без труда, Михаил Иванович. Может быть, вечером, когда стемнеет, товарищам будет труднее. Во всяком случае, план, разосланный всем Свердловым, составлен отлично, ясно. Покуда светло, я успел осмотреть все вокруг вашей дачи, узнать, откуда и как лучше к ней пройти. Я попросил Свердлова отрядить со мной троих испытанных членов партии. Они вместе со мной и каждый порознь обследовали здешнюю местность. Не будет, надо думать, никаких неожиданностей. Я думаю, что Владимир Ильич теперь не заблудится,— улыбнулся Дзержинский.

Улыбался он кротко, почти застенчиво. Его узкое лицо с высокими скулами, с впадинами на щеках, тонкий нос с бескровными нежными ноздрями светлели при улыбке. Серые глаза, как всегда, глядели прямо в лицо собеседнику.

Ему показалось, что Калинин дольше обычного задержал свой взгляд на его подбородке (или на бархатном воротнике пальто?..), как будто увидел там какой-то беспорядок,— и Дзержинский поспешно вынул белоснежный носовой платок и утер им мокрые от дождя усы и бородку. Он любил в людях внутреннюю и внешнюю опрятность.

— Нам придется еще,— сказал Дзержинский,— выбрать здесь комнату, где будем заседать. Обходя двор дачи, я заметил окно, выходящее во двор, во втором этаже. Балкончик там. Это что за комната, Михаил Иванович?

— Во втором, говорите? — прикидывал в уме Калинин.— А-а, это комната культурно-просветительного сектора. Вы думаете, там удобнее будет, чем здесь?

— Поглядим, поглядим,— ответил Дзержинский, закуривая предложенную хозяином папиросу.— Культурно-просветительного сектора... — повторил он, словно что-то вспоминая.— Пойдите... это у вас им заведует Новиченко, а?

— Да, Новиченко. А что такое?

— Мы с ним встретились дней десять назад, он рассказал мне. Так вот оно что!

— Мне его рекомендовали в Выборгском районном комитете. А вы-то его хорошо знаете, Феликс Эдмундович? — озабоченно спросил Калинин.

И снова Дзержинский заулыбался скромно, почти по-детски.

— Ну, считайте сами... Когда в начале этого года я сидел в московской Бутырке, из двенадцати однокамерников только я один, надо ска-

зять, верил в неизбежность революции... Меня же всегда, знаете, называли сумасшедшим оптимистом!..— словно самому себе усмехнулся сейчас Феликс Эдмундович.— Вот с этим самым Новиченко — анархистом — я пошел на пари в камере: к началу 1918 года, говорил я, революция всех нас освободит из тюрьмы!

— На пари?

— На пари, Михаил Иванович!.. Если это не случится, я согласился весь свой заработок отдать Новиченке...

— Азартный же вы!.. Ну и чем это все кончилось?

— А вот чем — Новиченко сразу же в марте вступил в нашу большевистскую партию.

Оба расхохотались. Один — от неожиданной сути выслушанного рассказа: «вот так пари!», другой — от приятных и по-своему веселых воспоминаний.

«Личность!» — кратко, уважительно подумал о своем собеседнике Михаил Иванович.

Катя не знала, кто именно сейчас у Михаила Ивановича. В четыре часа, когда присутствие в управе кончилось и все служащие разошлись по домам, Катя поднялась наверх, чтобы доложить об этом Калинину.

— Отлично, — сказал он. — Пойдемте посмотрим, Феликс Эдмундович.

«Феликс Эдмундович...» — повторила про себя Катя.

— Пойдем-ка и ты с нами, — обратился к ней Калинин.

А затем — к Дзержинскому:

— Это та самая Катюша, о которой я вам говорил.

«Вот оно что!» — Она была довольна.

Дзержинский сделал глубокий, подбородком до самой груди, поклон и протянул Кате узкую длиннопалую руку.

Выбрана была для заседания комната культурно-просветительного сектора. Она расположена была прямо над кухней и комнаткой Кати и ее матери, живших в этой же даче.

— Окна занавешивать? — спросила Катя, когда Феликс Эдмундович уже ушел.

— Да, Катя. Я тоже на часок отлучусь. Подкрепиться надо, — пояснил Калинин.

«Феликс Эдмундович... Феликс Эдмундович», — старалась Катя припомнить, сообразить, кто бы это мог быть...

8

Первоначально Катя держала входную дверь закрытой на французский замок, но, вспомнив наказ Калинина: «Посетители будут приходить ко мне, ты не останавливай их», — открыла дверь. Ее, сообразила Катя, еще и потому нельзя было запирать, что всякий стук, а в особенности электрический звонок (он был здесь на редкость громкий, резкий), мог привлечь внимание жильцов соседнего дома и старика дворника.

Первые участники конспиративного партийного собрания стали появляться к семи часам. Уже сильно стемнело, но из окна служебной Катиной комнаты все еще видна была прямая аллея от калитки в воротах до главного подъезда Думы. О том, что входят в усадьбу, Катя узнавала каждый раз по доносившемуся клямканью шеколды и густому хрипу калитки, разбухшей от многодневных дождей и с трудом открывавшейся.

Организаторы собрания должны были, по справедливости, похвалить Катю: осторожности ради она погасила лампочку над входом («пусть

ничего здесь не будет видно») и не зажигала в прихожей. Была оставлена лишь лампочка во дворе, на обвитой диким виноградом боковой стене дома. Она освещала отсюда не только часть двора: свет проникал через окно второго этажа и на деревянную лестницу, которая вела наверх, и падал в часть коридора первого этажа, у входа. Вошедший в дом сразу же понимал, как пройти наверх. К тому же приходил на помощь ясный и точный план дачи, розданный Яковом Михайловичем Свердловым каждому из участников конспиративного собрания.

Приходили по одному, редко по двое. Большинство в штатских пальто, и только небольшая часть в солдатских шинелях. Одежду они оставляли в кабинете Калинина. У многих была плохая обувь — хлюпающая, набухшая от уличной грязи. Люди шли с разных сторон: одни — со стороны Лесной, другие — прямо от Муринского проспекта.

Явилось уже, по подсчетам Кати, человек двадцать, среди них — в очках с большими круглыми стеклами, с тонкими витыми дужками Володарский (Катя узнала его — дважды слышала на митинге рабочих «Айваза») и всем известный в партии Яков Михайлович Свердлов.

После него переступил порог Думы не известный Кате коренастый круглолицый молодой человек в черной кожаной куртке и кожаном кепи блином, какие носят шоферы военных машин.

Вместо того чтобы сразу же направиться к деревянной лестнице, как поступали все, он подошел к девушке и озадачил ее неожиданным вопросом:

— Вы, вероятно, и есть Катя? Или нет?

— Что вам надо? — стараясь унять свое волнение, спросила она.

— Не волнуйтесь, товарищ. Вы Катя или не Катя?

— Катя.

— Вот и хорошо. Не волнуйтесь, — повторил неизвестный человек. — Я свой. Мне нужен Михаил Иванович.

— Прием посетителей уже давно прекращен.

— Ну, не всех, — усмехнулся пришелец.

— Вы по какому делу? — Катя не спускала с него недоверчивых глаз.

— Скажите товарищу Калинину, что Никита Денисов уже здесь.

— Это вы, значит?

— Это я, значит. Он поймет. Можете, Катя, прибавить для ясности — от Феликса Эдмундовича... Вы Катя или не Катя? — неожиданно усомнился Денисов: она так медлительна, черт побери, а Дзержинский совсем по-иному охарактеризовал полчаса назад здешнюю партийную помощницу Калинина!.. «И потом... эта девушка, ей-богу, красивая!» — невольно залюбовался ею Никита. Об этом Дзержинский ему ничего не говорил.

— Я же вам двадцать раз сказала — Катя!.. Сейчас позову Михаила Ивановича, — решила она и взбежала по лестнице.

В коридоре она наткнулась на Калинина, курившего здесь в компании еще троих товарищей.

— Михаил Иванович, там вас Денисов какой-то...

— Иду! — крикнул он Кате и бросился вниз.

Она слышала, как он шепнул одному из куривших:

— Владимир Ильич здесь! Пусть рассаживаются... И чтоб никакого шума, никаких аплодисментов!

Когда через минуту Катя очутилась внизу и мельком заглянула в свою служебную комнату, она различила там в серой темноте пять мужских фигур: Калинина и вот этого крепыша Денисова, две другие фигуры ей были совершенно не знакомы (хотя она знала теперь, что одна из них — Ленин!), и вот пятый... ну, конечно же, это он, он, Феликс Эдмундович!..

Трое, быстро пройдя мимо Кати, направились к лестнице, а Калинин и Денисов подошли к девушке.

— Поведешь товарища Никиту к себе, — сказал ей Михаил Иванович. — Уж не взыщи, вот тебе и гость. Рекомендован, Катюша, Центральным нашим Комитетом.

Он сделал шаг к входной двери и взял ее на замок. «Значит, все уже пришли», — поняла Катя.

— Пойдемте, товарищ, — пригласила она Денисова и повела его нижним коридором к своему жилью.

Они вошли в кухню — пополз навстречу пар от горячей воды, запахло мыльной пеной. Склонившись над корытом, стирала белье пожилая женщина. Она разогнулась со вздохом, словно теперь ей стало неудобнее, подняла седеющую голову и посмотрела, прищурившись, близорукими глазами на незнакомого человека.

— Это, мама, мой товарищ, — сказала Катя. — Никита Денисов.

— Совершенно верно! — подтвердил он. — Позвольте узнать имя-отчество?

— Федосья Антоновна... Здравствуйте.

И — уже к дочери:

— Раньше товарищ не бывал у нас. Давно вы знакомы, Катя?

— С июльских дней! — быстро ответила Катя.

«Здоровá врать!» — подумал Никита.

— Совершенно верно: с июльских дней, Федосья Антоновна, — не моргнув глазом, заверил он.

— А-а, с июльских, — многозначительно сказала Катина мать. — А почему вы раньше не приходили к нам?

Мокрой рукой она взяла лежавшие на выщербленном подоконнике очки в металлической оправе, водрузила их на коротенький, схожий с дочкиным нос и теперь словно заново, впервые, посмотрела внимательно на Никиту.

— Товарища только недавно выпустили из тюрьмы! — так же быстро, как и минуту назад, нашлась Катя.

— Совершенно верно! — повторил, почему-то пристрастившись сейчас к этим двум словам, Никита Денисов.

Между ним и Катей, неожиданно для обоих, возникла теперь вынужденная «тайна», вынужденная душевная близость, которой они сами могли бы удивляться, если бы не знали истинной причины ее возникновения: «Уж не взыщи, вот тебе и гость», — говорил Калинин.

— Проводи товарища в комнату. Пусть он чаю с нами откушает, — учила свою дочь гостеприимству Федосья Антоновна. И тут же пригрозила: — Закончу я стирку, Катюша, чайку с вами попою — и на боковую, товарищи.

«Миленько!.. — подумал Никита. — А я куда денусь? Уж собрание-то, наверно, чуть не до утра будет... В коридоре мне придется дежурить».

И не потому, что неуютно и неудобно было провести всю ночь в коридоре или, на крайний случай, в комнате финансового отдела, досадовал Никита, жаль было лишаться общества этой привлекательной голубоглазой девушки. Хотя почему лишаться? Уж, наверно, и у нее имеются сегодня свои партийные обязанности?

Вошли в комнату и закрыли за собой дверь.

— Садитесь, — сказала Катя и указала на единственный стул, оставшийся здесь; два других были отнесены ею наверх для участников собрания. Сама она села на обитую клеенкой простенькую кушетку, в ногах которой лежали скатанные в пуф розовое ватное одеяло, подушка и постельное белье.

Кровать Федосьи Антоновны отгорожена была от кушетки перпендикулярно поставленным к стене платяным шкафом. Сидевший боком к нему, за столом, Никита глядел только в ту сторону комнаты, где, понял, находились Катюшины вещи: висячая полочка с книгами, маленькая тумба с большим овальным зеркалом и слегка выцветший портрет Максима Горького в широкополой шляпе.

— Сколько вам лет, товарищ?

Если бы он не сказал этого слова «товарищ», делавшего их обоих равными между собой, ох, и стукнула бы она тяжелым словом эту «кожаную куртку» за нескромное любопытство!

Но карие глаза смотрели на Катю так дружески и преданно, что она, вместо того чтобы озлиться, сказала смущенно:

— Двадцать два.

И, чтобы «упрочить» себя в его глазах, добавила:

— Я большевичкой, партийной, стала еще три года назад. Понятно?

«Нормально», — подумал он, а сказал:

— Совершенно верно!

— Вы все словно по-военному отвечаете, — заметила Катя. — Вы что, наверно, в автомобильной части служите?

Никита шелкнул пальцем по своей кожаной куртке.

— Маскировка для сегодняшнего дела, дорогой товарищ. Можно здесь папиросу выкурить?

— Курите.

Девушка бросила взгляд на подоконник, словно ища что-то, взяла оттуда жестяную крышку от какой-то банки и поставила ее на стол вместо отсутствовавшей в комнате пепельницы.

— Покорно благодарю, Катя.

— Совершенно верно! — в тон ему передразнила она, и, хотя сделала это не без явной издевки, Никита не обиделся, а рассмеялся.

В комнате наверху раздался не ясный, но громкий чей-то выкрик и глухой звук передвинутых стульев.

Катя заметила, как лицо Денисова сразу же стало строгим и внимательным. Когда вновь все затихло, он как бы вскользь, думая о своем, спросил:

— Во вторник, десятого, говорят, ЦК заседал. Про подробности не слышали?

Нет, она ничего не слышала. А о подробностях — и тем более, конечно. Катя просительно, выжидающе смотрела на Никиту. «Уж он-то должен многое знать... Ну, скажи мне, товарищ, скажи!»

Но он был скуп:

— Говорят, не было единогласия. Кое-кто не согласился с товарищем Лениным.

— Не было?

— Не было, Катюша, — решил он назвать ее понежнее.

— Кто же это?

— Не согласился?

— Да.

— Двое, говорят, струсили.

— Стру-у-уси-или? — протянула недоуменно Катя. — Члены Цека-а?..

— Они не засидятся там, я думаю!

Денисов резко притушил на жестянке недокуренную папиросу.

— Кто же это они, Никита? — Сама не поняла девушка, почему назвала его по имени.

— Трусы?

— Ага.

— Не знаю, — ответил он после секундной паузы.

«Ну да, он такой, что ему можно это знать, а мне — еще нет», — немножко огорчилась Катя. Но то, что он такой, было ей почему-то приятно и внушало уважение к Денисову.

Она посмотрела на ходики с раскрашенной жестянкой, на которой изображен был Московский Кремль и цифры «1613—1913» — к трехсотлетию дома Романовых, и сказала:

— Пора, пожалуй, кипятить чайник.

— Не беспокойтесь, если это ради меня.

— Скажу правду: это не только ради вас, товарищ Никита.

И Катя пальцем указала на чистенький, недавно побеленный потолок.

— Правильно! — одобрил Денисов. — А посуды на всех у вас хватит?

— В очередь будут пить.

Она вышла в кухню, оставив его одного.

Чайник, поставленный на плиту, долго закипал (сырые дрова плохо разгорались), и подать чай удалось лишь в одиннадцатом часу. К этому времени Федосья Антоновна закончила стирку и стала помогать дочери.

Катя налила матери в жестяную кружку.

— Пей, моя труженица. А мы с вами подождем, правда? — сказала она Никите.

— Совершенно верно! — уже пародировал он самого себя.

Настоящий чай был в те дни редкостью, но Катя не поскупилась, сделала его крепким, хорошего настоя, истратив не только весь пакетик, полученный из Продовольственной управы для пленумов Думы, но и домашнюю, собственную пачечку. А вот сахару в Катином хозяйстве оказалось всего лишь три куска, и ни одной щепотки сахараина, ставшего столь популярным во всех питерских домах.

— Подсахарим хоть часть моего сервиза...

В один из граненых стаканов она бросила кусок сахару, стремительно отпугнувшийся в кипятке, из двух других кусков Никита наколол щипчиками четыре рафинадных кусочка — вот уж и пять подсахаренных стаканов и чашек из общего количества восьми, поставленных на поднос! Катя взяла его и пошла наверх.

— Помочь вам? — предложил Никита.

Она замахала головой.

— Оставайтесь в кухне.

Лестница скрипела, ступенька в одном месте была шире и выше остальных, и люди, не знавшие или не замечавшие этого, всегда спотыкались, а бывало, и падали. Катя старалась ступать возможно легче и осторожнее. «Как в цирке!» — подымаясь, подумала она о себе самой: она бережно держала поднос, на котором перезванивались от прикосновения стекла к стеклу стаканы и чашки.

Пройдя по темному коридору, она остановилась перед закрытой дверью и прислушалась. Очевидно, наступил как раз перерыв в заседании: слышно были одновременно несколько голосов. Толкнув коленкой дверь, Катя вошла в комнату.

— Чай! Вот это дело! — раздался характерный бас Свердлова.

— Чай!.. Чай, товарищи...

— Владимир Ильич! Если бы вы только знали, — услышала Катя чей-то громкий голос, — как сейчас чертовски трудно работать на местах!

И в этот момент Катя увидела Ленина. Он сидел в дальнем углу комнаты, за печью, у маленького столика.

На Владимире Ильиче был темный пиджачный костюм, белый широкий воротничок, черный галстук. Необычно было лишь отсутствие бороды, узкие усы и под «нулевку» остриженная голова.

— Жареные голуби, батенька, в рот не влетают, — ответил Ленин и посмотрел на приближавшуюся к нему девушку с подносом.

Однако как странно, как забавно ведет себя сейчас эта девушка!.. К ней бросились товарищи — за горячим чаем. Но вот для одних она готова остановиться, от других же заносит над головой поднос с оставшимися на нем чашками и единственным стаканом. В чем тут дело?..

Ленин не мог, конечно, знать, что этот стакан с янтарного цвета чаем, в который брошен был самый большой кусок сахара, предназначен был Катей именно ему, Ленину, и она ревниво теперь следила за тем, чтобы никому другому тот чай не достался. Володарский, высокий и гибкий, протянул руку к этому стакану, чуть-чуть не схватил его.

— Чашку, товарищ Володарский, берите чашку! — увернулась от него Катя.

То же самое пришлось сказать еще одному товарищу, нацелившемуся на заветный стакан.

Кате хотелось также, чтобы подсахаренный чай достался Калинину и «старому знакомому» — Феликсу Эдмундовичу. Она готова была указать или подсказать им, в какой стакан или чашку положен сахар, но Калинин взял без разбору зеленую чашку и на правах хозяина угостил ею какого-то из участников собрания, а Дзержинский сказал Кате:

— Спасибо. Я в силах подождать.

Чашка чаю эта досталась Урицкому.

Катя поставила на столик перед Лениным его стакан и, опустив книзу поднос, хотела уже отойти, но Владимир Ильич задержал ее. Он спросил:

— Вы, товарищ, разумеется, член нашей партии?

— Да, Владимир Ильич. Уже три года, Владимир Ильич, — словно желая успокоить его, как можно яснее ответила Катя.

— Где вы работали?

— Конторщицей в цехе завода «Айваз».

— А теперь здесь, у Михаила Ивановича?

— Да, теперь здесь.

Катя решила, что следует объяснить, почему она ушла с завода.

— Многие женщины и девушки, Владимир Ильич, уступили свои места на «Айвазе» вдовам.

— Вдовам? Каким вдовам?

— Погибших на войне. Мы, большевички, так постановили. Я тоже уступила свое место.

— Великолепный, очень важный поступок! — быстро произнес Ленин.

Он осторожно хлебнул из стакана, но чай уже несколько остыл, и Владимир Ильич сделал второй глоток смелее и шире.

— У вас имеется еще чай? — спросил он Катю. — Имеется! Превосходно!.. Обязательно принесите, пожалуйста, всем товарищам.

Два раза после этого подымалась Катя с подносом в руках, и два раза еще видела она Ленина, но теперь уже в разгар прений.

А были они горячими, страстными, хотя приходилось всем ораторам говорить из осторожности вполголоса, а некоторые — обладатели зычных голосов, — не доверяя себе, предпочитали и вовсе переходить на полусшепот. Так поступал, в частности, председатель собрания Свердлов.

Катя двигалась по комнате на цыпочках, отыскивала глазами тех, кто еще не получал чаю, и молча подавала им чашки.

На исходе двенадцатого часа Никита и Катя вышли из дачи проверить на всякий случай, не притаилась ли на улице опасность для Ленина, для участников партийного собрания.

Вокруг думской усадьбы всюду было темно. На минуту только мелькнул в темноте огонек свечечки в соседнем домике слева, где жила знакомая Кати — старая учительница гимназии, а над нею — две семьи: бе-

женцы-латыши и «выгонцы» из Литвы. (Так назывались «инородцы», выселенные из родных мест фронтовым царским начальством.) Нет, отсюда ничто не угрожало...

Катя и Денисов решили обследовать сначала местность перед окнами комнаты, где шло заседание. Они завернули за угол дачи, прошли в глубь двора, посмотрели оттуда во все стороны, подошли к окнам Катиного жилья, остановились здесь и стали присматриваться и прислушиваться. В одном из окон культурно-просветительного сектора они заметили щель в занавеске — проникал слабый свет. «Надо поправить», — сказала себе Катя. Никаких голосов сверху не было слышно — это успокоило ее.

Погода, правда, такова, что трудно было услышать за стенами дачи то, что в ней говорилось: шумел буйно мокрый ветер в листве сада и улиц, он нес с собой ранний, хилый снег. И без того размытая дождями земля превращалась теперь в липкую грязь. Темень стояла почти чернильная; в такие минуты, даже тихие, считала Катя, человек не только хуже видит, но слышит хуже обычного.

— Пошли дальше, — сказала она и позволила Никите взять себя под руку.

Открыв хриплую калитку, они вышли на Болотную улицу. Огляделись. Как будто никого. Поздний час, непогода, отсутствие у населения керосина — и потому света, — от всего этого улица казалась вымершей. Изредка по Мурынскому проспекту проносился с грохотом заблудившийся, чудилось, в темноте трамвай. Он бросал в воздух на своем пути короткие — спичечные — искры, высекаемые на проводах.

Катя и Никита пошли в сторону Лесной, завернули и дошли вдоль забора думского участка до поворота улицы. И здесь — ни души!

— Повернем обратно? — предложила Катя.

Она говорила шепотом, и, чтобы слышать ее, Никита приклонял поближе к ее лицу голову. Впрочем, никакого неудобства и, тем более, недовольства от этого он не испытывал. Ему казалось, что всего лишь за несколько часов сегодняшнего вечера его чувства к этой на редкость приятной девушке прошли чуть ли не весь должный путь самой настоящей влюбленности, которая не решалась лишь на одно — на признание. Однако оно было бы уже сейчас вполне искренним...

Дошли до угла и пересекли в этом месте Болотную, чтобы посмотреть на Думу с противоположного тротуара. Здесь, как большой лес, шумел на ветру березняк, пролежавший до самого Институтского проспекта.

Хотя комната культурно-просветительного сектора выходила окнами не в эту сторону, но, предосторожности ради, надо было проверить, не открыта ли дверь в коридор, не проникает ли из него ниточка света в комнаты, обращенные окнами сюда, на Болотную, и не может ли эта «ниточка» быть заметна с улицы. Вот такие тревожные мысли и привели Катю и ее спутника к подъезду чье-то одноэтажного дома с каменным крыльцом, откуда можно было сделать последнюю проверку.

И вдруг парадная дверь дома открылась, и на это каменное крыльцо упал из прихожей короткий луч света, брошенного свечой.

— Покойной ночи, друзья.

Это сиплоголосый хозяин провожал своих гостей.

— Помните же, мистер Эркварт: всего три ступеньки, — предупреждала хозяйка певучим контрольно. И обращалась тут же к другому гостю: — Леопольд Ламбертович, так вы не забываете нас, приезжайте. В нашем доме вам всегда везет в карты.

— Как у негра в желудке! — посетовал на темноту голос иностранца.

— Сэр, я не вижу вашего автомобиля.

— Только ли автомобиля, поручик Лаврушин? А проигранных ваших и моих денег?.. О, в такую темную ночь простительно, пожалуй, было бы не заметить даже самого Ленина, за которым вы, господа, так безуспешно

гоняетесь,— сказал иностранец.— Я протелефонировал — значит авто прикатит. Минута-другая, господа.

Четыре человека вышли на крыльцо и остались стоять здесь под навесом. В трех-четырех шагах от них, не шелохнувшись, застыли у стены дома Никита и Катя.

Слабый огонек свечи, прегражденный к тому же фигурами стоявших на крыльце, не был опасен, но кто может поручиться, что не вынет кто-либо из них электрический фонарик? Или не появится сейчас автомобиль этого мистера Эркварта, и свет его фар не вырвет из темноты нас? — такими мыслями, не произнося ни одного слова, обменялись Катя и Никита. К тому же «Ленин»... То, что это имя было произнесено здесь с явной враждебностью, обязывало их обоих не только к осторожности — к гораздо большему! Они подтолкнули друг друга плечом...

Неподалеку уже загудел приближавшийся автомобиль.

— Едет. Закрывайте дверь, а то простудитесь, — сказал один из молчавших доселе людей. — Спокойной ночи, Сергей Николаевич, — попрощался он с хозяином дома, и тот захлопнул входную дверь.

— Разместимся?

По голосу спросившего Никита понял, что это поручик.

— Из посольства небось... Многоместный.

Это тот, кого хозяйка дома назвала Леопольдом Ламбертовичем.

Налегая чуть-чуть на Катино плечо, чувствуя уже губами ее щеку и ухо, Никита шепнул девушке:

— Продвигайтесь вдоль стены. За угол потом. Это компания ишеек!

Катя молчаливо согласилась: сделала первый шаг в сторону, освободила свое прежнее место для Никиты. Не отпуская Катиной руки, он занял его. Так же осторожно и тихо они сделали второй шаг.

Они сделали бы и третий, но услышали, а затем и сразу же увидели бежавший по Лесной автомобиль с огромными глазами-фарами, осветившими издали пустынный перекресток.

Впоследствии Катя поняла: надо было, конечно, поскорее достичь перекрестка и там попасть в лучи автомобиля — шоферу-то какое дело до двух неизвестных прохожих на темной улице?

Но Катя, испугавшись мнимой опасности, отделилась от стены дома и, потянув за собой Никиту, кинулась к дощатому тротуару. Свернувший вправо, на Болотную, автомобиль мистера Эркварта, подъезжая к дому, осветил их обоих ярко-желтым светом.

Иностранец, чуть прихрамывая, и его спутники сбежали с крыльца — к подъехавшей машине.

Они очутились теперь совсем рядом с девушкой и державшим ее за руку человеком в кожаной куртке.

— Ян? — узнал Эркварт шофера, когда тот, перегнувшись через внутреннюю стенку кабины, открывал дверцу автомобиля.

— Кто такие? Что за парочка? Откуда сии? — заглядывая в лицо девушки, забрасывал ее вопросами поручик Лаврушин.

Эркварт и третий его спутник уже влезли в машину, офицер и Рума оглядывали неожиданных ночных пешеходов, неизвестно откуда и когда появившихся здесь.

— Проходи, Аня! — Денисов, взяв Катю под руку, подтолкнул ее.

— Господа, садитесь! — звал иностранец. — Не приставайте ночью к влюбленным.

— Стоп!

— Пропустите, товарищ офицер! — зло сказала Катя.

— А ведь мы, кажется, знако-о-омы... — раздался с растяжкой голос Леопольда Ламбертовича.

К свету фар Рума присоединил резкий луч своего электрического фонарика, направленный прямо в лицо Денисова.

— Не ослепнете, нечего рукой заслоняться! — не говорил, а сухо шелкал уже словами Леопольд Ламбертович. — Конечно, знакомы, господин большевик. (Он узнал и вспомнил его: «тот, который у Сереброва...») Куда же вы направляетесь, товарищ Никита? — огорошил он Денисова и Катю. — И кто эта Аня?

— Уберите фонарик! Дайте дорогу! — сердито выкрикнул Никита.

— Ну, садитесь же, господа! — распоряжался из машины иностранец. — Мне некогда. И потом... Не надо злиться, джентльмены; не можете поймать Ленина — поэтому вы ловите любого большевика с его симпатией ночью? Да? Это глупо, господа! — Ирония иностранца сменилась грубостью. — Ян! — обратился он к шоферу. — Я буду считать: раз, два, три — и вы трогайте...

Ни офицер, ни Рума не посмели его послушаться: они сели в автомобиль, и шофер покотил в обратный путь.

Все это происшествие продолжалось считанные минуты. Но они не уходили из сознания и памяти Кати и Денисова всю ночь.

9

Решался вопрос о восстании, о свержении власти Временного правительства, о передаче власти Советам рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Этому посвящены были все последние письма Ленина из Финляндии и его первый же доклад на заседании Центрального Комитета партии шесть дней назад — 10 октября.

Политическая обстановка созрела, говорил Ленин. Массы ждут действий, они утомились от резолюций и ораторского многословия. Среднее крестьянство стало переходить на сторону большевиков. Международное положение таково, что мирная инициатива должна быть за большевиками. Теперь уже следует говорить не о политической стороне дела, а о технике восстания. О практической стороне, о сроке восстания — о ближайших днях, ибо дальнейшее промедление, настаивал Ленин, смерти подобно.

За резолюцию Ленина голосовали десять членов ЦК, против — Каменев и Зиновьев. У партии нет большинства в стране, говорили они. Только рабочие и часть солдат, а остальные под вопросом. Лучше занять оборонительную позицию. Буржуазия побоится не созвать Учредительного собрания, а там у большевиков будет треть мест, а вместе с «левыми» эсерами — больше половины голосов, что и создаст «правящий блок».

И теми же десятью голосами было принято предложение Феликса Дзержинского — выбрать для партийного руководства вооруженным восстанием Политбюро из состава членов Центрального Комитета.

Тактику и стратегию восстания разработал для революционеров Карл Маркс, напомнил Владимир Ильич. И пять Марксовых условий победы упоминались сегодня и в речи Ленина и в выступлениях его сторонников.

Да, вооруженное восстание, как и война, — это искусство. Оно имеет свои законы, свои правила. Никогда «не играть» с восстанием, а, начиная его, знать твердо: «Мы идем до конца!»

Второе правило: необходимо собрать большой перевес сил в решающем месте, в решающий момент. Если этого не сделать, неприятель, обладающий лучшей подготовкой, уничтожит восставших.

Оборона — смерть для вооруженного восстания. Действуй решительно, переходи раньше противника в наступление — таков третий Марксов закон.

Четвертый: захвати врасплох неприятеля, улови момент, покуда его войска разбросаны.

И пятый: добивайся ежедневно, ежечасно хоть маленьких успехов — создавай для себя «моральный перевес».

— Положение ясное, — говорил Владимир Ильич, сидя за столиком в глубине комнаты. — Либо диктатура корниловская, либо диктатура пролетариата и беднейших слоев крестьянства... буржуазия хочет сдать Питер. От этого мы можем спасти, только взяв Петроград в свои руки.

Один из немногих — ибо он был членом «пятерки», уполномоченной практически готовить восстание, — Дзержинский знал, что уже сделано в минувшие пять дней для будущей победы. Но разве можно об этом говорить сейчас? Здесь ведь присутствуют не только члены Центрального Комитета — здесь много лично ему, Дзержинскому, не знакомых людей, да и при Зиновьеве и Каменеве не станет он выкладывать военные тайны «пятерки».

Пошипывая светлую бородку, то сдергивая с носа, то вновь набрасывая на него модное — без оправы — пенсне с позолоченным зажимом, Каменев бубнил:

— Прошла неделя, как ЦК принял резолюцию о восстании. Ну, а что сделано за эту неделю? Ничего, как видите. Это — наилучшее доказательство бессилия принятой резолюции. Мы недостаточно сильны, чтобы с уверенностью в победе идти на восстание.

— Большевик! Каутский вам кланялся со своим парламентаризмом! — не утерпел на своем председательском месте Свердлов.

И тут же под смехок собрания добавил:

— Не будем перебивать оратора. Продолжайте, пожалуйста.

И Каменев продолжал, переглянувшись со своим союзником:

— Здесь борются две тактики: тактика заговора... — указал он пальцем на Ленина, — и тактика веры в движущие силы русской революции.

Союзник — Зиновьев — беззвучно похлопал в ладоши.

— Вот и попали мы с вами в бланкисты. Не ожидали? Правда? — Ленин наклонился, говоря это, к сидевшему поблизости Калинину, и тот ответил кратко и просто:

— Трус он, Владимир Ильич.

Слушая лисью речь Каменева, облаченную в нарочито простые словесные одежды, Феликс Эдмундович думал о нем:

«Не революционер. Школьный учитель чистописания, все ему по линейке, по порядку... Ему чтобы под рукой было все необходимое для революции оружие, чтобы все планы Керенского были заранее нам известны, чтобы в наших руках заранее были все гарантии победы... Какой же это большевик?!» — возмущался Дзержинский.

Если в прошлый раз, на Карповке, где заседал 10-го числа ЦК, оба оппозиционера породили к себе неприязнь, то сегодня Феликс Эдмундович уже безошибочно мог определить свое более крепкое чувство, питаемое к этим людям: он презирал их. (Пройдет еще день, и он, Дзержинский, будет их ненавидеть...)

Когда говорил Сталин, Зиновьев ерзал, жестикулировал и делал неоднократные попытки перебить его. Но речь эта была прямо в цель:

— То, что предлагают Каменев и Зиновьев, это объективно приводит к возможности для контрреволюции сорганизоваться. Мы без конца будем отступать и проиграем всю революцию... Тут две линии: одна линия держит курс на победу революции (жест в сторону Ленина и сидящих возле него), вторая — не верит в революцию и рассчитывает быть только оппозицией.

— Оппозицией ее величества буржуазии! — демонстративно показал Зиновьеву спину сидевший с ним рядом Урицкий.

После Сталина выступал представитель «военки». Он бесстрастно докладывал о положении и боевой подготовке районов. «Доклад не без скептических ноток», — отметил про себя Дзержинский. Однако товарищ этот высказался за вооруженное восстание. И призывал к нему.

«Точь-в-точь, как Подвойский!» — подумал о докладчике Феликс Эдмундович.

Три дня назад его и Подвойского вызвал к себе, на квартиру Фофановой, Владимир Ильич. «Как идет, товарищи, подготовка к вооруженному выступлению?»

В ответах Подвойского были нотки скептицизма. Дзержинский держался увереннее. Только что закончившийся съезд Советов Севера показал, что почти все окрестные гарнизоны — за большевиков, за свержение Временного правительства. В Финляндии, докладывал Дзержинский, моряки с крупных судов настроены весьма революционно, часть пехоты — тоже, но на команды некоторых миноносцев и подводных лодок мало надежды. Свеаборгские артиллеристы все еще в плену у соглашателей. Казаки-кубанцы, расквартированные в Выборге, внушают опасения, но весь тамошний гарнизон, по уверению товарища Подвойского, берется не выпускать их из Финляндии.

Ленин спросил:

— Нельзя ли, Николай Ильич, весь флот направить к Питеру?

— Нельзя, Владимир Ильич, — ответил Подвойский.

— Почему? Это было бы очень важно.

— Увы, Владимир Ильич. Прежде всего фарватер не допустит.

— Обидно.

— Затем крупные суда побавляются подлодок и миноносцев, которые могут оказаться на стороне Керенского. Наконец, оголять фронт матросы не хотят.

Сцепив руки на поясице, пригнувшись и подавшись всем корпусом к Подвойскому, Ленин вскинул вопросительно голову набок:

— Но должны же они понимать, что революция в большей опасности в Питере, чем на Балтике?!

— Очевидно... не очень понимают еще, Владимир Ильич.

— Что же можно сделать?

— Можно будет дать, во всяком случае, два-три наших миноносца в Неву, прислать сюда сборный отряд матросов и выборжцев. Всего это тысячи три.

— Мало! Ну, а Северный фронт?

— По докладу наших фронтовых товарищей, — сказал Дзержинский, — там прекрасное настроение, и можно ждать оттуда большой помощи против частей, вызванных Керенским с других фронтов. Но, чтобы знать точно, надо бы туда съездить, конечно.

— Съездите вы сами, Феликс Эдмундович. Передайте мое мнение товарищам. Нельзя медлить! — громче обычного сказал Ленин.

И неожиданно, добро, весело подмигивая, расхохотался.

— Вы посмотрите-ка на этого милейшего соглядатая! А?.. Старайтесь не двигаться, Феликс Эдмундович. Пожалуйста, не двигайтесь! Он вас изучает... Мы так увлеклись разговором, что даже не услышали его солдатского топота. Прекрасное, очень умное животное.

Вытянув мордочку, ослабив щетку своих игл, принюхивался к сапогу Дзержинского фофановский еж. Но стоило пошевелиться — и зверек стремительно отбежал.

— Мы с ним великолепно друг к другу привыкли. Оба отшельники, — шутил Владимир Ильич. — Но он впадает иногда в пессимизм: залезает между вот этих ребер отопительной батареи, распускает свои иглы, дурачок, и... вот-вот задохнется. Однажды бездыханным мы его оттуда вытащили. Маргарита Васильевна держала его на ладонях над раковиной, а я поливал его холодной водой из крана. Откачали самоубийцу! — уже самым серьезным тоном рассказывал Ленин.

И тут же обратился к Дзержинскому:

— О поездке вашей передайте мое мнение Свердлову. Он вас свяжет с кем нужно. У него, знаете, есть такая замечательная, волшебная книжечка.— Указывая на лоб, он улыбнулся.— Вот здесь. Всех большевиков знает, все они у него здесь записаны. Лучше, чем он, никто не знает людей.

В этот же вечер — свидание с Яковом Михайловичем. Свердлов снабдил «связью», легальным документом, необходимым для проезда во фронтную полосу, дал заодно и партийное поручение:

— В Вендене завтра как раз наша партийная конференция. Присутствуйте там от имени ЦК.

Вместе с Дзержинским, сменив свою морскую форму на армейскую, поехал большевик-кронштадтец — бородатый атлет с детскими, добрыми глазами. Когда он услышал от Дзержинского об укоризненном вопросе Ильича: «Неужели они не понимают?..» — очень огорчился.

— Мы бы как один ушли с судов, если бы знали, что Питер не справится. Да только не верится мне в силу Керенского. Раздавим! Неужто пятьсот тысяч рабочих, сто пятьдесят тысяч революционного гарнизона... да еще мы, кронштадтцы, не справимся?! С фронта Керенский пригонит? Пускай. Да кто же всерьез пойдет против Питера после корниловщины? Никто не пойдет... С немцами как? Передайте товарищу Ленину: если надо будет, если уж действительно полундра — потопим флот, заградим немцам дорогу, а в Питер все пришвартуемся... на торжество власти Советов!

Еще свежи в памяти Феликса Эдмундовича серые пейзажи ровных пространств Лифляндии. Холодащее дыхание октябрьских ветров. На Венденском вокзале — жидкий, «соломенный» чай («А какой хороший прилесла сейчас Катюша!») и крошащийся, как пересоший кусок земли, хлеб. Зябко и голодно в растрепанном, переполненном солдатами городке.

После выступления, вне очереди, на конференции («Революционный Питер ждет поддержки Северного фронта. Вперед, за власть Советов!») — совещание с наиболее осведомленными товарищами. Деловой подсчет сил — своих и чужих.

Немцев здесь, естественно, числят главным пособником российской контрреволюции. Дальше. Конечно, можно было бы легко двинуть отсюда в помощь питерским рабочим латышские полки. Но они хорошо «спаялись» в боях с сибирскими корпусами. Уйдут латыши — уйдут, не удержишь, и сибиряки. Фронт будет оголен. Нет, тут нужна, товарищи, осторожность.

— Ну, а в Ревеле как?

— В Ревеле 13-й и 15-й донские казачьи полки из 3-го конного корпуса покойника Крымова — этим ходу в Питер не дадим! Нет веры в 5-й артиллерийский дивизион, в 4-й и 17-й кавалерийские полки. Но их можно нейтрализовать. Если понадобится, завладеем Псковом, пресечем путь войскам Керенского с Западного фронта и с юга.

Понемногу выведем 1-й и 3-й полки сюда, на Венден, 6-й и 7-й — на Валк. Ближе к цели будет. Передайте обо всем этом Центральному Комитету. А теперь, товарищи, давайте уточним все даты намеченных передвижений.

— Ах, какие молодцы, какие молодцы! — тихо (но ему хотелось, вероятно, выкрикнуть эту похвалу) сказал Владимир Ильич, выслушав сообщение Дзержинского.

Оно было сделано несколько часов назад — по дороге сюда, в Лесновскую думу.

Порывистый ветер то и дело старался подбить, сбросить с головы Ленина его легкую кепку, и пришлось как можно туже надвинуть ее. Защитником от ветра стал в пути Дзержинский: он заслонил Владимира Ильича справа, с ветровой стороны. Владимир Ильич молчаливо оценил

такую предупредительность. Ему вспомнилось, как шесть дней назад, после ночного заседания на Карповке, в квартире Сухановой, все тот же Дзержинский, когда они вышли вместе с Коллонтай на улицу, снял с себя плащ и накинул на него, Ленина. Не помогли никакие протесты, Дзержинский настоял на своем:

— Дождь идет, вымокнете. Какие же тут могут быть разговоры? Извольте надеть плащ, иначе я вас не пущу!

И он сопутствовал до Певческой улицы, где в тот раз заночевал Ленин в крохотной комнатке рабочего-большевика. Заночевал на полу, к искреннему смущению хозяев, предлагавших свою кровать. Он положил под голову стопочку книг и заснул.

Сегодня вечером напраказничал ветер: на одном из перекрестков он сбил с головы Ленина не только его кепку, но и плотно охваченный ею гельсингфорсский парик... Однако тут пришел на помощь шедший сзади Никита Денисов.

— Спасибо, товарищ! — сказал Владимир Ильич, надевая кепку.

Очень часто сегодня, во время заседания, наблюдал Дзержинский, Владимир Ильич поглаживал уже привычным жестом «пробор» парика, как если бы тот и впрямь был прилажен теперь на голове.

Но куда девалось обычное добродушие Ленина, когда он встал из-за столика, чтобы ответить на «теоретические» нападки обоих раскольников!

Эта речь требовала кафедры и аудитории, гремящего голоса и страсти великой убежденности, а приходилось быть всего лишь в трех шагах от своих противников и держать в тисках вынужденной тихости свой голос, который одной силой своей сейчас, казалось Дзержинскому, должен уничтожить «смелость» обоих трусов.

«Мы все говорили, и я говорил, — думал он, слушая Ленина, — но разве кто-либо из нас может с ним сравниться?»

Ленин учил своих товарищей и уничтожал своих противников:

— ...безнадежна позиция тех, кто, толкуя о настроении масс, свою личную бесхарактерность сваливает на массы. Массы делятся на сознательно выжидающих, на бессознательно готовых впасть в отчаяние, но массы угнетенных и голодных не бесхарактерны...

...Марксизм есть чрезвычайно глубокое и разностороннее учение. Неудивительно поэтому, что о б р ы в к и цитат из Маркса, — особенно если приводить цитаты не к стати, — можно встретить всегда среди «доводов» тех, кто рвет с марксизмом. Военный заговор есть бланкизм, е с л и его устраивает не партия определенного класса, е с л и его организаторы не учли политического момента вообще и международного в особенности, е с л и на стороне этой партии нет доказанного объективными фактами сочувствия большинства народа, е с л и развитие событий революции не привело к практическому опровержению соглашательских иллюзий мелкой буржуазии... е с л и лозунги восстания (вроде «вся власть Советам», «земля крестьянам», «немедленное предложение демократического мира всем воюющим народам в связи с немедленной же отменой тайных договоров и тайной дипломатии» и т. п.) не приобрели широчайшей известности и популярности... Пожалуй, довольно? — спрашивал, усмехаясь, Ленин.

И продолжал, уже совсем пригибая к земле жалких своих противников:

— Я готов биться о заклад, что если предложить раскрыть рот тем болтунам, которые кричат теперь в России против военного заговора, и призвать их к объяснению разницы между «искусством» вооруженного восстания и осуждения достойным военным заговором, то они либо повторят сказанное выше, либо осрамят себя и вызовут всеобщий смех ра-

бочих. Попробуйте-ка, любезные тоже-марксисты! Спойте нам песенку про т и в «военного заговора!».

— Слов-то у Зиновьева и его дружка нет уже! — бросил с места Калинин. — Какая же это песенка без слов?

— Слов нет, но мотив остался прежний! — подхватил Володарский.

Не улыбнулся этой реплике один лишь Ленин. Глаза его продолжали метать сердитые молнии. Он подошел к Свердлову, подал ему мелко исписанный листок.

— Яков Михайлович, вот резолюция, которую я предлагаю... Хватит! — И, отозвав его в сторону, сказал: — Начинаем через два дня. Предельный срок — три. Двадцатого ведь съезд Советов!

10

Двадцатого съезд не открылся. Сидевшие у руля ЦИКа меньшевики и эсеры перенесли открытие съезда на двадцать пятое.

Это было сделано потому, что восемнадцатого весь город облетела весть о предстоящих в ближайшие дни выступлениях большевиков. Номер сообщившей об этом газеты «Новая жизнь» был расхвачан в первые же полчаса своего выхода: в нем было напечатано «сенсационное» письмо Каменева и Зиновьева о готовящемся восстании — предательский донос на ЦК большевиков.

В тот день Викентий Константинович Серебров возвратился домой в поздний ночной час. Он протелефонировал сначала из Зимнего:

— Люда, милая, раньше одиннадцати сегодня не жди.

Затем — из штаба военного округа:

— Не волнуйся, приеду очень поздно. «Новую жизнь» читала?

Происходило что-то уж очень значительное, очень важное (так поняла из разговоров с мужем Людмила), и все Артемьевы решили дожидаться приезда Викентия Константиновича.

Николай возвратился сегодня тоже не рано — в двенадцатом часу.

— Где ты был целый день? Что делал? Где и что ты ел? — встретила его серией материнских вопросов Серафима Капитоновна.

За последнее время она всерьез стала беспокоиться за сына: в университете занятия не начинались, и Николаша поневоле бездельничал; пожалуй, вынужденное безделье и свело его с большевиками (это уже известно в семье). Надо надеяться, большевизм — временное увлечение Николая. Одно дело — Владимир Ильич и Надежда Константиновна, лично знакомые ей, Серафиме Капитоновне, многолетние люди революции, марксизма, или такой вот, как Дзержинский, и другое дело — желторотые юноши, как Николаша; такие и не нюхали даже идей социал-демократии, а теперь вот они иначе и не говорят, как только «от имени рабочего класса». Правда, Николай, к чести его, не злоупотребляет такой фразеологией, но двое настоящих, пусть и молодых еще, рабочих стали частыми его гостями. Что они делают, запершись в Николашиной комнате, ей, Серафиме Капитоновне, не известно.

Однажды она поинтересовалась, кто такие эти новые знакомые. И сын ответил как-то странно:

— Великолепные трудящиеся парни.

И, обняв мать, заглядывая сверху в ее обеспокоенное лицо, смешливо подмигивая, он сказал:

— Владыкой мира будет труд. Не извольте сомневаться, родительница.

Вчера Людмила рассказала ей по секрету о своей просьбе к мужу — «заарестовать» в нужный момент Николая дома.

— Чепуху ты придумала! — Серафима Капитоновна дважды пожала округлыми своими плечами.

После этого разговора с дочерью ей стало еще тревожнее. А сегодняшний номер «Новой жизни» и телефонные звонки Сереброва усугубили это душевное состояние.

Думая о сыне, испытывал волнение и профессор Артемьев.

С каждым днем он все больше и больше понимал, что Россия, которую он называл то «слепой страной, бредущей по самому краю пропасти», то сравнивал с «грандиозной глиняной чашей с тюрей, расхлебываемой всеми с жадностью», уже не может слепо брести дальше, не может насытить желания всех, хватающих ее жадными руками. Тот, кто прозреет раньше других, завладеет грандиозной, кипящей на огне политических страстей чашей — Россией.

Профессором Артемьевым уже угадывались даже дни этого мучительного, но победного прозрения. Однако он не мог уверенно сказать, кто же окажется этим зрячим победителем.

Не обладая памятью на поэтические строки, Иван Сергеевич, тем не менее, часто твердил теперь две бальмонтовские:

Всё, кто сеял в мире ложь,
Встретят в днях седую дрожь.

Они засели в мозгу так прочно и навязчиво, что Иван Сергеевич, случалось, бубнил их даже при осмотре больных в клинике, и те считали это особым чудачеством уважаемого профессора.

Итак, кто же сеет в мире ложь? На этот вопрос Артемьев отвечал сам себе: все (чтобы нарочито... не быть точным). Это была та наивная, безобидная для других хитрость сердца, с которой не хватало душевных сил расстаться.

Другое дело — определять добро и зло «по людям»; в таких случаях Иван Сергеевич отнюдь не избегал категорических суждений. К примеру, конечно же, Владимир Ильич Ленин — честнейшей души человек, огромный ум и характер; талантом и знаниями, любовью к человеку, к народу на десять голов выше Ленин разных там эсеров Черновых, Савинковых и Гоцев («не говоря уже о нашем Викентии!»), меньшевиков Чхеидзе, Дана, Суханова и их политических друзей — «врагов» из лагеря кадетов и Временного правительства, — того же профессора Милюкова или Терещенко и Коновалова. Да как смеют эти или подобные им люди чернить Ленина! Ленина, которого он-то, Иван Сергеевич, хорошо уж знает издавна!..

И все же... И все же, когда недавно шли выборы в Городскую думу, профессор Артемьев отдал свой голос отнюдь не списку большевиков. По настроению в те дни он предполагал голосовать за интернационалистов-«новожизненцев», но вдруг опустил бюллетень в урну... народных социалистов! Потому что увидел в нем фамилии своих хороших знакомых, почтенных интеллигентов Мякотина и Пешехонова — «порядочных людей». А по строю мыслей своих он, Артемьев, всегда ведь считал себя марксистом, а не как эти — народником! (То была одна из возможных неожиданностей, которые уже не удивляли хорошо изучившего профессора Никиту Денисова.)

Артемьев, в отличие от Серафимы Капитоновны, не считал большевизм сына результатом его вынужденного безделья, «модным поверием», как ей иногда казалось. Нет, этот сынище милый обладает достаточно крепким, упорным характером и немалой волей, чтобы проявить их в жизни. Тут, Сима, дело посерьезнее. Уж если Николаша шагнул к большевикам, они могут ему довериться. Он, Иван Сергеевич Артемьев, может их заверить в том своим честным словом!

Ему даже приятно было, что он может так уверенно отозваться о своем сыне, и, думая с улыбкой об этом, Иван Сергеевич видел мысленно

своим собеседником в такой момент Дзержинского, не так давно заходившего к нему домой.

И, словно отдавая ему сына в ученики или в помощники, профессор предварял и обнадёживал собеседника своего:

«Николай — парень у меня честной души и честного слова. Если уж он сказал «да», не сомневайтесь — не обманет. Если что ему придется не по душе, не по нраву — не утаит, скажет прямо о том. Ведь такие люди нужны вашей партии, Феликс Эдмундович?» — обращался к нему мысленно профессор Артемьев.

«Да, такие!» — будто бы отвечал ему этот требовательный революционер.

И Артемьев тут же сравнивал своего Николашу с зятем, с Викентием, и сравнение это всегда заканчивалось в пользу сына. Но, любя дочь, он поспешно, как бы скороговоркой, произносил в уме свой приговор и сразу же старался забыть о нем: ведь это могло быть неприятно Людмиле...

Кстати, о ней. «По всем признакам она, кажется, беременна, — думал о ней профессор-медик Артемьев. — Ну, что же, прекрасно. Вот я и в деды пролезаю. Лиха беда начало!» — шутил он сам с собой, поглядывая при этом на младшую дочь.

И сразу же становилось грустно: бог мой, все мои мысли заключены ведь в теплый домашний круг, а вот то, неизбежное, что предвижу, что предугадываю разумом своим, прорвет ведь этот круг внутренней моей жизни, ворвется в нее и...

И что последует за тем, Иван Сергеевич бессилён был себе представить. Ну, и прежде всего: что же будет с Николашей, если... если большевики действительно идут на вооруженное восстание, как говорят об этом в сегодняшней газете оба обнаружившихся раскольника? «Одно мне, без сомнения, понятно: неминуема русско-русская бойня!» — решил про себя Иван Сергеевич.

— Что ты об этом думаешь? — спросил он сына.

С жадностью поглощая оставленный ему обед и ужин, Николай не сразу ответил отцу.

— Прости меня, ты о «Новой жизни», папа?

— Да.

— Не было бы счастья, да несчастье помогло. Вот и все.

— Не понимаю, Николаша, — подала голос мать.

— Прости меня, но что ж тут не понимать? — спокойно возразил он. — Очень хорошо, что изменники обнаружили себя до сражения, а не в час сражения.

— Да, изменники. С этим я согласен! — живо сказал профессор.

— Да уж... герои! — презрительно ухмыльнулась Анна.

— До сражения... после сражения. О каком ты сражении говоришь? — напирая на страшное слово, придвинулась к сыну Серафима Капитоновна.

— Ты не меня спрашивай, мама. Ты вот спроси ее мужа.

Николай указал на сестру, и Людмила покраснела и сжалась в кресле под шишкинской картиной.

Мать обратилась к ней:

— Ты, Люда, действительно знаешь что-нибудь такое... секретное?

— Бабаня! — неожиданным для всех именем назвал жену профессор. — Бабаня, да если даже она знает что-либо секретное, рассказанное ей Викентием, то разве можно требовать...

— От нас — секреты?! — перебила его Серафима Капитоновна.

Так же неожиданно, как муж впервые назвал ее новым в их жизни словом «бабаня», она пугливо перекрестилась — давно исчезнувший, непривычный для нее жест.

— В такое время иметь секреты от семьи? От самых близких тебе людей? Не поверю!.. Выкладывай сначала ты, Людмила, а потом и Ни-

колаша выложит свои новости,— распорядилась и хитрила Серафима Капитоновна: важно ведь было узнать, где и что делает в такие тревожные дни Николай, не грозит ли ему опасность.— А кто же это — бабня? — вспомнила она и шутливо погрозила мужу.— Смотри у меня... дедусь!

— Он не посвящает меня ни в какие особые секреты, — сказала о муже Людмила. — Вика знает мой слишком, так сказать, домашний, семейный характер... Я ведь действительно не умею по-государственному, как Вика, мыслить. Вы все, мои дорогие, тоже это знаете.

— Прелестно! Людмила, ты прелестна! — восторгался душевной чистотой и правдивостью дочери Иван Сергеевич.— Она отлично сказала: когда буйствуют страсти улицы, толпы, хорошо в эти часы слушать стук сердца своей семьи! Да-с.

— Я этого не говорила! — смущенно запротестовала дочь.

— Не говорила? Все равно, значит так думала! — быстро нашелся отец.

Все засмеялись. Анна сказала:

— В общем, Люда, ты именно так думала. Папа прав.

— Вероятно, — согласилась та. — Стук сердца своей семьи... — Она перегнулась через подлокотник кресла и погладила голову отца белой спокойной рукой.

— Папа наш — специалист по внутренним болезням: он поэтому сразу же уразумел, Люда, стук твоего сердца.

— Шуточки все, Николаша! А у тебя самого как стучит сердце? — не теряла нити своих материнских вопросов Серафима Капитоновна.

— Вполне нормально стучит, майне муттер... — Лицо Николая расплылось в улыбку.

С некоторых пор Викентий Константинович утверждал — наедине с женой, — что улыбается ее брат глупо, или, во всяком уж случае, его широкая, «зубы напоказ», улыбка глупит Николая. Про себя, конечно, Серебров считал юношу неумным. Людмила догадывалась об этом и обижалась за брата, но каждый раз, когда она видела на его лице эти «зубы напоказ», она невольно противилась такой улыбке Николаши.

Оба же родителя всегда по-своему разгадывали ее. Еще с детства, когда Николашка так широко и долго улыбался, это значило, что в чем-то он напраказничал и хочет скрыть это. Ну, а сейчас вот и тем более: разве он, Николай, не понимает, что мать расспрашивает его «с пристрастием»? Он умен и по-своему хитер, их сын!

— Что же все-таки говорят в ваших кругах, Николай?

Вопрос Ивана Сергеевича прозвучал в меру иронически, без какой-либо насмешки, дабы не отпугнуть сына. Но тот все еще вилял.

— Ты какие круги, папа, имеешь в виду?

— Не спасательные... на воде! Пожалуйста, Николай... — «Не дурачь меня...» — хотел, вспыхив, выкрикнуть Артемьев, но жена, перебив его, вмешалась в этот разговор:

— Отец, ясно, думает о твоих новых друзьях, Николаша! Ну, вот эти рабочие — Вася и Миша...

И повернувшись к мужу:

— Зачем ты так? Они юноши, а не «круги» какие-то... спасательные. Ох, дедусь ты мой!

Конечно, Николаю было что рассказать. Партийное удостоверение, полученное по рекомендации Денисова в районной большевистской организации, открыло перед ним двери Смольного. Здесь помещался Петроградский Совет и полностью теперь главенствовавшая в нем большевистская фракция.

У подъезда бывшего института благородных девиц — многоколонного портика на гладком фасаде — стояли под чехлами два трехдюймовых

орудия с артиллерийской прислугой. Строгие часовые — рабочие, матросы, солдаты — проверяли документы у посетителей Смольного: у тысяч и тысяч таких же солдат, матросов, рабочих и работниц, сновавших взад и вперед.

В длинных сводчатых коридорах Смольного эти люди растекались густыми толпами, втекавшими в свою очередь, раздробившись, маленькими толпами почти во все сто огромных белых комнат бывшего института. Овальные эмалированные дощечки на дверях все еще утверждали, что здесь «IV класс», «Учительская» или «Классная дама», хотя над ними уже висели или приколоты были яркие плакаты — свидетельства новой жизни: «Бюро иностранных дел», «Центральный Совет профессиональных союзов», «Совет солдатских депутатов» и другие.

По осеннему размякшему полю, не различая дня и ночи, катится сюда людская волна — народ, простота по одежде: не видно ни шляп, ни барских пальто, и на студенческих тужурках пуговицы с царским орлом обтянуты темной материей. Такой же императорский двуглавый орел, но огромный, вытянувший в стороны свои саженные крылья, высечен в камне над главным входом. Символическая птица осталась на месте. Об этом мертвом прошлом просто забыли, подумал Коля Артемьев. Дымно-голубые купола Смольного монастыря, окаймленные темным золотом, казались сейчас юноше диковинными, чуждыми соседями огромного красного флага, развевавшегося над штабом революции, выступающей в решающий поход.

Да, это был штаб революции, ее родной дом, и она распоряжалась в нем свободно, полновластно и уже не тайно. Сюда приходили ее воины — из фабричных цехов и полковых казарм, из флотских команд и рабочих квартир — за оружием силы, идей, революционной стратегии и тактики. Сюда же приносили они ежечасно крепкие добрые вести: рабочий класс России, солдаты Питера, матросы Балтики ждут, революция, твоего сигнала, чтобы начать последний, решительный бой за твою и нашу судьбу!

Здесь господствовала деловая суэта. Отсюда отвозили на грузовиках на рабочие окраины для отрядов большевистской Красной гвардии винтовки и патроны и привозили сюда же из полков, батарей и цейхгаузов такие же винтовки, наганы, пулеметы, пулеметные ленты, шинели, сапоги, кожаные куртки и пояса. На извозчиках доставляли, чтобы тут же переправить их на заводы и в мастерские, кипы большевистских газет, брошюр и агитационных листов. Здесь же формировали командные пункты районов, назначали комиссаров во все воинские части столицы и ее предместий, распределяли ораторов для организованных и стихийно возникавших митингов на палубах кораблей, в железнодорожных депо, в цирке «Модерн», на площади у Исаакиевского собора. Сюда лазутчики революции приносили ей вести о военных приготовлениях врага.

В вестибюле Смольного висел в числе других ярко-красный плакат с белыми буквами: «Помни, товарищ! Дантон сказал: «Смелость и еще раз смелость!» Кто был Дантон — среди воинов Смольного знали, конечно, весьма немногие, но раз этот человек призывал к смелости, почему же не поверить ему и не последовать его призыву?

Смелость... Для России, для нашей революции, судили о том большевики, члены Военно-революционного комитета, готовившие восстание, это значит одновременное, внезапное и быстрое наступление на Питер изнутри него и извне — из Финляндии, из Ревеля, из Кронштадта, наступление всего флота, скопление в столице в наикратчайший срок решающего перевеса сил над правительственными войсками: юнкерами, казаками и прочими. Ценой каких угодно потерь захватить и удержать телефонную станцию, телеграф, вокзалы и мосты.

Николай Артемьев не знал, конечно, стратегических и тактических тайн руководителей восстания, занявших для себя комнату № 18 во вто-

ром этаже Смольного, но он и сам понимал, что сейчас, в эти дни, у революции появились уже свои полководцы, свои командиры, умело распоряжающиеся силами народа. Себя самого в эти дни молодой Артемьев чувствовал и считал рядовым солдатом революции и, как чувствовали себя все ее солдаты, добровольцем. Здесь-то уж не было никакого принуждения, существующего для обычных солдат, а раз так, верил он, то власть Советов должна победить!

Находясь в Смольном, он делал все то, что ему поручали и приказывали: сначала Никита Денисов, вблизи которого старался держаться, а затем и другие большевики. Они быстро запомнили рослого молодого богатыря, весьма исполнительного и точного.

Он вел запись в формировавшиеся здесь красногвардейские роты, снабжал агитаторов литературой, помогал военной тройке Александроневского района отбирать сапоги и наганы, он стоял на карауле у комнаты худого, обросшего бородой Подвойского — по-военному подтянутого в своем сером клетчатом пиджаке, переносил мебель из этажа в этаж, три часа подряд исполнял обязанности ординарца при Дзержинском, переселившемся уже с ночевками в Смольный.

— Как ваша фамилия? — задал ему вопрос Феликс Эдмундович.

— Артемьев, товарищ Дзержинский, — назвалс Николай.

«Вспомнит или не вспомнит папу?» — ждал он дополнительного вопроса, но Дзержинский промолчал. Очевидно, не мог предположить, что это сын Ивана Сергеевича.

У Дзержинского было несколько порученцев, среди них рабочие парни Вася Чернокутов и Миша Галкин: один — узкоплечий, с русыми кольцами волос, падавшими на чистый, белый лоб, другой — широкогрудый, длиннолицый, с постреливающими смешливо темными глазами юноша. Отцы обоих парней, узнал Николай, работали на одном и том же заводе «Феникс», что на Полюстровской набережной, жили в одном и том же доме лавочника-бакалейщика Кистенецкого, а сыновья их — Василий и Михаил — плотничали и столярничали у одного и того же подрядчика Кочеткова.

И отцы и сыновья были большевиками. Первые — уже лет десять, вторые — с прошлого октября, когда на их глазах восстал на Сампсониевском проспекте против царя и войны 181-й запасный пехотный полк.

С этими молодыми рабочими познакомил Николая все тот же Никита Денисов. Он сказал:

— Вот и будете теперь три мушкетера. Согласен, Николай? (Они называли теперь друг друга на ты.)

А двоим другим «мушкетерам» самым серьезным образом наказал:

— Учите его, ребята, нашему партийному уму-разуму. То есть поведению в разных случаях жизни, — пояснил он. — Выдержки у него может не быть. Интеллигент ведь! — добро улыбаясь, похлопал он Николашу по плечу.

— Это не причина, — возразил Вася Чернокутов, прежде чем Николай успел открыть рот в свою защиту. — Ленин тоже интеллигент. А Кузьма Гвоздев, министр, — рабочий. Ну, так что же?

— Кузьма Гвоздев — меньшевик из меньшевиков, социал-соглашатель из социал-соглашателей, — подкинул в беседу свое слово Миша Галкин, молчаливо предлагая всем папиросы из своего самодельного деревянного портсигарчика.

— Вот именно! А Ленин... А Ленин есть Ленин! — самым понятным, самым кратчайшим образом выразил свою мысль Вася Чернокутов.

— Товарищ Денисов отказывается от своего ошибочного выступления, переходим к очередным делам. — Миша Галкин умело проимитировал председателя заседания. — Постановили, товарищи: считать, что у

студента Артемьева будет та классовая выдержка, которая нужна российскому и международному пролетариату.

Знакомство с новыми товарищами произошло еще до встреч с ними в Смольном, а там оно быстро уже перешло в дружбу — оба парня очень пришились по душе Николаше.

Проходившие по Невскому мимо Екатерининского садика видели теперь красный флажок в руках императрицы, гордо стоявшей на пьедестале спиной к Александринскому театру. Но никто в столице, за исключением трех-четырех товарищей Миши Галкина, не знал, что это он, именно он, всучил Екатерине Второй революционный флажок!

— Ой, здорово! — хохотал от души Николай, бурно заключая в свои объятия Галкина — привычка выражать свои добрые чувства к людям.

Ну, так вот: если мать и отца действительно интересуют Чернокутов и Галкин, он готов рассказать о них. Пожалуйста! И он рассказывает о флажке, попавшем в руки Екатерины. Все домашние улыбаются, отец тоже, но он, конечно же, не таких «побасенок» ждал от сына.

Он спрашивает напрямик:

— В Смольном бываешь?

Николай не любит лжи, да она сейчас и не нужна:

— Да, бываю.

— Что там делаешь?

— Всякое делаю. Что поручают.

— Ты там с Никитой? — спрашивает младшая сестра.

— С Никитой и без Никиты. Он же не нянька для меня! — усмехается Николай.

— Там, говорят, пулеметы вокруг здания... — вздохнула Серафима Капитоновна.

— Это и Вика рассказывает, — подтвердила Людмила. Она принесла из своей комнаты белый пуховый платок и накинула его на плечи матери.

«Она хорошая...» — подумал в ту минуту о сестре Николай и только поэтому не воспользовался случаем сказать что-либо неприятное о Сереброве.

— Ленин, конечно, в городе, — убежденно произнес Иван Сергеевич.

Николай промолчал: он, по совести, этого не знал.

И вдруг профессор снова пошел «приступом» на сына:

— Ленин в Смольном? Ты его видел?

— Не знаю. И не видел. А если бы и знал и видел... хотя бы случайно, все равно, папа, никому я не сказал бы этого. Почему — ты должен сам понимать.

— Ты прав. Bravo! Он благороден, он прав, друзья мои. Да-с. Дай руку, Николашка.

Профессор Артемьев пожал крепко руку сына и заходил по комнате вокруг обеденного стола.

— Все понятно, все понятно... — вслух утверждался он сейчас в своих собственных, другим еще не известных мыслях. — Казалось бы, они все там... у Викентия... должны же уразуметь, а? В отношениях, милые мои, между слабым правительством и восстающим народом рано или поздно наступает момент, когда, уверяю вас, каждый шаг власти приводит массы в отчаяние. Да-с! А каждый ее отказ от действий вызывает в них презрение.

Когда приехал ночью Серебров, от которого ждали самых последних новостей, Иван Сергеевич повторил ему свои суждения.

— Никакого отказа от действий теперь не будет! — резко заверил его Викентий Константинович. — О, правительство заставит себя уважать!

Приняты и принимаются для этого достаточные меры. Хватит миндальничанья!

— Много восклицательных знаков,— отозвалась Анна, заслужив одобрительную улыбку всех, кроме Сереброва.

— Сегодня очень удачно выступал,— рассказывал он,— один из лидеров ЦИКа. Он заслужил всеобщие рукоплескания членов правительства. Революция, говорил он, состоит из двух актов: разрушения старого и создания нового строя жизни. Первый акт, друзья, тянулся достаточно долго. Теперь пора наконец приступить ко второму, и как можно скорее. Поспешим, сказал он, закончить революцию, ибо кто делает революцию слишком долго, тот не пользуется ее плодами... Правильно, умно сказано!

— И вы решили там... закончить, значит, революцию?

— К вашему сведению, да, милая Анна.

— Прихлопнуть — и баста!

— Прихлопнуть — и баста! — отвечал на иронию резкостью и злостью Серебров.— И никому не следует, Николай, совать пальцы в щель прихлопывающейся двери.

Намек понят был всеми. «Выдержка!» — вспомнил Николаша наказ Никиты Денисова и сдержался. А ведь так хотелось сейчас «отбрить» Викентия Константиновича...

— Дверь может и не закрыться,— неожиданно для всех отозвалась Людмила.

— Ах ты батюшки! — удивленно развел руками Серебров.— Откуда это у нас такой пессимизм, а? Откуда это у нас такие политические прощания?

Он подошел к жене и при всех несколько раз поцеловал ее в голову.

— Разве у меня, Вика, не могут быть свои раздумья? Свои тревоги? И в первую очередь о тебе, Вика.

Он был тронут ее словами, он хотел сказать ей: «Спасибо тебе, дорогая», но присутствие Николая — этого «скороспелого большевика» — останавливало, удерживало от откровенности, и Викентий Константинович фыркнул:

— Чепуха! За меня, Люда, нет никаких оснований тревожиться.

Он и впрямь полагал, что все должно окончиться благополучно.

— Я не имею права, как служебное лицо, говорить во всех подробностях, но, поверьте мне, все идет наконец к счастливому финалу,— сказал спокойным, уверенным тоном Викентий Константинович.— В сорок восемь часов мы избавимся здесь от солдатни, разнуздавшейся донельзя, забывшей, что такое фронт, окопы, защита России.

— Петроградский гарнизон больше не признает Временного правительства,— возразил Николаша.— Вы ведь, конечно, знаете вчерашнюю резолюцию представителей всех столичных полков?

— Еще бы!

— Нуте-с! — заинтересовался профессор.

— «Наше правительство — Петроградский Совет. Мы будем подчиняться только приказам Военно-революционного комитета», — ответил за Сереброва Николай.— Так заявили, папа, шестьдесят тысяч революционных солдат.

— И после этого шадить их?! — воскликнул Серебров.

— Дожили. Начинается! Русско-русская война.

Профессор Артемьев положил руки на плечи зятя и стоявшей поблизости Анны. Он мог бы положить руку на плечо сына, стоявшего еще ближе, но не сделал этого умышленно: чтобы точно не указывать подлинных противников в такой войне... Впрочем, хитрость его была понята всеми.

— Поздравьте меня: я иду в списках нашей партии в члены Учредительного собрания! — объявил с некоторой торжественностью, в качестве

«сюрприза» Викентий Константинович.— И, слава богу, не по Петербургу,— усмехнулся он.— По одному из армейских округов.

Он ждал, естественно, каких-либо выразительных восклицаний, но они не последовали.

«Вот свинство!» — в сердцах, обидчиво подумал он обо всех, не исключая теперь и жены.

Когда они остались наедине, Людмила первый раз за время их совместной жизни расплакалась, увидев близко его лицо, освобожденное от пенсне...

— Вот новости...— повернулся он к жене спиной и недовольно натянул на себя одеяло на гагачьем пуху, под которым даже в злые морозы было жарко.

— Ты не понял, не обижайся, подожди минуточку... Мне просто, дорогой, стало страшно... ах, как страшно, Вика, стало за тебя. Нет, нет, я больше не буду плакать,— зашептала Людмила.

11

Немецкие разрывные пули имели на гильзе черный ободок. Таких гильз рота поручика Капли, отбросившая контратакой противника за пределы латышской фермы, насчитала у немецких окопов немало. «Вот гады!» — свирепели бородатые лица русских солдат, и каждый из них давал себе зарок не щадить немца, пойманного с такими пулями. Не щадить — хоть бы тот был пролетарий из пролетариев!

Поручик Капля с удовлетворением слушал солдатские клятвы запекшегося от злобы русского сердца. Он был патриотом, и немцы-победители были ему до тошноты ненавистны — будь то сам кайзер Вильгельм, его генералы, офицеры и дипломаты или рядовой солдат Фриц или Ганс. В этой своей страсти поручик Капля, бывший студент, был непримирим. Он был терпим к высказываниям любых политических противников — от скрытых монархистов до большевиков, но «взрывался», стоило только кому-либо заикнуться, хотя бы предположительно, о возможности спасения России в соглашении с Германией-победительницей.

Он, собственно, потому и примкнул к правым эсерам, что те на всех политических перекрестках заявляли о «рыцарском» долге русских демократов быть вместе с «союзниками» «до победного конца», памятуя сейчас «только о России», требующей, по их словам, «классового мира».

Один из таких приверженцев «бабушки» Брешко-Брешковской и Бориса Савинкова, член редакции газеты «Воля народа», посетил однажды эсеровское собрание в дивизии поручика Капли и весьма отметил молодого офицера: он запомнился многим своей речью.

Афанасий Капля сказал:

— Вся Россия стала, товарищи, революцией. Но надо, чтобы и революция наконец стала Россией.

Он и не предполагал, что это станет «крылатым словом». Между тем через три дня его фраза попала в одну газету, затем была подхвачена другими газетами, поддерживавшими Временное правительство, и один из крупных, известных писателей взял эту фразу в качестве эпиграфа к своей патетически-грустной статье об Отчизне.

И когда наутро 23 октября правые эсеры созвали в столице совещание своих единомышленников-военных, не забыли и о поручике Капле: через комиссара корпуса, эсера, он был вызван в Петербург. К началу совещания поручик, однако, опоздал: он прибыл в город во вторую половину дня.

Явиться надо было на Фонтанку, 6, в Союз крестьянских депутатов, помещавшийся в здании бывшего императорского училища правоведения. Капля плохо знал город, и от Балтийского вокзала путь его продолжался

вдвое больше обычного. К тому же уличная петербургская жизнь сейчас невольно овладевала вниманием Капли.

По некоторым маршрутам трамваи или вовсе не ходили, или неожиданно появлялись битком набитые пассажирами. Со смертельной опасностью для себя висели люди-«акробаты», закрыв собой ступеньки вагонов с обеих сторон площадок. Ни войти, ни выйти из вагонов невозможно было, и Капля, проделывая путь пешком, видел, как два таких трамвайных состава, скрежеща и громыхая, побежали мимо мест своих обычных остановок. «Ну и анархия!» — вздохнул поручик.

На площади у Технологического института какой-то броневик все время медленно шатался взад и вперед, предостерегающе завывая хриплой сиреной. Он кому-то угрожал, по всей видимости. Кому же?

Отойдя от «Техноложки» в сторону Витебского вокзала, поручик Капля догадался — кому. На углах Загородного и выходящих на него боковых улиц стояли вне обычного воинского порядка нестройные пикеты солдат с винтовками с примкнутыми штыками и группы рабочих. Какие-то краснолицые старики в богатых пальто и котелках, дамы с горжетками на нервно вздрагивающих плечах, гимназисты с папиросами в зубах показывали им, проходя мимо, кулаки и громко осыпали их бранью. Солдаты отвечали тем же — скупой и хмурой. Некоторые смущенно улыбались.

«И броневик правительства...» — дополнял увиденную картину поручик Капля.

На следующий день он видел на Литейном таких же три серо-зеленых броневика: «Олег», «Рюрик», «Святослав». Но поверх этих древних названий уже краснели огромные буквы: «РСДРП».

Да, смешались русские эпохи! Кстати сказать, разве не свидетельство тому то, что куранты Петропавловской крепости все еще в полдень играют «Коль славен»?..

На Фонтанке поручику сказали, что час назад совещание группы «Волы народа» было прервано, что оно должно возобновиться завтра с утра, а сегодня все участники его отправились в предпарламент, в Маринский дворец, где ожидается очень важное заявление министра-председателя в связи с сегодняшним выступлением Военно-революционного комитета Петроградского Совета.

— Выступления? Какого-такого выступления?.. — переспросил Капля.

Он вспомнил в этот момент увиденные им на Загородном проспекте пикеты солдат и рабочих. «Тревожно, конечно... Но все это без какой-либо стрельбы. Ни они, ни броневик правительства... Так в чем же дело?»

А дело вот в чем: сегодня утром Военно-революционный комитет довел до сведения столичных жителей, что ими (то есть большевиками — правильно понял поручик) назначены комиссары во все воинские части гарнизона. «Комиссары, как представители Совета, неприкосновенны. Противодействие комиссарам есть противодействие Совету рабочих и солдатских депутатов, — предупреждал всех Смольный. — Никакие распоряжения по гарнизону, не подписанные Военно-революционным комитетом, не действительны».

Поручику показали также машинописную копию смольнинского распоряжения по гарнизону. Его подписали от имени Военно-революционного комитета два не известных поручику человека — Подвойский и Антонов.

В приказе говорилось:

«Петроградскому Совету грозит опасность... Предписываем вам привести полк в положение боевой готовности и ждать дальнейших распоряжений. Всякое промедление и неисполнение приказа будет считаться изменой революции».

«Ну что же, опять начинается?» — усмехнулся Капля.

Керенский, по общему мнению, объявит в Совете Республики о мятеже большевиков, и правительство вынесет решение: мятеж подавить военной силой. Так?

«Очередное брожение в народе, очередное восстание солдат... И как это происходит равномерно, точно качание волн! — думает поручик. — Заметьте, друзья: от волны до волны, от восстания к восстанию — всегда шестьдесят дней. А? Каждые два месяца по одному бунту!»

После Февраля, в конце апреля, питерцы вышли на улицу протестовать против империалистической политики Милюкова — и пришлось переменить ряд министров. Затем — 3—5 июля, и снова смена министров. После двухмесячного «затишья» — корниловский мятеж.

Теперь снова исполнились времена и сроки: вновь взметнулся кверху пенный гребень бушующей волны. Прольется кровь. Поручик Капля сейчас еще не знает как, но что она прольется, в том нет для него сомнения. И, вероятно, обильней, чем это было до сих пор. У всякого моря свой размах волн.

Нет, он, Капля, не верит теперь в творчество любого народного бунта. Разуверился я, господа хорошие, сказать по совести. Бунт?.. Но то, что здесь как будто выигрывается во времени, проигрывается в силе. Говорю это вам как студент-механик.

Да, механика жизни человеческой непреложна. Мирное творчество — без бунтов, мятежей и восстаний — медленнее, конечно, меняет формы бытия, но его завоевания прочнее. Каждый шаг его действительно ведет в царство свободы.

Странно, ей-богу, что самые простые и правильные мысли человечество усваивает с таким трудом. Возьмем, к примеру, такую штуку, как винт. Обыкновенный винт. Простая это механика приложения физической силы. Римляне, эти великие строители жилищ и путей сообщения, не знали технических качеств винта. Их шоссированные дороги взлетали на горы прямыми лентами. Не догадывались о винте и в средние века. И только сто лет назад люди поняли, что гораздо выгоднее поднять дорогу на горы изломами, сделать ее отлогой, — вот и винт! Правда, дорога будет длиннее, но по ней легче подняться на вершину.

И такие простые понятия не стали, увы, общепринятыми в государственной жизни, сожалел и недоумевал поручик Капля. «Вы хотите, — мысленно обращался он к своим противникам, — прямым путем избежать на вершину вашей свободы, но вот с полдороги повалитесь к подножию горы. И, если удастся вам подняться, то, охая и ахая, поползете... не пойдете, а поползете по дорожкам, протоптанным мудростью спокойных пешеходов. А эти дорожки — отлогие в жизни...»

С такими мыслями — их образная доказательность самому понравилась — сидел поручик, покинув Фонтанку, в кресле парикмахерской «Пьера и Жана» на Большой Морской. (В Маринский дворец поручик Капля не попал.)

— Пыльная, грязная, простите, картина... — говорил, дезинфицируя на спиртовке ножницы и машинку, парикмахер, — а если ее отмыть, почистить, реставрировать — так ей, бывает, цены нет!

Сие относилось, конечно, к «запущенному» лицу поручика, и он ответил на это скромной улыбкой.

Мысли о винте, об отлогих дорогах в жизни посетили его в минуты приятной полудремы, когда, откинув голову на кожаный подголовник кресла, поручик спокойно доверил свое лицо тончайшим звуком позванивающей бритве, послушной артистической руке парикмахера. Он даже не сразу поэтому почувствовал и заметил, как решил, не спросясь, распорядиться его лицом этот Жан! А когда понял, что тот сделал, не протестовал, а только по-детски удивился: выбрив густо заросшие щеки и

подбородок офицера, Иван Николаевич («Жан») оставил на верхней губе его тонкую полоску темных коротких волос — будущие усики.

Он поглядел на себя в зеркало. Гм... и впрямь его здесь «реставрировали»: исчезла щетина, скрывавшая молодость круглого, как станичное яблоко у них на Дону, лица, срезаны не стриженные давно космы, и темные волосы, тщательно промытые в трех водах, смазаны бреолином, приглажены на косой пробор.

...В этом новом своем обличье поручик Капля встретил октябрьское утро знаменательного двадцать четвертого числа.

12

Вместе с Людмилой и группой журналистов Анна Артемьева попала вечером 23 октября в Зимний дворец. В сумочке лежало удостоверение «Новой жизни», полученное ею в отделе искусств газеты, готовившей к набору статью Анны о поэзии. Следующие ее статьи задуманы были о некоторых исторических памятниках столицы. Тема эта была подсказана Максимом Горьким, он же посоветовал заняться в первую очередь Зимним.

— Не совсем удачное время для вашей затеи... — поморщился Викентий Константинович, но тут же, за домашним столом, написал служебную записку в комендатуру дворца: пропустить и оказать содействие.

— И я с тобой! — заявила неожиданно Людмила сестре, и пришлось Сереброву писать еще одну записку-распоряжение.

Во дворец сестры заявили в самую бойкую минуту. Что-то происходило здесь такое, очевидно, что привлекло сюда не только многочисленных представителей прессы, но и военных в разных чинах и в разной форме, известных в столице общественных и политических деятелей, а также иностранцев.

Было шумно, но Зимний, казалось, как всегда, в любую минуту многолетнего существования, не терял своего гордого, невозмутимого спокойствия — вовне и внутри. Ничто не могло нарушить плавный ход его галерей, изменить соразмерность стен и потолков, смять полукруги его залов, опрокинуть единственную в мире изумительных архитектурных созданий гармонию теней и света!

С порога вы сразу же наталкиваетесь взглядом на высокие и цельные окна. Каждое из них с тяжелыми складками сукна или кружева, раздвинутыми в обе стороны, напоминает театральные подмостки — живую открытую сцену, на которой вот-вот появятся девочки и мальчишки-лицедеи...

Все остальное — камин, люстры, мебель — возведено и поставлено так, что с любого места вошедшему сюда зрителю открывалась новая перспектива, желанный ему кусок великой натуральной декорации: бледное петербургское небо, Нева, Биржа, крепость Петра и Павла.

Бальные и концертные залы, вечерние и ночные комнаты из малахита и золота лежат в сердцевине дворца — круглые, накрытые куполом, сосредоточенные, как будто замкнутые в себе. Окна заменены здесь зеркалами. Всякая связь отсюда с внешним миром разорвана, город бесконечно далек, ни один из его гудков и колокольных звонов сюда не проникает.

Как на дне морском, покоится знаменитая жемчужная ротонда посреди призрачного, казалось Анне, царства лестниц, залов и галерей. Зеркала, которыми она переполнена, дробят искусственный свет. Зеркала — как сонные воды-кристаллы, прижатые к самому дну.

— А вот там, где последние десятилетия жили Романовы, — господа, какая же это безвкусица! Людмила, ты посмотри...

— Да, безвкусные акварели, бог знает кем и как намалеванные порт-

реты, мебель модного стиля «модерн»... И это-то в жилище, построенном для «полубогов!» — говорит старшая сестра.

И младшая вторит:

— Какие буфеты, письменные столы, гардеробы! Боже мой, да это ведь вкус биржевого маклера: «пять приличных комнат» с мягкой мебелью и альбомом семейных карточек... Собрать бы, Люда, весь этот пошлый хлам, засунуть его вот в этот царственный камин да и поджечь во славу красоты вот этим добрым старым флорентийским канделябром!

Сегодня не привелось осмотреть дедовы покои свергнутого императора Николая, но Людмила, хорошо знакомая с ними, уверяла сестру, что и александровская эпоха не обошлась без пошлости. Между уборной Александра Второго и комнатами фрейлин проходит тайная лестница. Здесь всюду обнаженные тела. Венеры, Дианы, Цереры, музы и пастушки, плясуньи и маркизы собраны в один душный гарем. В этой коллекции находились творения-подлинники Ватто, Фрагонара и Буше. Однако на самом видном месте — картины-«зазывалы», грубые и аляповатые, на которых обильные «ню» выложены, как в мясной лавке.

Керенский обошелся с этим великолепным дворцом по-своему: лучшие комнаты, самые строгие музейные залы он занял под свое бюро печати, канцелярию, под различные «присутственные» места. Никто здесь ничего не расхищал, все оставалось нетронутым, но все затерто, прокурено, зашаркано, закапано чернилами. Оглушали неумолчно стрекотавшие пишущие машинки.

В десяти комнатах, выходящих на площадь, водворился караул. Его меняли чуть не каждый день (министр-председатель после корниловских дней опасался измены), и каждый новый отряд хозяйничал здесь по-своему. Грязные тюфяки на некогда зеркальном полу, продырявленные картины и — бутылки, бутылки, пустые бутылки. И все это не где-либо в глухих местах дворца, но вокруг самой «особы», на ее глазах и с ее ведома.

О частной жизни Александра Федоровича Керенского в Зимнем дворце, о его барских замашках шли разные слухи. Не все они были правдивы, но и правдивые, право же, дурно пахли. Например: у Николая II был собственный бильярд. При высылке бывшего царя в Тобольск шары слоновой кости были уложены и приготовлены к отправке. Керенский приказал их распаковать и затем, как рассказывали журналистам дворцовые сторожа, «собственноручно изволили ими забавляться».

Судьбу бильярдных шаров подтвердил в домашнем кругу и Викентий Константинович. И Анна спрашивала негодуяше всех: зачем вообще Керенскому надо было вселяться в Зимний? Зачем нужно было есть и спать по-царски, попирать ногами искусство и богатство дворца, который должен стать собственностью народа? Точно так же, как Эрмитаж и Музей Александра III в Петербурге и Третьяковская галерея в Москве.

Разве нынешний премьер не знает, что политическая борьба может в любую минуту сбросить его с царского кресла и царской постели, что он подвергает величайшей опасности сокровища искусства, среди которых он осмеливается жить?..

О Керенском запомнились Анне слова, услышанные ею 25 октября от одного из старых дворцовых служителей.

— Изволили много душитья Александр Федорович, а душкá своего не было-с!

Так холопская наблюдательность подвела итог политической деятельности знаменитого российского неудачника.

В Зимнем подошел к Людмиле Серебровой и представился ее сестре журналист Эркварт.

— Вы были у своего супруга? — спросил он на правильном русском языке, чем, передавали, всегда бахвалился среди своих коллег-иностранцев.

— Нет, я его не видела, мистер Эркварт,— ответила Людмила.— Я сопровождаю сестру, она корреспондент газеты.

— О, у нас с вами, мисс, общий, значит, интерес! — внимательно прежнего посмотрел на Анну Эркварт.

Он не скрывал, что девушка эта ему понравилась. И потому, чтобы подчеркнуть свое внимание к ней, он добавил:

— Я кое-что знаю... А вам тоже известна эта последняя новость?

— Какая? — заинтересовалась Анна. «Эти иностранные корреспонденты всегда раньше наших все знают...»

— Совет республики дал Керенскому самые неограниченные полномочия. Я думаю, завтра в столице начнется немалая стрельба.

— Это и есть новость? — нахмурилась Анна.

— Ваше правительство сейчас заседает.

— Что ж, оно привыкло уже к частым заседаниям.

— Иес! Но — не к стрельбе...— улыбнулся Эркварт.

Он не отводил глаз от лица серебрянской свояченицы и доволен был, что оно покрывается краской девичьего смущения перед таким пристальным взглядом.

— А стрельба обязательно будет, мисс Анна. Важно, кто начнет ее первым. Правительство или инсургент Ленин... Стрельба начнется завтра! — говорил он с такой непреерекаемой уверенностью, словно обе стороны — и правительство и большевики — сообщили ему точно о своих планах.— Завтра интеллигентные женщины должны сидеть дома, никуда не выходить и молить господа, чтобы не пролилось много русской крови. Да. Сидеть дома должны даже корреспонденты газет...— поддразнивал он хорошенькую серебрянскую родственницу.

— Анна интересуется не столько политикой, сколько искусством,— пояснила старшая сестра. Но Анна тут же воспротивилась:

— Отнюдь нет, мистер Эркварт! Если я увижу, что могу быть полезной своей редакции политическими новостями, о, я их не упущу!

— Хорошо. В таком случае, мисс Анна, я постараюсь быть вам полезным. Нам, иностранным журналистам, все стремятся рассказывать такое, что не известно еще никому.

— Например? — иронически усмехнулась Анна.

Журналист заметил ее усмешку. Он ответил на нее:

— Значит, мы начинаем с вами деловое содружество? Так?

— Что вы имеете в виду, мистер Эркварт, говоря о содружестве?

— Это деловая, профессиональная взаимопомощь, сударыня,— сказал серьезно Эркварт.— Я старый журналист, вы молодой. Но мы оба служим одному и тому же делу — прессе. Мы люди различных наций, но, служа прессе, являемся подданными одной и той же — шестой — великой державы. Мы будем поддерживать с вами деловой контакт, обмениваться, мисс Анна, жизненной информацией, которая может пригодиться вашей газете... Простите, какой именно?

— «Новая жизнь».

— А, Максим Горький и его друзья...— опять улыбнулся он, обнажив два длинных золотых зуба.— Да, может пригодиться вашей газете и той большой, очень большой прессе, которую я уже несколько лет представляю у вас в России.

— Вы это серьезно говорите? — озабоченно посмотрела на сестру и журналиста Людмила.

— Вполне. Дело есть дело. И дело — прежде всего,— сказал Эркварт.— Сейчас вы в этом убедитесь... Я начинаю, сударыня,— объявил он, как будто предложенное им деловое соглашение было уже приня-

то.— Можете сейчас же, мисс Анна, сообщить в редакцию, что Временное правительство постановило разогнать силой все большевистские органы Совдепа, применить силу для ареста и наказания не только Ленина, но и многих его единомышленников. Мы не должны удивляться, если узнаем, что кое-кто будет расстрелян в ближайшие семьдесят два часа. Йес!

— Расстрелян?! — в один голос вскрикнули сестры.

И Анна спохватилась:

— Позвольте... откуда вы это знаете? Вы сами говорили, что правительство еще заседает сейчас... Откуда же вам уже известно его решение? Эркварт обратился в ответ к Серебровой:

— Сегодня ночью проверьте мои слова у Викентия Константиновича.

— Он отнюдь не все мне говорит,— возразила Людмила.

А в мыслях — брат Николка: ох, как бы завтра уберечь...

— Не все говорит... Хорошо. Но если он узнает, что это сказал вам я?.. Конечно, для всех остальных сейчас это строжайший секрет! — предупредил, погрозив толстым и бурым, как морковка, пальцем, иностранный журналист.

И снова обратился к Анне:

— Ну? Вы не отвергаете, я хочу надеяться, наш деловой контакт?

Анна удивила свою сестру — она сказала неожиданно:

— Хорошо, попробуем. Для испытания я назначаю пока... одну неделю. Вот так: с завтрашнего дня до первого числа.

— Йес!

— Но завтра... сказал мистер Эркварт... будет стрельба! — просто-душно заметила в растерянности Людмила.

— Ну и что? — уже явно озорничала младшая сестра, но для чего — не понять было.

...Викентий Константинович возвратился домой около четырех часов утра. Спавшей Людмиле не удалось, конечно, в ту пору проверить у него слова иностранного журналиста. Но то, что началось в столице уже два часа спустя, явно подтверждало его информацию.

В Петербурге давно уже встали друг против друга две враждебные исторические силы. Каждая торопилась сейчас, не промедлив минуты, опередить другую ударом...

13

В ночь на 24 октября Временное правительство приступило к осуществлению принятых решений.

Все юнкерские училища были приведены в боевую готовность.

Стоявшему на Неве крейсеру «Аврора», экипаж которого был настроен в пользу большевиков, было приказано выйти в море.

Министр юстиции Малянтович предписал судебным властям начать строгое расследование деятельности Военно-революционного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов.

Штабом военного округа были даны приказы: об отстранении и предании военному суду всех комиссаров Петроградского Совета, о воспрещении частям гарнизона выступать из казарм без разрешения штаба.

Министр внутренних дел, меньшевик Никитин, разослал спешные телеграммы всем губернским комиссарам Временного правительства о подавлении силой любых попыток народного мятежа.

В двенадцать часов дня в Зимний дворец прибыл женский добровольческий батальон во главе с «бой-бабой» Бочкаревой, а к трем часам на Дворцовую площадь въехала легкая кавалерия. Сюда же прискакали в новенькой амуниции юнкера Михайловского артиллерийского училища с малокалиберными орудиями.

Наряды юнкеров-константиновцев введены были в правительственные учреждения. Вокзалы и мосты тоже были отданы под охрану будущих офицеров.

На углах центральных улиц были выставлены пикеты. Им приказано было реквизировать все автомобили с «подозрительными» шоферами и сидоками.

Днем начали разводку мостов через Неву, дабы рабочие окраины потеряли транспортную связь с центром столицы.

Усилены были дежурные посты милиции. Впервые после июльских дней загарцевали по улицам и площадям казачьи разъезды.

Царскосельскому гарнизону было приказано Керенским выделить части для отправки в столицу.

По прямому проводу затребовали Ставку, начальника штаба — генерала Духонина. Керенский, главковерх, отдал приказ направить в Петербург отборные части и сводный отряд георгиевских кавалеров — сподвижников Корнилова. Ставка успокоила, обещала поторопиться, посоветовала при этом действовать решительно.

Еще на рассвете в типографию, печатавшую большевистские газеты «Рабочий путь» и «Солдат», нагрянули юнкера 2-й Ораниенбаумской школы и отряды милиции. Милицейский комиссар Рума предъявил ордер командующего войсками Петроградского округа полковника Полковникова на закрытие типографии и запрещение обеих газет.

Выпускающий наотрез отказался подчиниться, заявив, что признает только распоряжения Военно-революционного комитета. Тогда юнкера, заняв все входы и выходы типографии, приступили к ее опечатанию. Были разбиты все стереотипы «Рабочего пути», конфискованы восемь тысяч номеров этой газеты, которые были увезены при горячих протестах рабочих в милицию 3-го Рождественского района.

Передовая статья газеты содержала все неопровержимые «улики» задуманного восстания.

«В феврале месяце свергли царя солдаты и рабочие,— говорилось в статье.— Но, победив царя, они не захотели взять власть в свои руки. Руководимые дурными пастырями, эсерами и меньшевиками, рабочие и солдаты добровольно передали власть ставленникам помещиков и капиталистов: Милюковым и Львовым, Гучковым и Коноваловым...

Эту ошибку нужно исправить теперь же. Настал момент, когда дальнейшее промедление грозит гибелью всему делу революции. Нужно нынешнее правительство помещиков и капиталистов заменить новым правительством рабочих и крестьян...

То, что не было сделано в феврале, должно быть сделано теперь.

Таким и только таким путем могут быть завоеваны мир, хлеб, земля, свобода»,— призывала газета.

На сей раз Леопольд Ламбертович Рума решил не напоминать о себе Никите Денисову, то есть не признаваться в знакомстве.

Запомнившийся ему большевик, неделю назад повстречавшийся темной ночью возле той самой Лесновской думы, где, как узнал лишь вчера (вот дьявол возьми!..) от своих агентов Рума, происходила тайная встреча Ленина с другими подготовителями мятежа, очутился, как видите, здесь, где большевики раздувают в горячих горнах своей печатной агитации пламя антиправительственного восстания.

Леопольд Ламбертович даже не задавался вопросом, что может делать здесь сейчас этот явный «агент» Ленина... «Ах, надо было задержать его в ту ночь! Мой нюх меня не обманывал»,— досадовал сейчас Рума.

И он решил: вряд ли запомнил его во время ночной встречи Никита. Авось что-нибудь и узнаю полезного. Надо попробовать... «пощупать» этого молодца.

Эту ночь Никита Денисов провел в типографии «Рабочего пути», у наборных касс. Сюда послали его из Смольного: соберите отовсюду наборщиков-большевиков, сами встаньте у касс, но... чтобы газета наша выходила эти дни бесперебойно и в срок!

Типографщиков-меньшевиков их партийные лидеры обязали бросить «работу на большевиков», забастовать. Этим штрейкбрехеров пролетарского дела было достаточно, выпуск газеты мог быть сорван, и бесценный Яков Михайлович Свердлов, быстро порывшись в своей памятной «книжечке», вспомнил о Никите и тут же подсказал ему и других наборщиков-партийцев.

Из конторки, погасив в ней лампу, чтобы из коридора не было видно, Никита протелефонировал в комнату номер восемнадцать Смольного:

— Товарищи, говорит с вами Денисов... Юнкера громят «Правду».

— Началось, значит... Много их?

— Небольшой, в общем, огряд. И милиция.

— Ладно. Сейчас пришем товарищей солдат. Возможно, что и броневик.

(Звонок Никиты был одним из последних. Вскоре в Смольном были выключены почти все телефоны...)

Выйдя из конторки, Никита столкнулся лицом к лицу с милицейским комиссаром, стоявшим вместе с офицером, приведшим юнкеров, в освещенном коридоре типографии. И в этот момент Никита узнал Руму: «Тут! Ищейка...»

Первая мысль: «Слышал он мой разговор по телефону или нет?.. Если остановит сейчас — значит слышал».

И Леопольд Ламбертович остановил его, хотя разговора по телефону не слышал.

— У вас тут где телефон? — поинтересовался он и, получив ответ, сказал офицеру:— Звоните, капитан, куда вам надо.

Большоголовой, короткошей, с медвежьей поступью капитан вошел в конторку, а Рума снова обратился к Денисову:

— Вы давно здесь работаете, товарищ?

«Товарищ...»

— По-моему, это сейчас праздный вопрос, гражданин комиссар! — отмахнулся Никита.

Он еще не решил: избегать разговора с этим «типом» или отвлечь сколько можно его внимание на себя, пока не появится обещанная подмога из Смольного.

— Я думаю, что давно,— продолжал свою игру Леопольд Ламбертович.— К вам все здесь обращаются: выпускающий вот и все другие. Значит, вас все здесь хорошо знают. Позвольте и мне узнать вашу фамилию?..— неожиданно закончил он.

— Это что: допрос, что ли?

— Вопрос, а не допрос!

— Я не стремлюсь к знакомству с вами. Мне незачем вам себя называть,— сказал сухо Никита. Однако не отошел прочь.

Потягиваясь всем телом, Рума широко зевнул (ведь в эту ночь пришлось поспать не больше двух часов!..) и бесстрастно (нарочито!) сказал:

— Не зарекайтесь: познакомиться нам придется.

«Нет, он таки не узнал меня!» — подумал в эту минуту Никита Денисов, разглядывая с любопытством человека в тигровой куртке, обладателя сипленького, простуженного баска, одутловатых, покрытых желтизной бессонницы щек, а также большой голландской трубки, державшейся в углу губастого крупного рта.

Трубка ароматно дымила, и Никите приятен был, сознаться, медовый запах английского табака. Он с неохотой закурил свою копейную папиросу.

Рума вынул из кармана номер конфискованного сегодня «Рабочего пути», газета пахла свежей типографской краской, сильно отдававшей керосином.

— Интересно знать, кто же пишет такие передовицы. Это уже не статьи, господа хорошие, а похоже больше на приказ! — сказал Леопольд Ламбертович. — Не вы ли писали? — иронически посмотрел он на Никиту. — Шучу, конечно... Рукописи набора где тут хранятся? — остановил Рума проходившего мимо метранпажа.

«Ишь, меня не спросил. Понял, легавый, что я не отвечу!» — усмехнулся Никита и подмигнул старику метранпажу: «Знай, что говорить, Авдеич!»

Тот избрал простой путь: прикинулся глухим и прошел мимо.

— Эй, кому говорю! — окриком попытался его остановить Рума, но сутулый Авдеич с узкой костлявой спиной, не вздрогнув даже, удалялся по коридору.

— Он глухарь уже лет десять, — «пояснил» Никита, опасаясь, что Рума захочет силой вернуть метранпажа для допроса.

— Так вы, наверно, знаете, где рукописи? — зло скривил губы Рума. — И даже кто писал передовицу? Ну?

Из конторки вышел с медвежьей развалкой капитан. Он заговорил неожиданно писклявым голоском:

— Я доложил, Леопольд Ламбертович. Комендант просит вас к аппарату.

— Иду... Не отпускайте вот этого человека! — указал Рума на Никиту.

И вошел в конторку.

— Вы задержаны! — объявил тоненьким голоском капитан и положил руку свою Денисову на плечо.

— На каком же это основании? — откинул его тяжелую руку Никита.

— Вы же слышали распоряжение правительственного комиссара Румы? — вопросом на вопрос ответил офицер.

«Рума?.. Запо-омним!» — засек Никита в своей памяти эту фамилию.

— Я, товарищи, задержан, — сообщил он троим рабочим, появившимся из-за угла коридора.

Те переглянулись — поняли друг друга!.. Рабочие, окружив стоявшего молчаливо офицера, отгородили собой Денисова: они предлагали ему бежать..

— Не надо... — отказался Никита. И, заметив выскочившего из конторки Леопольда Ламбертовича, он озорно стрельнул своими веселыми карими глазами: — Мне нельзя никуда уходить: а кто же арестует этого господина Руму?

И, уже прямо обращаясь к нему, Никита повторил:

— Кто же вас, господин Рума, тут арестует, если не я? Вы как считаете?

— Арестуете?.. Вы?.. Меня?.. — искренне расхохотался Леопольд Ламбертович. — Послушайте, как вас там... Послушайте, господин большевик Никита!.. Да я вас признал совершенно точно, как видите. Нечего усмехаться! Вы арестованы.

Рума вынул в доказательство браунинг.

— Конечно, не с вас надо было начинать, но... чем раньше, тем лучше в конце концов. А впрочем, вы же грозили мне тоже арестом?.. Попрошу сюда! — указал он Никите на дверь в конторку. — Ксchorин! —

крикнул он милицейского.— Держи покуда этого мятежника под арестом... Разойтись! — приказал он рабочим.

Мимо типографии промчался мотоциклист. Рядом с ним, в колясочке, сидел одетый в черную ватную куртку, в картузе с оторванным козырьком Миша Галкин. В двух кварталах отсюда следом за мотоциклистом — «разведкой» — шли четыре грузовых автомобиля с солдатами Литовского полка и 6-го запасного саперного батальона — отряды Смольного в помощь типографии «Рабочего пути».

Миша Галкин был счастлив выполнить поручение Дзержинского: доставить Никите Денисову предписание Военно-революционного комитета.

В нижнем буфете Смольного, куда забежал к недавней своей знакомой девушке, Кате, чтобы сообщить ей, куда умчится сейчас на мотоциклете, Миша принял и второе поручение, адресованное тому же Никите Денисову.

Мотоциклист остановил машину неподалеку от типографии. Миша Галкин направился к ее подъезду. Здесь кучками стояли рабочие, обсуждавшие налет юнкеров и милиции. Каждая из кучек ежеминутно пополнялась ранними прохожими: это были рабочие и работницы, торопившиеся на фабрики и заводы, мелкий служилый люд мастерских и контор, старухи и дети, спешившие к очередям у хлебных лавок и продовольственных магазинов.

У входных дверей типографии — наряд милиции и два юнкера в шинелях, с винтовками «к ноге». Они беспрепятственно пропускали всех выходивших из здания и никого — внутрь типографии.

Послушав минуту разговоры толпы, Миша Галкин, отобрав в ней седенького, хмуробрового, с умным лицом рабочего, кратко, но энергично бранившего агентов правительства, тихо отозвал его в сторону:

— Отец, вы здешний?

— Ну, здешний. А тебе что?

Рабочий смерил взглядом черноглазого, длиннолицего парня, доверительно и серьезно смотревшего прямо в лицо.

— Хочу спросить вас, товарищ, по секрету...— сказал Миша.— Мне обязательно надо срочно пройти в типографию. Срочно. Как это сделать?

— Пройти... Для чего тебе, парень?

— Вы большевик или нет? — решил Миша Галкин найти самый кратчайший путь к цели в такой важной для него беседе.

— А ты сам кто есть, что меня спрашиваешь? — Медленно теряли свою хмурость, растягиваясь, седоватые брови рабочего.

— Мне, отец, скрывать не приходится. Я большевик. А вы... Вы неужто за Церетели, за Мартова или за Дана, может?

— Похож я разве на такого? — Старый типографщик с любопытством наблюдал юношу.

— Ладно. Понимаю. Значит, вы, отец, тоже наш... ленинец,— сказал уверенно Миша и похлопал его по плечу.— Хочу в таком случае информировать вас. Мне нужно самым срочным образом проникнуть сюда. Мне обязательно нужно повидать одного человека. Понятно? Видали — проехала мотоциклетка?

— Ну, видал.

— Так это я. С поручением. Из Смольного.

— Чего же ты не сразу?! Эх, тоже!

Счастливо найденный в толпе собеседник дружелюбно замахнулся на Мишу. Он хотел что-то сказать, но в эту минуту, привлекая его внимание, выскочили на улицу несколько рабочих, и среди них метранпаж Авдеич.

— Денисова схватили! — оповестил он своих товарищей на улице.

Мишин собеседник крикнул и с сердцем выругался.

— А мне Денисова и надо...— огорченно сказал Миша.

И неожиданно для всех стоявших с ним рядом он выкрикнул:

— Товарищи, не расходиться!.. Да здравствуют революционные солдаты! Минуту терпения, товарищи. Они идут к нам на помощь... Да здравствуют революционные грузовики!

В толпе встретили хохотком последний Мишин лозунг, но... не в нем же было главное?! В начале улицы действительно появился первый грузовик, на котором, держась друг за друга, стояли солдаты. Завидев их, милиционеры и оба юнкера скрылись в типографию.

— Наши! Ура! — обрадовалась толпа. Часть ее бросилась навстречу грузовикам, другая часть прикрыла собой главный подъезд, преграждая путь находившимся в типографии юнкерам и милиционерам.

Но те уже и не думали прорываться на улицу. Они бежали черным ходом и отступали соседними дворами, ломая по пути ветхие деревянные заборы.

В записке Дзержинского было: «Товарищ Денисов, наборщикам продолжать выпуск газет. Соберите всех и поставьте на рабочие места. Сегодняшние номера «Солдата» и «Правды» должны выйти сегодня же. Это решение ЦК. Желаю успеха».

— А это что? — принимая из рук Миши какой-то сверток, спросил, вздохнув, Никита.

— Катя прислала вам подкрепиться. Заботливая. К чему бы это так? — заискрылись смешком темные, как чернослив, Мишины глаза.— В общем, колбаса с хлебом. Да здравствует, товарищ Никита Андреевич, революционная девушка из революционного буфета!

— Да здравствует...— засмеялся Никита.— Что ж, это тоже, брат, подходящий лозунг...

14

Всякая революция означает крутой перелом в жизни народных масс. Если не назрел такой перелом, настоящая революция произойти не может. И как всякий перелом в жизни любого человека многому его учит, заставляет его многое пережить и перечувствовать, так и революция дает народу в короткий срок самые содержательные и ценные уроки.

Во время революции миллионы людей учатся каждую неделю значительно больше, чем за год исторически обычной жизни. И на крутом переломе жизни целого народа становится особенно ясно видно, какие его классы преследуют к а к и е цели, какой силой они обладают для этого, какими средствами они действуют.

Чего же добивались массы рабочих, солдат и крестьян от революции, совершенной ими в феврале? Известно чего: свободы, мира, хлеба, земли. А получили что?..

Вместо свободы стал восстанавливаться прежний произвол имущих классов. Ввели смертную казнь для солдат. Крестьян предают суду за революционный захват помещичьей земли. Рабочие газеты закрывают без суда, типографии этих газет громят.

Народ хочет мира, а Временное правительство в угоду «союзникам» и отечественным толстосумам ведет войну «до победного конца», ведет ее на основе тех самых тайных договоров, которые были заключены российским самодержавием.

Хлеба нет, надвигается всеобщая разруха и голод. И все видят, что богатые люди, владельцы промышленности, земельных угодий и банковских вкладов, обманывают страну и ее «казну» на военных поставках, наживают неслыханные барыши на высоких ценах.

Война, товарищи, стоит теперь народу пятьдесят миллионов рублей ежедневно!

...Пожалуй, это была первая серьезная речь Николаши Артемьева среди его весьма немногочисленных пока публичных выступлений.

Студент-первокурсник, он еще не успел вкусить сладость исторической науки, которой готовился посвятить себя, но говорил сегодня — самому казалось — вполне научно, как марксист, объясняющий аудитории смысл происходящих событий.

«Послушали бы меня и поглядели бы наши...» — мелькнуло как-то во время собственной речи. И, несмотря на всю серьезность положения, вызвавшего ораторское выступление Николая, он с трудом в тот момент справился с улыбкой, набегавшей на лицо.

«Нашими» в данном случае, если говорить о семье, могли быть лишь отец и Серебров, ибо речь пришлось держать в весьма неожиданном месте — в бане. Голым среди голых правительственных и мятежных солдат.

И те и другие заполнили в дневной час серое, с цветным кафелем, многоэтажное здание на Сергиевской и мирно мылись здесь, не желая, казалось, знать, что происходит в эту минуту на улицах, в городе...

В банном зале второго этажа, с узкими и длинными матовыми окнами, едва заметными изнутри — так плотно закрыл их густой пар, — поручик Капля увидел нагого большевистского агитатора, атлетического сложения юношу интеллигента, собравшего вокруг себя голую солдатскую аудиторию.

«Агитируют. И даже здесь агитируют... Ну, до чего же... проныры!» — хотел было сказать поручик, но слово это — «проныра» — тут же перечеркнул мысленно: никак оно не подходило к этому спокойному монументальному юноше с громким голосом и львиной гривой, потемневшей от воды.

Хорошо, но те, кто послал его сюда, кто да же здесь ищет себе союзников для мятежа, те ведь коварны, хитры и обладают дьявольской энергией, убежден был в том попавший сюда поручик Капля.

Скользя волосатыми ногами по теплому, выложенному плитками полу, с шайкой в руках, он приблизился к полукруглой каменной скамье, занятой слушателями Николая Артемьева.

По большей части это были солдаты артиллерийского дивизиона, сильно поредевшего во время последних боев в Прибалтике. Лишь месяца полтора назад он был отведен для отдыха и пополнения в столицу. По сведениям Смольного, на дивизион сильно рассчитывали в штабе округа. Эти сведения надо было срочно проверить и, проверив, принять те или иные стратегические меры.

На разведку было направлено восемь человек, среди них Николай, Вася Чернокутов и бывалый, не первой уже молодости солдат, которого все звали в Смольном «Захар Матвееч», хотя фамилия его тоже была известна — Зыбин.

По-своему, по-особенному сложилась судьба его за последние полгода. Сам он совершенно точно мог назвать день и час, когда пришла эта новая судьба, — третьего апреля вечером.

Степенный, но словоохотливый солдат с опрятными пшеничными усами, с умными серыми глазами, в которых светились одновременно и любопытство, и некоторая настороженность, и в то же время явное желание быть доброжелательным слушателем, привлек в тот вечер особое внимание Ленина.

В вагоне поезда, которым возвращался из-за границы через Финляндию Владимир Ильич, было полно солдат, и этот, назвавшийся с достоинством «Захаром Матвеевичем», оказался наиболее пытливым, рассудительным его собеседником и, что было приятно Ленину, человеком веселой души.

Пролетарская республика, поддержанная сельскими рабочими и бед-

нейшей частью крестьян и горожан, одна только может обеспечить мир, дать хлеб, порядок, свободу, говорил в вагоне Ленин.

Неужели, товарищи, наш рабочий класс не потребует и не добьется, чтобы всякий трудящийся тотчас увидел и почувствовал известное улучшение своей жизни? Чтобы каждая семья имела хлеб? Чтобы всякий ребенок имел бутылку хорошего молока... Чтобы дворцы и богатые квартиры, оставленные царем и аристократией, не стояли зря, а дали приют бескровным и неимущим?..

— Разве все это вас не касается, уважаемый Захар Матвеевич? — обращался к нему Ленин.

И тут же отвечал за него страстно и убежденно:

— Заранее могу сказать, что касается. Еще как!

— Если человек на честности живет, его все касается, — согласился Захар Матвеевич, обводя глазами своих окопных товарищей.

Он не знал, конечно, и не мог уразуметь сразу, кто таков его вагонный спутник. «Агитатор. Партийный» — это было ясно солдату Захару Матвеевичу.

Но, право слово, не доводилось ему встречать до сих пор такого хозяина своих слов, как этот широколобый, большелобый — гляди, будто под купол выставил свои думы! — с крепко сбитой фигурой, с рыжеватой бородкой и неровно подстриженными усами горячий человек, часто щуривший правый глаз — иногда с веселой улыбкой, а порой и совсем по-иному: «молнию держит в глазу» — делал тогда наблюдения Захар Матвеевич. М-да, не доводилось!

Глядя на своих товарищей — тоже солдат, он понимал, что они так же, как и он сам, Зыбин, захвачены в плен этим счастливо постречавшимся поездным спутником. Кто же он?..

Захар Матвеевич впервые услышал его фамилию, когда в окна вагона ворвались вокзальные огни и забушевало неожиданно могучее «ура», дополненное звуками оркестра и знакомой всякому солдату командой «сми-и-рно!».

Но кого же это так встречают?

— Да здравствует товарищ Ленин! — неслось отовсюду.

Солдат Зыбин увидел, как его удивительный спутник, выбежав из вагона, подняв кепку кверху, помахивая ею во все стороны, не успел сделать и двух шагов, как был подхвачен на руки встречавшими его рабочими и матросами. И толпа на перроне продолжала гремять:

— Да здравствует Ленин! Пролетарский привет вождю революции!

И когда Захар Матвеевич попытался узнать тут же у ликовавших людей, кто же точно этот Ленин, о котором никогда раньше ничего не слышал, ему отвечали одно и то же: «Вождь революции».

— Так. А из каких партий будут они? — поинтересовался другой солдат, ехавший, как и Зыбин, от Белоострова в одном вагоне с Лениным.

— Одной-единственной партии. Теперь понятно должно это быть, — заботливо погладил свои округлые пшеничные усы Захар Матвеевич. — Большак он — вот кто. Чтобы, значит, нам с тобою отдать власть в собственность... Власть-то хочешь или нет? — подмигнул он товарищу.

После недельной побывки дома (впервые за три года), в Рязанской губернии, Захар Матвеевич возвратился в столицу. За это время туда же, на Выборгскую сторону, перевели, оказывается, и его маршевую роту, находившуюся доселе у Белоострова. В конце августа она должна была отбыть на фронт, но приключился корниловский мятеж, и Петроградский Совет солдатских депутатов воспрепятствовал выводу из столицы какой бы то ни было революционной воинской части, и Захар Матвеевич застрял в Питере.

Он до сих пор не вступил еще ни в одну из социалистических партий, хотя и был активным депутатом в солдатской секции Совета. Там он го-

лосовал всегда с большевиками (он уже теперь называл их правильно, а не «большаки», как это было раньше), и не раз его зазывали по ошибке на фракционные собрания партийцев.

Он поглаживал ус (признак того, что доволен) и говорил спокойным баском:

— Спасибо вам, кланяюсь товарищам за доверие, а все же дал я себе один зарок...

Ему отвечали рассеянно:

— А-а...

Или:

— Да ведь ты, Захар Матвеевич, действительно еще не...

Да, «еще не...» Однако никто почему-то не интересовался: какой-токой «зарок» дал себе Зыбин? А сам он не торопился открывать свою тайну.

Когда выяснилось сегодня, что часть дивизиона — на учебных стрельбищах за городом, а остальные солдаты отведены младшими офицерами на Сергиевскую, Захар Матвеевич сказал, не задумываясь, своим товарищам:

— Айда туда!

— В баню?

— А что?

«Ишь какой!» — наблюдал его с интересом и приязнью Николай Артемьев.

Попав на Сергиевскую, Захар Матвеевич воспользовался случаем, чтобы усердно побаниться, в то время как Вася Чернокутов и Николай занимались этим весьма небрежно и торопливо. И то, что Зыбин по интересам своим, поведению и неторопливости истинного любителя бань ничем не отличался от всех пришедших сюда с той же обыденной целью, помогло ему завязать среди солдат дивизиона тот «разговор незначай» о событиях в столице, который через три минуты дал возможность Николаю Артемьеву выступить здесь с агитационной и «просветительной» речью.

— Чего вин хоче? — насупившись, спрашивал о Николае украинец солдат из артиллерийского дивизиона.

— А ты его самого спроси, — ответил Захар Матвеевич. — Уж чего-то он, наверно, хочет. Теперь каждый человек чего-нибудь хочет.

— Ленина он, сукин сын, хочет! — резко сказал поручик Капля.

При этом он сделал неловкое движение, поскользнулся на склизком плиточном полу и, вероятно, грохнулся бы, если бы не был подхвачен в нужную минуту человеком с намокшими пшеничными усами.

Отпуская локоть поручика, Захар Матвеевич подхватил реплику:

— Теперь многие Ленину верят. Одному ему только и верят. Большевикам то есть. Ты как соображаешь, парень? — обратился он к насупленному украинцу. — Давай потру тебе спину...

Он взял у солдата его мочалку и принялся натирать того крепкими мужицкими руками. Украинец благодарно вздыхал только.

— Ваш? Офицер? — спросил тихо о Капле Захар Матвеевич.

— По всему видно, охфицер. Да тильки вин не наш.

— Контра, наверно... — бесстрастно продолжал начатый разговор разведчика Захар Матвеевич.

— А може, и зовси вин штатский, — неопределенно высказал предположение солдат-украинец.

— Штатский тоже может быть корниловцем. Ан нет?

— Это уполне возможно, товарищ.

«Товарищ?.. Ладно!» — И Захар Матвеевич, возвращая солдату мочалку, сказал:

— А что до меня, так я понимаю эти разговоры. — Он показал на Николашу Артемьева. — Парень вполне применимый по нынешним временам.

— Применимый... — задумчиво повторил, натирая себе ребра и бока, собеседник, но не понять было, какой смысл вкладывал он в зыбинское слово «применимый».

— Парень он, я думаю, правильный, — решил открыть свои карты Захар Матвеевич. — Не дашь ли, друг, твою мочалку на пять минут? Вот спасибо... На полке я напарился, на горячей воде нажарился, да еще, брат, не измочалился... — гуторил он.

И ждал, что ответит солдат. Сам бывалый военный, Захар Матвеевич хорошо знал, что по одной-двум фразам бойца можно судить о настроениях и возможных поступках всей роты. Если, конечно, разговор касается не пустого в жизни, а волнующего.

А разве то, что говорил пришедший с ним из Смольного Коля Артемьев и что слышал этот неизвестный солдат-украинец с печальными, тревожными глазами и певучим, ласковым говором, не главное сейчас? Не волнует оно разве каждого?..

Украинец молчал. Упорно и, очевидно, нарочито.

— Ты кто будешь, друг? — мягко хлопнул его по теплему влажному плечу Захар Матвеевич.

— Кто — я? Номер второй я, — усмехнулся солдат, разминая пальцы костлявых ног.

— А-а... — не сразу сообразил пехотинец Зыбин. — По артиллерийскому расчету, значит. Та-ак. Орудийная прислуга ты?

— Он самый.

Украинец снова помолчал. А затем, схватив вдруг Зыбина за руку, притянул его к себе и, прямо глядя в серые спокойные глаза случайного своего знакомца, сказал медленно:

— Воны хочуть, шоб мы стреляли в пехоту. Ни! У нас, батько, никто не буде стрелять в пехоту. Чуешь?

И показав на Николашу:

— Вин ось того и хоче: шоб мы не стреляли. Я все разумию. Так оно и буде, батько.

15

Военно-революционный комитет предложил всем полковым комитетам, всем своим комиссарам и питерским революционным организациям засесть непрерывно, сосредоточивая в своих руках все сведения о планах и действиях врага, всем солдатам быть неотлучно в своих частях, корниловские эшелоны задерживать силой, крейсеру «Аврора» навести разведенный по приказу Полковника Николаевский мост.

И еще было приказано «Авроре»: держать наготове ее радиостанцию для нужд восставших рабочих и солдат. На «Авроре» кое-кто обиделся: а восставших м а т р о с о в почему вдруг забыли?..

Комиссару и гарнизонному комитету Петропавловки было предложено Смольным привести крепость в боевую готовность. Кроме частей и лиц, снабженных пропусками Военно-революционного комитета, из крепости и в ворота никого не пускать.

Главному штабу Красной гвардии было приказано немедленно направить в Смольный отряд в две тысячи рабочих. Произвести мобилизацию всего транспорта. Занять во всех десяти районах города тактически важные, узловые пункты. Организовать охрану фабрик и заводов и выделить боевые силы для захвата правительственных учреждений.

Восстание началось!

Красногвардейцы завода «Русский Рено» повели за собой солдат Преображенского полка. За Невской заставой Красная гвардия заняла

все дороги к столице. Патрули восставших были расставлены по всему участку от села Смоленского до станции Сортировочная Николаевской железной дороги.

На Васильевском острове прокричал сбор троекратный гудок Трубочного завода. И тогда потянулись из Гавани, с Балтийского судостроительного — отовсюду отряды Красной гвардии к своему боевому штабу. Вместе с Финляндским и 180-м полком они взяли на себя охрану всех переправ со стороны Васильевского острова.

Рабочим Петроградской стороны, а также Гренадерскому полку и огнехимическому батальону Военно-революционный комитет вменил в обязанность предупредить силой ожидавшиеся контрреволюционные выступления Павловского и Владимирского юнкерских училищ.

Заставу в три тысячи штыков выставили в сторону Белоострова революционные полки Петрограда.

Пробил первый час восстания, и Смольный отправил в Гельсингфорс краткую условную телеграмму: «Центробалт. Высылай устав». И «устав» был послан: пошли к Питеру военные корабли!

Им сказано было — войти в Неву, держать под угрозой орудий главные магистрали, ведущие в столицу. По пути сюда очистить от юнкерских гнезд Ораниенбаум, Петергоф, Стрельну и захватить Балтийскую железную дорогу. Кронштадтские матросы снарядили в помощь восставшим пятитысячный десант.

В Смольном принимали очередные новости о вражеском стане: в четыре часа дня самокатчики, охранявшие Зимний, сняли свои караулы и покинули Дворцовую площадь. Их заменили юнкерами.

В пять часов дня занял большевиками Центральный телеграф.

К этому же часу из Петропавловки окончательно вышибли сторонников Временного правительства, и крепость стала штабом военных комиссаров Петроградского Совета. Она держала под прицелом своих орудий Троицкий мост, Неву и резиденцию правительства — Зимний.

Петропавловцы вышли за крепостные стены и заняли, установив там пулеметы, вышку Народного дома. С переходом крепости в руки Смольного он стал хозяином арсенала с находившимися в нем ста тысячами винтовок.

В два часа ночи с 24 на 25 октября отряды Смольного заняли Николаевский и Балтийский вокзалы, несколько мостов и электростанцию.

• В три часа тридцать минут к морякам «Авроры» перешел Николаевский мост.

В шесть утра занят Государственный банк, в семь — телефонная станция и Дворцовый мост, в восемь — Варшавский вокзал.

Уже полсутки прошло, как Ленин в Смольном!

Все эти дни Владимир Ильич жил по-прежнему у Фофановой. Маргарита Васильевна — связная ЦК — приносила газеты (Ленин требовал решительно всех направлений!), доставляла письма и записки.

Дверь открывалась только на условленный звонок: длинный — короткий — всяма длинный.

Утром 24 октября Ленин вручил Маргарите Васильевне скорописью заполненный листок из блокнота.

— Сейчас же отвезите в Центральный Комитет и немедленно вернитесь!

И она удивилась — что это? Первый раз он не назвал ее по имени-отчеству и не сказал, как обычно в таких случаях: «Пожалуйста»...

Фофанова отнесла записку в Выборгский партийный комитет. Оттуда сообщили о запросе Ленина в ЦК, но ответ товарищей был пока отрицательный: нет, еще рано Владимиру Ильичу появляться в Смольном...

— Кто? Кто это сказал? — сердито спрашивал Ленин возвратившуюся через час Маргариту Васильевну. — Неужели они думают, что я могу прикатить к ним только на готовенькое? Кто это посмел сказать, что не время еще? А?

Он ходил по комнате нервными, отяжелевшими шагами, задевая стоявшую на пути мебель, — часто и шумливо.

— Владимир Ильич... — укоризненно покачала головой Фофанова и показала жестом: могут услышать в нижней квартире.

И добавила словами:

— Заинтересуются еще: кто это у нее с утра так бушует?

— Простите, пожалуйста, Маргарита Васильевна.

«А теперь вот сразу и «простите», и «пожалуйста», и «Маргарита Васильевна», — улыбнулась она и решила, что расскажет об этом Надежде Константиновне. Уж посмеются!

И вышла во вторую, маленькую, комнату, чтобы ему не мешать.

Ленин продолжал мерить комнату шагами — на редкость теперь незлышными, легкими.

Иногда он останавливался у стола или у окна с белой занавеской. Брал со стола коробок со спичками, рассыпал их на клетчатой клеенке и тут же аккуратно складывал их в коробок или, вытянув голову, смотрел поверх занавески с вышитыми на ней желтыми бабочками в окно, за которым лежала серая каменная улица с мокрыми крышами обшарпанных домов, со ржавыми и сломанными водосточными трубами.

И у стола и у окна думал он об одном и том же, только об одном: «Развязка, развязка!» Яснее ясного, что теперь уже поистине промедление в восстании смерти подобно. До конца ли понимают это товарищи, находящиеся на воле? (У него-то самого нет ведь такой свободы!..)

Теперь все, все висит на волоске. На волоске времени. Быть или не быть новой, социалистической России. Социалистической! Меньшевики, дурачки, конечно, смеются. Идиотский смешок убогих людей.

Будем думать о нас самих. На очереди стоят вопросы, которые не совещаниями теперь решаются. Не совещаниями, а исключительно народом, массой, борьбой вооруженных масс. Ах, поймите, поймите же это!

Натиск корниловцев показывает, что ждать больше нельзя. Ни в коем случае. Надо во что бы то ни стало сегодня вечером, сегодня же ночью... се-го-дня!.. арестовать правительство, обезоружить юнкеров... Победить их, если станут сопротивляться... Гм... гм... крови, ясно, не избежать...

— Нельзя ждать! Можно потерять все! — громко воскликнул Владимир Ильич у окна.

Цена нашей власти сегодня, это защита н а р о д а. Вот в чем дело! Не съезда Советов даже, а народа: Защита армии и крестьян в первую голову от второго корниловского заговора.

Правительство колеблется. Надо д о б и т ь его во что бы то ни стало!

А если неудача? — думал он, рассыпая и снова собирая спички на столе. (Он строго следил за собой, чтобы не ошибиться, складывая их головка к головке.) Нет, неудачи не может быть: восстание зрело и созрело так, как мог бы хотеть того сам Маркс. Не может быть неудачи. Во всяком случае, если сегодня же пойти на штурм, шансов на неудачу в два раза меньше, чем если штурм Временного правительства отложить на сутки, на полсутки!

— Маргарита Васильевна, голубушка! — затребовал Ленин ее из соседней комнаты. — Вот что. Вам придется тотчас же, немедленно... уж вы простите меня...

— Прощать нечего, Владимир Ильич. Это моя партийная обязанность.

Фофанова точно поняла, что он ее куда-то снова ушлет.

— Спасибо, спасибо! Немедленно отнесите мое письмо в Смольный. Вы ведь не хотите, не позволяете, чтобы я сам туда пошел? Не хотите, а?

— Не хочу. Вам еще нельзя, Владимир Ильич.

— Так, так. Вот вы и замените меня. Да-с! — сощурился он. — Передадите Якову Михайловичу прямо в руки. Не найдете сразу — ищите Подвойского или Дзержинского... И — прямо в руки, Маргарита Васильевна!.. Ответ мне, конечно. Обязательно ответ!

Он написал письмо и вручил его Фофановой.

Фофанова возвратилась поздним вечерним часом. Подходя к дому, она забеспокоилась: в квартире было темно. А ведь условлено было, что лампа будет гореть, как всегда при уходе хозяйки из квартиры. Что лампа должна только завешиваться чем-либо, чтобы не видно было с улицы. А тут оказалось, что в квартире темень.

Странно!..

В комнате Маргарита Васильевна нащупала на столе коробок спичек, зажгла лампу.

Пальто и калош Ленина нет. На столе — чистая глубокая тарелка. На дне ее лежит записка:

«Ушел туда, куда вы не хотели, чтобы я уходил. До свидания. Ильич».

На синеньком блюде, заменившем кому-то пепельницу, — три папиросных окурка. А ведь Ленин никогда не курил!

И на столе, рядом с глубокой тарелкой, — мятый номер сегодняшнего «Рабочего пути».

Утром и днем этой газеты Маргарита Васильевна нигде не могла достать.

16

Двадцать четвертого днем Анна Артемьева ушла из дому, чтобы, не предполагая еще того, стать свидетельницей двух исторических событий русской жизни, памятных навсегда. Они случились в две петербургские ночи, и обе были пережиты Анной вне дома.

Как условлено было с английским журналистом, она встретила с ним под вечер в вестибюле Европейской гостиницы: с недавних пор Эркварт занимал здесь два смежных номера в первом этаже.

— Похвально: вы абсолютно точны, мисс Анна, — сказал он, здороваясь. — Однако нам придется некоторое время подождать. О, всего лишь несколько минут, не больше. Сейчас должны прибежать сюда... (он так и сказал — «прибежать») два моих русских сотрудника. Репортеры... журналисты. Они принесут мне самые последние новости. Из обоих лагерей. Это для десятичасовых моих сегодняшних телеграмм в Лондон, — объяснил Эркварт: — Может быть, эти люди отправятся вместе с нами, мисс Анна.

— С чего мы начнем? — спросила она.

— Я их выслушаю, и мы тогда решим. Хотите, можно пройти покуда в мой номер?

— Нет! — замотала головой Анна, поймав его взгляд. — Подождем здесь.

Англичанин вынул из широкого накладного, похожего на сумку, кармана своего серого демисезонного пальто массивный тяжелый ключ от номера и, подойдя к портье, вручил его сидевшему за отполированной стойкой пожилому молчаливому человеку с непомерно длинными и на редкость узкими усами.

«Так-то, сударь, лучше...» — иронически усмехнулась про себя Анна.

Он пригласил Анну сесть в кожаное кресло, стоявшее у мраморной стены, прислонил к нему свою трость и, вынув из желтого замшевого чехольчика трубку с откидывающейся решетчатой крышечкой, закурил.

Анна полюбовалась тростью. На большом слоновом набалдашнике тончайшими золотыми линиями был вычерчен земной шар, все пять частей света.

— Посмотрите на это, — обратил Эркварт внимание Анны на цветную типографскую афишку, приколотую над креслом. — Я использую в своей корреспонденции, — улыбался он.

И Анна прочла:

«Вниманию уезжающих из Петрограда!!! Бюро «Лиги порядка» принимает на себя охрану, ликвидацию, страхование и эвакуирование имущества. Невский, 65, кв. 22».

— Йес! Они даже страхуют, да? Вчера еще, мисс Анна, этого объявления не было. О, я непременно посету квартиру двадцать два! Я хочу видеть, как выглядят в наше время русские жулики и русские наивные люди, которые могут верить таким жуликам.

Оба ожидавшихся Эрквартом человека вбежали (он был прав) почти одновременно. С разницей в секунды.

— Они как на ипподроме, — заметив их, спокойно процедил англичанин, и Анна, не желая того, засмеялась.

Первым подскочил к Эркварту низкорослый, с большим животом над изогнутыми ногами, громко пыхтящий, трудно справляющийся с одышкой человек. При движении плечи его покачивались в стороны.

Черный старый котелок его был сдвинут на безволосый затылок, сумочное короткое пальто до колен не имело ни одной пуговицы.

У репортера было безусое немолодое лицо веселого, улыбающегося бродяги и добряка, влюбленного в свою хлопотливую профессию.

— Мое почтение! — сказал он певуче и с нескрываемым любопытством посмотрел на Анну. — Мистер Эркварт, сегодня большой урожай.

Мгновение — и рядом с ним очутился его костлявый конкурент. О нет, бери значительнее выше: с Эрквартом здоровался за руку признанный король петербургских репортеров, знаменитый не только в газетных кругах России, но известный и многим сановным деятелям былого самодержавия, — сам Лев Моисеевич Бричко!

Эркварт, отойдя в сторонку, познакомился с дневным сегодняшним «уловом» репортера с большим животом.

Мартын Волжский (он тоже хорошо был известен в редакциях Петербурга) вынул пачечку папиросной бумаги с исписанными карандашом листками. Ни одного слова не мог бы разобрать на этих мятых листках другой человек!... Да фраз-то, собственно, и не было в записях Мартына, одни лишь нескладные обрывки не соединенных между собою мыслью каких-то слов, а то и только две буквы рядом, черточки и кружочки — обыкновенные, или с крестиком, или с треугольничком внутри, — аллах ведает, что за стенография своя была у Мартына Волжского! Но он минуты две-три мог держать перед собой такой листок бумаги с незначительным количеством карандашных знаков и оглашать по этой бумажке множество различных новостей.

Ознакомившись с вестями, принесенными Волжским и Бричко, Эркварт предложил Анне и журналистам направиться к Генеральному штабу. «Там мы узнаем, что творится», — сказал он.

Выйдя из Европейской гостиницы, Эркварт и его спутники завернули на безлюдный Невский, прошли мимо костела, по мостику через Мойку, к Генеральному штабу, куда стремился английский журналист.

Дважды на этом пути останавливали их патрули: штаба войск Керенского и Военно-революционного комитета Смольного. И в обоих случаях

корреспондентские карточки и удостоверения журналистов вызывали одно и то же слово:

— Проходите!

— Сумасшедший дом какой-то, — лаконично охарактеризовал Бричко мирное двоевластие на Невском. — Что, нет?

В информационном отделе, куда заявились газетчики осведомиться о последних новостях, господствовало, по первому, правда, впечатлению Анны, бодрое, несколько приподнятое настроение.

Время от времени здесь появлялись члены полковых комитетов: в большинстве офицеры, иногда солдаты. Между ними и офицером «информационки» происходил примерно такой диалог:

— Товарищи, я пришел, чтобы информироваться о положении дел. Что происходит в городе?

— В городе все спокойно.

— Сумасшедший дом, я вам говорю! — подавал тихо Бричко свою реплику Эркварту.

— И на стороне правительства достаточно войск?

— Подавляющий перевес сил, товарищ.

— Так что большевики не могут надеяться на успех?

— По нашим сведениям, товарищ, они в совершенной панике.

— Я что-то этого не замечал! — шептал Мартын.

— В панике...

Лицо полкового эсера или меньшевика блаженно, доверчиво светлело. Однако теперь его черед отвечать.

— А какое настроение у вас в полку, товарищ?

— Сказать правду, весьма колеблющееся.

— То есть?

— Комитет, в общем и целом, против выступления. Но все-таки есть беспокойные элементы. А многие солдаты... боятся!

— Боятся? Чего же они боятся?

— Да так, знаете ли, темные люди. Думают, что если весь гарнизон выступит, а они останутся в стороне, то могут за это поплатиться.

— Какие пустяки!

— Да я-то знаю, что пустяки, а вот им не втолкуешь.

— Разъясните, разъясните им положение, товарищ. Апеллируйте к их сознательности, к чувству гражданского долга.

— Кажется, это по-русски называется юродивый? — спрашивал своих спутников насмешливо Эркварт, кивая в сторону штабного полит-офицера, призывавшего к сознательности и твердившего: «Разъясняйте, разъясняйте, товарищ».

Внешне офицер ничем не походил на юродивого: красивое лицо с тонкими ноздрями, с бритыми розовеющими щеками и пуховыми русыми бачками, уже чуть-чуть посеребренными, с внимательными, синеющими в момент улыбки, темно-серыми глазами, широкий московский говор, учтивые манеры...

Эркварт нескрываяемо зол и серьезен.

— Послушайте, господа. Ведь вас в Петрограде гораздо больше, чем членов большевистской организации. Но вы и не думаете, вижу я, об отпоре им. Почему? Будем говорить правду: вы легкомысленно возлагаете все надежды на казаков, на горсть сознательных солдат. То есть опять-таки на тех же крестьян и пролетариев. Вы поручаете им охрану вашей культуры, ваших собственных интересов... Несомненно, что в высшей степени благоразумно и, если хотите, джентльмены, прилично — держаться в стороне и только наблюдать за происходящим, а не вмешиваться в рукопашную схватку! — иронизировал англичанин. — Но поучились бы у истории других наций, господа! Ведь еще приличней поступали в свое

время те генералы-легитимисты, которые записывались на службу в армию принца Конде в качестве простых солдат. Несмотря на свои генеральские звания, они не брезгали, джентльмены, сражаться в пешем строю.

Анне он говорил:

— Они совершенно лишены твердых, волевых импульсов. Вы думаете, они не знают, что надо делать? Знают. Прекрасно это понимают! Но они не умеют, не смеют решиться на это. Стыдно им должно быть в такой роли зрителей. Все равно когда: будет ли перед ними произвол самовластия или анархия своевластия... В чем же сила большевиков, — вы спросите? Что противопоставляют Ленин и остальные господа из его партии вашей интеллигенции, нерешительности, вялости и дряблости более умеренных партий? Ярость! Действенность! И энтузиазм — вот что! О да, эти чувства, мисс Анна, живут в них, а не прозябают. Это бурлит в них, а не теплится.

Он подумал минуту и добавил:

— Нет, большевики не должны одержать верх, этого нельзя допустить! Но такой, как у них, огонь безумия, такое большое политическое озорство лучше, дьявол их побери, чем лимфатическая вялость, старческая дряблость вашей доброй, слабонервной интеллигенции! Знаете, в этом турнире характеров большевики уже одержали победу. Вы не считаете?

Анна хотела возражать, хотела кое с чем и согласиться: с суждениями о характере большевиков, но в эту минуту вкатился в приемную информационного отдела похожий сейчас на «ваньку-встаньку» Мартын Волжский. (Вот уже полчаса, как он и Бричко побежали вперед — в Зимний.)

Лицо у него — веселое, ликующее, но не потому, что радует его сущность принесенной новости, а потому, что вообще есть сенсационная новость. И еще потому, понимает Анна, что он первый ее вестник здесь. Мартын уже успел сообщить эту сенсацию по телефону в свою газету.

Эркварт схватил его за ворот и притянул к себе.

— Кто? Кто диктатор?

— Кто? Кто? — загудела вся приемная.

И кто-то из офицеров, перекрестясь, сказал:

— Дал бы бог — генерал Алексеев!

— Кишкин, вот кто.

У всех на лицах — удивление, разочарование.

— Киш-кин?.. Почему Кишкин?

Ну, на этот вопрос скромный репортер Мартын Волжский не мог, понятно, ответить.

Офицер, называвший с надеждой имя генерала Алексеева, безмолвно протянул фигу в сторону Зимнего дворца.

Через десять минут Эркварт, Мартын и Анна, целиком уже втянутая в водоворот журналистских интересов, очутились во дворце.

В комнате журналистов окруженный своими коллегами торжествующий Бричко показывал всем свое «вечное» перо американской фирмы — недавний подарок Эркарта.

— Этим пером, товарищи, подписан указ о назначении диктатора!

В самом деле, он одолжил полчаса назад свою ручку заместителю премьера Коновалову, когда решено было облечь правого кадета Кишкина исключительными полномочиями для подавления «бунта».

— Вы только повторяете, Лев Моисеевич, случай с нашим коллегой в прошлом веке, — хлопнул его по плечу Эркварт. — Я откуплю у вас

это перо за много долларов, лишь бы только оно принесло правительству России счастье.

— О каком коллеге вы говорите? — осторожно посмотрел не оснащенный большими историческими знаниями Бричко исподлобья, как бы поверх отсутствующего сейчас пенсне, которым пользовался лишь при чтении.

— Сэр! Во времена парижской февральской революции Людовик-Филипп подписал указ о назначении Одиллона Барро пером, которое подал ему журналист Эмиль Жирарден. Но, боюсь, джентльмены, что перья журналистов не приносят министрам счастья, — закончил свою справку, вздыхая, американец. — Барро, как известно, пробыл премьером всего-навсего два часа.

Анна приглядывалась к нему — умен, хитер и совсем не безразличен к тому, что происходит сейчас у нас, в России. И подумала вдруг: «Вот бы написать об этом иностранце нечто вроде очерка?..»

И почему Викентий никогда не рассказывал о своем близком знакомстве с англичанином? А Эркварт, напротив, отнюдь не скрывал этого перед ней, Анной...

17

Однако где же министры?

Этот вопрос задавали себе и другим и Анна Артемьева и оба поручика — Капля и Лаврушин, почти одновременно с нею попавшие в Зимний дворец.

В одной из комнат на Фонтанке, 6 собрали два часа назад группу военных — правых эсеров — и привели ее сюда, в распоряжение Временного правительства. Группе приказано было подчиниться вновь назначенному начальнику обороны Зимнего — гражданскому инженеру Петру Рутенбергу. Тому самому, который по приговору боевой организации эсеров повесил некогда в дачном пригороде Петербурга попа-провокаатора Гапона.

«Ого!» — и офицеры с неподдельным интересом ждали, пока их вызовут к этому помощнику «диктатора» Кишкина.

Передавали, что сейчас новый спаситель Временного правительства как раз и совещается (в крайней угловой комнате с окнами на Адмиралтейство) с обоими своими помощниками, с двумя инженерами — Пальчинским и Рутенбергом.

Пальчинского тоже звали Петром. Но у обоих этих минутных петербургских властелинов, шутил Бричко, не было под седлами прочных фальконеттовских коней.

По одному из освещенных залов, увешанному батальными картинами, расхаживал с недоумевающим видом управляющий военным министерством, генерал-от-артиллерии Маниковский — желтощекий, безбровый старик с печальными глазами и вздернутым носом.

В соседнем зале, также без видимого дела, — седоусый морской министр, круглощекий адмирал Вердеревский. Тут же, за длинным столом красного дерева, что-то писал похожий лицом на Гоголя обер-прокурор Синода — Карташев.

Сиротливо смотрел в окно, раскачиваясь, прикасаясь к стеклу морщинистым лбом, известный профессор Политехнического института Бернацкий — министр финансов.

Никто из службистов Зимнего не обращает на министров никакого внимания, никто не приходит к ним за распоряжениями. Если бы отряды Смольного прорвались сейчас мимо юнкерских застав на площади, они смогли бы, кажется Анне, захватить правительство Керенского голыми руками.

Через четверть часа она увидела обоих Петров — Пальчинского и Рутенберга. К Пальчинскому пришла делегация 14-го Донского казачьего полка. В делегации не только есаулы и хорунжие, но и рядовые кавалеристы. «Стало быть, на этот полк можно рассчитывать?» — вздыхают с надеждой многие журналисты.

Худой, подвижной Пальчинский, смахивающий на Мефистофеля провинциальной оперной сцены, с нервными, быстрыми жестами, выкрикивал, как и Керенский, свою отрывистую речь.

— Не наш? — спросил Капля.

— Нет, не наш, — ответил поручик Лаврушин, понимая, что под словом «наш» поручик Капля подразумевал Рутенберга, которому придана была их группа.

Вскоре появился и он — коренастый, с сильными плечами, мрачно глядевший человек средних лет, с выпуклым маленьким лбом, в костюме западноевропейского туриста. Увидев сборную группку военных, он махнул ей рукой: «Следуйте за мной!» — и направился в зеленый зал, соседний с комнатой журналистов.

— Петр Моисеевич Рутенберг. Эсер по партийной принадлежности, — рекомендовал его Анне и Эркварту «всезнайка» Бричко. — С одинаковым успехом мог быть и не эсером... Выкrest. Башковитый инженер. Сам — из города Ромны, Полтавской губернии. Женат на дочери генерала-монархиста.

— Здесь мне нечего делать, — решила вдруг Анна, обращаясь к Мартыну Волжскому. — Я поеду в Смольный.

— А я?

И репортер посмотрел вопросительно на Бричко и Эркварта.

— Вы тоже поедете туда, — распоряжался им англичанин. — Двадцать пять процентов надбавки вам за добрые смольнинские известия! — пообещал он.

Нетрудно было понять, какие новости он считает для себя «добрыми».

— Мисс Анна... господа, во всех случаях к часу ночи мы соберемся у меня в Европейской гостинице. Так?

— Так! — ответил за всех Бричко.

Анна хотела запротестовать, но в этот момент Эркварт пошел на встречу показавшемуся издали Сереброву, и она ничего не сказала. Впервые, в отсутствие Эркварта ее реплика теряла свой смысл, и, во-вторых, встреча здесь с Викентием Константиновичем была нежелательна для Анны.

Когда она вместе с Мартыном проходила мимо офицерской группы, слушавшей распоряжения Рутенберга, Анна заметила брошенные в ее сторону взгляды двоих стоявших рядом молодых военных: оба в чине поручика, один — повыше ростом, с густыми щетинистыми черными бровями, накрывшими косенькие слегка глаза, другой — с тоненькой, словно нарисованной, полоской усиков на обветренном, но гладком лице.

Покуда Анна с Мартыном проделывали путь в Смольный, Эркварт и Бричко вслед за Пальчинским вернулись в штаб округа.

В приемной штаба журналисты увидели небольшую группу офицеров, сбежавших из своих полков. Они явились сюда, чтобы предложить воинские услуги Временному правительству.

Просят оружия, просят любых поручений, инструкций. Не могут добиться ни того, ни другого, ни третьего, хотя оружия, например, тут в изобилии: несколько тысяч револьверов.

Дверь, ведущая в кабинет командующего, открыта. За центральным столом сидит полковник Полковников — почему-то в фуражке, с шашкой через плечо. Сбоку от него, приложив руку к щеке (зубы болят...), — гене-

рал-квартирмейстер Пораделов; Бричко называет Эркварту фамилии всех их.

— У, дьявол!.. Они не принимают никаких решений! Они тряпки!

Вбегают запыхавшийся, растерянный юнкер:

— Господин полковник! Броневики снялись! Уезжают!

Через несколько минут другой:

— Господин полковник! Красногвардейцы захватили у моста наши орудия! Уводят орудия!..

Пораделов разводит руками.

— Господи, вот беда...

Полковников угрюмо молчит и курит папиросу за папиросой. Длинное некрасивое лицо его с болезненной, землистой кожей судорожно дергается по временам. Молчит...

Бегут минуты, тают силы, убывают энергия и решимость военных слуг Временного правительства. Эркварт сердито вспоминает все обещания Керенского, данные им лишь сутки назад послу Англии: «Огнем и мечом я их!..» Так ли? Эти русские — сумасшедшие, право...

Даже всезнающий Бричко не знал, что, покуда он шел сюда из дворца, командующий округом был уже отставлен приказом Керенского. Отставка эта — результат совещания Кишкина с обоими Петрами.

Полковников даже не сдавал дел: он просто вышел из-за стола и освободил кресло своему преемнику — генералу Багратуни. Тот вошел в столь знакомый кабинет, в котором до сих пор еще висела позолоченная, но пустая рама от портрета Николая I, и вздохнул протяжно.

— Да-а... Не Багратион, а всего лишь Багратуни,— отозвался о нем Бричко.

У генерала Багратуни мягкий голос певца, вкрадчивая походка, осторожные движения, черные, сладкие, восточные глаза. Он обладает большим спокойствием и несомненной внешней выдержкой. «Возможно, этот человек справится с создавшимся положением»,— телефонизирует Эркварт в посольство и просит тотчас же направить телеграфом его сегодняшнюю вечернюю корреспонденцию о последних русских новостях в «Таймс».

Через двадцать минут он снова связался с посольством: сюда, в штаб, приезжал сам генерал Алексеев! Увы, ничего не вышло, передайте об этом послу и пошлите дополнительную телеграмму в Лондон!

Отстраненный в октябре от всех дел упрямый защитник Корнилова — генерал Алексеев, недавний начальник штаба верховного главнокомандующего русской армии, явился сегодня в резиденцию командующего округом. Он спросил, как и когда («Необходимо срочно, господин дежурный офицер!») он может повидать Керенского или другое правительственное лицо, могущее заменить министра-председателя? Ему сказали, что только что прибыл сюда из дворца генерал-губернатор с чрезвычайными полномочиями...

— Кто, позвольте узнать?

— Кишкин, ваше высокопревосходительство... Сейчас же будет о вас доложено.

Дежурный офицер кинулся куда-то по коридору, расталкивая всех собравшихся здесь штабс-капитанов, ротмистров, поручиков, прапорщиков.

Знаменитый большелобый старик генерал, с глубоко запавшими глазами (издали глазницы его казались ямами) и с детства, вероятно, нахохлившимися белыми бровями, одним молчаливым присутствием своим действовал на всех.

Старшие и младшие офицеры и даже на что уж наглые, беспардонные штабные писаря вытянулись перед ним. На миг обаяние славы и боевого авторитета, старый, полузабытый за последнее время гипноз военной дисциплины сковал и словно укрепил этих людей, — наблюдает их

Эркварт. Даже развязный Бричко переходит на полусшепот. Его справка сейчас коротка, скромна и совсем не сенсационна:

— Полтора года назад женил сына во фронтовой обстановке. Получал специальное разрешение царя съездить на свадьбу.

Генерала Алексеева пригласили к «диктатору». Не прошло и десяти минут, как он появился вновь и стал спускаться неверной походкой по лестнице. Офицеры бросились за ним. Они не смели спрашивать, но они молчаливо вопрошали. Генерал понял их и отрицательно покачал головой.

Отъезд Алексеева послужил вдруг сигналом к настоящему бегству. Схлынула толпа офицеров, стали, как ни странно, исчезать писаря и некоторые из тех офицеров, которые занимали постоянные должности в штабе. Стоя на верхней площадке лестницы, Эркварт видел, как торопливо в вестибюле они натягивали на себя шинели. Он тоже вышел на улицу.

Юнкера, охранявшие дворец, наспех заканчивали постройку баррикад из поленьев.

Площадь пуста. Фонари у Александровской колонны погашены.

Небо, пасмурное весь день, очистилось на короткое время от туч. Заблестели звезды.

(Окончание следует)

ЯРОСЛАВ СМЕЛЯКОВ

★

ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ

ШЕСТИДЮЙМОВКА «АВРОРЫ»

Зимним утром, неспешно и праздно,
и не весел и вроде не зол,
размышляя о мелочи разной,
я вдоль невского берега шел.

И как раз в эту самую пору —
я узнал ее всем существом! —
мне впервые явилась «Аврора»
в неподвижном величье своем.

...По-граждански нескладно одетый,
замирая от счастья тайком,
шел я тихо по палубе этой,
запорошенной мирным снежком.

И потом, оглянувшись неловко,
в тишине, словно мальчик какой,
легендарной той шестидюймовки
я несмело коснулся рукой.

Сразу пальцы недвижимыми стали,
я не смог их тогда развести:
ощущение бури и стали
я унес осторожно в горсти.

Что мне мелкие счастье и горе,
что с того, что сутулиться стал,
если я на самой на «Авроре»,
озаренный и бледный, стоял!

И меня через доли и горы
по дорогам далеким
ведет
указующий палец «Авроры»,
устремленный — все время! — вперед.

ДАЕШЬ!

Купив на попутном вокзале
все краски, что были, подряд,
два друга всю ночь рисовали,
пристроясь на полке, плакат.

И сами потом восхищенно,
как знамя пути своего,
снаружи на стенке вагона
приладили молча его.

Плакат удался, в самом деле.
Мне были как раз по нутру
на фоне тайги и метели
два слова: «Даешь Ангару!»

Пускай, у вагона помешкав,
всего не умея постичь,
зеваки глазают с усмешкой
на этот пронзительный клич.

Ведь это ж не им на потеху
по дальним дорогам страны
сюда докатилось, как эхо,
словечко гражданской войны.

Мне смысл его дорог ядерный,
желанна его красота.
От этого слова бароны
бежали, как черт от креста.

Ты сильно его понимала,
тридцатых годов молодежь,
когда беззаветно орала
на митингах наших: «Даешь!»

Винтовка, кумач и лопата
живут в этом слове большом.
Ну что ж, что оно грубовато, —
мы в грубое время живем.

Я против словечек соленых,
но рад побрататься с таким:
ведь мы-то совсем не в салонах
историю нашу творим.

Ведь мы и доньне, однако,
живем, ни черта не боясь.
Под тем восклицательным знаком
Советская власть родилась!

...Наш поезд все катит и катит,
с дороги его не свернешь.
И ночью горит на плакате
воскресшее слово — «Даешь!».

БЕЗБИЛЕТНЫЙ

Шел поезд чуть ли не неделю.
За этот долгий срок к нему
привыкнуть все уже успели,
как к общежитью своему.

Уже опрятные хозяйки,
освоюсь с поездом сполна,
стирали в раковинах майки
и вышивали у окна.

Уже, как важная примета
организации своей,
была прибита стенгазета
в простенке около дверей.

Тут свой устав, свои словечки,
свой немудреный обиход.
И словно где-то на крылечке,
толпился в тамбуре народ.

Сюда ребята выходили
вести солидный разговор
о том, что видели, как жили,
да жечь нещадно «Беломор».

Здесь пели плотные подружки,
держась за поручни с бочков,
самозабвенные частушки
под дробь высоких каблучков.

Конечно, это вам не в зале,
где трубы медные ревут:
они не очень-то плясали,
а лишь приплясывали тут.

(Видать, еще не раз с тоскою
парнишкам в праздничные дни
в фабричном клубе под Москвою
со вздохом вспомнятся они.)

...Как раз вот тут-то между нами,
весь в угле с головы до ног,
блестя счастливыми белками,
возник внезапно паренек.

Словечко вставлено не зря же —
я к оговоркам не привык:
он не вошел, не влез и даже
не появился, а возник.

И потеснился робко в угол.
Как надо думать, оттого,
что в толчее мельчайший уголь
с одежды сыпался его.

Через минуту, к общей чести,
все угадали без труда:

он тоже ехал с нами вместе
на Ангару, в Сибирь, туда.

Но только в виде подготовки
бесед пока не посещал
и никакой такой путевки
ни от кого не получал.

И на разубранном вокзале
сквозь полусвет и полутьму
его друзья не целовали,
и туша не было ему.

Какой уж разговор об этом!
Зачем лукавить и ханжить?
Он даже дальнего билета
не мог по бедности купить.

И просто ехал верным курсом
на крыше, в угольной пыли,—
то ль из орловской, то ль из курской,
мне не запомнилось, земли.

В таком пути трудов немало.
Не раз на станции большой
его милиция снимала
и отпускала: бог с тобой.

И он, чужих чураясь взглядов,
сторонкой обходя вокзал,
как будто это так и надо,
опять на крышу залезал.

И снова на железной койке
дышал осадками тепла.
Его на Север жажда стройки
как одержимого влекла.

Одним желанием объятый,
одним движением томим...
Так снилась в юности когда-то
Магнитка сверстникам моим.

В его глазах, таких открытых,
как утром летнее окно, —
ни зависти и ни обиды,
а дружелюбие одно.

И никакого беспокойства,
и от расчета — ничего.
Лишь ожидание геройства
и обещание его.

ПАРУИР СЕВАК

★

ОКТЯБРЮ, ЮНОШЕ В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ!

Сорок
лет —
это зрелости возраст,
когда
        виски покрываются сединой...
А ты, Октябрь, для истории —
просто
        парень,
пытливый и озорной.

И ради себя,
ради будущей жизни, —
на месяц,
        на час,
                на минуту хотя б, —
во имя того,
для чего ты свершился,
историей
не становись ты,
Октябрь!

Не будь ты картинкой
                        в учебниках древних!
Ты ведь
        живительный воздух для поля,
ты —
кровь для сердец,
и сок
        для деревьев.
Ты — воздух
        для мира.
А мир еще болен!

Октябрь!
Ты не только салатов звучанье,
не только
парадов чеканная сила...
давай отмечать тебя,
как отмечают
рождение

Живет в нем
суровый кронштадтский «братишка»
в тот день —
в день
твоего
рождения!

Октябрь,
с днем рождения!
Победой
    увенчанный,
живи
год от года
просторнее!
Расти,
как восстанье!
Будь вечен,
    как вечны
народы,
надежды,
история...

С днем рождения,
Октябрь!

*Перевел с армянского
Р. Рождественский.*

ИРЖИ ТАУФЕР

★

КОГДА

Лицо убийцы-врага
Костоедой задето.
Гонит его собачья нога
Пистолета.

Будет день —
Барабаны
вспоминанья генералов разбудят...

Где потом силы найдем мы
для смеха такого,

Когда не будет,
Когда не будет пулеметов, останутся целлулоидные погремушки,
Когда не будет колючей проволоки — только сетки для кортов,
Когда не будет прожекторов — только кино под чистым небом,
Когда не будет гранат разрывных — только гранатовые

ожерелья,
Когда не будет и парашютов — будут зонты кафе и зеленщиц,
Когда крупновские заводы будут извергать зажигалки и
безопасные бритвы,

Когда не будет военных парадов — только коляски с детьми
у ворот Бранденбургских,
Когда не будут гудеть в темноте города, как обманутые сирены,
Когда затемнять будем комнаты, только чтоб вспыхнул свет
на экране,

Когда будут подводные лодки
«Двадцать миль под водой» демонстрировать детям,
Когда, словно Аленушка с Иванушкой,
Свобода и Человек соединятся навеки,—

И все-таки
всегда
в стихах, на картинах, в песнях
будут с будущим дружными

Ленин,
«Аврора»,
Октябрь,
Мужчины и женщины с ружьями.

Прочь церковные мысли,
Прочь всех сивилл пророчества!
Вйна идиллии

До уксуса скисли,
Вытекли дочиста.

На черные тропы страдания
разложены наши года.

Но когда —

Когда карта мира будет проекту новостройки подобна,
Со столовой, с театром и залом для лекций удобным,
Когда правнуки будут спрашивать нас: что такое «солдат»?
Когда в словарях слово «пушка» будут искать между «палкой»
и «самолетом»,

Когда слово «мина» будут путать с плохим выраженьем лица,
Когда забудутся танки, останутся танцы,
Когда не будет маршей военных, будут только веселые вальсы,
Когда не будут гореть города —

только домны, влюбленные и
огоньки сигарет,

Когда будут цветами бомбить города в майский день самолеты
И бутон, оторвавшись от розы,

Когда Марн, и Верден, и Ипр не будет,
Когда «Ясная Поляна» засияет еще ясней,

Когда с именем «Гитлер» люди в истории встретятся,
как туристы с глупой мазней на камнях,
Когда пленных не будет

и поработителей тоже,

Когда дети будут спать безмятежно, под подушками ручки,—
Все-таки

всегда

в стихах, на картинах и в песнях

будут с будущим дружными

Ленин,
«Аврора»,
Октябрь,
Мужчины и женщины с ружьями.

Слова — пчелиный рой,
Надежды мед нам нужен.
Прицелься — и крой
Стихом — своим оружием.

Чаще, чем прежде,
Размыслений страда
Над песенником надежды,
Над словом «когда».

Когда будем славить мы годовщину последнего мира,
Когда не будет противогазов, а только маски для хирургов
и маскарадов,

Когда не будет атомных бомб, а одни шоколадные бомбы,
Когда поэты объявят мобилизацию

для завоевания новых
рифм на земле,

Когда не будут укрытия бомбами взрыты,
А будут падать только метеориты,

Когда Парижская Божья мать встретится с Василием
Блаженным в метрике атеиста,
Когда не будет в нашей памяти скорби и ужасов наших,
Когда время сотрет все, как старое письмо,
написанное мягким карандашом,—

Все-таки

всегда

в стихах, на картинах и в песнях

будут с будущим дружными

Ленин,
«Аврора»,
Октябрь,

Мужчины и женщины с ружьями.

Перевел с чешского Мих. Луконин.

СОРОК ЛЕТ НАЗАД

Петроград, 24—25 октября 1917 года

Хроника двух дней

Революцией двадцать четвертого—двадцать пятого октября назвал Великий Октябрь В. И. Ленин.

От начала вооруженного восстания в Петрограде до его завершения, с утра 24 до рассвета 26 октября 1917 года, прошло всего-навсего сорок восемь часов. Но эти часы изменили ход всей истории мира, и человечество вступило в новую эру, эру социализма.

В 1919 году, когда вышел в свет первый том «Записок о революции» Н. Суханова, Владимир Ильич с большим интересом тотчас же прочел объемистую книгу и сказал В. Д. Бонч-Бруевичу:

— Смотрите, вот какой огромный том написал Суханов о первых четырех днях Февральской революции. А об Октябрьской будут писать еще больше: некоторые дни будут изучать каждые полчаса и подробно писать о тех событиях, которые тут совершались. Необходимо, чтобы ее участники начали бы записывать каждый все то, что он знает...

Накопилась огромная историко-революционная мемуарная и документальная литература. Множество интереснейших деталей, в которых, как соленье в малой капле вод, отражены великие процессы, происходившие в стране в семнадцатом году, разбросано по различным изданиям, за давностью подчас забытым. Далеко еще не полностью использованы архивные фонды. А сколько ценнейших фактов могут припомнить участники Октября!

Все это предоставляет историкам и литераторам широкие возможности для создания таких монографий об Октябрьской революции, которые—шаг за шагом, минута за минутой—восстановили бы события тех незабываемых дней.

Предлагаемый вниманию читателей литературный монтаж материалов, извлеченных из самых разнообразных источников, разумеется, не может претендовать на сколько-нибудь глубокое и исчерпывающее освещение Октябрьского восстания в Петрограде. Цель его—дать некоторое представление о ходе исторических событий в течение 24—25 октября, час за часом...

24 октября

События начались ранним утром.

Около 5 часов состоялось заседание Петербургского Комитета партии большевиков с участием партийного актива столицы. Обсуждался лишь один главный вопрос—«Текущий момент в связи с политикой Временного правительства за последние дни». Была принята такая резолюция:

«Петербургский Комитет считает необходимой задачей всех сил революции—немедленное свержение правительства и передачу власти Советам рабочих и солдатских депутатов как в центре, так и на местах. Для выполнения этой задачи Петербургский Комитет считает необходимым перейти в наступление всей организованной силой революции, без малейшего промедления, не дожидаясь, пока активность контрреволюции не уменьшит шанса нашей победы».

Временное правительство попыталось лишить большевиков такого сильного оружия, как печать.

В 5 часов 30 минут в типографию газеты «Рабочий путь» (под таким названием тогда выходила «Правда»)

«...явился комиссар 3-го Рождественского района с отрядом юнкеров 2-ой Ораниенбаумской школы. Окружив все входы и выходы, комиссар предъявил выпускающему ордер Полковникова, главнокомандующего Петроградским округом, о немедленном закрытии газет «Рабочий путь» и «Солдат», а также типографии. Выпускающий на это ответил, что он не признает никаких указов, откуда бы они ни исходили, без санкции Военно-революционного комитета при Петроградском Совете Рабочих и Солдатских депутатов, и от принятия ордера отказался, о чем был составлен протокол. Газета все же была закрыта. Стереотипные отливы разбили, типографию опечатали и часть газет, уже отпечатанных, увезли в комиссариат».

Часом позже, в 6 часов 30 минут утра, по сообщению того же «Рабочего пути»,

«...в помещение типографии газеты «Копейка» явился инспектор милиции вместе с семью милиционерами; наложив арест на газету «Рабочий и солдат» и три прокламации Военно-революционного комитета, наряд тотчас же приступил к разбитию стереотипов. Ему удалось разбить только один стереотип. Рабочие, сплотившись вокруг своих представителей, вместе с двумя матросами немедленно отбили нагруженный газетами автомобиль. Среди милиционеров произошел раскол. Часть присоединилась к рабочим. В сопровождении отложившихся от Временного правительства милиционеров газеты были доставлены благополучно в Смольный институт. Шофер покинул инспектора милиции, и он еле унес ноги, вскочив в автомобиль и уехав восвояси. Администрация «Копейки» передала управление типографией совету старост рабочих, а Военно-революционный комитет немедленно послал охрану из двух взводов Преображенского полка. Порядок больше никем не нарушался».

Около 8 часов утра на заседании Временного правительства, объявленном непрерывным, был принят указ Сенату, возлагавший на члена Временного правительства кадета Кишкина

«исключительные полномочия по введению порядка в столице и защите Петрограда от всех анархических выступлений, откуда бы они ни исходили, с подчинением ему военных и гражданских властей».

Утром состоялось очередное заседание Центрального Комитета партии. В связи с закрытием большевистской газеты «Рабочий путь» Временным правительством Центральный Комитет постановил:

«Немедленно же отправить в типографию охрану и озаботиться своевременным выпуском очередного номера газеты».

Во исполнение этого указания Военно-революционный комитет принял такое постановление:

«Две революционные газеты — «Рабочий путь» и «Солдат» закрыты заговорщиками штаба. Совет Рабочих и Солдатских депутатов не может потерпеть удушения свободного слова.

За народом, отражающим атаку погромщиков, должна быть обеспечена честная печать.

Военно-революционный комитет постановляет:

1. Типографии революционных газет открыть.
2. Предложить редакциям и наборщикам продолжать выпуск газет.
3. Почетная обязанность охранения революционных типографий от контрреволюционных покушений возлагается на доблестных солдат Литовского полка и 6-го запасного саперного батальона».

10 часов утра. К типографии «Рабочий путь» подошли отряды Военно-революционного комитета. Они оттеснили охрану Временного правительства. Работа редакции «Рабочий путь» возобновилась.

11 часов утра. Вышел очередной номер газеты «Рабочий путь», в котором рабочие, солдаты, крестьяне и все трудящиеся призывались к свер-

жению Временного правительства и установлению власти Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов.

План вооруженного восстания был разработан большевиками в полном соответствии с указаниями Ленина и предусматривал внезапный удар по врагу, захват важнейших стратегических пунктов — телефона, телеграфа, вокзалов и т. д., окружение и взятие Зимнего дворца, арест Временного правительства.

Д н е м Военно-революционный комитет объявил через радиостанцию крейсера «Аврора» приказ, в котором указывалось:

- «1. Гарнизон, охраняющий подступы к Петрограду, должен быть в полной боевой готовности.
2. На вокзалах должна быть усиленная охрана.
3. Не допускать в Петроград ни одной войсковой части, о которой не было бы известно, какое положение приняла она по отношению к нынешним событиям...»

На улицах было расклеено воззвание Военно-революционного комитета:

«Солдаты! Рабочие! Граждане!

Враги народа перешли ночью в наступление. Штабные корниловцы пытаются стянуть из окрестностей юнкеров и ударные батальоны.

...Замышляется предательский удар против Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов...

Контрреволюция подняла свою преступную голову.

Всем завоеваниям и надеждам солдат, рабочих и крестьян грозит великая опасность. Но силы революции неизмеримо превышают силы ее врагов.

Дело народа в твердых руках. Заговорщики будут сокрушены.

Никаких колебаний и сомнений. Твердость, стойкость, выдержка, решительность.

Да здравствует революция!»

2 ч а с а д н я. К секретарю большевистской фракции Второго Всероссийского съезда Советов обратился Ф. Э. Дзержинский. В своих воспоминаниях С. И. Пестковский пишет:

«...В самый разгар записи во фракцию новоприбывших делегатов на съезд ко мне подбежал тов. Дзержинский с бумажкой в руках:

— Вам вместе с товарищем Лещинским предписывается занять Главный телеграф. Вот мандат Военно-революционного комитета, которым вы назначаетесь комиссаром телеграфа. Отправляйтесь сейчас.

— Каким образом занять телеграф? — спросил я.

— Там караул занимает Кексгольмский полк, который на нашей стороне, — ответил Дзержинский.

Больше я не спрашивал. Задача казалась мне сначала не весьма трудной, так как я являлся руководителем нашей питерской почтово-телеграфной ячейки и знал почти всех наших большевиков. Я отыскал тов. Лещинского, и мы отправились вдвоем. Ни у кого из нас не было револьвера. Когда мы селись в автомобиль, у нас обоих возникло в душе странное, мучительное напряжение: вот оно, жданное десятилетиями решительное выступление пролетариата».

Н а ч а л о т р е т ь е г о ч а с а д н я. Командующий Петроградским военным округом предписал в экстренном порядке развести все мосты. Газета «Рабочий путь» сообщала:

«Городской инженер, заведующий мостами, приступил к разводке, но встретился с серьезными препятствиями со стороны красногвардейцев, установивших сторожевые посты у мостов. Разводка мостов не была ими допущена. Ввиду этого городское общественное управление обратилось с просьбой прислать воинские наряды для удаления Красной гвардии».

4 часа дня. По сообщению «Рабочего пути», самокатчики, охранявшие Зимний дворец с июля,

«снялись с караула и заявили, что далее нести охрану дворца не будут».

Около пяти часов вечера представители Военно-революционного комитета явились на телеграф. С. И. Пестковский рассказывает:

«Мы втроем, в сопровождении начальника караула, вошли в главный зал телеграфа, подошли к находящемуся там председателю союза почтово-телеграфных служащих г-ну Кингу (правый эсер) и объявили ему, что занимаем телеграф. Кинг заявил нам, что выставит нас за дверь. Тогда т. Любович вызвал двух кексгольмцев и поставил их около коммутатора. Среди женщин, служащих телеграфа, начался визг и переполох. Представители «комитета», посоветовавшись между собой, пошли на компромисс: они согласились на то, чтобы «в зале сидел комиссар» при условии, если мы выведем солдат из зала.

Мы согласились. Я «засел» на телеграфе, Любович ушел «укрепить» караул...»

В 6—7 часов в Васильевском, Нарвском, Первом и Втором городских районах проходят районные партийные собрания большевиков. Обсуждаются вопросы вооруженного восстания.

К 7 часам отряды Красной гвардии заняли все мосты, кроме Николаевского. ВРК передал крейсеру «Аврора» приказ: «Всеми имеющимися в вашем распоряжении средствами восстановить движение по Николаевскому мосту». Командир крейсера, отказавшийся вести корабль от Франко-Русского завода к Николаевскому мосту, был арестован. Крейсер подошел к мосту. Юнкера отступили. Моряки свели мост.

Вечером Ленин направил М. В. Фофанову, на конспиративной квартире которой он скрывался от ищеек Керенского, в Выборгский комитет со своей запиской, в которой настаивал, чтобы Центральный Комитет партии разрешил ему явиться в Смольный для непосредственного руководства восстанием. Напутствуя М. В. Фофанову, Владимир Ильич говорил ей:

«— Спросите у них твердо: почему они не хотят, чего они боятся?.. Почему мне нельзя выходить?»

Центральный Комитет, опасаясь за жизнь Ленина, не разрешил ему покинуть конспиративную квартиру.

В 9 часов вечера Владимир Ильич снова отправил М. В. Фофанову в Выборгский комитет, на этот раз со своим «Письмом к членам ЦК», призывающим к немедленному вооруженному восстанию. М. В. Фофанова вспоминает:

«Было, наверно, уже часов 9 вечера... Ильич с нетерпением поглядывал на часы, снова и снова доставая их из кармана жилетки. В третий раз отправляя меня в Выборгский комитет, Ленин с нескрываемым волнением твердил:

— Нельзя ждать. Можно потерять все! Ведь Подвойский мне позавчера сказал, что у них в распоряжении есть такой-то и такой-то полки. Вы спросите, есть ли у них сто верных солдат со штыками или сотня красногвардейцев с винтовками?

Я отвезла письмо членам ЦК, которое сжато и точно определяло момент выступления».

Вот о чем писал Ленин членам Центрального Комитета в этом историческом документе:

«Товарищи!

Я пишу эти строки вечером 24-го, положение донельзя критическое. Яснее ясно, что теперь, уже поистине, промедление в восстании смерти подобно.

Изо всех сил убеждаю товарищей, что теперь все висит на волоске, что на очереди стоят вопросы, которые не совещаниями решаются, не съездами (хотя бы даже съездами Советов), а исключительно народами, массой, борьбой вооруженных масс.

...Надо, во что бы то ни стало, сегодня вечером, сегодня ночью арестовать правительство, обезоружив (победив, если будут сопротивляться) юнкеров и т. д.

Нельзя ждать! Можно потерять все!

...История не простит промедления революционерам, которые могли победить сегодня (и наверняка победят сегодня), рискуя терять много завтра, рискуя потерять все.

...Правительство колеблется. Надо добить его во что бы то ни стало! Промедление в выступлении смерти подобно».

9 часов в 45 минут. В штаб командующего Балтфлотом прибыли три комиссара Центрального Комитета Балтийского флота с предписанием «срочно дать распоряжение выйти в Петроград миноносцам «Забияка», «Страшный» и «Меткий». Несколько ранее Центробалт непосредственно предложил командиру «Самсона» отправиться в Петроград.

В 10 часов вечера сторонники Временного правительства с упорством обреченных попытались снова закрыть большевистскую газету «Рабочий путь». Комиссар милиции 2-го Выборгского подрайона рапортовал начальнику Петроградской городской милиции:

«В 22 часа 24 октября в помещение клуба «Свободный разум», принадлежащего рабочим завода «Нобель», помещающегося по Финляндскому проспекту, д. 6, явился подполковник в сопровождении 13 юнкеров, потребовал заведующего клубом и задал вопрос, где находится редактор «Рабочего пути». Ввиду резко предложенного вопроса подполковником заведующий клубом сообщил Совету рабочих и солдатских депутатов, члены которого, прибыв в клуб с помощью Красной гвардии, обезоружили юнкеров во главе с подполковником... Вышеозначенные юнкера прибыли на 4-х автомобилях, которые задержаны Советом».

10 часов 50 минут вечера. Владимир Ильич обещал ждать М. В. Фофанову с ответом до 11 часов. Но он ушел вместе с Эйно Рахья в Смольный до установленного им срока. М. В. Фофанова рассказывает:

«Я приехала за 10 минут до срока, назначенного Ильичем.

Открываю дверь, — темно. Как на грех, куда-то запропастились спички. Наконец нашла коробок, зажгла в кухне лампу. Зашла в столовую. Когда я прикоснулась к стеклу лампы, висевшей над столом, оно было еще горячим. Подошла к комнате Ильича. Из щелей не пробивался, как обычно, свет. Неужели ушел? Открыла дверь — на вешалке нет пальто. Я вернулась в столовую. Глубокая тарелка отодвинута, в ней узенькая, длинная записка: «Ушел туда, куда вы не хотели, чтобы я уходил. До свидания». И подпись — «Ильич». Записка сначала меня удивила, а потом обрадовала. Если, уходя из конспиративной квартиры, Ленин подписался своим именем, значит, он был уверен в успехе задуманного...

25-го я поехала в Смольный и не уходила оттуда три дня подряд. Мельком увидев Ильича, упрекнула его:

— Как же это вы ушли раньше времени?

Ильич хитро прищурился и ответил:

— И сколько вы еще будете помнить об этих десяти минутах?..»

Итак, Ленин, сопровождаемый Эйно Рахья, отправился из конспиративной квартиры М. В. Фофановой в Смольный. Н. И. Подвойский так описывает его приход в Военно-революционный комитет:

«Было уже совсем темно, когда заgrimированный Ленин вместе с товарищем Рахья шел по застывшим в ожидании чего-то улицам Питера. Ленин был поражен тем, что почти всюду его останавливали наши патрули — красногвардейцы, моряки, революционные солдаты. Лишь изредка встречались патрули юнкеров.

— Я не думал, что у них (то есть у Временного правительства) все так гнило, — сказал он своему спутнику.

Подожли к Смольному. Но и Смольный не узнать. Во всех окнах огни, во дворе броневика, у входа на постах часовые. Тут же поодаль горят костры, около них греются солдаты, матросы, красногвардейцы, сменные с постов. Везде вооруженные люди. Все в движении, словно в огромном муравейнике. В ворота въезжают грузовые машины, доверху нагруженные винтовками, патронами, пулеметами. Их тут же разбирают районы, заводы для вооружения рабочих.

В маленькой клетушке, у висящего на стене плана города Петрограда — Антонов-Овсеенко, Чудновский и я. Мы ставим последние кресты на план города, знаки тех ударов, которые в первую, вторую и третью очередь должны быть нанесены по силам контрреволюции. Мы так поглощены расстановкой флажков, что не заметили, как в нашу комнату вошел Владимир Ильич. Трудно передать наше волнение и радость, когда мы увидели Ленина. У меня было огромное желание познакомиться с тем, что мы тут наметили, и спросить, как он оценивает наш план, но Владимир Ильич кого-то, видимо, искал. Он только многозначительно взглянул на нас, как бы желая сказать:

— Ну вот и наступил этот час... последний час буржуазии.

Через связанных мы сейчас же дали знать во все полки, на все заводы, что восстанием непосредственно руководит Ленин, что он уже в Смольном и взял в свои руки бразды правления. И со всех сторон Петрограда к Ленину потянулись руководители красногвардейских отрядов, восставших частей: всем хотелось убедиться в том, что Ленин с нами, услышать указания от него самого».

11 часом. В Зимнем началось заседание Временного правительства. Комиссар градоначальства эсер Роговский доложил о приближении войск Военно-революционного комитета к дворцу. Керенский и Коновалов бросились в штаб округа. Там они убедились в полной растерянности командующего Петроградским военным округом Полковникова. Приказания его не исполнялись. Войска подчинялись только ВРК.

Военно-революционный комитет приказал Главному штабу Красной гвардии мобилизовать все силы, двинуть к Смольному отряды в полторы—две тысячи человек, мобилизовать весь транспорт, организовать охрану фабрик и заводов, захватить правительственные учреждения.

В это же время к Керенскому является во главе с меньшевистским лидером Даном делегация «социалистических групп Совета Республики». Происходит, как описывал Керенский в своих мемуарах,

«достаточно бурное объяснение по поводу принятой наконец левым большинством Совета Республики резолюции по поводу восстания, которую я требовал утром. Резолюция, уже никому тогда не нужная, бесконечно длинная, запутанная, обыкновенным смертным мало понятная, в существе своем, если прямо не отказала правительству в доверии и поддержке, то во всяком случае совершенно недвусмысленно отделяла левое большинство Совета Республики от правительства и его борьбы. Возмущенный, я заявил, что после такой резолюции правительство завтра же утром подаст в отставку; что авторы этой резолюции и голосовавшие за нее должны взять на себя всю ответственность за события, хотя, по-видимому, они о них имеют очень малое представление... Для полноты картины нужно добавить, что как раз в то время, когда мне делалось это замечательное сообщение, вооруженные отряды Красной гвардии занимали одно за другим правительственные здания. А почти сейчас же по окончании этой беседы, на Миллионной улице по пути домой с заседания Временного правительства был арестован министр вероисповеданий Карташев и ответен в Смольный, куда отправились и члены бывшей у меня делегации вести мирные беседы с большевиками. Нужно признать, большевики действовали тогда с большой энергией и не меньшим искусством...»

12 часов ночи. Центробалт, находившийся в Гельсингфорсе, получил от Я. М. Свердлова телеграмму: «Центробалт — Высылай устав», что означало требование отправить в Петроград миноносцы, крейсера и отряд в 5—6 тысяч матросов. Из Центробалта ответили: «На рассвете выйдут миноносцы, боевые роты отправлены для погрузки».

25 октября

Наступает великий победоносный день социалистической революции. Первый час ночи. Керенского посещает делегация расквартированных в Петрограде казачьих полков и заверяет «главковерха» в своей верности. Временному правительству.

«В этот момент... — пишет Керенский, — у меня не было ни малейших сомнений в том, что эти три казачьих донских полка не нарушат своей присяги, и я немедленно послал одного из моих адъютантов в штаб сообщить, что можно вполне рассчитывать на казаков.

Как утром, в Совете Республики, я еще раз жестоко ошибся. Я не знал, что пока я разговаривал с делегатами от полков, Совет казачьих войск, заседавший всю ночь, решительно высказался за невмешательство казаков в борьбу Временного правительства с восставшими большевиками...»

15 минут первого. Командующий Петроградским военным округом Полковников телеграфирует в Ставку главкома:

«Доношу, что положение в Петрограде угрожающее. Уличных выступлений, беспорядков нет, но идет планомерный захват учреждений, вокзалов, аресты. Никакие приказы не выполняются. Юнкера сдают караулы без сопротивления. Казаки, несмотря на ряд приказаний, до сих пор из своих казарм не выступали.

Сознавая всю ответственность перед страной, доношу, что Временное правительство подвергается опасности потерять власть, причем нет никаких гарантий, что не будет попытки к захвату Временного правительства...»

Около часа ночи комендант Смольного Ф. Э. Дзержинский вызвал командира красногвардейской дружины Путиловского завода И. Ф. Еремеева и приказал ему возглавить караул у кабинета, в котором уже работал Ленин. И. Ф. Еремеев рассказывает:

«Один из дежурных по караулу, которому было поручено организовать охрану Ленина, долго инструктировал меня: кого можно к Владимиру Ильичу пропускать, а кого нельзя, и как себя должны вести часовые. Он напомнил, чтобы часовой не стучал каблуками или прикладом винтовки, чтобы никто у двери громко не разговаривал, ведь Ленин очень занят и его не надо беспокоить.

Впрочем, весь этот инструктаж был ни к чему. У Владимира Ильича всегда были люди, и один он почти не оставался. Спать ложился Ильич только утром, часов в шесть, а в десять был уже снова на ногах».

2 часа ночи. Комиссар, назначенный ВРК, явился на электростанцию Общества 1886 года. Рабочие радушно приняли комиссара. Работа станции продолжалась бесперебойно. По распоряжению ВРК выключен свет во всех учреждениях Временного правительства. Войсками ВРК заняты Балтийский и Николаевский (Московский) вокзалы. Матросы и солдаты Кексгольмского полка взяли Главный почтамт.

Начальник штаба Петроградского военного округа генерал Багратуни приказывает от имени Керенского:

«...Идущие в Петроград с фронта эшелоны войск направлять в Петроград вне всякой очереди, прекратив, если надо, пассажирское движение».

К Керенскому является Полковников. Он предлагает, писал Керенский,

«...организовать силами всех оставшихся верными Временному правительству войск, в том числе и казаков, экспедицию для захвата Смольного института — штаб-квартиры большевиков. Этот план получил сейчас же мое утверждение и я настаивал на его немедленном осуществлении. Во время этого разговора я все с большим вниманием наблюдал за странным и двусмысленным поведением полковника Полковникова, все с большей тщательностью следя за кричащим противоречием между его весьма оптимистическими и успокоительными сообщениями и печальной, известной мне уже, действительностью. Ведь стало более чем очевидно, что все его рапорты последних 10—12 дней о настроениях в войсках, о степени готовности его собственного штаба к решительной борьбе с большевиками — все они были совершенно ни на чем не основаны.

Во время моего совещания с командующим войсками явился Роговский, правительственный комиссар по градоначальству, с чрезвычайно тревожными новостями, ни в чем не совпадавшими с только что мною выслушанными сведениями полковника Полковникова. Между прочим, от Е. Ф. Роговского мы узнали, что значительное количество судов Балтийского флота в боевом порядке вошло в Неву; что некоторые из этих судов поднялись до Николаевского моста; что этот мост в свою очередь занят отрядами восставших, которые уже продвигаются дальше к Дворцовому мосту. Роговский обратил наше особое внимание на то обстоятельство, что большевики осуществляют весь свой план «в полном порядке», не встречая нигде никакого сопротивления со стороны правительственных войск...»

После 2 часов ночи состоялось заседание ЦК РСДРП (б), на котором обсуждался вопрос о составе будущего рабоче-крестьянского правительства, названного Советом Народных Комиссаров.

Около четырех часов утра Джон Рид встретил в вестибюле Смольного Д. Ф. Зорина — большевика, одного из активных участников Октябрьского переворота. Рид пишет:

«За плечами у него была винтовка.

— Мы выступили! — спокойно, но удовлетворенно сказал он мне. — Мы уже арестовали товарища министра юстиции и министра по делам вероисповеданий. Они уже в подвале. Один полк отправился брать телефонную станцию, другой идет на телеграф, третий — на Государственный банк. Красная гвардия вышла на улицу...»

8 часов утра. Из Гельсингфорса в Петроград ушел последний эшелон с революционными матросами. По воспоминаниям председателя Центробалта П. Е. Дыбенко,

«...мимо Центробалта стройно, величаво проходят один за другим миноносцы. На них развеваются красные флаги с надписью: «Вся власть Советам». Команда на уходящих миноносцах и на остающихся кораблях стоит во фронт. Оркестры музыки и громовые раскаты «ура» провожают уходящих в Петроград на борьбу.

С «Республики» и «Петропавловска» звонят по телефону и спрашивают:

— А мы разве не пойдем в Петроград? У нас все готово. Мы ждем приказания.

— Потребуется, и вас пошлем. Пока будьте на страже.

На борту «Полярной звезды» (помещение Центробалта) стоит командующий адмирал Развозов. Обращаюсь к нему:

— Ну что? Теперь поверите?

— Да, это — чудо. Совершается невозможное. При таком рвении и силе желаний за вами обеспечен успех. В таких условиях приятно и служить».

10 часов утра. В. И. Ленин пишет от имени Военно-революционного комитета обращение «К гражданам России!»:

«Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов — Военно-

революционного комитета, стоящего во главе петроградского пролетариата и гарнизона.

Дело, за которое боролся народ: немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством, создание Советского правительства, это дело обеспечено.

Да здравствует революция рабочих, солдат и крестьян!»

10 часов 30 минут. Начальник штаба Петроградского военного округа генерал Багратуни ведет переговоры по прямому проводу с командующим Северным фронтом генералом Черемисовым:

«— Даже наиболее послушные и дисциплинированные части сдают без сопротивления занимаемые ими караулы, — сообщает он. — Идет планомерный захват государственных и общественных учреждений: центральная телефонная станция, государственный банк и другие. Правительство лишено остатков власти, и возможно покушение на захват самого правительства.

— А что делают казаки? — спрашивает Черемисов.

— Казаки в течение целой ночи, несмотря на ряд приказаний, полученных ими, не выходили.

— Откуда не выходили?

— Не выходили из своих казарм.

— Следовательно, они отказываются исполнять ваши приказания?

— До сего времени они не исполнили».

11 часов 30 минут утра. Керенский под благовидным предлогом встречи войск, «верных Временному правительству», удирает из охваченного восстанием Петрограда. Нельзя без отвращения читать полные самой дешевой бравады его воспоминания:

«Я приказал подать мой превосходный открытый дорожный автомобиль... В момент самого выезда ко мне являются представители английского и, насколько помню, американского посольства с заявлением, что представители союзным держав желали, чтобы со мной в дорогу пошел автомобиль под американским флагом. Хотя было более чем очевидно, что американский флаг, в случае неудачи прорыва, не может спасти меня и моих спутников, и даже, наоборот, во время проезда по городу мог бы усилить к нам ненужное совсем внимание, я все-таки с благодарностью принял это предложение как доказательство внимания союзников к русскому правительству и солидарности с ним.

Пожав в последний раз руку Кишкину, взявшему на себя на время моего отсутствия руководство обороной столицы, я с самым беззаботным видом сошел вместе со своими спутниками во двор штаба. Сели в автомобиль... Вся привычная внешность моих ежедневных выездов была соблюдена до мелочей. Сел я, как всегда, на свое место — на правой стороне заднего сиденья, в своем полувойском костюме, к которому так привыкло население и войска... Нечего и говорить, что все на улице — прохожие и солдаты — сейчас же узнали меня. Военные вытягивались, как бы и впрямь ничего не случилось. Я отдавал честь, как всегда... Благополучно проехав через центральные части города, мы, въезжая в рабочие кварталы и приближаясь к Московской заставе, стали развивать скорость и, наконец, помчались с головокружительной быстротой».

Около 12 часов дня генерал Левицкий вызывает к прямому проводу Духонина. Он горестно сообщает:

«Дорогой Николай Николаевич, обстановка ухудшилась. Александр Федорович выехал навстречу самокатным батальонам. Я остался здесь один и буду оставаться, пока меня отсюда не выведут...»

Полдень. Восстание ширится и охватывает всю столицу. Джон Рид вспоминает:

«Когда я вышел на Невский, в Петропавловской крепости грянула полуденная пушка. День был сырой и холодный. Напротив запертых дверей Государ-

ственного банка стояло несколько солдат с винтовками с примкнутыми штыками.

— Вы чьи? — спросил я. — Вы за правительство?

— Нет больше правительства! — с улыбкой ответил солдат. — Слава богу!

Это было все, что мне удалось от него добиться.

По Невскому, как всегда, двигались трамваи. На всех выступающих частях их повисли мужчины, женщины и дети. Магазины были открыты, и вообще улица имела как будто даже более спокойный вид, чем накануне».

12 часов дня. Войска ВРК, подкрепленные броневиком, окружили Мариинский дворец, где заседал Временный Совет Республики. Этому Совету было предложено сдаться.

После полудня состоялись экстренные пленумы районных Советов Петрограда. Сохранился протокол одного из них, Коломенского. Составленный в исторический день пролетарской революции, он воспроизводит такое «распределение револьверов, поступивших в распоряжение районного Совета»:

«Решено отпустить или распределить между следующими организациями: Союз металлистов — 6... РСДРП(б) — 20... Заводской милиции: Франко-Русского завода — 12... Галерного островка — 8... Ново-Адмиралтейского — 5... Остаток — 39 штук (тридцать девять) Районному Совету».

1 час дня. Члены Совета Республики оставили Мариинский дворец. Его заняли матросы гвардейского экипажа вместе с ротой Кексгольмского полка с броневиками и красногвардейцами.

Днем находившийся в Петрограде комиссар при верховном командовании Станкевич телеграфировал Духонину:

«Положение с каждой минутой сложнее. Мариинский дворец занят большевиками. На Неве стоят два крейсера из Кронштадта, попытка занятия нашим караулом телефонной станции при содействии юнкеров окончилась неудачей, так как юнкера были встречены броневиками; в руках правительства лишь центральная часть города, включая штабы и Зимний дворец. Силы правительства — две с половиной школы юнкеров и батарея Михайловского училища и два броневика. Этих сил достаточно, чтобы продержаться 48 часов, но не больше, и нет возможности без помощи извне предпринять какие-либо активные меры...»

Станкевич ненадолго ошибся. Вместо сорока восьми часов история оставила Временному правительству всего-навсего двенадцать.

2 часа дня. Из Кронштадта на помощь петроградскому пролетариату прибыла флотилия с отрядом моряков. Действующий Балтийский флот прислал пять боевых единиц во главе с крейсером «Олег». Их встретил Антонов-Овсеенко и передал распоряжение ВРК участвовать в осаде Зимнего дворца.

2 часа 35 минут. Открывается заседание Петроградского Совета. На нем впервые после июльских дней выступает Ленин. Н. И. Подвойский пишет:

«Когда на трибуне после четырехмесячного перерыва впервые открыто появился Ленин и депутаты снова увидели своего любимого вождя, зал разразился бурными аплодисментами, которые Ильичу долго не удавалось остановить. Стены содрогались от приветственных возгласов и оглушительных рукоплесканий. Все встали с мест. Никогда Ленин не был таким торжественным и взволнованным, как в тот момент.

...Затаив дыхание, слушали Владимира Ильича рабочие, солдаты, матросы. Ленин говорил о том, что составляло самые сокровенные мечты каждого из них — о мире, о земле, об уничтожении кабалы на фабриках и заводах, и вот это уже не мечта, а действительность. Ленин говорит об этом, как о непосредственной задаче сегодняшнего дня.

Каждое его слово расходится широкими кругами в душах слушателей, открывая новые изумительные горизонты.

А в это время войска революции все туже и туже стягивали кольцо вокруг Зимнего, где еще «заседало» Временное правительство. Шли последние приготовления к штурму дворца».

На весь мир прозвучали простые, полные революционной силы вдохновенные слова Ленина:

«— Товарищи! Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась... Отныне наступает новая полоса в истории России, и данная третья русская революция должна в своем конечном итоге привести к победе социализма... В России мы сейчас должны заняться постройкой пролетарского социалистического государства».

З часа дня. С каждой минутой близился штурм Зимнего — последнего оплота Временного правительства. Как вспоминал впоследствии Н. И. Подвойский,

«...в Петропавловской крепости подготовка к бою к пятнадцати часам была закончена. Орудия стояли на своих местах, снаряды были поднесены. С минуты на минуту ожидали решительных распоряжений. Задерживала только «Аврора», ожидавшая подхода кронштадтских моряков. Цепи нервничали. Руководителям восстания приходилось десятки раз бывать на позициях и в каждой цепи доказывать, что задержка происходит потому, что в самом процессе наступления приходится организоваться, накапливать силы, в то же время группируя их, распределяя и перераспределяя».

В 5 часов дня, сообщалось в бюллетене Военно-революционного комитета,

«...моряки, признающие власть Военно-революционного комитета, заняли все мосты и пропускали через них только после опроса проходящих. Было произведено несколько арестов офицеров, принадлежащих к ударным батальонам».

Со всех концов Петрограда в Военно-революционный комитет неслись донесения, сводки о ходе революционных боев.

Вечером с Петроградской стороны сообщали:

«Павловское училище окружено войсками, при училище находятся пулеметы и оружие в большом количестве. Во Владимирском училище было собрание и голосование показало против большевиков 12 человек... Охрана ведется. Заводы и мосты охраняются Красной гвардией».

В свою очередь и Военно-революционный комитет рассылал во все стороны свои боевые приказы. Комиссару 3-го огнехимического батальона Н. И. Подвойский и В. А. Антонов-Овсеенко приказали:

«Юнкеров необходимо разоружить, пользуясь солдатами, при поддержке grenадер (роты) и броневика из Петропавловки. Это предписание передайте комиссару Благодравову... Поспешите с этим делом. У нас все прочно. Позиции усиливаются».

В 6 часов вечера Зимний был уже полностью окружен войсками Военно-революционного комитета. Н. И. Подвойский вспоминал:

«Цепи с каждым часом все ближе и ближе подходили к площади Зимнего дворца и становились все гуще и гуще. К 6 часам Зимний был словно окутан в солдатских цепях. Солдаты и матросы все ближе и ближе подползали к нему цепью, оставляя за собой резервные узлы. Перебежкой они последовательно занимали все исходные для штурма Зимнего углы улиц и прикрытия — по Адмиралтейской и Дворцовой набережным, по Московской улице, Невскому проспекту, Конногвардейскому бульвару. Эти, пересеченные горизонталями, вертикальные радиусы человеческой массы шли от решетки сада Зимнего дворца, находившейся уже в наших руках, от победной арки, замыкающей выход с Морской улицы

на площадь Зимнего дворца, от канавок у Эрмитажа, от головы Александровского сада, выходящего на площадь Зимнего дворца, от углов Адмиралтейства и Невского...

На Миллионной, на набережных, открытых огню, наши солдаты занимали каждую впадину и казались влитыми в гранитные стены.

Везде было напряжение и ожидание великой минуты штурма.

...Меня неоднократно впоследствии просили объяснить, почему мы, имея силы и возможность покончить с Временным правительством уже в 6 часов, сами оттягивали этот конец. Я отвечал:

— Да, положение наше у Зимнего было таково, что стоило приказать «штурмовать», и геройской кровью нескольких сот борцов мы бы завладели дворцом. Но в тот исторический момент каждая капля крови защитника революции превалировала в наших глазах значение и без того уничтожаемого врага. Нашего врага разлагала агитация членов Военной организации и вообще наших сторонников в среде юнкеров и казаков, а также пропущенные нашими сторонниками через потайные ходы группы переодетых матросов и солдат».

Что же в это время происходило в Зимнем?

Около 7 часов вечера Ставка по секретному прямому проводу связалась с Зимним дворцом. Офицер для поручений при Керенском поручик Данилевич доложил генерал-квартирмейстеру Дитерихсу:

«Восставшие захватили Государственный банк, Центральную телефонную станцию, Мариинский дворец, предпарламент был удален. Вечером настроение прогрессирует. Около часу назад захвачен кучкой людей в 50 человек Петроградский штаб. На стороне правительства лишь юнкера и казачий полк, да два орудия Михайловского артиллерийского училища...»

А в Смольном в те же часы Ленин руководит всем ходом восстания. В. Д. Бонч-Бруевич, в те дни председатель Комитета по борьбе с погромами и контрреволюцией, пишет:

«Вот он, первый день Октябрьской революции... Город в волнении... Все чего-то ждут... Смольный кипит народом... Здесь расположился главный штаб большевиков — Военно-революционный комитет. Тут же находился и Владимир Ильич; он приветливо здоровался с проходящими, расспрашивая их о всех событиях дня и более всего о том, что делается там, у Зимнего дворца и на подступах к нему.

Весть о том, что Владимир Ильич в Смольном, быстро разнеслась среди большевиков. Многие хотели его видеть и приходили сюда. В соседнюю комнату стали заглядывать и посторонние. Особенно настойчиво в нее стремились попасть корреспонденты различных газет, в том числе и иностранных, заметившие, очевидно, что именно сюда идет много народа, что здесь действует руководящий центр восстания. Стали заглядывать меньшевики, эсеры и другие нежелательные лица.

Нужно было ввести надежную охрану. В комнате Красной гвардии находилось более пятисот вооруженных самых преданных рабочих. Это были красногвардейцы, в большинстве своем выборжцы. Для охраны решено было отобрать человек семьдесят пять особо надежных. Молодой, лет тридцати, красавец рабочий с вьющимися из-под шапки кудрями, спокойно отдает команду: «Стройся!» Мгновенно все на местах. Тишина: ни шороха, ни звука. У дверей замерли часовые. Когда командир сообщил, что нужны семьдесят пять человек, готовых на все, даже на смерть, чтобы выполнить приказ, весь отряд сделал шаг вперед и замер. Командир отобрал людей, назначил начальника и двух человек на смеху ему.

— В случае чего... — хмуро заметил он и умолк.

Сейчас же заготовили пропуска. Пропуск № 1 выдали Владимиру Ильичу.

— Что это? Пропуска? Зачем? — спросил Владимир Ильич.

— Необходимо. На всякий случай... Уже создана охрана Смольного. Прошу взглянуть...

Владимир Ильич выглянул в дверь и увидел отряд, стоявший в безукоризненном военном строю.

— Какие молодцы! Приятно смотреть! — восхищенно сказал Владимир Ильич.

Часовые встали снаружи и внутри комнаты, у входной двери. Начальник сейчас же установил связь с центральным отрядом. Народ все прибывал и прибывал».

Счет времени революции идет уже не на часы, а на минуты.
7 часов 45 минут. Как сообщалось в газете «Рабочий путь»,

«...Зимнему дворцу был предъявлен ультиматум: сдать в десять минут. К этому моменту дворец был окружен солидными силами пехоты с броневидами и орудиями, а по Неве ко дворцу подошли три миноноски. С Петропавловской крепости на дворец наведены были пушки. За пять минут до истечения назначенного срока часть юнкеров, составлявшая охрану Зимнего дворца, заявила, что она сдается».

Парламентером был отправлен Г. И. Чудновский. В Зимнем он по приказу Пальчинского был арестован. Однако группа юнкеров настояла на освобождении Чудновского, и он беспрепятственно вышел из дворца. Вместе с ним ушла и эта группа юнкеров.

8 часов вечера. Военно-революционный комитет направляет в Зимний с повторным ультиматумом Г. И. Чудновского.

«Прошло положенное время, — рассказывает Н. И. Подвойский, — известный от тов. Чудновского нет. Его задержали. Пальчинский колеблется: вести переговоры или расстрелять. Тов. Чудновский обращается к юнкерам и ударникам с призывом сдать оружие. Он говорит солдатам о всей безнадежности их положения. Производит замешательство среди георгиевцев. Часть георгиевцев колеблется, изменяет Временному правительству, слагает оружие и пытается выйти из Зимнего. Их удерживают, увещевают офицеры, удерживают юнкера... Офицеры и юнкера чувствуют опасность в дальнейшем задерживании георгиевцев; их выпускают из дворца.

Появление на площади сдавшихся на момент приводит наши цепи в замешательство.

— Сдались! — говорят появившиеся. Громовое «ура» радости катится через площадь. Сдавшихся уводят...

В наших цепях и ближайших резервах нетерпенье, волнение... Борцы чувствуют, что они у финала восьмимесячной борьбы за власть. Последний акт столетней борьбы. Умирает уродливое старое и в буре рождается величественное, радостнейшее, дорогостоящее новое... свое...»

Примерно в это же время члену Военно-революционного комитета П. Дашкевичу поручается вывести из Зимнего капитулировавших юнкеров. П. Дашкевич вспоминает:

«Проходим в темноте сквозь наши ряды, пересекаем пустое пространство между противниками. Подходим к баррикаде из дров. Оказывается, это, так сказать, внутреннее кольцо обороны. В ожидании нашего удара из-под арки Главного штаба, под прикрытием опять-таки штабелей дров, у колонны, посреди площади выдвинуты цепи ударниц.

А прямо против них, как мне известно, пользуясь темнотой, наши красногвардейцы ставят на карточь отобранную еще днем от артиллерийского училища пушку. К тому моменту, как я подошел к баррикаде, овладели положением сторонники сопротивления.

Нас арестовали. Провели под ворота дворца. Мимолетно взглянул внутрь дворцового сада, в коридоры. Всюду масса юнкеров, все в беспорядочных кучах, никакого боевого построения, артиллерия без прислуги, в упряжке с одними ездовыми... Меня потребовали доставить наверх к Временному правительству, к диктатору Кишкину...

Предстал пред «ясные очи» самого Кишкина.

Тут же мечутся по огромной зале все остальные члены правительства, их чиновники, офицерство...

Вон Кузьма Гвоздев, «рабочий министр», бледный, нервничает!.. Вон тоже «рабочий министр» Матвей Скобелев, растрепанный, суетится...

Подводят к Кишкину. Имею ли я полномочия на переговоры с Временным правительством? Юнкера — мои спутники — перебивают его, указывая, что они вызвали меня для переговоров, что они гарантировали мне неприкосновенность.

Подтверждаю их слова, требую немедленного освобождения.

А в зале смятение усиливается.

Встревоженный, но бодрящийся Кишкин приказывает меня освободить и вывести через проход на набережную».

Около 9 часов вечера. Один из сводных отрядов Военно-революционного комитета, предназначенных для штурма Зимнего, стоит на Петроградской стороне, у Народного дома. Там, как вспоминает бывший боец отряда Николай Васильевич Ерушев, ставший после Октября художником,

«шел спектакль. Давали «Бориса Годунова», пел Шаляпин. И мы, солдаты, матросы, красногвардейцы, бегали по очереди в зал, слушать оперу. Билетерши безропотно пропускали нас. Войдешь тихонечко, на цыпочках, послушаешь минут пять — и обратно. Шаляпин и не ведал, наверное, что поет для бойцов революции, собирающихся штурмовать Зимний».

9 часов вечера. Заседают бюро всех фракций Второго Всероссийского съезда Советов. На заседании фракции большевиков выступил В. И. Ленин с речью о программе и составе Советского правительства.

Военно-революционный комитет приказывает комиссару Петропавловской крепости начать артиллерийский обстрел Зимнего. Офицер расквартированного в крепости пулеметного Кольцовского батальона А. Тарасов-Родионов вспоминает:

«Было уже совершенно темно, когда Благодрахов открыл оружейную стрельбу, приказав выпустить над Зимним дворцом четыре шрапнели с высоким разрывом. Я вылез на площадку бастиона смотреть в бинокль.

— Ради бога, только не над левым крылом дворца! В левой половине лазарет! — кричал кто-то. Это указание было тотчас же передано наводчикам-матросам, которые наводили без всяких панорамных прицелов — на глаз.

Вдруг справа, сбоку за стеной крепости что-то рвануло, ахнуло, осветив темное небо, и тотчас же над темно-красной полосой дворца сверкнуло в высоте гигантской ракетой. Гул выстрела оглушил нас и пронесся раскатами далеко по городу, покрыв своим ревом и тарыхтенье ружейной перестрелки и гуденье освещенных трамваев, беспечно ползущих вереницами по Троицкому, а иногда и по Дворцовому мосту...

Но вот снова удар. Снова осветилось небо, и еще выше в небе разорвался второй снаряд.

Третий разорвался далеко где-то влево.

А вот и четвертый.

После третьего выстрела все освещение во дворце и перед ним на набережной внезапно погасло.

Канонада смолкла. Воцарилось какое-то жуткое молчание. Смолкли и пулеметы на другой стороне, только отдельные ружейные выстрелы одиноко нарушали где-то у дворца мирное гуденье трамваев.

— Ага, действовало!

— Правительство решило сдаться. Ура! — кричит только что примчавшийся самокатчик...»

9 часов 40 минут вечера. На «Авроре» еще ждали условного сигнала из Петропавловской крепости. Комиссар «Авроры» А. Бельшев рассказывает:

«...Со стороны Зимнего дворца, осажденного отрядами вооруженного народа, доносилась пулеметная и ружейная стрельба.

К «Авроре» подошла шлюпка. Связной Военно-революционного комитета передал распоряжение. В девять часов Временное правительство должно сдаться. В случае его отказа, над Петропавловской крепостью появится красный огонь. Это будет сигнал «Авроре» дать холостой выстрел, возвещающий начало штурма Зимнего дворца.

Я отправился на бак, там у шестидюймового орудия стояли вахтенные комендоры... Напряжение все усиливалось. С берега доносилась стрельба. А Петропавловская крепость не давала о себе знать. Уже 35 минут десятого, а красного огня все нет.

— Огонь, огонь! — раздался голоса.

Во мгле, за мостом показался багровый огонь. Было 9 часов 40 минут. Я отдал команду:

— Носовое, огонь! Пли!

Мелькнула вспышка выстрела, прокатился грохот над Невой, над набережными, над площадью Зимнего дворца. Мы прислушивались. В ответ на выстрел сквозь перестук пулеметов послышалось громовое «ура». Это наши пошли на штурм. Я отдал приказ зарядить орудие боевым снарядом: мало ли что...

И вот стало тихо.

— Прожекторы, живо!

К мосту бежал связной, махавший бескозыркой:

— На «Авроре»! Больше не стрелять. Уже в Зимнем.

— Ура! Товарищи! Да здравствует Советская власть!»

К перестрелке у Зимнего и залпам «Авроры» и Петропавловки внимательно прислушивались во всех многочисленных посольствах и дипломатических миссиях, аккредитованных в Петрограде при Временном правительстве.

10 часов вечера. Один из зарубежных дипломатов — советник швейцарской миссии Фюрер телеграфирует своему бернскому начальству:

«Большевистский переворот, повидимому, можно считать совершившимся. В течение нескольких часов столица целиком в руках Петроградского Совета, на сторону которого перешел почти полностью гарнизон.

По сообщению французского посольства, министерство Керенского, оставленное даже казаками, условия которых не были приняты, распушено. Сегодня утром Керенский бежал, сказав, что уезжает в армию. Повидимому, формируется правительство Ленина... Отряды войск Совета занимают город; главные улицы забаррикадированы. В 10 часов вечера слышна ружейная стрельба и канонада у Зимнего дворца».

А вокруг Зимнего все теснее сжималось красногвардейское кольцо. В еще не опубликованных воспоминаниях одного из участников штурма Зимнего Н. А. Милютина, командира Красной гвардии Московско-Заставского района Петрограда, наступавшего на дворец со стороны Штабной арки, так описывается захват дровяной баррикады:

«Щелкают затворы. Хлопают выстрелы. Из-за дров нервно отвечают.

Кричу в сторону арки:

— Даешь к дровам! Там спокойнее! Бегом!

Вскочили. Взорвалось «ура!».

Скорей, скорей к дровам. Там не достанут. Скорей! Вот и дровяная баррикада. Тут спокойно. Оглядываюсь. Из-под арки все еще кучками высыпают отряды и через площадь бегут к нам. На площади уже кружится несколько броневиков. Справа от штаба округа, на Миллионной, гремит «ура!». Где-то со стороны Дворцового моста тоже. Кричу:

— Даешь наверх!..

И вот дрова позади... В ворота Зимнего поспешно уходят остатки юнкеров».

10 часов 45 минут. В Смольном открылся Второй Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Съезд принял воззвание «Рабочим, солдатам и крестьянам!».

В этом написанном В. И. Лениным обращении сообщалось:

«Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов открылся. На нем представлено громадное большинство Советов... Опираясь на волю громадного большинства рабочих, солдат и крестьян, опираясь на совершившееся в Петрограде победоносное восстание рабочих и гарнизона, съезд берет власть в свои руки.

Временное правительство низложено...

Солдаты, рабочие, служащие, — в ваших руках судьба революции и судьба демократического мира!

Да здравствует революция!»

11 часов вечера. Начинается решительный штурм Зимнего. Один из его руководителей Н. И. Подвойский вспоминает:

«Это был героический момент революции, прекрасный, незабываемый. Во тьме ночной, озаренные бледным, затуманенным дымом, светом и кровавыми мечущимися молниями выстрелов, со всех прилегающих улиц и из-за ближайших углов, как грозные, зловещие тени, неслись цепи красногвардейцев, матросов, солдат, спотыкаясь, падая и снова поднимаясь, но ни на секунду не прерывая своего стремительного ураганоподобного потока.

Когда смолкли дикие завывания и грохот трехдюймовок и шестидюймовок с Петропавловской крепости, в воздухе, заглушая сухую непрерывную дробь пулеметов и винтовок, стояло сплошное победное «ура» — страшное, захватывающее, объединяющее всю разнородную массу. Одно мгновение — и самые баррикады, и их защитники, и на них наступающие слились в одну темную сплошную массу, кипевшую как вулкан, а в следующий миг победный крик был уже по ту сторону баррикад. Людской поток заливал уже крыльцо, входы, лестницы дворца. По сторонам валяются трупы, громоздятся разваленные баррикады и стоят толпы людей без шапок, с бледными лицами, трясущимися челюстями, с поднятыми вверх — как призыв к пощаде — руками.

Дворец взят. Единственный кусок территории, державшийся в течение дня в руках «Временного правительства всея Руси», вырван руками народа. Царский дворец — символ бесконечного произвола, беспросветного угнетения, сотни лет смеявшийся над горем и слезами миллионов рабов, — в руках этих угнетенных, бесправных, в руках пролетариата, единого властителя своей судьбы с этой минуты».

В то самое время, когда в Зимний уже ворвались восставшие, Временное правительство передало по секретному прямому проводу на фронт:

«Правительство в полном составе, за исключением С. Н. Прокоповича, на посту. Положение признается благоприятным. Городская дума и Советы крестьянских депутатов на стороне правительства. Дворец обстреливался только ру-

жейным огнем без всяких результатов. Выяснено, что противник слаб. Из Ставки правительству сообщают, что на выручку идут войска с фронта. Самокатный батальон ожидается ночью, а несколько полков утром».

Шел штурм Зимнего, а комиссары Военно-революционного комитета, разъехавшись по всему Петрограду во главе отрядов Красной гвардии, осуществляли ленинский план вооруженного восстания, занимая одну за другой ключевые позиции города.

В 11 часов вечера отряд красногвардейцев во главе с комиссаром ВРК Д. Е. Соловьевым занял Финляндский вокзал. Позднее — 3 ноября — комиссар так отчитывался о первых шагах своей деятельности:

«При вступлении в обязанности комиссара 25 октября в 11 часов вечера первым делом сделал ознакомление с важнейшими пунктами дежурств и предложение начальнику охраны и служащему персоналу, а также и начальнику станции и коменданту, находиться в полном подчинении комиссара, на что получено полное согласие...»

11 часов 10 минут — 11 часов 15 минут. Штурм Зимнего продолжается. Идут бои на лестничных клетках. В. А. Антонов-Овсеенко вспоминает:

«...мы с Чудновским повели атакующих внутрь дворца. Юнкера при нашем входе сопротивления уже не оказали, и мы свободно проникли вглубь дворца в поисках Временного правительства. В одной из комнат нам встретился Пальчинский.

— Вы не знаете, — заявил он нам, — что состоялось соглашение партий и что представители Городской думы с Прокоповичем во главе с красными фонарями идут к Зимнему дворцу для прекращения его осады?

— Где Временное правительство? — спросили мы Пальчинского в ответ. Он указал куда-то в сторону. В это время раздались крики:

— Здесь, здесь...

Но это кто-то из толпы навел нас на ложный след. Мы повернули скоро назад и через комнату, где нас встречал Пальчинский, вступили в обширный покой, среди которого несколько юнкеров стояли с ружьями наготове. Оставив толпу у дверей, мы с Чудновским прошли... к юнкерам и предложили им сдать. Они после некоторого колебания передали нам винтовки. У двери направо — опять юнкера в боевой форме и тут же вертлявый Пальчинский. Он выскакивает нам навстречу. О чем-то старается нас предупредить, но Чудновский хватает его за рукав, отталкивает к толпе атакующих, крича:

— Я арестовал генерал-губернатора Петрограда!

Юнкера колеблются, но, наконец, после нашего убеждения в тщетности сопротивления, кладут оружие.

В следующей комнате мы находим целую группу людей, изображавших Временное правительство. Они сидят за столом и сливаются в одно серо-бледное трепетное пятно.

— Именем Военно-революционного комитета объявляю вас арестованными! — заявляю я им.

Бывшие министры сдают имевшиеся при них бумаги и оружие. С трудом устанавливаю около них стражу. Мне помогают матросы. Они вышвыривают из комнаты некоторых подозрительных субъектов. Чудновский составляет список арестованных, который подписываем мы с ним. Всего министров — 16 человек. Все налицо, кроме Керенского. Он, по сообщению кого-то из членов бывшего Временного правительства, уехал еще в 11 часов утра из Петрограда. Это сообщение вызывает в толпе яростные крики по адресу Керенского. Раздаются крики:

— Немедленно расстрелять всех членов Временного правительства!..

Только присутствие наше и выдержанных партийных матросов спасает бывших министров от расправы».

Около 12 часов ночи антибольшевистские гласные Петроградской городской думы по предложению эсеров решают идти в Зимний, чтобы «умереть вместе со своими избранныками»:

«Предложение идти во дворец подвергается поименному голосованию. Все вызываемые, кроме большевиков, отвечают:

— Да, иду умирать...

После этого все встают со своих мест, выходят в вестибюль, одеваются и, захватив с собою заготовленные мешки с хлебом и колбасой для осажденных членов Временного правительства, выходят на улицу...

Ночь, часов 12, темно, идут молча... В тишине четко звучат шаги по мостовой. Бухают редкие орудийные выстрелы. Очень скоро, около Екатерининского канала, шествие перестает двигаться, упершись в преграждающих дорогу матросов. Кто-то из впереди идущих начинает объяснять матросам, кто идет и с какой целью. В тишине ночи звучат отрывистые фразы: «избранныки народа», «всенародное голосование», «демократия». Матросы сумрачно и молча стоят каменными рядами. Иссякнув в своих доводах и аргументах, «демократия» замолкла.

Молчание затягивается. Шествие теряет свой порядок. Делается нудно, холодно, настроение скисает. Толпа думцев не знает, что делать. Овладевает ощущение нелепости и бессилия. Нелепость положения начинает, видимо, нервировать и матросов. В передних рядах матросов слышится ропот неудовольствия, раздаются отдельные выкрики:

— Поворачивай оглобли!

— Слышали?!

Какая-то фигура, ничем в темноте не отличающаяся от других, властно требует повертываться назад. Матросы нетерпеливо перебирают винтовками. Демонстранты, наконец, бессильно негодуя, разрозненными кучками, направляются обратно. Так, вышедшие «умирать» 300 человек, все до одного, вернулись через час под каланчу здания Городской думы целехонькими. Нравственное состояние было ужасное — стыдились смотреть друг другу в глаза. Иные «воскресшие из мертвых» по темным углам уписывали колбасу и хлеб, предназначавшиеся Временному правительству».

Бой продолжается.

Около 12 часов ночи представитель Центробалта Алексей Баранов телеграфирует по прямому проводу в Гельсингфорс Дыбенко:

«...Правительство свергнуто. Петропавловская крепость в наших руках. Идет бой за овладение Зимним. «Аврора» ведет себя геройски».

И вот бьет двенадцатый час последней ночи русского капитализма.

«Низвергнутые лепечут о защите от масс, — вспоминает Н. И. Подвойский.— Матросы выводят их из комнаты. Крики:

— Керенского!.. Керенского!..

Он удрал накануне из Петрограда, чтобы привести войска с фронта.

По коридорам несется гул негодования, злобы, возмущения, крики... арестованных ведут вниз... по двору... в ворота... через баррикады... на площадь Зимнего...

На площади крики солдатского негодования: «Расстрелять!.. Смерть!.. Смерть!» Терещенко, Коновалову и еще паре других наносится несколько ударов... красногвардейцы унимают солдат. Кричат:

— Не омрачайте пролетарского торжества!!!

Разъяренные солдаты отесняются от арестованных. Красногвардейцы окружают кольцом бывшее правительство.

— Вперед!

Кольцо двинулось по Миллионной улице в Петропавловскую крепость. Уходят в казематы, созданные против революции.

Команда: «По своим частям, стройсь!» — заканчивает победное 25 Октября»,

26 октября

Зимний пал. Но враги революции, сторонники уже не существующего Временного правительства, еще не сдаются.

Около часа ночи Ставка верховного командования связалась по прямому проводу с политическим управлением военного министерства Временного правительства. Дежурный офицер-порученец сообщил:

«...Фактическое соотношение сил таково, что до позднего вечера, когда началась осада Зимнего дворца, восстание проходило бескровно; подходя к тому или иному зданию, охраняемому правительственным патрулем, восставшие снимали его без всякого сопротивления, план восстания был несомненно заранее разработан и проводился неуклонно и стройно. Комитет спасения революции в данное время никакими силами не обладает, но может рассчитывать на части, идущие с фронта. Сутки тому назад штаб округа должен был констатировать, что он опирается лишь на женский батальон, две-три роты юнкеров, роту ударников и группу офицеров, пришедших из госпиталей; броневые машины заявили, что не желают активно бороться за Временное правительство, и к утру ушли; три казачьих полка, находящихся в Петрограде, в течение всей ночи вели переговоры относительно своего прихода к Зимнему дворцу и к утру прислали двести три сотни, рассеявшиеся к сегодняшнему вечеру. Крейсер «Аврора», подошедший к Николаевскому мосту, обстрелял Зимний дворец...»

2 часа ночи. Временного правительства более не существует. Это не помешало Керенскому издать во Пскове очередной велеречивый «приказ Верховного Главнокомандующего» от 25 октября 1917 года. И в этот час Керенский еще продолжал позерствовать. Он писал:

«Приказываю всем начальникам и комиссарам во имя спасения родины сохранять свои посты, как и я сохраняю свой пост Верховного главнокомандующего до изъявления воли Временного правительства республики.»

2 часа 10 минут ночи. Захваченные в Зимнем министры Временного правительства были арестованы. Донесение, поступившее по этому поводу в Военно-революционный комитет, гласит:

«...Арестованы... по постановлению Военно-революционного комитета: контр-адмирал Вердеревский, министр государственного призрения Кишкин, министр торговли и промышленности Коновалов, министр земледелия Маслов, министр путей сообщения Ливеровский, управляющий военным министерством генерал Маниковский, министр труда Гвоздев, министр юстиции Малянтович, председатель экономического комитета Третьяков, генерал для поручений Борисов, государственный контролер Смирнов, министр просвещения Салазкин, министр финансов Бернацкий, министр иностранных дел Терещенко, помощники особо-уполномоченного Временным правительством Рутенберг и Пальчинский, министр почт и телеграфов и внутренних дел Никитин и министр вероисповеданий Карташев. Офицеры и юнкера обезоружены и отпущены, взяты три папки и портфель министра народного просвещения.»

Комендантом Зимнего дворца назначен делегат на 2-й Всероссийский съезд Советов солдат Преображенского полка тов. Чудновский. Все министры отправлены в Петропавловскую крепость. Сопровождавший министра Терещенко подпоручик Чистяков скрылся...»

2 часа 15 минут ночи. Подвойский едет к Ленину в Смольный.

«В Зимнем дворце все было кончено, — рассказывает он в своих воспоминаниях. — Я взглянул на часы: четверть третьего. Распорядившись усилить караулы в Генеральном штабе, Штабе округа, Министерстве иностранных дел, на почтамте и на телефонной станции, я отправился в Смольный с докладом Ленину. И тут только я заметил, что у меня две винтовки: одна на плече — с ней я все

время объезжал передовые линии, а другая в руке — отнятая у юнкера. По дороге в Смольный я обдумывал, как буду докладывать Владимиру Ильичу об огромном количестве невероятно важных событий дня. Я предвкушал, с каким восторгом будет слушать меня Ленин.

Но когда я почти вбежал в комнату, где находился Владимир Ильич, то застал его чрезвычайно сосредоточенным. Он сидел за столом, на котором лежали листки бумаги, и писал. Ленин был настолько углублен в работу, что не заметил моего появления. Он готовил проекты новых декретов — о мире, о земле, о Советском правительстве. Выслушав мой рассказ, Ленин продолжал работать. Осторожно обняв Владимира Ильича и крепко пожав ему руку, я тихо вышел из комнаты.

В то время, как в Зимнем дворце закончилось владычество буржуазии, низвергнутой вооруженным народом, в Смольном Ленин открывал первую страницу нарождающегося нового мира».

Между двумя и тремя часами ночи бывшие министры Временного правительства доставлены в Петропавловскую крепость. Один из участников штурма Зимнего — матрос А. А. Дорогов вспоминает:

«...Антонов-Овсеев забрал бывших министров и, под охраной моряков, отправил их в крепость. По дороге в крепость, на мосту у многих идущих навстречу процессии было поползновение, когда узнали, что ведут бывших министров, устроить им в Неве холодную ванну, и конвою стоило больших усилий удержать товарищей от такой заботы о министрах. По прибытии в крепость министры с мягких дворцовых кресел были посажены рядышком в рабочем клубе Монетного двора, где находился наш штаб; их усадили на деревянные солдатские скамейки, но не для заседания, а для проверки, все ли благополучно прибыли. Антонов-Овсеев, выйдя вперед на сцену, стал по списку делать проверку. Когда начали выкликать фамилии, они жалко, как общипанные курицы, вставали, откликаясь на переключку, точно солдаты на поверке, и только один адмирал Вердеревский отозвался «есть» — по-морскому. Министры были все налицо. Не оказалось только председателя, который удрал от петроградского пролетариата и солдат...»

Весть о победе Октябрьской революции мгновенно облетела весь мир. Первыми сообщили о ней своим правительствам аккредитованные в Петрограде дипломаты. Один из них — греческий поверенный в делах Какламанос ранним утром 26 октября телеграфировал в Афины:

«Совет захватил власть. Судьба министров неизвестна, за исключением Керенского, который, говорят, уехал в Ставку. Совет выпустил воззвание, в котором заявляет, что, беря власть в свои руки, он выдвигает в качестве программы предложение демократического мира, распределение земель между крестьянами, контроль рабочих над промышленностью и т. д. Всю ночь шла ружейная перестрелка, а крейсер «Аврора», пришедший из Кронштадта с несколькими миноносцами, стрелял в упор. Верные правительству войска укрылись в Зимнем дворце, но в 2 часа утра сдались».

4 часа утра. Вооруженное выступление в Петрограде победоносно завершилось. Член Военно-революционного комитета, один из участников штурма Зимнего, К. С. Еремеев вспоминал, как

«Н. И. Подвойский ночью часа в три-четыре сказал с чувством:
— Какой прекрасный день!

Да, день был прекрасный... Надо подвести итоги.

«А ведь Николай Ильич — поэт, — подумал я. — Сказать ему это, так он будет отрицать. Но ведь это он закончил исторический день словами, вырвавшимися из глубины души: «Какой прекрасный день!».

По воспоминаниям В. Д. Бонч-Бруевича:

«Часа в четыре ночи мы, утомленные, но возбужденные, стали расходиться из Смольного. Я предложил Владимиру Ильичу поехать ко мне ночевать. Заранее позвонив в Рождественский район, я поручил боевой дружине проверить разведкой улицы, прилегающие к Херсонской (улицы, где находилась квартира Бонч-Бруевича. — *Ред.*). Мы вышли из Смольного. Город был не освещен. Найдя автомобиль на условном месте, мы двинулись ко мне домой.

Владимир Ильич, видимо, очень устал и подремывал в автомобиле. Приехав, поужинали кое-чем. Я постарался предоставить все для отдыха Владимира Ильича. Еле уговорил его занять мою кровать в отдельной небольшой комнате, где к его услугам были письменный стол, бумага, чернила и библиотека. Владимир Ильич согласился, и мы разошлись...

Наконец я потушил электрическую лампочку. Свет в комнате Владимира Ильича погас раньше. Начинаю дремать. И когда вот-вот должен был заснуть, вдруг блеснул свет у Владимира Ильича.

Я насторожился. Слышу, почти бесшумно встал он с кровати, тихонько приоткрыл дверь ко мне и, удостоверившись, что я сплю, еле слышными шагами, на цыпочках, чтобы никого не разбудить, подошел к письменному столу. Сел за стол, открыл чернильницу и, опершись на локти, углубился в работу, разложив какие-то бумаги, тут же их прочитывая. Все это мне видно было в приоткрытую дверь.

Владимир Ильич писал, перечеркивал, читал, делал выписки, опять писал и, наконец, видимо, стал переписывать начисто. Уже светало, стало сереть позднее петроградское осеннее утро, когда, наконец, Владимир Ильич потушил огонь и лег в постель. Забылся и я.

Утром я просил всех домашних соблюдать тишину, сказав, что Владимир Ильич работал всю ночь и, несомненно, крайне утомлен. Но вдруг открылась дверь, и он вышел из комнаты одетый, энергичный, свежий, бодрый, радостный.

— С первым днем социалистической революции! — поздравил он всех, и на его лице не было заметно никакой усталости, как будто он великолепно выспался, а на самом деле он спал самое большее два-три часа после напряженного двадцатичасового трудового дня. Подошли товарищи. Когда собрались все пить чай и вышла Надежда Константиновна, ночевавшая у нас, Владимир Ильич вынул из кармана чистенько переписанные листки и прочел нам свой знаменитый «Декрет о земле».

Великая Октябрьская социалистическая революция победила. Советская власть начинала свою деятельность с декретов о земле и о мире.

Триумфальное шествие Советской власти

«Мы в несколько недель, свергнув буржуазию, победили ее открытое сопротивление в гражданской войне. Мы прошли победным триумфальным шествием большевизма из конца в конец громадной страны».

В. И. Ленин.

Москва

П. ФЕДОТОВ,

член КПСС с 1912 года

СЕМЬ ДНЕЙ В ОГНЕ

Поздний октябрьский вечер. Сыро, темно. В липкой грязи, покрывающей мостовую Красной площади, тонут солдатские сапоги. Отряд идет молча. Вот уже закрыл полнеба черный силуэт Исторического музея.

Навстречу шагнула высокая фигура. Щелкнул затвор винтовки. Отраженным светом далекого костра блеснули окаймленные золотом юнкерские погоны.

— Стой! Вы куда?

— Охранять Московский Совет.

Юнкер поманил кого-то рукой. К самому лицу командира отряда двинцев Сапунова приблизились холеные полковничьи усы.

— Центр охраняю я. Немедленно сдайте оружие.

— Что? Это кому ж, контрреволюции сдать?.. Ребята, за мной! — Сапунов рванулся вперед. Хлопнул револьверный выстрел. Сапунов упал.

— В цепь! По юнкерам — огонь! — тотчас же скомандовал солдат — двинец Цуцин.

Завязалась перестрелка...

В Петрограде Советская власть уже победила сопротивление контрреволюции; в Москве двадцать седьмого октября в десять часов вечера короткой стычкой на Красной площади началось вооруженное восстание рабочих и солдат.

В этот же день командующий Московским военным округом полковник Рябцев предъявил большевикам ультиматум: сдать Кремль, распустить и предать суду Военно-революционный комитет, срок — пятнадцать минут. В ночь на двадцать восьмое руководство большевистской организации Москвы приняло решение: мобилизовать все революционные силы для полного разгрома контрреволюции.

Передо мной несколько листов бумаги, исписанных наспех, корявым почерком. На некоторых следы крови. Это донесения разведчиков ВРК,

простых и честных людей, не жалевших жизни своей в борьбе за власть Советов. Вот одно из них:

«Около 1-са [часа] дня мы подъехали к Мясницкой. Около Милютинского пер [еулка] нас остановили, до этого пер [еулка] юнкеров не было. Здесь у них имеются проволочные заграждения. На углу Златоустинского были их убитые.

Заграждения сначала идут легкие, затем более сильные, и, наконец, самые сильные идут не в сторону Мясницкой, а в сторону Сretenского пер [еулка]. Баррикады состоят из громадных катушек, на которых наматываются провода. Здесь много заграждений выше человеческого роста. Юнкеров в общем очень мало. Они имеют перевязочный пункт, по-видимому сейчас только разбитый.

Часа в два или позже Лубянская площадь была у них в руках. Там находится броневик. Они пробираются к Покровке. У Чистых прудов мы были остановлены нашими патрулями. Сегодня очень много раненых, гораздо больше, чем все эти дни. Юнкера, сидящие на телефонной станции, имеют эполеты красного цвета с цифрой 5. Среди них много офицеров, вооруженных винтовками и исполняющих обязанности простых рядовых. У меня создалось впечатление, что во второй раз, когда я проезжал через Лубянскую площадь у Милютинского, юнкера стали сильнее. Один раненый артиллерист, встретивший меня, просил передать Военно-революционному комитету, что наши солдаты, увидев броневик, разбежались. По Тверской улице юнкеров нет, от Садовой до Охотного ряда, у Никитских ворот идет стрельба».

Это одно из первых донесений. Разведчик — фамилия его, к сожалению, забылась — был послан выяснить положение на телефонной станции. Он отлично знал, что от него требуется, и сумел обрисовать обстановку во всех деталях. Конечно, не все донесения содержат такие подробности, но каждое из них — свидетельство высокой сознательности, беззаветной преданности делу революции, партии.

В наш отряд разведчиков вошли рабочие-красногвардейцы, солдаты-двинцы и даже подростки, дети московских рабочих. Об одном из таких замечательных ребят — Коле Каурове — мне хочется рассказать.

Впервые я встретился с ним, когда он привел к Московскому Совету так называемую «школу юных добровольцев», организованную по указанию Керенского. Как видно, дело дошло до того, что Временное правительство хотело уже руками детей поддержать свою разваливающуюся власть. Однако «юные добровольцы» прислушивались к разговорам старших, они не могли идти против своих отцов и братьев. Коле Каурову не потребовалось много труда, чтобы перетянуть своих сверстников к большевикам.

О славных делах нашего маленького помощника я услышал и от председателя Замоскворецкого ревкома профессора-астронома Павла Карловича Штернберга. Он рассказал о том, что Коля был убежден, что это именно он сагитировал переход на сторону революции 196-й запасной дружины во главе с капитаном Шуцким и поручиком Богословским. А потом я видел у Коли книгу с надписью профессора: «Товарищу Каурову. Пистолет вместо Майн-Рида — участь вашего поколения. Свое будущее вы завоевываете своими руками. Я стар — и я завидую. Будущее моей страны в сильных руках».

Вместе с Колей Кауровым я, переодевшись в женское платье, ходил на разведку в Александровское военное училище — сердце контрреволюционных войск. Можно прямо сказать, что только благодаря ему нам удалось тогда получить важные сведения о расположении, численности и планах юнкеров.

Разведчики Военно-революционного комитета — их называли «неви-

димками» — прсникали всюду. В результате ВРК был осведомлен не только о передвижении контрреволюционных частей, но и о настроении во вражеском стане, обо всем, что происходит в Москве.

Двадцать седьмого октября в бюро разведки сообщили, что юнкера готовят нападение на Кремль. Надо было немедленно известить об этом коменданта Кремля прапорщика О. Берзина, передать ему приказ готовиться к обороне. Но как это сделать? Телефонные провода юнкера перерезали. Со всех сторон Кремль окружен плотным кольцом. Пройти туда прямым путем невозможно. Выход из положения подсказал слесарь-водопроводчик: он предложил воспользоваться подземным ходом — кремлевским водостоком. Так и поступили. Но, когда наш связной появился в Кремле, было уже поздно: юнкера успели ворваться через Боровицкие ворота. Связной превратился в разведчика и до последнего дня, пока мы не вышибли юнкеров, ВРК получал от него донесения из Кремля.

Оказалось, что Рябцев подло обманул Берзина. Он сообщил ему, что ВРК арестован, восставшие разоружены. Берзин, человек нерешительный, только недавно вступивший в партию, поверил Рябцеву, открыл кремлевские ворота. Озверевшие юнкера начали расстрел революционных солдат прямо у ворот. Свидетель расправы генерал-майор Кайгородов доносил по начальству:

«В 8 час. утра 28 октября Троицкие ворота были отперты прапорщиком Берзиным и впушены в Кремль юнкера. Прапорщик Берзин был избит и арестован. Тотчас же юнкера заняли Кремль, поставили у Троицких ворот два пулемета и броневой автомобиль и стали выгонять из казарм склада и 56-го пехотного запасного полка солдат, понуждая прикладами и угрозами. Солдаты склада в числе 500 человек были построены без оружия перед воротами арсенала. Несколько юнкеров делали расчет. В это время раздалась откуда-то несколько выстрелов, затем юнкера открыли огонь из пулеметов и орудия от Троицких ворот. Выстроенные без оружия солдаты склада падали, как подкошенные; раздались крики и вопли, все бросились обратно в ворота арсенала, но открыта была только узкая калитка, перед которой образовалась гора мертвых тел, раненых, потоптанных и здоровых, старающихся перелезть в калитку; минут через пять огонь прекратился. Оставшиеся раненые стонали; лежали обезображенные трупы».

Кремлевское зверство потрясло рабочих.

— К оружию! — звал Военно-революционный комитет.

Но оружия не было. К вечеру двадцать восьмого положение сложилось таким образом: центр города в руках контрреволюции, юнкера наступают на Моссовет от Охотного ряда, из переулков между Никитской и Тверской, телефон у юнкеров, телеграф — тоже, арсенал Кремля, интендантский продовольственный склад захвачены врагом.

Представитель ВРК Г. А. Усиевич потребовал от бюро разведки найти оружие. Мы узнали, что на подмогу юнкерам прислан целый эшелон — около сорока тысяч винтовок. Члену бюро Летунову был поручен розыск. В поиски включились военно-революционные комитеты железных дорог. И вот с Казанского вокзала нам сообщили, что эшелон найден. Осмотрщик вагонов красногвардеец Маркин обнаружил запрятанные в тупике вагоны с оружием. Винтовки были тотчас же розданы отрядам Красной гвардии. В это же время красногвардейцы взяли Симоновские пороховые склады. Революция вооружалась. Она смогла перейти в контрнаступление!

Первым делом надо было отбить у юнкеров важнейшие артерии городской жизни — почтамп, телеграф, междугородную телефонную станцию. Надо было ликвидировать опорные точки реакции.

Мне довелось участвовать в одной из таких операций.

Алексеевское военное училище — подлинная крепость: толстые стены корпусов, пулеметные гнезда. Военные мастерские тяжелой осадной артиллерии «Мастяжарт» должны были бомбардировать этот оплот юнкеров из гаубиц. Я пришел туда, когда рабочие на руках вытаскивали орудия. Ни на одном из них не было прицельных приспособлений — спрятали офицеры. Стрелять нужно только прямой наводкой. А у главного подъезда училища торчит пулемет, поди сунься!

Солдат-артиллерист надел фуражку на штык, на мгновение высунул ее из-за угла... Тр-рр-р!.. Солдат отдернул назад фуражку, посмотрел сквозь дыры на небо.

— Н-да, прошили на славу. Ну да ничего не поделаешь. Надо в упор бить.

Надо! И вот несколько красногвардейцев ползком, под жестоким огнем потащили гаубицу. Остановились лишь в шагах трехстах от подъезда. Выстрел... Второй... Зияющая брешь. Пулемет исчез. Ура-а! И начался лихой штурм Алексеевского военного училища.

Вечером двадцать девятого октября мы перехватили донесение штаба Московского округа Ставке. В нем говорилось: «...Силы противника увеличиваются... Окраины для нас совершенно недоступны... Сегодня большевики заняли уже все вокзалы, а в центре градоначальство, а также почту и телеграф... Необходимо крайняя помощь, так как положение, не имея в перспективе поддержки, не из блестящих».

Враги революции теряли силы, им надо было как-то оттянуть время. И они попросили начать переговоры. Перемирие назначено на тридцатое октября. Предложенная контрреволюционерами передышка ими же была и вероломно нарушена. Вот как это произошло.

Разведчик ВРК Евсеев, переодетый священником, возвращался с задания. На Арбате навстречу ему шел отряд солдат. Что-то показалось Евсееву подозрительным. Крадучись, он последовал за солдатами. На Бородинском мосту группа красногвардейцев преградила дорогу отряду.

— Кто идет?

— Солдаты сто девяносто третьего полка.

Красногвардейцам полк этот был известен как революционный, и они расступились. Разведчик сообщил им, кто он такой, и проскользнул вслед за солдатами. На вокзале отряд разделился. Часть осталась на месте, остальные, получив какой-то приказ офицера, круто повернули назад. Евсееву стало все ясно — провокация!

Красногвардейцы услышали отчаянный крик: «Берегись, юнкера!..» — одиночный выстрел, тяжелое падение тела. На мосту приготовились к бою...

В ночь на тридцать первое заговорила красная артиллерия. Стволы орудий направлены в сторону штаба военного округа, Александровского военного училища. Увидев гаубицы «Мастяжарта», сдалась без боя 6-я школа прапорщиков — георгиевских кавалеров.

Наступать было трудно. Окопы, открытые наспех, неглубоки, все время моросит мелкий ледяной дождь, вокруг тебя грязь, вода. Тяжелый бой разгорелся у Никитских ворот. Красногвардейцы наступали по Тверскому бульвару. Пулемет работал как заведенный, безостановочно. Еще один рывок, и дом Гагарина в конце бульвара занят нами. Юнкера прочно закрепились в соседних домах на Большой Никитской. Лишь на следующий день удалось их выбить оттуда.

Тридцать первого октября Рогожский военно-революционный комитет доносил:

«Ц е н т р. На Страстной и Скобелевской площадях установлены орудия, обстреливающие Кремль и Александровское военное училище... На

улицах и переулках, прилегающих к С[овету] р[абочих] и с[олдатских] д[епутатов], усиленные патрули революционеров.

На Лубянской и Красной площадях и прилегающих улицах и переулках — усиленная стрельба. Революционными войсками и Красной гвардией осаждаются гостиница «Метрополь», Кремль и Александровское военное училище, где засели юнкера и прапорщики. Кадетские корпуса сдались. Захвачено 400 юнкеров, 12 пулеметов и др. оружие. Из «Метрополя» 300 юнкеров выбиты отрядом двинцев в 30 человек.

Почтамт и телеграф в руках революционеров...

Р а й о н ы. Днем сданы Крутицкие казармы, захваченные после перестрелки солдат с юнкерами. Взято около 90 человек юнкеров, 1 бомбомет и др. оружие.

В Рогожском районе спокойно. В некоторых пунктах производился обстрел патрулей Красной гвардии и прохожих. В некоторых владениях произведены обыски, найдено оружие.

Районы Садовых [улиц] в руках революционеров. Всюду патрули Красной гвардии. Слышны одиночные выстрелы из домов и на улицах.

Захвачено в Рогожском районе 500 пудов свинины и 250 пудов крупной муки».

Ранним утром первого ноября отряд под командованием Г. А. Усиевича занял телефонную станцию. Начался обстрел гостиницы «Метрополь» — ключевой позиции при наступлении на Кремль.

А между тем в бюро разведки приходили все новые сведения о подкреплениях революционным частям: из Мытищ прибыло девяносто человек, из Кольчугина — сто восемьдесят, из Коврова — четыреста солдат с десятью пулеметами, из Александрова — триста солдат, из Владимира — семьдесят, из Старицы — триста пятьдесят саперов... Подкрепления были нужны как воздух. Вот одно из донесений: «1/XI. 18 час. 40 мин. В Кремле еще стрельбы не было. Артиллерия у Большого театра просит смены, они там с 3 час. утра и не ели. Прикрытие всего только 6 чел., очень мало, ждут броневика со стороны юнкеров, просят немедленно подкрепление».

В 2 часа 37 минут второго ноября Кремль был окружен нами. Прямой наводкой артиллерия разбивала Никольские ворота. Юнкерам в Кремле осталось жить считанные часы.

На Пречистенке шла атака на штаб военного округа. Враг огрызался. Красные цепи залегли.

Положение было критическим.

Вдруг слышу кричит мне Николай Сычев:

— Федотов, дай мне гранаты, да побольше!

— Что это ты надумал? — спрашиваю.

— Молчи, сейчас увидишь.

Собрали мы несколько десятков гранат, передали Сычеву. Он запихнул их в карманы, за пояс, повесил связку на шею. И вот видим, Сычев наш быстро-быстро карабкается по телеграфному столбу, прыгает на крышу дома.

Несколько томительных минут, и... взрыв. Из окон штаба полыхнуло пламя. Снова взрыв. Третий... Пятый... Юнкеров охватила паника. Смолк окончательно пулемет, заметались за окнами тени.

— Ура-а! — Мы бросились в атаку.

Штаб пал.

...Одно из последних донесений. Набросано наспех, на счете какого-то купца. «2/XI. 6 ч. 40 мин. Торговые ряды заняты нами. В городской думе сидят наши. От стен Китай-города идет обстрел Кремля. Моховая улица до Манежа наша, из Манежа и нового Университета наши части обстреливаются, из старого Университета не отвечают».

И заключительная сцена. В ворота Кремля бросается наш разведчик Летунов. Огромный, с распахнутыми, словно крылья, полами шинели, он потрясает винтовкой.

— Бросай оружие! Рабочая власть идет...

А повсюду на стенах домов белеют листки: «Революционные войска победили... Все на охрану завоеваний новой рабочей, солдатской и крестьянской революции! Враг сдался...»

Кончились семь огненных дней. Пролетарская революция победила и в Москве.

В Прибалтике

А. ДИЖБИТ,

член КПСС с 1912 года

СРЕДИ ЛАТЫШСКИХ СТРЕЛКОВ

В ночь на двадцать пятое октября меня вызвали к председателю Военно-революционного комитета Петроградского Совета. Н. И. Подвойский вручил мне мандат комиссара 12-й армии, пожал руку.

— Ну, комиссар, — сказал он, — сейчас иди домой. На улицах ни во что не вмешиваться, пораньше утречком выехать в Лифляндию, в город Венден. Желаю удачи... Кстати, в Юрьеве прикажи запасному латышскому полку ни под каким видом не пропускать в Петроград ни одной воинской части, вызванной Керенским.

Это первое задание было успешно выполнено...

И вот я в латвийском городке Вендене (ныне Цесис), на историческом заседании съезда Исполнительного комитета солдатских депутатов 12-й армии, сокращенно — Искосол.

Вхожу в зал, осматриваюсь. Как раз в этот момент дверь снова открылась, и на пороге появились трое. Один из вошедших, вольноопределяющийся, зашагал прямо к президиуму, за ним по пятам двое вооруженных солдат.

Председательствующий спрашивает:

— Вы кто такие? Откуда?

Вольноопределяющийся назвал полк, свою фамилию, что-то хотел еще сказать, но впереди него вырос один из сопровождающих.

— Вишь, история-то какая, — прервал солдат. — Вот он, — указал солдат на вольноопределяющегося, — это представитель наш, но только по партийности меньшевик он. Ну, а полк единодушно резолюцию большевистскую признал. Вот и поручили нам сопутствовать его; чтоб чего лишнего не сказал, какую-нибудь там меньшевистскую глупость и прочее.

— Зачем же тогда делегатом меньшевика направили?

— Да вишь, — ухмыльнулся солдат, — уж больно он речист, а солдаты наши хотят, чтоб их наказ был получше изложен, может, коряво как у нас вышло-то...

Так и заявили трое — два большевика для идейного контроля, третий — по причине красноречия, для лучшей передачи воли целого полка. Главное — весь полк на нашей стороне, вот что важно!

Избранный на съезде Искосол разделился. Наши заседания и совещания проходили в старинной венденской кирхе. Впервые в церкви, вместо проповеди пастора о смирении и послушании, прозвучали страстные, убежденные речи революционеров — делегатов латышских и сибирских стрелковых полков.

Меньшевикско-эсеровская часть Искосола перебралась в Валку, в штаб армии. Однако ей не пришлось там мутить воду. Седьмого ноября в Валку вступили революционные 6-й и 7-й полки латышских стрелков и 436-й Новоладожский. Теперь мы смогли оказать действенную помощь пролетарскому Петрограду и выполнить распоряжение Владимира Ильича об отправке полка латышских стрелков в Питер.

Еще в июле, посылая меня на Шестой съезд партии, латышские стрелки поручили передать съезду, что они по первому зову партии выступят с оружием в руках на защиту революции.

Свое слово они сдержали теперь, в дни Великого Октября.

г. Рига.

В Воронеже

И. ЧУЕВ,

член КПСС с 1915 года

В БОРЬБЕ С КОНТРРЕВОЛЮЦИЕЙ

Расстрелом нескольких ярых контрреволюционеров закончился Октябрьский переворот в Воронеже. Начались первые в истории советские будни.

Одним из важных дел, которым Воронежский Совет поручил мне заняться, был земельный вопрос. Советское правительство постановило запретить куплю и продажу земли. Ревком получил телеграмму за подписью В. И. Ленина, в которой предлагалось прекратить оформление этих сделок через местных нотариусов. Казалось бы, чего уж проще. Но так, по-видимому, представлялось только нам, большевикам.

В Воронеже было тогда целых пять нотариусов. По одиночке пригласили в Совет каждого, растолковали, что и как. Четверо согласились тотчас же, а пятый — по фамилии Болдырев — уперся как бык и грубо заявил:

— Плевать мне на вашу власть, тоже, понимаешь, советчики!

— Ну что ж, — заявил я, — вам виднее, как вести себя, а что касается надлежащих мер воздействия...

— Подумаешь, испугал!

По моему приказанию красногвардейцы арестовали Болдырева. Идти он не хотел, пришлось на руках нести в автомобиль.

Ровно на месяц хватило выдержки у этого упрянца. Потом сам прислал нам записку: обязуюсь, мол, выполнять все требования Советской власти. Его отпустили. И что ж вы думаете? Подействовало. Забыл про свои меньшевистские выверты, честным человеком стал.

Нотариус — это, конечно, мелочь. Но такими мелочами вначале были заполнены тогда все дни. Однако вскоре нам предстояли серьезнейшие испытания.

На Воронеж шел Каледин. В помощь местным красногвардейцам Советское правительство прислало крупный отряд под командованием Петрова. Это был молодой человек лет под тридцать, имел девять ранений, бесчисленные боевые награды и чин полковника старой армии. Беспартийный, он был беспредельно предан делу рабочего класса, делу революции. Помощь, которую Петров оказал нам, разгромив калединские банды, имела колоссальное значение не только в смысле чисто военных действий, но и в отношении боевой выучки воронежских рабочих — красногвардейцев и их командиров.

Контрреволюция продолжала напрягать свои последние силы, безуспешно пытаясь взорвать советский строй изнутри. В конце 1917 — начале 1918 года она активизировалась и в Воронеже.

Как-то нашему Совету сообщили: в стенах Митрофаньевского монастыря усиленно ведется враждебная нам пропаганда. Солдатская форма помогла мне неприметно побывать в этом гнезде воронежской контрреволюции.

Собор переполнен до отказа. Бесперывная служба, одна за другой антисоветские проповеди. В толпе шныряют юркие людишки с бегающими глазами, высматривающими очередную жертву. Они что-то подшептывают, подогревая настроение. Побольше тысячи, пожалуй, набралось тут народа. Прислушиваюсь. Оборванный нищий — а лицо мясное! — нудно тянет свой рассказ. Оказывается, на завтра назначен «церковный ход» к Девичьему монастырю. Пойдут по Дворянской улице мимо губисполкома. Об остальном быстро догадываюсь сам: значит, мимо телефонной станции, мимо телеграфа; значит, предполагают их захватить, учинить погром.

В полдень под колокольный звон с иконами и хоругвями, по всем церковным правилам, процессия двинулась из ворот Митрофаньевского монастыря. В то же время грузовик с отрядом вооруженных красногвардейцев обогнал шествие и, притормозив, поехал метрах в тридцати впереди. В окнах домов, расположенных по ходу процессии, замаячили неторопливо покуривающие сигарки люди в кепках, в руках винтовки. Заметив все эти недвусмысленные маневры, толпа «церковников» стала стремительно таять.

Я ехал на грузовике. Вижу, опасность миновала, сказал, чтобы шофер повернул к монастырю — надо посмотреть, что там происходит. У самых ворот хлестнули выстрелы, мимо просвистела пуля. Короткая команда — и заработал наш пулемет. Через несколько минут белогвардейцы понуро выходили с монастырского двора, окруженные конвоем. Среди арестованных был и упитанный «нищий». Очередная попытка контрреволюционного мятежа провалилась и на этот раз.

В Нижнем-Новгороде

А. ПИСАРЕВ,

член КПСС с 1905 года

ВСЯ ВЛАСТЬ СОВЕТАМ!

Раннее утро двадцать восьмого октября. Ко Дворцу свободы из всех рабочих районов города стянуты вооруженные красногвардейцы. Сюда же были вызваны войска гарнизона, которые с музыкой и революционными знаменами прошли по Большой Покровке.

Должен сказать, что к тому времени сормовские и канавинские отряды Красной гвардии были отлично вооружены. Винтовок и боеприпасов вполне хватало. Все это бережно сохранялось, а потом пополнялось еще с июльских событий, когда в результате солдатского восстания соглашательский совет был разогнан и власть перешла к Революционному штабу.

У Дворца свободы перед собравшимися с речами выступили представители Военно-революционного комитета: «**Вся власть Советам!**»

К вечеру того же дня красногвардейцами были заняты телеграф и типографии «Нижегородского листка» и «Волгаря». В одной из типографий спросили:

— Позвольте, господа, на каком, собственно, основании все это делается? Предъявите, пожалуйста, мандат.

— Есть такой, — ответил командир красногвардейцев и показал на шпыки. — Вот наши мандаты.

При занятии телеграфа служащие выразили свое негодование и протест по поводу «захвата». Кто-то из них полез на нас с кулаками. С известным трудом их образумили.

Дней через пять мы кое-как сломили саботаж телеграфистов. И все же телеграф не удалось полностью использовать в интересах революции, поэтому с Москвой пришлось налаживать преимущественно живую связь. Таким образом, нижегородская партийная организация достоверно знала о положении не только в Москве, но и в Петрограде и некоторых других городах.

Прошло немного времени, и вся полнота власти перешла Совету рабочих и солдатских депутатов.

Під Новозыбковом

Ф. МИНГАЛЕВ,

член КПСС с 1917 года

ПЕРВЫЕ ДНИ

В октябре наш артиллерийский дивизион отмывался от фронтовой грязи в местечке Климово под Новозыбковом. Настроение было псышенное: все ждали чрезвычайных событий в России. И вот телеграф принес сообщение: «К гражданам России! Временное правительство низложено... Да здравствуют Советы! Мир хижинам, война дворцам!»

Алые полотнища реют над головами демонстрантов. Митинг. Речи, горячие, радостные. Рабочие и солдаты обнимаются, целуются. После митинга — заседание Совета. В тот же день назначены комиссары по труду, по земельным вопросам, финансам, торговле. На меня возложена охрана общественного порядка и военные дела.

Ни малейшего опыта и знаний государственной работы нет ни у кого. А жизнь надо строить по-новому, по-советски. Нужно вводить контроль над производством, торговлей, наладить финансы. Наконец, предстоит конфискация помещичьих земель. А как ко всему этому приступить? Что требуется делать, чтобы не наломать дров?

Не обошлось, конечно, в первые дни и без курьезов. Секретарь ревкома проявил «инициативу» и, ничтоже сумняшеся, расклеил повсюду объявления о том, что «церковные браки, крещения и смерти являются частным делом граждан и будут считаться недействительными, если кто уклонится от регистрации их в Совете...».

Не все офицеры нашего дивизиона приняли Октябрьскую революцию. Кое-кто из них позорно дезертировал. Должность командира занял старший унтер-офицер Маслеников. Принимая командование, он сказал:

— Управимся сами, без князей, баронов и всяких прочих буржуев. Оно ведь чего важно? Наша власть — вот где гвозди!

Кто-то промолвил чуть неуверенно:

— Что верно, то верно. Да ведь война-то, ребята, еще не кончена. Нам за эту самую власть еще воевать да воевать.

— И повоюем, из рук ее теперь не выпустим, — дружно отозвались солдаты.

В Белоруссии**В. КАМЕНЩИКОВ,***член КПСС с 1917 года***...И ГРЯНУЛ ГРОМ**

На Второй Всероссийский съезд Советов наши делегаты увезли с собой кучу наказов. Главным из них был: «Вся власть Советам!»

В ожидании предстоящих событий двухмиллионная солдатская масса Западного фронта готовилась к решающим схваткам с буржуазией и их приспешниками. Атмосфера такая сгущенная, что кажется — вот-вот грянет гром...

Как-то я шел на совещание дивизионного партийного комитета. Внезапно дорогу мне преградил поручик Григорьев, эсер.

— Простите, господин полковник, — обратился он, небрежно приложив руку к козырьку фуражки. — Это правда, что большевики готовят вооруженное восстание?

По совести говоря, я немного опешил.

— А почему вы задаете мне такой вопрос?

— Так вот же статья Зиновьева и Каменева, — поручик протянул мне «Новую жизнь». — Здесь много говорится об этом. Неужели не читали?.. Вот видите, ваши же большевики, а утверждают, что восстание — прямая авантюра.

Это заявление в газете штрейкбрехеров, изменников революции повредило нам как нельзя больше. Решение ЦК партии об организации восстания в ближайшее время теперь было раскрыто перед врагами.

Результаты предательства не замедлили сказаться и в Минске. По-видимому, временное поражение Минского Совета тоже в какой-то мере связано с этой подлостью.

Двадцать пятого октября я приехал в Минск на заседание областного комитета партии. Собраться назначено к пяти часам, я же заявился на Петроградскую улицу утром; времени было достаточно, можно разузнать о всех новостях.

Ко мне подошел член Военно-революционного штаба, недавно организованного при Минском Совете. Разговорились.

— На Центральный телеграф, — взволнованно сказал мой собеседник, — поступает много телеграмм, которые передаются главнокомандующему Западным фронтом почему-то в запечатанных конвертах.

Еще кто-то из штаба подошел к нам и подтвердил, что телеграммы, очевидно, важного содержания — среди офицерства наблюдается волнение.

Неожиданно в комнату бомбой влетел один из наших товарищей. Лицо его сияло, в поднятой руке он крепко держал клочок бумаги.

— Чрезвычайная радиограмма! — еще в дверях закричал он. — Второй съезд Советов объявил о переходе власти к Советам! Меньшевики и эсеры ушли со съезда. Члены Временного правительства арестованы.

Как ни ждали мы этого известия, оно явилось огромной радостью. Председатель Северо-Западного областного комитета партии А. Ф. Мясников поспешно взял листок и начал читать вслух. Все мы, кто тогда был здесь, бурно зааплодировали, услышав, что уже образован Совет Народных Комиссаров во главе с Лениным.

Вскоре на улицах города был расклеен приказ № 1, подписанный президиумом Минского Совета: «В Минске власть перешла в руки Совета рабочих и солдатских депутатов, который обратился ко всем революцион-

ным организациям с предложением немедленно приступить к организации революционной власти на местах. Объявляя о происшедшем, Минский Совет рабочих и солдатских депутатов доводит до сведения всех граждан, что им приняты самые решительные меры к охране революционного порядка и установлению железной дисциплины повсюду».

К городской тюрьме направился отряд красногвардейцев. Настсжь раскрыты тяжелые двери, из них выходят взволнованные люди, у многих на глазах слезы. Освобождено около двух тысяч рабочих, солдат, офицеров, запятанных за решетку главным образом по политическим соображениям. Один из бывших узников — офицер, большевик, тут же распределил солдат по отделениям, взводам и ротам, назначил командиров. В несколько минут нестройная толпа превратилась в могучую боевую единицу. Из бывших политических заключенных был образован 1-й революционный полк имени Минского Совета.

Подвезли оружие, и полк в походных колоннах, промаршировав по улицам города, выстроился перед зданием Совета. Тысячи трудящихся пришли тоже сюда. На митинге Мясников объявил, что отныне вся власть принадлежит Советам рабочих и солдатских депутатов.

Но ни у кого из нас, большевиков, не было сомнений в том, что контрреволюция без боя не сдаст своих позиций. Бдительность, бдительность и еще раз бдительность — вот что требовалось сейчас для всех, везде и во всем.

Наши опасения были не напрасными. На следующий же день после переворота меньшевики и эсеры создали «Комитет спасения родины и революции» Западного фронта — так, кажется, называлась тогда эта контрреволюционная организация.

Двенадцатый Туркменский полк, которым я командовал, входил в состав 2-й армии и участвовал в боях с германскими войсками. Линия фронта проходила совсем близко от Минска, в какой-нибудь сотне километров. Так что добирался я восвояси недолго.

Рано утром члены нашего партийного комитета собрались на совещание. Я сообщил о том, что произошло в Петрограде на Втором съезде Советов, и о том, как решили действовать в Минске. Мы точно расписали, кто и что должен делать, в случае если потребуется перебросить наш полк на помощь минчанам.

— За солдат можно смело ручаться, — заметил кто-то, — а вот старшие офицеры, вполне вероятно, постараются противодействовать, поднимут переполох, известят генералитет, Ставку. Нам нужно все хорошенько предусмотреть.

— Не успеют и пошевелиться, как мы их тут же арестуем.

— Все это понятно, но надо уже сейчас готовить свой надежный командный состав — из солдат, ефрейторов, младших чинов.

На том и порешили. Мне как председателю войскового комитета дивизии предложили провести во всех подразделениях собрания, обсудить вопрос о поддержке Совета Народных Комиссаров.

...К назначенному часу люди стали собираться на заседание дивизионного комитета. Прихожу в помещение, сразу же замечаю, что у наших «главных» эсеров — поручика Григорьева и полковника Петрова — лица необычно веселые. Изредка поглядывают в мою сторону, о чем-то вполголоса переговариваются. «Не иначе, — думаю, — затеяли какую-либо пакость». А надо сказать, что в дивизионном комитете эсеровщина процветала тогда всюду.

Ну, понятно, так и есть! На совещание на этот раз заявилось много из нестроевых частей, обоза, штабов. Батюшки мои! — эсеры притащили с собой даже кое-кого из ратников ололчения, самых престарелых и тугодумных. Я быстро сообразил, что мне надо делать.

Начали заседание со множества мелких вопросов. Пока с ними разбирались, люди приутомились, я объявил перерыв. По моим расчетам, как раз к этому времени в полках должны закончиться совещания полковых комитетов. Так и вышло. Послышались телефонные звонки. Попросят принять текст резолюций. Ну, что-то нас ждет?..

Писаря, приложив трубки к уху, записывают. Мы, большевики, понятно, нервничаем... Ура! — победа полная: все подразделения дивизии приняли резолюции, предложенные большевиками.

Теперь можно и продолжать заседание нашего комитета. Зачитаны все документы, мнение солдат ясно как день. Но эсеры не ретировались. Они решили все же попробовать подложить свой камешек под ноги. В их проекте постановления, велеречивом и туманном, от имени нашей 7-й дивизии по существу содержался протест против передачи власти Советам, против подчинения Совнаркому, а значит, и Ленину.

Лишь с немалым трудом нам удалось внести поправку, которая сводилась к тому, что таково мнение отнюдь не всей солдатской массы, а всего лишь одного дивизионного комитета.

Это было последней выходкой эсеро-меньшевистского блока. Узнав о злополучной резолюции, солдаты потребовали немедленных перевыборов. В новом составе дивизионного комитета преобладали уже большевики.

А что же делалось в это время в Минске?

Двадцать седьмого октября штаб Западного фронта и «Комитет спасения родины» ввели в город кавалерийские части. Имея в своем распоряжении, кроме того, «ударный батальон», «Комитет спасения» потребовал ни больше ни меньше как передачи ему всей власти.

Противостоять такому военному кулаку было трудно, поэтому партийная организация Минска придумала хитроумный ход. Военно-революционный комитет пока что согласился на требование «Комитета спасения». В его состав даже вошли двое наших товарищей. А в то же время несколько членов ВРК выехали в действующую армию с заданием стянуть к городу воинские части, идущие с большевиками.

Дальше события развивались особенно стремительно. Комитет 2-й армии решил направить с фронта бронепоезд на помощь Минскому Совету. Поручили это члену комитета Пролыгину, который тотчас же и выехал на станцию Погорельцы, где стоял бронепоезд.

Каким-то образом контрреволюционеры все же дознались о том, что к Минску идет бронепоезд. Они задумали во что бы то ни стало задержать его в пути. В «Комитет спасения» вызвали нескольких рабочих-подрывников.

— Именем революции приказываем взорвать железнодорожное полотно в указанном вам месте. Это необходимо сделать для спасения вашего родного города.

— Большевики, что ль, едут?

— Не ваше дело!

— А не наше, тогда зря и звали, прощайте покуда! — Повернулись и ушли.

Позвали других подрывников — то же самое.

И вот тогда сам председатель «Комитета спасения» меньшевик Колотухин помчался на автомобиле навстречу бронепоезду. На 712-й версте он взорвал путь. Но... опоздал — бронепоезд уже давно проскочил это место. Информация в «Комитете спасения», по-видимому, была поставлена из рук вон плохо. Да это и понятно: народ знал, что представляют собой Колотухины и иже с ними.

К вечеру 2 ноября бронепоезд на полном ходу подошел к Минску и стал на Александровском вокзале, почти в самом центре города. С фронта

приближались революционные отряды. Не успев забрать свои манатки, Колотухин бежал. На станции Орша его поймали местные красногвардейцы. «Комитет спасения...» и так далее — рассыпался.

...Жители Минска заполнили городской театр. Торжественное заседание Минского Совета рабочих и солдатских депутатов открыл А. Ф. Мясников. Долгие аплодисменты, крики «ура» встретили его слова об окончательной победе пролетарской революции в центральном городе Белоруссии — Минске.

С. СИМКИН,

член КПСС с 1917 года

БЕЗ ЕДИНОГО ВЫСТРЕЛА

Двадцать шестого октября всех депутатов Оршанского Совета позвали на экстренное совещание — получено известие о революционном перевороте в Петрограде.

Два дня заседал Совет, два дня шли бурные дебаты. Голоса депутатов разделились: одна часть горой стояла за Советскую власть, другая — эсеры с меньшевиками — за поддержку Временного правительства. Так и разошлись ни с чем.

Поздно ночью собралась большевистская фракция Совета. Был создан Военно-революционный комитет. Председателем ВРК избрали большевика И. Дмитриева, в число других членов вошел и я.

Наутро — первые донесения: красногвардейцами заняты почта, телеграф, банк, казначейство, некоторые предприятия. Комендантом железнодорожной станции ВРК назначил солдата Горбачева.

Двадцать восьмое октября. Пять часов утра. По поручению ВРК отправляемся забирать в свое большевистское хозяйство типографию. Хоть и малюсенькая она, но нам нужна до зарезу. Важно не дать пользоваться ею меньшевикам.

— Кто владелец?

— Я.

Перепуган. Закрывает обеими руками денежную кассу — как будто мы за нею пришли! На доске набор — листовка меньшевистского «Комитета общественного спасения». Рассыпаем шрифт. При мне начинают набирать воззвание Военно-революционного комитета.

Девять часов утра. Группа членов ВРК вместе с Дмитриевым выезжает на станцию Орша. Зрелище грозное. Все пути — а их свыше двадцати — заняты воинскими эшелонами. Это войска Временного правительства гонят на Питер и Москву. Задержать!.. Но как?..

Кругом снуют солдаты, в руках у большинства белые листки.

— Что это? — спрашивает Дмитриев у одного.

— Тю! — свистнул тот презрительно. — Вишь ты, не знает... Декрет это о мире, чудак этакий. Во-о!

Сразу стало легче на душе.

Весь день мы обходили эшелоны, подолгу беседовали — и начистоту, и с хитростью, с умом, и по душам, и подчас круто. Вроде как получается, солдаты склоняются дальше не ехать.

Не обошлось и без инцидентов. У эшелона донских казаков кто-то громко крикнул:

— Гляди, казаки, — комиссары завелись!

Навстречу нам рванулось несколько человек, сверкнули клинки.

— Ни с места! — крикнул Дмитриев. — Иначе пулеметами сшибем!
(А какие там у нас пулеметы!)

На подмогу нам уже бежали от соседних вагонов. Слушать нас казаки отказались наотрез. Ночью их эшелон ушел к Смоленску.

Военно-революционный комитет решил укрепить положение в городе за счет воинских частей, скопившихся на станции и сочувствующих большевикам. Под предлогом расквартирования я привел первую роту Болховского пехотного полка в здание, где помещался «Комитет общественного спасения». Большевики попробовали протестовать. Солдаты, не обращая на них никакого внимания, с шумом разместились в роскошно обставленном зале. Тогда большевики, видя, что дело может кончиться для них плохо, один за другим исчезли. Так был разогнан меньшевистский «комитет».

Советская власть в Орше победила без единого выстрела, без кровопролития.

На Украине

К. ВАСИЛЬКОВСКИЙ,

член КПСС с 1917 года

ТРИ МЕСЯЦА БОРЬБЫ

Знамя социалистической революции, взвившись вначале в Петрограде, вскоре было водружено почти во всех других городах и районах страны. В некоторых местах власть Временного правительства рассыпалась, как карточный домик, от одного только стука телеграфного аппарата: «Всем, всем, всем!.. Да здравствует революция рабочих, солдат и крестьян!» Но далеко не повсюду буржуазия легко отказывалась от власти, она иступленно пыталась остановить поступь истории. Одним из таких мест был и Киев.

В конце октября на Печерске, недалеко от Арсенала, собрался штаб восстания. Здесь рабочий Андрей Иванов, профессор политехнического института Владимир Затонский, Леонид Пятаков, впоследствии зверски замученный гайдамаками, и другие.

— Драться придется на два фронта, — говорит Иванов, — с Временным правительством и Центральной радой.

Да, Рада полностью разоблачила себя. Она отказалась признать Советское правительство. Сейчас, когда силы рабочего класса и большевистской партии все возрастают, она взяла на себя роль спасительницы буржуазии. Пытаясь разогнать Советы, Рада созвала Всеукраинский войсковой съезд и съезд фронтового казачества. Рабочие Киева не допустили этого: красногвардейские отряды произвели обыски, реквизировали у подозрительных лиц оружие; разоружены, в частности, буржуазные польские дружины. На днях закончилось областное совещание Советов Юго-Западного фронта, принявшее большевистскую резолюцию: требуем перехода всей власти Советам.

Выступает Леонид Пятаков:

— Предлагаю наметить пункты восстания и распределить силы большевиков.

В районы уже направлены партийные активисты — Я. Гамарник, Я. Якир и другие товарищи.

Председатель Военно-революционного комитета Георгий Пятаков колеблется:

— В Центральной раде есть люди, склоняющиеся к союзу с нами...

Киевский комитет РСДРП(б) опубликовал воззвание: «...Рабочие и солдаты Киева, все те, кто страдает от войны, дороговизны и безработицы, все угнетенные и обездоленные, голодные и холодные должны теперь сомкнуть свои ряды для поддержки восставших рабочих и солдат Петрограда, для борьбы против контрреволюционной буржуазии...»

Положение тревожное. По всему городу расставлены патрули из юнкеров и прапорщиков. Товарная станция Киев-II окружена сплошной цепью войск. Много пулеметов. На станции вагоны оружия и боеприпасов; ставленники Временного правительства боятся неожиданного нападения. А зачем нам это делать, если партийный комитет уже поручил Патлаху, руководителю большевистской организации железнодорожников, переправить оружие в Арсенал. Рабочие блестяще выполнили задание: несколько десятков вагонов с оружием и боеприпасами по специальной ветке направлены в Арсенал. Юнкера все еще караулят станцию, а на Печерске Сивцов и Патлах распределяют винтовки среди красногвардейцев.

По предложению Г. Пятакова Военно-революционный комитет размещен в Марииинском дворце. Если уже первой ошибкой Г. Пятакова было половинчатое отношение к Центральной раде, то такое расположение ВРК — непростительным просчетом. Мариинский дворец находился в центре города, в буржуазных кварталах, вдали от рабочих районов.

В шесть часов вечера 28 октября дворец был окружен юнкерами и гайдамаками. Вскоре они ворвались в помещение, арестовали большинство членов ВРК. Арест послужил сигналом к переходу контрреволюции в наступление. Начался разгром рабочих организаций. В восемь часов вечера отряд юнкеров занял типографию Совета рабочих депутатов; все, что в ней находилось, было сожжено.

Рабочие окраины — полностью большевистские — поднялись на защиту революции.

На Крещатике митинг. Требуем освободить арестованных. Белогвардейцы, гайдамаки стреляют в собравшихся. Колебаний быть не может, пора брать за оружие. Подсчитываем свои силы: понтонный батальон, 3-й авиапарк, конногорный артиллерийский дивизион, сибирские стрелки, автобронеполк, 147-я и 148-я воронежские пехотные дружины, тяжелый артиллерийский дивизион. В общей сложности на стороне ВРК шесть с половиной тысяч человек. У противника — свыше десяти тысяч. С Юго-Западного фронта на помощь Временному правительству пришло семнадцать эшелонов войск.

Спустя день, под вечер, над Киевом показался аэроплан. Летчик покачивает крыльями. Разворот, снова разворот. Это условный сигнал начала восстания революционных рабочих и солдат. Почти в то же мгновение в районе присутственных мест на Софийской площади разрывается снаряд: ударило тяжелое орудие из Дарницы. Авиапарк начал бой с Николаевским юнкерским училищем. Повсюду в городе, в окрестностях вспыхивают схватки молодых необученных революционных отрядов с вышколенными, до зубов вооруженными силами контрреволюции.

Партийная организация призывает к забастовке:

«Товарищи! Останавливайте немедленно заводы, фабрики и мастерские. Выступайте все на улицу.

Пусть вся жизнь города замрет!

Пусть пролетариат и гарнизон Киева покажут, что они не позволят контрреволюции растоптать свои завоевания...

Все на защиту Революции, все за власть Советов!»

В Киеве началась всеобщая забастовка. Работали только пекарни, они снабжали хлебом восставших. Военно-революционный комитет перешел в Арсенал, во главе его стал уцелевший от ареста Андрей Иванов.

Мне с отрядом красногвардейцев фабрики Матисона поручено пробраться в центр города, обезоружить охрану почтамта на Крещатике, а затем присоединиться к отряду Боженко на Малой Васильковской улице. Идем поодиночке, держимся поближе к домам. Впереди девушки-разведчицы. Заметив юнкерский отряд, они подают условный знак. Тотчас же смыкаемся — и в бой.

К почтамту добрались только глубокой ночью, бесшумно сняли караул, обезоружили юнкеров. Поставили своих постовых. Возвращались под непрерывную трескотню выстрелов, в нас стреляли с крыш, балконов, из окон.

Василий Назарьевич Боженко, старый киевский рабочий, впоследствии легендарный полководец, отправлял прибывающие отряды в трудные места.

— Так что, хлопцы, — он положил мне руку на плечо, — в Арсенале плохо. Помочь треба.

Арсенал сжат кольцом врагов. Но наш отряд не раздумывает. Короткая штыковая схватка, ярость, заставшая на мгновение глаза, и мы среди арсенальцев.

День и ночь превратились в сплошной бой. Враг превосходит нас силами, рвется вперед.

Рада, заключившая соглашение о совместном выступлении против Временного правительства, предательски изменила нам. Лишь только началось восстание, она объявила нейтралитет: хотела загребать жар чужими руками, истощить в боях большевиков, а потом стать хозяином положения. Вокруг националистической буржуазной Рады объединились капиталисты, помещики, кулаки, меньшевики, эсеры, анархисты. Рада была одним из центров мобилизации контрреволюционных сил.

Наши агитаторы, посланные в казармы украинизированных полков, разъяняли солдатам антинародную политику Центральной рады. Многие из солдат, несмотря на запрет Рады, немедленно выступили на нашей стороне. Это ускорило победу над войсками Временного правительства.

В Киеве создалось опять-таки двоевластие: Совет рабочих и солдатских депутатов — с одной стороны и Центральная рада — с другой. После Октябрьского восстания власть в городе постепенно переходила в руки Центральной рады. Повсеместно свирепствовал белый террор.

Вооруженная ленинскими лозунгами, — большевистская организация Киева подготовляла массы на решительный бой с Центральной радой.

В начале января 1918 года Киевский Совет рабочих депутатов обратился к молодежи с призывом, в котором говорилось:

«Рабочие юноши и девушки! Вам наше слово. Пусть проникнет в ваши юные чуткие сердца наш пламенный братский призыв, пусть пробудит все крылатые мечты юности, все светлые грезы и порывы, пусть унесет вас в чарующее царство будущего и поселит в вас страстное желание бороться с тьмой и насилем... Неужели же мы будем молчать, товарищи? Разве мы меньше взрослых рабочих хотим конца гнета рабства? Нет, тысячу раз нет!.. Слышите, товарищи, отдаленные раскаты грома — это предвестники мировой революции, то могучий титан — международный пролетариат — встает на последний бой с капиталом. В их стан, молодежь, к обездоленным, на борьбу за мир и братство всех народов!..»

На фабрике Матисона, где я работал, красногвардейские отряды, как и на других предприятиях, росли с каждым днем. Кропотливо, откуда только можно, собирали оружие. Его надо было тщательно скрывать — гайдамаки рыскали по заводам, искали винтовки.

Городской комитет большевистской партии, Совет, бюро профсоюзов опять призвали рабочих к стачке. Снова, как и двадцать девятого октября, погас свет, остановились трамваи, жизнь замерла. Из всех киевских

газет выходит только одна — большевистский «Голос социал-демократа». Гайдамаки пытаются силой оружия заставить рабочих приступить к работе. В ответ — вооруженное восстание.

И вновь на Печерске собрался наш штаб. Опять первым берет слово Андрей Иванов.

— Положение на Украине стало невыносимым. Рада плетет сеть сложных интриг. Она заигрывает и с немцами и с Антантой, помогает Дутову и Каледину.

Владимир Затонский говорит:

— Рабочие сейчас пойдут штурмовать даже небо.

Восстание началось на Печерске, на Подоле, в районе железнодорожных мастерских, бои идут на Шулявке, Демидевке, Соломенке...

Как и раньше, центр восстания — Арсенал. Вскоре беда: боеприпасы на исходе, нехватка продовольствия. Делаем несколько вылазок в ближайший интендантский склад. На пару дней обеспечиваем себя едой.

До нас дошли сведения, что из Советской России идут полки, посланные Лениным. Это подтверждается прибытием в Киев отступающих гайдамаков.

Мы выбиваемся из сил. Но держимся!

Рада бросила против Арсенала все вновь прибывшие части. Артиллерия, бронев автомашины в упор начали бить по горстке арсенальцев.

Все уже кольцо гайдамаков. А у нас ночью кончился последний патрон. Гайдамаки ворвались в цехи Арсенала. Каким-то чудом уцелевшие выскочили на площадь. Здесь нас схватили, повели.

Остановили у военной гауптвахты.

— Ладони вперед!

Офицер обошел строй, вывел тех, у кого, по его мнению, были большие мозоли. Команда, свист сабель — и в лужи крови падают обезглавленные трупы. Остальных, в том числе и меня, заперли на гауптвахте.

Сидим голодные, в жутком холоде. Ждем своей участи.

Рано утром 25 января мертвую тишину разрывают орудийные выстрелы.

— Из Дарницы, — шепчет кто-то.

И вдруг я увидел: в коридоре стоит забытая охраной винтовка. Выбежал в коридор. Пусто. Караул сбежал.

Босые, оборванные, захватив брошенные караулом винтовки, мы бежали по улицам Зверинца. Навстречу из-за угла двигалась цепь советских войск. У железнодорожного моста дымил бронепоезд.

Двадцать шестого января Киев был полностью очищен от петлюровцев. На Украине установилась Советская власть.

...Где-то на границе Винницкой области и Румынии стоял эшелон белогвардейцев. О нем сложили песню:

В вагоне Директория,

А под вагоном — территория.

Территория под вагоном — это все, что осталось украинской контрреволюции.

Н. ЛЕВЧЕНКО,
член КПСС с 1917 года

У ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКОВ

«Обсудив вопрос о текущем политическом моменте, мы, служащие, мастерские и рабочие станции Авдеевка, заявляем, что, учитывая всю предательскую политику прежде бывшей у власти буржуазии, мы с неодобрением отвергаем создание коалиционной власти и считаем, что только власть всего народа в лице Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов может вывести страну из создавшейся разрухи. Обещаем всеми силами поддерживать единую народную власть в борьбе за хлеб, мир и свободу».

Такую резолюцию приняло собрание Авдеевского железнодорожного узла 8 ноября 1917 года, когда докатилась туда весть об Октябрьском восстании в Петрограде.

Теперь стало ясно, что надо делать. На Екатерининской железной дороге был создан Военно-революционный штаб во главе с большевиком Баглеем. В его распоряжении — свыше двух тысяч красногвардейцев.

Спустя несколько дней в Екатеринославе поднялась муть. На сцену повывезли ярые националисты, сострипали так называемую губернскую Раду. Она заявила, что не призывает Советы, и начала мобилизацию своих вооруженных сил. Нам предстояли серьезные дела.

По призыву нашей партийной организации все больше и больше рабочих записывалось в Красную гвардию. Но вооружить всех не было возможности. Надеялись достать оружие в Петрограде. Поручили это мне.

Приехал в столицу. К кому обратиться с этим сложным поручением?

Немного поразмыслив, я решил, что стесняться тут нечего, цель общая, и направился прямо к своему земляку, к Народному комиссару внутренних дел Григорию Ивановичу Петровскому. Он принял меня сразу же.

Мне повезло. В кабинете наркома я неожиданно столкнулся с хорошо знакомым по июльским дням организатором Выборгского района «Дядей» — Мартыном Ивановичем Лацисом. Оба они стали подробно расспрашивать о положении в Екатеринославе. Потом Петровский написал записку и протянул мне. Я прочел: «Товарищ Мехоношин! Прошу оказать т. Левченко содействие в отпуске оружия для екатеринославских рабочих».

— Проследи, пожалуйста, — коротко сказал Григорий Иванович, обращаясь к Лацису. Тот молча кивнул головой.

Недолго задержали меня и в Военно-революционном комитете у Мехоношина.

— Идите в Арсенал, спросите там Орлова. У него все и получите, — сказал Константин Александрович.

Пробиться к Орлову оказалось нелегко. Его плотно обступили десятки людей, размахивающих целыми пачками мандатов и ходатайств. И все за тем же, что и я. Дождался очереди, подаю записку. Быстро взглянув на подпись, Орлов неохотно, как бы жалея свои запасы, бросил:

— Триста винтовок и к ним патроны. Хватит?

— Троечку бы еще «максимов», — робко попросил я.

Орлов оглянулся растерянно, словно ища, куда бы ему скрыться от всех настырных посетителей, не нашел и махнул рукой.

— Пару, не больше. Всем сейчас нужны.

Ломовой извозчик, привезший меня на вокзал, обошел со всех сторон поклажу, заглянул в ящики и расплылся во весь рот:

— Буржуев бить собираешься?

И узнав, что «да, буржуев недорезанных», попросил чуток подождать, а сам куда-то скрылся. Вернулся он в сопровождении отряда грузчиков. Не успел я и опомниться, как все оружие очутилось в вагоне.

— Ну, вот и ладно, — протянул мне на прощание руку извозчик, — с богом, хоть теперь и говорят, что его нету. Езжай, души гидру проклятую, кровь из носу, но чтоб Советская власть стояла. Так и передай своим ребятам. Питерский, мол, ломовик наказал.

Гайдамаки перешли в наступление. Они захватили почтамт и нагорную часть Екатеринослава. И как же пригодилось тогда нам это оружие, полученное из самого революционного Питера!

Красногвардейцы начали стягиваться к центру города. Из Харькова пришел на помощь бронепоезд. Гайдамаки отступили, оставили пленных. Возле станции Сухачевка был разоружен казачий эшелон.

Прошло еще немного времени, и исполком Совета сообщил: кольцо Екатеринослав — Синельниково — Александровск — Дебальцево и Пятихатка — Екатеринослав свободно от контрреволюционной нечисти. Власть на железной дороге целиком принадлежит Советам.

В Майкопе

А. КОВАЛЕВ,

член КПСС с 1919 года

ВРАЖЕСКАЯ ВЫЛАЗКА

В ночь на 5 января 1918 года из Майкопа бежал, спасая свою шкуру, казачий атаман генерал Данилов. Вместе с ним исчезли ценности, важные документы. А казачий батальон перешел на сторону большевиков. Был обезоружен добровольческий отряд есаула Мурзаева. Власть перешла к Майкопскому Совету. Высокие и пока еще весьма неясные обязанности председателя Совета возложили на меня.

Отрезанный от областного центра — Екатеринодара, где продолжал хозяйничать атаман Филимонов вкуче с Кубанской казачьей радой, в условиях отсутствия связи даже с соседями, наш Совет, избранный впервые, приступил к работе. Пока что у нас не хватало времени, чтобы заняться вопросами мирной жизни, и все усилия были направлены на организацию борьбы с врагами народа. Представители Совета выехали в Севастополь, Новороссийск, Трапезунд за оружием. Из Петрограда пришла финансовая помощь — целых пять миллионов рублей.

В начале марта генерал Данилов, собрав остатки бежавших частей, пополнил их зажиточными казаками и черкесами и двинулся на Майкоп. Контрреволюционеры без труда заняли станицу Ярославскую и стали готовиться к решающему прыжку на наш город.

Один из даниловских казаков, вдребезги пьяный, попал к нам в плен. Он так и не разобрался, куда попал, и орал, брызгая слюной, выкатив налитые кровью глаза:

— Большевики, так и эдак, комиссары! Ремней из их кожи нарежем да на этих же ремнях и вздернем.

Узнав, с кем имеет дело, казак тотчас же скис, пополз на коленках, прося пощады. Он выболтал все военные тайны, которые ему были известны. Кое-что из его рассказа нам очень пригодилось.

Революционные части встретили казаков Данилова под Майкопом. Бой был короткий, но жестокий. Враги откатились назад, разъяренный Данилов вновь потерпел фиаско.

Майкопские большевики приступили к своим повседневным делам.

В Сибири

Я. ШУМЯЦКИЙ,
член КПСС с 1908 года

ОКТАБРЬ—ДЕКАБРЬ

Телеграф был в руках эсеровских комиссаров, ставленников Временного правительства, поэтому известие об Октябрьском перевороте в Питере дошло до нас в совершенно искаженном виде. Эсеры утверждали, что «бунт» не удался и «порядок» в столице восстановлен.

Но шила в мешке не утаишь: вскоре стало известно о победе революционных сил. В первую очередь надо было навести порядок в Советах, очистить их от непролетарских элементов. Как ни сопротивлялись эсеры и меньшевики, а все же по настоянию нашей партийной организации были проведены перевыборы. Они дали абсолютное большинство ленинцам. На первом же заседании нового Иркутского Совета рабочих и солдатских депутатов был создан Военно-революционный комитет. В него вошли Постышев, Мельников, Янсон, Шепшелевич и Базаркин. Председателем ревкома избрали Янсона. Во все основные учреждения города ВРК назначил своих комиссаров.

Временное правительство оставило на работе всех чиновников, служивших еще при царе. Они уже привыкли к мысли, что без них не обойтись. Многим из них новая власть была явно «противопоказана». Начались попытки сопротивления, прямого саботажа.

В таких случаях на сцену появлялся один из наших товарищей — Шевцов. Высоченного роста, жизнерадостный и милейший человек, он шагал по кабинетам, подходил к саботажнику и, свирепо вращая глазами, в упор ему говорил:

— Для вас, батенька, будет спокойнее, если вы, того-сего, по-хорошему ключи отдадите. Мы вам расписочку дадим, и убирайтесь подобра-поздорову. А не то, знаете... И вообще, господа хорошие, шутки в сторону, давайте двигайте!

Обычно на этом все и кончалось. «Господа хорошие» трясущимися руками спешили передать ключи и побелевшими губами спрашивали:

— А с нами что? Ничего не будет? Не арестуют?

Сложнее обстояло дело с воинскими частями. В городе располагались несколько сибирских запасных полков, артиллерийский и казачий дивизионы, военное училище и три школы прапорщиков. Сибирские полки и артиллерийский дивизион перешли полностью на сторону большевиков, в остальных же частях настроение, подогреваемое меньшевиками и эсерами, было явно антисоветским. Вели здесь себя вызывающе, и столкновение с юнкерами, казаками и офицерами было неизбежным.

Готовились к схватке силы контрреволюции. Они создали так называемый «Комитет по охране революционного порядка», с помощью эсеро-меньшевистских лидеров начали открыто вооружаться офицеры, юнкера и старшие классы кадетского корпуса.

Иркутский «Октябрь» произошел в ноябре. Поводом послужил частный случай. В военном училище должен был состояться выпуск новопеченных офицеров вопреки тому, что революционная власть отменила всякие чины и звания. Исполнительный комитет Советов Сибири — Центросибирь, избранный в октябре 1917 года на Первом съезде Советов всей Сибири и объявивший себя высшей властью Сибири, дал нам указание: училище разоружить, юнкеров распустить по домам. Иркутский военно-революционный комитет издал соответствующий приказ. Однако

он не был выполнен. Стало ясно: юнкера готовились к бою. Вскоре враг перешел к активным действиям.

В центре Иркутска стояло большое здание, резиденция бывшего генерал-губернатора — Белый дом, где разместились Центросибирь, ВРК, штаб Красной гвардии и другие учреждения Совета рабочих и солдатских депутатов.

Как-то один из наших комиссаров, В. Рябиков, идя в Белый дом на совещание, заметил, что на крыше подозрительно копошатся две фигуры. Под угрозой открыть стрельбу комиссар заставил их спуститься вниз. Оказалось, что это два юнкера пытались прервать связь Белого дома с городом. Сомнений в намерениях «Комитета по охране...» уже не оставалось.

Утром 8 декабря в Белом доме во время заседания, когда собралось много людей, раздался оглушительный взрыв. В кабинете, где находились я и несколько товарищей, висела роскошная люстра. Взрыв был настолько силен, что она рухнула на пол. «Началось!» — подумал я.

Вместе с красногвардейцами мы забаррикадировали двери, расставили караулы. На площади появились юнкера. Судя по всему, они решили взять Белый дом с ходу.

— Стрелять по команде! — приказал командир отряда красногвардейцев Сергей Лебедев. — Огонь!

Дружный залп, еще... Цепи наступающих дрогнули, остановились. Еще залп, и юнкера не выдержали, бросились врассыпную. Начался штурм Белого дома, продолжавшийся ровно неделю. Удержать за собой этот очень важный пункт в центре города и тем самым отвлечь значительные силы контрреволюции имело первоочередное значение. Руководство обороной взяли на себя главным образом П. П. Постышев и М. А. Трилиссер, привлекли для этого дела и меня.

Вечером под прикрытием темноты юнкера заняли близлежащие дома и часть построек непосредственно во дворе Белого дома. Мы оказались в узком кольце. Обстановка была не в нашу пользу. Все стекла выбиты, на дворе декабрьский мороз градусов под сорок. Но мы твердо держались.

Весельчак Шевцов, этот живой, горластый парень, не давал красногвардейцам впасть в уныние.

— Абы харч, — говорил он в промежутках между атаками, — а так все идет нормально. Подумаешь, стужа, эка невидаль для сибиряков!

Ему и поручили ведать у нас продовольственными делами. Он тщательно облазил все кладовые, подсчитал запасы и бодро доложил, что хватит... на два дня.

А на следующий день снова заявился к нам, весь сияя:

— Порядок! Можем продержаться хоть месяц и сыты будем — во, — он провел пальцем по горлу, — как буржуи.

Выяснилось, что при перестрелке было убито несколько лошадей, и Шевцов организовал заготовку конины.

— Нам даже мороз помогает, — хохотал он, поеживаясь в своем стареньком ватнике, — мясо не испортится.

С питанием было все же очень худо. Еще сложнее — с водой. На беду, замерз водопровод, и воду нужно было приносить из Ангары. Юнкера, окружившие дом, устроили за водоносными целую охоту, и буквально каждое ведро воды стоило жизни тому или иному защитнику «крепости». Дров не было, мороз пронизывал до костей. Вначале мы отапливались мебелью и деревянными частями зданий. Но помещение без оконных стекол нагреть было невозможно.

Первые два дня осады прошли относительно спокойно. Но вот вечером 10 декабря внезапно ударило сразу несколько пулеметов. Они били с балконов и из окон домов, расположенных вблизи. А потом юнкера пе-

решили в атаку. Им удалось прорваться к самому помещению, забросать его гранатами. Красногвардейцы не дрогнули, не растерялись, они открыли прицельный огонь, заставивший врага отхлынуть назад. Сережа Лебедев вскочил на подоконник и с криком «За мной!» прыгнул вниз. Все мы последовали за ним, стреляя по убегающему в панике врагу.

Полковник Грузинский, грозя револьвером, старался остановить юнкеров. Он собрал вокруг себя нескольких офицеров и заставил их отстреливаться. Метко брошенные гранаты красногвардейцев уничтожили эту кучку. Атака и на этот раз провалилась.

Остервенелые контрреволюционеры решили взять нас во что бы то ни стало. Они участили свои нападения, вели почти непрерывный огонь, изрешетили все стены, но ничего не добились. Над нашим домом продолжал развеваться красный флаг.

Однако положение все более осложнялось. Боеприпасы подходили к концу. Появились раненые, а медикаментов не было. Раненых поместили в подвалы, сняли все портьеры, скатерти, ковры и отдали им, чтобы укрыться от холода. Ну, а как быть дальше? Сможем ли мы продержаться еще какое-то время, и сколько это будет дней?.. Подобные мысли то и дело приходили в голову каждому из нас, но никто ни разу даже намеком не говорил их вслух. По-прежнему все были спокойны, непоколебимы в своем решении отстоять нашу стратегически и политически чрезвычайно важную точку. Мы знали, что помощь может прийти к нам нескоро — во всем городе шли ожесточенные бои с озверевшей контрреволюцией...

Решили установить связь с «внешним миром». Посовещались, выбор пал на меня.

На всякий случай замаскировавшись под раненого, я вышел на улицу. Было темно, и меня не заметили. По узкому палисаднику проскользнул во внутренний двор, а оттуда закоулками пробрался к берегу Ангары и низом, пригнувшись, чуть не ползком миновал полосу обстрела.

В городе было беспокойно. Со всех сторон слышался треск пулеметов, грохот орудийных взрывов. Горели дома, отсвет пожаров окрашивал в зловещие цвета облака, низко опустившиеся над Иркутском.

С большим трудом, соблюдая необходимую осторожность, я пробрался в нужный мне дом. Здесь меня встретили Янсон и Дмитриевский. Они не спали уже трое суток и от усталости еле держались на ногах. Товарищи рассказали, что происходит в городе. На нашей стороне хотя и численно превосходящий, но плохо вооруженный гарнизон и Красная гвардия; на стороне контрреволюции — военные училища, школы прапорщиков, кадетский корпус, казаки и отряд белой гвардии. Юнкера прекрасно вооружены, тепло одеты. Однако настроение, моральный дух революционных рабочих и солдат несравнимо выше. Бои идут за каждую улицу, за каждый дом, больше того — дерутся за каждый этаж, комнату, коридор.

...Вспоминаю, как после событий 1905 года, в подполье, мы штудировали книжку «Тактика уличного боя». Там говорилось в основном о баррикадах, о том, как их строить, как занимать и оборонять. Теперь же в Иркутске никаких баррикад не было. Шли уличные бои, тактика которых нам была неведома. Обиднее всего было то, что в этих условиях мы не могли использовать в полную силу наш главный козырь — артиллерию, хотя она почти вся была в руках большевиков.

Юнкера захватили лишь центр города. Распространиться шире им не дает плотное окружение революционных частей. Мы не одни. На поддержку иркутским рабочим и солдатам беспрестанно прибывают красногвардейские отряды и воинские подразделения — они спешат к нам с Черемховских, Анжерских и Судженских копей, из Красноярска, Канска, Ачинска. С одним из отрядов приехал Сергей Лазо.

Положение контрреволюционных сил день ото дня становилось безнадежнее. Как ни пытались мятежники вырваться из замкнувшего их круга, чтобы уйти на север, у них ничего не получалось.

В том году Ангара стала только 19 декабря. По еще молодому льду прибывшие подкрепления перебрались на другой берег и, восторженно приветствуемые населением, вошли в город. Вскоре контрреволюция сложила оружие.

В номере первом газеты «Власть труда» за 30 декабря 1917 года мы прочитали постановление Иркутского Совета. В нем говорилось: «Вся полнота власти в г. Иркутске, губернии и округе переходит к Иркутскому Совету рабочих и солдатских депутатов... Иркутский Совет немедленно приступает к выделению особых отделов и народных комиссаров для осуществления, в интересах беднейших слоев городского и сельского населения, Советской власти».

Партия большевиков победила и в центре Восточной Сибири.

М. ГУБЕЛЬМАН,
член КПСС с 1902 года

ВО ВЛАДИВОСТОКЕ

Весть о выступлении революционных масс в Петрограде дошла до Владивостока 26 октября. В этот же день поздно вечером мы узнали и о свержении Временного правительства.

Краевой комитет партии большевиков разослал всех своих членов на предприятия, в казармы, на улицы. Город бурлил, он превратился в сплошной митинг. Всюду толпы, взволнованные, накаленные. Люди спорят друг с другом, доказывают и отвергают, торжествуют и негодуют.

Общее собрание рабочих механических мастерских военного порта сказало:

— Мы приветствуем революционный и решительный шаг петроградского пролетариата и революционных солдат и считаем справедливым их требование перехода власти к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Портовиков поддержали рабочие мастерских Добровольного флота:

— Заявляем всем тем, кто посмеет поднять свои грязные лапы против Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов: мы выйдем с оружием в руках на защиту и поддержку рабочих. Мы умрем с оружием в руках за лозунг «Вся земля в руки трудового крестьянства, а власть Советам рабочих и солдатских депутатов!».

Через несколько дней во Владивосток пришла телеграмма от Центрального исполнительного комитета Советов Сибири. В ней говорилось: «Подтверждая свою позицию о переходе власти к Советам, Центросибирь предлагает всем Советам Сибири осуществить этот переход возможно безболезненно... Подчинить Советам все органы политической, военной и гражданской власти».

Но большинство в Совете нами, большевиками, еще не было завоевано. Эсеры и меньшевики, бравирюя своим кажущимся — численным — перевесом, внесли на исполком предложение не признавать Совет Народных Комиссаров. В ответ на эту вражескую вылазку прокатилась волна вооруженных демонстраций. Матросы, рабочие, солдаты, служащие шли с винтовками. На алых полотнах лозунги: «Вся власть Советам рабочих и

солдатских депутатов!», «Да здравствует Совет Народных Комиссаров!», «За Лениным!»

Соглашатели лишний раз убедились, что решающее слово всегда остается за народом. Они слишком понадеялись на свой прошлый авторитет, а его-то уже и не было. Вот что писал в большевистскую газету «Красное Знамя» рабочий-меньшевик: «Рухнула вся надежда. Если раньше... я надеялся, верил, что центр нашей партии все же способен расширить и углубить революцию (о правом крыле и думать противно), то теперь глубоко засела только одна мысль: социализм и революция гнездятся только в сердцах крайнего левого крыла социалистов (большеви́ков)». И дальше, рассказывая о делах меньшевиков: «Помойной ямой от всего этого так и несет».

Помню, как в одном из своих выступлений матрос с крейсера «Орел» Крамаренко точно охарактеризовал политическую обстановку на флоте:

— Хотя большинство из матросов было записано в партию социалистов-революционеров, они в настоящее время уже вернули свои квитанции обратно.

Да, дальневосточные моряки, осознав истинное положение вещей, «возвращали квитанции».

В конце октября собрался на митинг 4-й пехотный полк.

— Мы слишком бросались словом «товарищ», — возбужденно говорил пожилой солдат. — Товарищ — не тот, кто тебе руку пожмет, товарищ огнем испытан должен быть. Кто трудовому люду сейчас товарищ? Тот, кто за Лениным идет, тот, кто за Советы кровь льет!

В казарму вошла группа рабочих. Седоусый человек поднял руку.

— Товарищи! — И необычно, по-новому прозвучало сейчас это обращение. — Товарищи! Довольно разговоров. Настало время братья за оружие. Рабочим нужны винтовки. Помогите их достать.

В эту же ночь солдаты 4-го полка принесли красногвардейцам триста винтовок. Следом за ними минеры дали тысячу.

Меньшевикско-эсеровская часть Совета, пытаясь сорвать вооружение владивостокского пролетариата, отдала распоряжение закрыть железнодорожные мастерские. Они не остановились перед тем, чтобы выбросить на улицу четыре тысячи рабочих. Однако соглашатели не учли существенного факта: хотя формально власть еще не принадлежала большевикам, реальной властью обладали только большевики. По их призы-ву мастерские не подчинились приказу. Железнодорожники вооружились и продолжали работать.

Огромное впечатление на дальневосточников произвело следующее воззвание:

«Сучанский Совет рабочих депутатов от души приветствует постановление Всероссийского съезда Советов рабочих, военных и крестьянских депутатов, гласящее, что вся власть должна перейти в руки Совета рабочих депутатов. Мы шлем свой сердечный привет новому революционному правительству народных комиссаров и обещаем поддерживать Советскую власть как искреннюю выразительницу и заступницу интересов трудового народа нашей многострадальной родины. В то же время мы предлагаем Краевому комитету в Хабаровске и Владивостокскому Совету сделать решительный шаг, чтобы вся власть в здешнем крае была в руках этих революционных органов местной демократии. Мы делегируем председателя нашего Совета во Владивосток и члена Сучанского Совета в Хабаровск для оказания всяческого содействия тому крылу Советов, которое стремится к переходу власти в руки Советов».

Шахтеры Сучана — в то время наиболее революционный пролетарский отряд Приморья — первыми в крае провозгласили Советскую власть.

Мне как представителю Владивостокского комитета РСДРП(б) при-

ходилось постоянно встречаться с рабочими, солдатами, матросами. Они говорили:

— Рабочий контроль мы установили, надо дальше действовать.

— Сучан — советский, пора и нам...

По призыву большевиков во Владивостоке началась вооруженная демонстрация. Поднимаются в мозолистых руках лозунги: «Власть Советам!», «За Лениным!»

Демонстранты направлялись к Народному дому, где проходил пленум Совета. Зал заседаний заполнен рабочими и солдатами. На трибуне — депутат-большевик А. Нейбут.

— Совет должен избрать такой исполнительный комитет, который мог бы выполнять функции твердой пролетарской власти и непоколебимо выполнять решения Совета Народных Комиссаров.

Зал отвечает бурными аплодисментами.

— Ура! — раздаётся в зале и, подхваченное за стенами Народного дома, разносится по площадям и улицам. Владивосток поддерживает большевистское предложение.

В новом исполнительном комитете преобладают большевики. Председателем исполкома избирается большевик К. А. Суханов.

Спустя несколько дней — 29 ноября 1917 года — исполком Владивостокского Совета, выполняя требование тридцати тысяч пролетариев и сорока шести тысяч матросов Сибирской флотилии и солдат Владивостокского гарнизона, вынес решение о взятии власти в свои руки. Тридцать два человека — «за», трое — «против». Постановление гласило: «Объединенный исполнительный комитет является представителем центральной Советской власти, высшим органом в городе, проводящим в жизнь волю Советского правительства, регулирующим и контролирующим все правительственные учреждения и жизнь города».

Власть во Владивостоке перешла к Совету без единого выстрела.

...Часть солдат Владивостокского гарнизона готовилась к отправке домой.

На заседании партийного комитета А. Гульбинович, рабочий военного порта, предложил:

— Следует нам вот над чем подумать: хорошо бы этих солдат сделать агитаторами. Силища-то какая!.. Разъедутся они по городам и селам, вот и пусть расскажут, что такое Советы. Нехай всех оповестят, что аж на самом Тихом океане пролетариат и трудовое крестьянство теперь хозяева жизни.

Отличная мысль! И вот около пятисот солдат, уезжающих домой, прошли специальные курсы по программе комитета большевиков. Через некоторое время мы получили первое письмо.

«Держитесь стойко, товарищи! — писали солдаты 3-го запасного телеграфного батальона. — Знайте, что на всем протяжении пути от Владивостока до Красноярска (откуда мы пишем) подавляющее большинство за нами.

Да здравствует партия социал-демократов-большевиков!

Позор соглашателям-банкротам!»

Переход власти к Совстам проходил при жестоком сопротивлении контрреволюционных элементов. Комиссар Временного правительства эсер Русанов, предвидя конец своей власти, задумал в противовес власти Советов организовать антинародную власть в лице съезда земских и городских самоуправлений. Его замыслы были своевременно разоблачены большевиками. Русанова арестовали. Меньшевики и эсеры подняли вопль, они пытались взбудоражить обывателей, неустойчивую, колеблющуюся часть рабочих. Красногвардейцы, солдаты 730-й дружины и матросы Амурской флотилии заняли важнейшие пункты города: почту,

телеграф, телефонную станцию, электростанцию, вокзал, казначейство, банки. Большевики не дали разгореться пожару.

В декабре в Хабаровске был созван Третий Дальневосточный краевой съезд Советов. Прибыли делегаты от Владивостока, Никольска-Уссурийского, Благовещенска, Спасска, Зеи, Харбина, Сучана, Николаевска-на-Амуре и других городов. Из 84 делегатов большевиков — 41, эсеров — 27, меньшевиков — 9.

Однако было бы ошибочным исходить лишь из количества представителей тех или иных партий. Не цифры характеризовали обстановку. Так, например, немало левых эсеров, таких, как В. Вонсик, В. Сухарников, А. Санаров, М. Ковальчук, М. Тайшин, П. Федорец, Н. Поспелов, голосовало за большевистские предложения, вместе с нами вело борьбу против буржуазии. Впоследствии многие из них отдали свою жизнь, сражаясь за Советскую власть с интервентами и белогвардейцами.

Помню, как виляли, юлили и лгали меньшевики на съезде. Их лидер Вакулин распинался:

— Мы разнюхали характер русской революции. Большевики указывают, что русская революция носит в себе зародыш социалистической революции, но мы мыслим социалистический переворот только в мировом масштабе. В Западной Европе, может быть, имеются экономические предпосылки для социального переворота, но зато там еще не созрели предпосылки психологические. У нас же наоборот.

Зал развеселился. С мест послышались ядовитые реплики, смех. На помощь обескураженному «вождю» поспешил Левитас, тоже меньшевик.

— Большевики способны только на насилие! — кричал он, размахивая руками. — В Петрограде большевики разогнали Думу. Они говорят, что хотят завоевать социализм, но зачем они это делают, когда мы социализма не хотим в настоящее время!

Невообразимый шум заглушил его слова. Он, словно бы подавившись, безмолвно раскрывал рот.

— Объяснимся наконец! — воскликнул кто-то. — Всем давно уж известно, что вам социализма не надо. Оно понятно, под крылышком буржуазии тепло небось.

Меньшевики сами потащили Левитаса с трибуны, даже они не ожидали столь откровенного саморазоблачения.

Глубокая тишина воцарилась в зале, когда зачитывался проект постановления съезда. Восторженными аплодисментами ответили представители трудового народа на следующее заявление резолюции: «...Призывая Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов стать несокрушимым оплотом защиты завоеваний революции и борьбы против контрреволюционных попыток, Третий краевой съезд Советов Дальнего Востока провозглашает единственным представителем центральной власти Дальневосточный краевой Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов... Совет должен проводить неуклонно и немедленно в жизнь все декреты, постановления и распоряжения правительства в лице Совета Народных Комиссаров, бороться имеющимися в его руках мерами с контрреволюцией, продовольственной, железнодорожной, почтово-телеграфной и финансовой разрухами и установить твердую власть, опирающуюся на широкие массы трудового народа».

ИЗ ДОКУМЕНТОВ ТЕХ ДНЕЙ

Москва. В полдень 25 октября из Петрограда получена телефонограмма за подписью В. П. Ногина:

«Сегодня ночью Военно-революционный комитет занял вокзалы, Государственный банк, телеграф, почту. Теперь занимает Зимний Дворец. Правительство будет низложено».

(«Деревенская беднота» № 11 от 26 октября 1917 года).

Московский Совет, собравшись на пленум, объявил о переходе власти в руки Советов.

«...Для удовлетворения требований [рабочих] были приняты следующие меры:

1) Конфискация оружия в оружейных магазинах; 2) Затребовано из войсковых частей; 3) Реквизировано на Рязанской, Казанской и Николаевской ж. д.; 4) В склад доставлялось оружие, отобранное в боях у юнкеров. 29 октября 1917 г. было отобрано особенно значительное количество револьверов..

Особенно ценную услугу оказал Симоновский рабочий Совет доставлением из Симоновского патронного склада боевых припасов.

Для боевых действий оружие из склада выдавалось только по распоряжению Военно-революционного комитета».

(ГАОР Московской области, ф. 66, оп. 3, д. 1090, л. 1).

Подольск. В донесении Подольского Военно-революционного комитета говорится:

«...Власть была взята 25 октября в 4 часа дня. Создан Военно-революционный комитет из 5 рабочих, а 30 октября было присоединение крестьян Подольского уезда и выбрана крестьянская пятерка, которая работает вместе.

Подольск все время работал в связи с Москвой и посылал от себя на помощь Москве Красную гвардию и солдат в количество 1500 человек...»

(ГАОР Московской области, ф. 40, оп. 8, св. 7, д. 63 с, л. 2).

Коломна. Уездный комиссар Временного правительства доносил начальству:

«В гор. Коломне на 26 октября в 12 час. утра властью Совета рабочих и солдатских депутатов захвачена власть на почте и телеграфе; в комиссариате поставлены от Советов комиссары, без ведома которых ни одно постановление или приказ не проходит в жизнь».

(ГАОР Московской области, ф. 176, оп. 2, д. 4, л. 71).

Люберцы. В опросном листе, разосланном на места Московским бюро Советов рабочих и солдатских депутатов, читаем:

«Известия (о петроградских и московских событиях) получены от губернского Совета рабочих и солдатских депутатов, восстания ожидали давно, а потому встречено с радостью и было подготовлено необходимое; 25 октября образован Военно-революционный комитет из 5 лиц».

(ГАОР Московской области, ф. 683, оп. 3, д. 60, л. 48).

В **Архангельской** губернии жители Подпорожской волости, Онежского уезда, 5 ноября решали вопрос о власти:

«Обсудив вопрос о происходящих событиях в Петрограде, т. е. захвате власти Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов, нашли, что захват власти Петроградским Советом вызван политикой Временного правительства, направленной против трудового народа и его прав, завоеванных революционным путем. Считаем врагами свободы и революции те демократические группы и партии, которые в угаре побед, дрожа за свою шкуру, остановились на полпути, доверив судьбу России и ее многомиллионного народа Терещенкам, Коноваловым и Керенским».

(ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 80, д. 33, л. 3).

Все документы со ссылкой на архивные фонды публикуются впервые. Публикация подготовлена В. Кондратьевым.

Псков. Изданный Военно-революционным комитетом и Советом рабочих и солдатских депутатов Пскова бюллетень № 1 извещал население города и уезда:

«Псковский военно-революционный комитет избран 26 октября на заседании Псковского Совета рабочих и солдатских депутатов вместе с заводскими, командными и ротными комитетами. Революционному комитету поставлена неотложная задача: остановить движение воинских частей на Петроград, чтобы не допустить братоубийственной бойни и разгрома сердца революционной России».

(ЦГАОР СССР, коллекция листовок, № 6305).

В **Прибалтике.** На улицах Ревеля и других городов 27 октября был вывешен приказ № 1 комиссара Военно-революционного комитета при исполнительном комитете Советов Эстонского края:

«По поручению Военно-революционного комитета сего числа вступил в управление Эстляндской губернией. Предлагаю всем комиссарам упраздненного Временного правительства по губернии сложить свои полномочия и передать дела местным исполнительным комитетам. Всем подчиненным мне членам предлагаю остаться на своих местах при исполнении служебных обязанностей.

Комиссар Виктор Эдуардович Кингисепп».

(ЦГАОР Эстонской ССР, ф. 1285, оп. 1, д. 1, л. 2).

Семнадцатого декабря в 14 часов 55 минут в Смольный пришла весьма срочная депеша:

«Второй съезд Советов рабочих, солдатских и безземельных депутатов Латвии, выражающий волю всего трудового класса латышского края и объявляющий себя высшим местным учредительным органом, горячо приветствует рабоче-крестьянское правительство и клянется всеми силами поддерживать диктатуру рабочих и беднейших крестьян, возглавляемую Советами.

Президиум съезда».

(ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 1, д. 83, л. 30).

Иваново-Вознесенск. 25 октября 1917 года заседал местный Совет. Слово для вчерашнего заявления берет товарищ Дмитрий Фурманов. Он

«объявил, что им получено по телефону из Москвы, что Временное правительство свергнуто! Известие вызывает целую бурю аплодисментов и радостных возгласов... Говоря о текущем моменте и о создавшемся положении в связи с переходом власти в руки Советов, тов. Фурманов предлагает, чтобы напрячь все усилия для утверждения этой власти, так как этот переход будет для контрреволюции не только нашей, а и всей Европы, смертельным ударом, и она со своей стороны так же постарается приложить все усилия, чтобы задавить русскую революцию, а вместе с ней и революцию всех трудящихся Европы».

(Государственный архив Ивановской области, ф. 31-р, оп. 1, д. 1, лл. 142—143).

Шуя. К исходу 26 октября установилась Советская власть. 29 октября председатель Шуйского уездного революционного комитета М. В. Фрунзе издал особый приказ.

«От Шуйского уездного революционного комитета.

Приказ по городу Шуе и уезду.

Согласно постановлению соединенного заседания Шуйского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, городского и земского самоуправлений, полковых, ротных и всех фабричных заводских комитетов власть над городом Шуей и уездом вверена Шуйскому Революционному комитету в составе пяти лиц.

Оповещая об этом государственные, общественные, местные организации и все население, Революционный комитет заявляет: все необходимые к поддержанию порядка и спокойствия меры им приняты. Служащим всех учреждений предписывается оставаться на местах и заниматься текущими своими делами. Всякие попытки погромов, контрреволюционных выступлений будут подавляться самым решительным и беспощадным образом.

Председатель Революционного комитета М. В. Михайлов-Фрунзе».

(«Маяк» № 1 от 29 октября 1917 года),

Из Вятской губернии в начале ноября на имя В. И. Ленина пришло письмо. Автор его — солдат 176-го пехотного Первоволочинского полка — писал:

«Товарищу Ленину. Имею честь сообщить я вам, товарищ Ленин, о положении в городе Котельнич Вятской губернии. Я в настоящее время еду с позиции в отпуск и доехал до города Котельнич, а в городе Котельнич все еще царит строй буржуев. Купцы сами ходят по городу с винтовками и нельзя солдату-большевику разинуть рта, как, по показанию некоторых живущих в городе, два дня тому назад был избит один проезжающий солдат в отпуск этими кровопийцами, которые ходят с винтовками, и еще недели полторы тому назад был арестован большевик... Покорнейше прошу Вас я, товарищ Ленин, принять самые решительные меры за город Котельнич».

(ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 80, д. 55, л. 1).

Калужская губерния. Крестьянские массы с радостью встречали победу Советской власти.

«Мы, крестьяне Калужской губернии, Жиздринского уезда, Улешмской волости, села Любыши, на общем собрании 11 ноября 1917 года в количестве 600 человек заслушали доклад о текущем моменте... и выносим свою резолюцию:

1. Приветствуем новую революционную власть Совета рабочих и солдатских депутатов, которая разрешила вопрос о земле и предложила народам мир;
2. Всегда готовы защищать это правительство при первом же зове на борьбу с контрреволюцией;
3. Никакого объединения с буржуазией и теми социалистическими партиями, которые стремятся к такому объединению;
4. Глубоко верим в стойкость Революционного комитета при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов и поддерживающие его левые партии РСД большевиков, которые никогда не сдадут свои позиции в защите трудового народа, деревенской бедноты и пролетариата города.

Председатель общего собрания М. Митрошин.

Секретарь общего собрания Н. Забелин».

(ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 80, д. 12, л. 2).

Пензенская губерния. 15 марта 1918 года губернский Совет обратился к населению с призывом:

«Немедленно приступить к организации Советов там, где их еще нет, и укреплять и расширять уже существующие советские организации. Пензенский Совет заявляет, что всякое противодействие организации Советов будет рассматриваться им как измена делу революции».

(Государственный архив Пензенской области, ф. 2-р, оп. 1, д. 82, л. 17).

Витебская губерния. Крестьяне, собираясь на волостные сходы, принимали такие резолюции:

«Заслушав доклад делегата из Петрограда,

1. Требуем, чтобы была вся власть Советам;
2. Требуем передать всю землю трудовому народу без выкупа с ее инвентарем;
3. Требуем предложить немедленный и справедливый мир;
4. Требуем немедленного роспуска во всей стране комитетов спасения;
5. Горячо приветствуем наших товарищей солдат, матросов и красногвардейцев, рабочих, вставших на защиту трудового народа и свергнувших старое Временное правительство, которое вело к гибели и голоду;
6. Шлем проклятие всем защитникам капитала и помещичьих земель и сознательно создающим кровопролития;
7. Требуем вооружения всего народа и создания в каждом селении своей милиции, которая должна нести службу по очереди;
8. Шлем горячий привет РСДРП Партии большевиков, истинной защитнице беднейшего класса крестьянства и пролетариата;

9. Требуем немедленно проводить в жизнь изданные законы о земле и 242 местных крестьянских наказов...»

(ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 1, д. 19, л. 106).

На Дону Советская власть устанавливалась в острых классовых боях.

«10 января 1918 г. Ультиматум Донского Военно-революционного казачьего комитета войсковому правительству.

1. Вся власть в области войска Донского над войсковыми частями в ведении военных операций от сего 10 января 1918 г. переходит от войскового атамана Донскому казачьему Военно-революционному комитету.

2. Отозвать 15 января с. г. все партизанские отряды, которые действуют против революционных войск, и разоружить как их, так и добровольческие дружины, юнкерские училища и школы прапорщиков, выслать всех участников этих организаций, не живших на Дону, из пределов Донской области в места их жительства.

Примечание: Оружие, снаряжение и обмундирование должны сдать комиссару Военно-революционного комитета.

Пропуск на выезд из Новочеркасска должны получить от комиссара Военно-революционного комитета.

3. Город Новочеркасска должны занять казачьи полки по назначению Военно-революционного комитета.

4. Объявить членов Войскового круга неправомочными с 15 января с. г.

5. Отозвать всю полицию, поставленную Войсковым правительством, из рудников и заводов Донской области.

6. Объявить по всей Донской области, станицам и хуторам о добровольном сложении войсковым правительством своих полномочий во избежание кровопролития и о немедленной передаче власти Областному казачьему Военно-революционному комитету, впредь до образования в области постоянной трудовой власти всего населения.

Председатель Военно-революционного комитета Подтелков.

Секретарь — прапорщик Кривошлыков».

(Партийный архив Ростовского обкома КПСС, ф. 12, оп. 23, д. 128, л. 1).

Станица Тихорецкая. В январе 1918 года казаки заявили о своей поддержке Советской власти.

«Резолюция. Принята единогласно общим собранием в станице Тихорецкой как казаками, так и ингородними, содержания следующего:

Протестовать против Кубанской войсковой Рады и правительства во главе Филимоного и клеймим позором за чинимые ими насилия в г. Екатеринодаре при помощи контрреволюционеров юнкеров, кадетов и беглых офицеров, с целью укрывающихся за спиной казачества для порабощения трудового народа.

...Приветствовать Центральный Совет рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов и Совет Народных Комиссаров. Признаем власть Советскую и приветствуем за смелую и справедливую работу против империалистической войны и демократический мир народов.

Всеми мерами будем бороться по проведению в жизнь всех декретов, добытых пролетарской революцией 25 октября...»

(ЦГВИА, ф. 2369с, оп. 1, д. 2, л. 33).

Из Казани в адрес ВЦИКа пришла телеграмма:

«После однодневного сражения с войсками, оставшимися верными Керенскому, власть захвачена Советами рабочих и солдатских депутатов. Командующий войсками Казанского округа Архипов и комиссар Временного правительства арестованы. Государственный банк и казначейство заняты, операции производятся. В городе установлен твердый революционный порядок, спокойствие полное. Весь гарнизон — 35 тыс. штыков — на стороне правительства Советов. По сведениям товарищей из Казани в Сызрани, Самаре и Уфе власть перешла в руки Советов.

По некоторым сведениям в Саратове происходит сражение между войсками правительства и войсками Советов».

(ЦГАОР, ф. 1, оп. 1, д. 5, л. 308).

Уфа. 26 октября побеждает Советская власть. Через несколько дней общее собрание Совета

«приветствует начинания рабочего и крестьянского правительства, имеющие своей целью немедленное окончание братоубийственной войны между народами, установление демократического мира, разрешение земельного вопроса в интересах крестьянства, установление рабочего контроля над производством, необходимого для обеспечения интересов рабочего класса и борьбы с хозяйственной разрухой, укрепление и расширение всех завоеваний революции».

(Государственный архив Уфимской области, ф. 2, оп. 1, д. 8, л. 124).

Ташкент. Председатель Совнаркома Туркестанского края Ф. Колесов телеграфировал во ВЦИК:

«Трудовой народ, вышедший на улицу, победил своих врагов. Власть перешла ему. Генерал Коровиченко — виновник четырехдневной кровавой бойни — арестован».

(ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 80, д. 52, лл. 2—3).

Семиречье. В кишлаках и селениях обсуждался вопрос о признании Советской власти.

«Приговор. 25 февраля 1918 г.

Мы, нижеподписавшиеся граждане с. Вознесенского, Пишпекского уезда Семиреченской области... обсуждали вопрос по поводу признания в Пишпекском уезде Советской верховной власти, согласно объявления пишпекского председателя Совета от 11 февраля 1918 г. Обсудив оный вопрос, единогласно настоящим приговором постановили таковую власть признать и оказывать ей полное содействие и проведение в жизнь демократических начал, и копию оного приговора послать для сведения в Совет Пишпекских народных депутатов».

Подлинный подписали: грамотных 36 чел., неграмотных 40 чел.»

(ЦГА Киргизской ССР, ф. 89, оп. 5, д. 5а, л. 21).

Кушка. Самая южная точка страны. И здесь уже 27 октября 1917 года Советская власть нашла опору в массах.

«Протокол № 51 Кушкинского Совета солдатских, рабочих и крестьянских депутатов совместно с войсковыми организациями».

27 октября 1917 г. Крепость Кушка.

Слушали: 1. Телеграммы из Петрограда, Ташкента и Асхабада с распоряжением по текущему моменту и о переходе власти Советам.

Постановили: 1. Кушкинский Совет солдатских, рабочих и крестьянских депутатов приветствует переход власти Советам...»

(ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 80, д. 72, л. 4).

Дальний Восток. В информационных листах отдела местного управления Комиссариата внутренних дел находим такую запись за 5 января 1918 года:

«Манчжурия. Харбинский Совет в руках большевиков».

(ЦГАОР СССР, ф. 393, оп. 3, д. 34, л. 6).

В этих же листах говорится о победе власти Советов на Сахалине, во Владивостоке, Никольске-Уссурийском и других местах Дальневосточного края.

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

А. КАРАГАНОВ

★

ЧЕРТЫ ТВОРЧЕСКОГО МЕТОДА

1

С каждым годом вот уже сорокалетней истории Советской страны, родины социализма, все полнее и глубже раскрывается творческая мощь социалистической революции, ее гуманистическое содержание. Октябрьская революция не только уничтожила социальные отношения и условия, порабощавшие, принижавшие человека,—она создала государство, которое поставило главной целью своей жизнедеятельности обеспечение полного благосостояния и свободного всестороннего развития всех членов общества. Под руководством Коммунистической партии советский народ успешно претворяет в жизнь великие задачи и цели революции. Коммунизм, строящийся в Советской стране, предстает перед всем миром как воплощение истинного гуманизма.

В ходе строительства новой жизни в нашей стране выросли замечательные люди, воплощающие в себе высокие душевные качества и черты коммунистической морали. Действенную роль в их воспитании играет советская литература, вызванная к жизни Великой Октябрьской социалистической революцией.

В дневниках, воспоминаниях и письмах писателей, пришедших в литературу до революции, можно найти немало горьких раздумий о судьбах литературы предреволюционных лет. Для писателей, которые не сразу нашли прямой путь к народу, то была пора беспомощных блужданий. Индивидуалистическая самоизоляция от социальных движений эпохи мешала им увидеть жизнь в ее непреодолимом движении к революционному обновлению. Декадентские, модернистские влияния, захватывавшие литературу предреволюционной поры, подрывали и искажали их творческие усилия. Враждебность собственнического общества

искусству, художественному творчеству, проявляла себя в те годы все с большей и пагубной силой. Писатели, порабощенные индивидуалистической идеологией этого общества, по-настоящему не видели всех опасностей, которые таит в себе их жизненная позиция; они не могли понять, какое это жалкое состояние — быть «свободным» от понимания мира и человека, барахтаться, подобно слепому котенку, в потоке жизни, кажущейся хаосом, считать бесценным даром свободы возможность выступать в роли салонного пророка... Индивидуалистическая свобода, иллюзия независимости от общества оборачивались самым уродливым и драматическим рабством, рождали страх перед жизнью, смятение духа и анархию ощущений.

Однако даже в самые тяжкие годы упадка буржуазной культуры в России не прерывалась могучая традиция реализма. Крупнейшие русские реалисты находили в себе силы противостоять разливанному морю декаданса, они вели напряженную борьбу против модернистского искажения художественного творчества, против влиятельной реакционной идеологии. Но побороть нарастание упадочных явлений невозможно было на почве собственнического общества в тогдашних социально-исторических условиях.

Социалистическая революция открыла литературе новые исторические пути. Под влиянием революционного и социалистического опыта народа в литературу пришли новые идеи, темы, образы; реалистические традиции классиков получили новое, социалистическое развитие. Отражая революционные процессы, происходящие в реальной окружающей жизни, литература выработала и обогащала новые принципы эстетического отношения к действительности.

Многим писателям этот процесс принес освобождение от внутренних помех на пути к подлинно свободному творчеству, предполагающему тесную связь искусства с жизнью народа, убежденное служение художника народу.

«Подлинную свободу творчества, ширину тематики, не охватываемое одною жизнью богатство тем,— писал А. Н. Толстой в 1933 году в статье «Марксизм обогатил искусство»,— я узнаю только теперь, когда овладеваю марксистским познанием истории, когда великое учение, прошедшее через опыт Октябрьской революции, дает мне целеустремленность и метод при чтении книги жизни. В истории протягиваются становые жилы закономерности, человек становится хозяином, распорядителем и творцом истории настоящего и будущего».

Это голос не одного только Толстого. Социалистическая практика руководимого партией народа стала великой школой и для тех, кто, как Толстой, пришел к социалистическому реализму после долгой и сложной борьбы с властью и влияниями буржуазно-анархистского индивидуализма, и для тех, кто принес в литературу закаленную в революционных битвах целеустремленность борцов и строителей нового мира. В ходе развития социалистического общества, направляемые руководством и воспитательной работой Коммунистической партии, писатели учились по-ленински любить народ и бороться за его интересы, учились с ленинской непримиримостью и решительностью громить идейных врагов социализма. Последовательные и целеустремленные указания партии о тесной связи литературы с жизнью народа, об изучении действительности, о борьбе за партийность литературы стали жизненной и теоретической программой советских писателей. В нашей стране сформировался новый тип художника. Наследуя лучшие черты правдоискателей и народолюбив прошлого, считавших благородною роль гражданина своим жизненным призванием, он воплощает в себе и все то новое, что дала литературе и искусству революционная идеология рабочего класса, чем обогатил художественное развитие человечества народ, прокладывающий пути к коммунизму.

Служение партии и народу советские писатели и деятели искусства считают делом своей жизни. Их творчество является действенным и сильным оружием в борьбе за коммунизм. «...Литературе и искусству,—

подчеркивает Н. С. Хрущев в своей статье «За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа»,— принадлежит исключительно важная роль в идеологической работе нашей партии, в деле коммунистического воспитания трудящихся. Писатели, художники, скульпторы, композиторы, работники кино и театрального искусства, вся наша интеллигенция своим творчеством активно участвуют в созидательной деятельности советского общества, верно служат своему народу. Коммунистическая партия считает деятелей литературы и искусства своими верными друзьями, помощниками, надежной опорой в идеологической борьбе».

Сорокалетняя история советской литературы и искусства наполнена настойчивыми творческими исканиями, борьбой за передовой творческий метод.

В этой борьбе мало было оценить плодотворность реалистической традиции, нужно было защитить реализм от враждебных наскоков и модернистско-формалистических искажений.

В наши дни эта борьба не только продолжается, но и приобретает — в международном масштабе — особенно острые формы. Советская литература и искусство идут вперед, утверждают свои идеалы и принципы под непрерывным огнем противника.

Идейная борьба в области литературы и искусства затрагивает коренные закономерности и перспективы художественного развития человечества. В этой борьбе решается важнейший для художественной культуры вопрос — о современных судьбах реализма.

Несколько месяцев тому назад журнал «Свенск литетуртидскрифт» обратился к молодым писателям Швеции с анкетой «Сегодняшний день и будущее литературы». Когда ответы на анкету были получены, оказалось, что большинство опрошенных считает «традиционную реалистическую литературу» устаревшей.

В своей новой книге «Мастерство драматурга», отрывки из которой были опубликованы в апреле нынешнего года в «Санди Таймс», Дж. Пристли решительно высказывается за коренной пересмотр традиций в сценическом и драматическом искусстве, за театр любой меры условности.

Эта встреча литературной молодежи и многоопытного писателя на одних и тех же эстетических путях — симптоматична. «Ра-

зочарование» в реализме стало ныне в литературах буржуазных стран если и не знаменем времени, то поветрием и модой. И это понятно. Наша эпоха, наполненная драматическими противоречиями, острейшей борьбой идей и общественных сил, ставит художника перед неумолимым выбором: либо идти вперед по пути реализма, не страшась противоречий и сложностей жизни, либо капитулировать перед ложью и служить тем, кто правде предпочитает обман или самообман.

Многие художники, тянувшиеся к модернизму и условности, искренне считают, что иначе «атомный век» не выразишь. Но от этого не становится менее опасным объективное содержание их творчества: выдавая свое ослепление за ясновидение, они через искусство распространяют страх перед жизнью, страх, разрушающий человеческую волю и мысль, обрекающий человека на блуждание в потемках, в хаосе смутных ощущений. Бунт против реализма в современных условиях неизбежно переплетается с борьбой против гуманизма, против традиций передового искусства, поднимающего знамя гуманизма.

Есть своя историческая логика в том, что современные противники передовой советской литературы обычно ставят под сомнение не только эстетические принципы социалистического реализма, но и реализм вообще. Даже тогда, когда в качестве критиков творческого метода советской литературы и искусства выступают литераторы социалистических стран, их борьба против социалистического реализма почти неизбежно переплетается с пропагандой модернистского псевдонаторства и сопровождается нигилистическим отречением от реалистических традиций.

«Польское «новейшее» искусство ближайшего будущего,— пишет, например, А. Яцкевич в своей статье «Всегда ли является новейшим искусство современности»¹,— должно быть искусством, взбунтовавшимся против вчерашнего способа мышления и чувств. Его должны создать люди, которые сумеют вдохнуть душу века в родной материал нашего провинциализма, нашей народной экзотики, наших бед, нашего чувства юмора, являющегося ценным признаком рассудка, нашего лиризма и романтизма, очищенного от черт XIX века, и, наконец, наших честолюбивых поисков новой

формы жизни». Чтобы не оставалось сомнений в отношении реального содержания этих рассуждений, А. Яцкевич пишет о том, что современное польское искусство должно создавать рационалистические конструкции в стиле кубизма, абстракционизма, неореализма и т. д., а также заняться «психологией глубины» (сюрреализм, психологизм и т. п.).

Несомненно, что движение против социалистического реализма является вместе с тем движением против реалистических традиций литературы и искусства. Эту закономерность можно было бы проследить и на некоторых примерах художественной жизни Югославии и в выступлениях многих литераторов капиталистических стран...

Сказанное не означает, что в современной литературе остаются только два потока — модернизм и социалистический реализм: полярные тенденции не могут охватить всей картины. В зарубежных странах есть немало талантливых писателей, которые, и не переходя на социалистические позиции, правдиво изображают реальные отношения в буржуазном обществе, разрушая индивидуалистические иллюзии о природе этих отношений. Но и в их творчестве неизбежно возникают сложные, порою мучительные, противоречия между стремлением выразить правду современного общественного развития и объективной невозможностью выразить до конца эту правду, оставаясь на почве буржуазного общества. Вопрос о борьбе за реализм, о его перспективах приобретает ныне повышенную остроту и для этих писателей: в их произведениях, пусть в сложных переплетениях, противостоят все те же тенденции — к последовательной правде, объективно сближающей писателя с народными, социалистическими движениями, или к модернистскому искусству, которое, даже при самых добрых намерениях художника, не может стать выразителем народного взгляда на жизнь.

Очень трудно не заметить противоположности, враждебности этих тенденций. И поэтому непонятна точка зрения словацкого критика Милана Юнгмана, который, полемизируя со статьей В. Огнева «О реализме и новаторстве»¹, пишет: «... Под модернистской литературой мы понимаем не формалистические направления, а попытки глубже, с большим чувством глядеть на мир, проявляющиеся с начала века. Для

¹ «Трибуна люду», 3 марта 1957 года.

¹ «Знамя» № 3 за 1957 год.

нас первоклассные модернистские художники — Горький и Маяковский, Нейман и Ольбрахт¹. Такое смешение понятий, хочет того или не хочет Милан Юнгман, объективно ведет к затушевыванию противоположности реализма и модернизма, к идейно-эстетическому «замирению» между ними. А жизнь показывает, что о мире тут не может быть и речи.

Идейная борьба не допускает половинчатости, неопределенности в критике и разоблачении идей, враждебных реализму, в определении источников и традиций, питающих творчество социалистических писателей. Ясно, что стремление «глубже, с большим чувством глядеть на мир» никак не может быть связано с модернизмом, ослепляющим художника, — оно может осуществиться только на путях дальнейшего развития реалистических традиций мировой литературы и искусства.

Глубокое внимание советских художников к реализму прошлого связано не с их традиционализмом, как это пытаются представить некоторые критики социалистического реализма из числа поклонников модернизма, а с глубоким пониманием реальных путей и возможностей развития современного искусства, близкого народу.

В этой связи огромное значение приобретает вопрос: какие черты и особенности реализма прошлого входят в эстетический арсенал социалистического реализма, в чем и как социалистический реализм идет дальше? Ответ на этот вопрос наша критика может дать только соединенными усилиями, изучая и теоретически осмысливая историю художественного развития человечества. В данной статье хотелось бы затронуть в свете сорокалетнего опыта советской литературы лишь некоторые черты и особенности реализма, связанные с художественным решением проблемы — человек и обстоятельства, человек и среда.

2

Стремление к правдивому отражению жизни извечно присуще искусству, ибо отвечает самой его природе, его назначению и роли в человеческой жизни. Однако это стремление далеко не всегда приносит одинаковые результаты. И сводить к нему

определение реализма, как это делает Л. Тамашин в своей статье «К вопросу о реализме»¹, это значит делать вольные или невольные уступки субъективизму, забывая о роли общественной практики в становлении и развитии реалистического метода.

Известно, что человек может художественно освоить только то, что он постиг своей общественной практикой. Практика дает искусству и предмет изображения и пути его художественного освоения. Искусство всегда отражает представления человека о мире и о себе. Но далеко не всегда эти представления реалистичны. Стремление к правде рождает художественный реализм, когда возникают необходимые к тому объективные условия, соединяющие в себе определенный уровень знаний о мире, опыт классовой борьбы и общественного развития, опыт и традиции самого искусства.

Реализм не мог возникнуть сразу же в зрелых и совершенных формах, как единовременное изобретение какого-то гения. Историки искусства стольких художников называли основоположниками или создателями реализма, что самый этот «титул» по сути теряет всякое историческое содержание. Становление реализма — сложный исторический процесс. В литературной науке имеется немало разногласий относительно его временных границ. Но, пожалуй, все сходится на том, что своего наивысшего развития и наиболее отчетливого выражения реализм достиг в пору перехода от эпохи буржуазных революций к эпохе пролетарских революций, а еще точнее — в XIX веке.

Классическое развитие реализма сопровождалось невиданным ранее ростом социальной содержательности его произведений.

Когда Бальзак в своем знаменитом предисловии к «Человеческой комедии» называл случай величайшим романистом мира, французское общество — историком, а себя, писателя, — его секретарем, он сделал это не из ложной скромности, не в умаление писательских заслуг. Парадоксы Бальзака основаны на очень точном понимании им природы своего искусства, в котором великий романист видел не столько самовыражение художника, сколько самовыражение истории.

Реалистическое искусство не безлико, не автоматически. Как и всякое другое искус-

¹ «Литературные новины» № 7—8 за 1957 год.

¹ «Вопросы философии» № 5 за 1957 год.

ство, оно отражает представления художника о жизни. Но при реалистичности художественного мышления меняется соотношение субъективного и объективного начал в этих представлениях. Реалистический метод предполагает правдивое, конкретно-историческое воспроизведение реальной действительности в художественных формах, эстетически выражающих ее объективные свойства, черты, закономерности. В правдивости, в объективности художественных изображений реализм видит путь к повышению социальной действенности и значимости искусства.

Есть в этом смысле большая разница в подходе к жизни между художником-реалистом и художником, тяготеющим к субъективизму, будь то реакционный романтик, символист или современный модернист. Конечно, тут может быть много индивидуальных и социально-исторических оттенков, но в их пестроте ощутима одна общая тенденция.

Встречаясь с фактами и явлениями жизни, художник субъективистского склада спешит перевести их в область поэтических абстракций, истолковать на языке уже знакомых ему понятий: он осваивает их в привычных и предвзятых формах, не давая себе труда исследовать и осмыслить все то новое, неожиданное, что таят в себе увиденные факты и явления. Точно так же не из жизни выводит он свои идеалы, — они являются порождением субъективных, априорных представлений о прекрасном и справедливом. Внешне свое критическое отношение к действительности субъективистское искусство иногда доводит до напряженного, даже болезненного драматизма, перед которым позиция реалиста по отношению к действительности кажется более примирительной, менее бунтарской. Но это только внешне.

Когда художник-реалист говорит: «прекрасное — это жизнь», он не одобряет все сущее, не отказывается от идеалов и борьбы, от любви и гнева. Он только заявляет, что всем иллюзиям и отвлеченным мечтаниям о прекрасном предпочитает реальную жизнь с ее противоречиями и сложностями, радостью и горем, предпочитает в ней, а не в заоблачных высях фантазии искать пути к счастью. Противопоставление абстрактного идеала отвлеченно воспринимаемой действительности его не привлекает. Встречаясь с жизненными явлениями и фактами, художник-реалист стремится

изучить их со всех сторон, увидеть в общих контурах и деталях, в их взаимосвязях, понять в движении, в развитии. Самый процесс художественного изображения или воплощения этих явлений и фактов становится для него процессом познания их сущности. Реалистический метод обостряет художнический слух и взгляд писателя, дает силу видеть, как общество «самораскрывается» в кипении противоречий, в борьбе классов, дает силу слышать «подсказы истории».

Это различие в подходе к предмету искусства полно значения. И не о разнице темпераментов тут идет речь: один терпелив, другой нетерпелив. В основе «нетерпения» художника субъективистского склада — уход от действительности: он либо считает ее непостижимой тайной, либо бежит от нее в мир иллюзий и фантастики, либо «возвышается» над ней, чтобы жить «чисто художественными» интересами, вдали от «пошлой прозы» и беспокойств повседневности.

Даже тогда, когда художник-субъективист социально активен, его активность неизбежно приобретает волюнтаристский характер: он использует искусство для конструирования произвольных представлений о жизни и навязывания их другим людям. Фридрих Ницше называл не более как прекрасной иллюзией мысль писателя о том, что он создает действительные характеры; искусство, по Ницше, — это художественная стилизация, беззастенчивая перекройка вещей, переделка мира по воле и произволу «сверхчеловека» от искусства.

Субъективистское искусство, оставаясь враждебным реализму, может быть внешне правдивым, достоверно и точно воспроизводить те факты и явления жизни, которые привлекли внимание художника, те ощущения и переживания, которыми живет художник.

В начале этого года английский журнал «Лондон мэгэзин» предложил десяти писателям высказать свое мнение об отношении литературы к злободневным вопросам современной общественной жизни и борьбы. Отвечая на вопросы журнала, Стивен Спендер заявил: «Автор не становится более современным оттого, что он принимает участие в общественной борьбе. Наоборот, в конечном итоге может оказаться, что именно эти конфликты отвлекают его от наиболее важных явлений его времени и, конечно, других периодов истории».

Какие же явления более важны для Спендера, чем конфликты современной общественной борьбы? На этот вопрос он не дает прямого ответа. Но ответ с очевидностью вытекает из рассуждений Спендера об «особом сознании» писателя, о том, что писатель должен иметь дело только с той реальностью, которая лично ему близка: ясно, что для писателя, отрешивающегося от общественной борьбы и ее конфликтов, наиболее близкой реальностью, наиболее важными явлениями времени становятся либо частности жизни, либо субъективные переживания и чувства.

В анкете «Лондон мэгэзин» принял участие и Джон Леман. Как и Спендер, он пишет, что писатель должен откликаться на важные проблемы своего времени, но только тогда, когда это не политические события. Такое заявление — не случайный эпизод в развитии литературных взглядов Джона Лемана. В свое время, подводя «духовные» итоги войны с гитлеризмом, Джон Леман писал о том, что он и его единомышленники в годы войны «сохраняли за собой право быть критичными, быть парадоксальными, быть мрачными, когда требовался энтузиазм, писать о ползучей розе на стене сада и о зимородке на подоконнике, о чувственной прелести нашей любимой и о страшных минутных драмах детства и школьных дней, и обо всем другом, не имеющем прямой связи с войной»¹. При этом Леман пытался убедить читателя, что их «свободные» и «скептические» стихи были вызовом фашистскому конформизму.

В программном заявлении по столь важному вопросу, как литература в войне, Джон Леман гордился тем, что в дни, когда рушились дома Лондона и Ковентри, он сохранял за собой право быть парадоксальным... Высоким благом и знаком своей писательской свободы считал он право забывать в часы вдохновения о том, чем жил народ, о муках и патриотическом энтузиазме народа. Хотя свою литературную позицию он и считал вызовом фашистскому конформизму, эта позиция была глубоко чужда тем, кто вел всемирно-исторический спор с фашизмом на прямом и грубом языке оружия. Ведь бунт индивидуалиста против фашистского конформизма был для гитлеровцев безвреден. Когда писатель в условиях войны «принципиально»

отказывался писать о борьбе народа, обо всем, что было связано с войной, он фактически дезертировал с поля боя. А дезертирство остается дезертирством независимо от того, совершается оно во имя свободы личности или из-за вульгарной трусости.

Вот и получается, что, как бы тщательно Джон Леман ни описывал ползучую розу на стене сада и свои чувства, он не был реалистичен ни в передаче большой правды жизни, в ту пору связанной грежде всего с войной, ни в передаче чувств народа; его индивидуалистические чувства никак не могли стать отражением народных чувств, народных представлений о том, что в жизни важно, а что является не более чем пустяком перед лицом великой трагедии войны.

Реалистичность художественного мышления проявляется не только в правдивости описаний и передачи чувств, тут многое решается тем, что описывается, каковы передаваемые чувства. Реализм предполагает тесную связь художника с жизнью, трезвый взгляд на жизнь, основанный на деятельном к ней отношении, на опыте практики. Реализм враждебен всякого рода иллюзиям и самообману, хотя это и не значит, что все художники реалистического направления застрахованы от иллюзий.

Близость к жизни, заинтересованное, «общественное» к ней отношение дают художнику силу и умение быть разборчивым в изображении и оценке жизненных явлений, процессов, фактов. Художник, воспринимающий явления и факты жизни созерцательно, не различает их по общественной значимости, его чаще всего интересуют лишь «выигрышные детали». Художник активный, живущий общественными интересами, рассматривает факты и явления жизни с точки зрения практики, и она открывает ему, какие из них существенны, какие несущественны. Идею реалистического искусства проявляется прежде всего в стремлении понять и показать всю правду увиденного: ведь понять до конца то или иное жизненное явление, его природу и сущность, его место и роль в жизни — не значит ли это занять по отношению к нему определенную позицию, вынести приговор!

Развитие реалистического метода находится в прямой связи с утверждением народности в искусстве. Если в художественном произведении глубоко изображает-

¹ «Нью Райтинг» № 24 за 1946 год.

ся правда жизни, объективное значение произведения будет народным: народ жизненно заинтересован в правде. И потом: не может быть истинно правдивым произведение, игнорирующее роль народа в изображаемых событиях, не отражающее отношения народа к событиям и отношение событий к характеру, положению и судьбе народа. В передовом реалистическом искусстве степень внимания художника к тем или иным жизненным явлениям и фактам определяется прежде всего их местом и важностью в народной жизни.

Реалистическая литература и искусство накопили богатейший опыт художественного изображения народной жизни в ее историческом и национальном своеобразии. Внимание к национальным особенностям народной жизни не является, как известно, монополией реализма, в разной мере оно свойственно и другим художественным направлениям. Романтики, например, очень много сделали для развития национального начала в искусстве, для изучения народного творчества, нравов, обычаев и т. д. Но, поэтизируя народную старину, национальное своеобразие современных им нравов и обычаев, романтики и в этом случае не преодолевали известной отвлеченности своего идеала, своего понимания поэзии и красоты. Им не хватало социально-исторической конкретности в подходе к народной жизни. Реализм поднимается до такой конкретности.

Огромное значение для понимания конкретных особенностей реалистического метода и художественного опыта реализма, наследуемого советской литературой, имеет известная формула Ф. Энгельса, содержащаяся в его письме к М. Гаркнесс: «На мой взгляд реализм подразумевает, кроме правдивости деталей, верность передачи типичных характеров в типичных обстоятельствах»¹.

В искусствоведческой и критической литературе эти слова Энгельса иногда называют определением реализма. С такой расширительной трактовкой их значения вряд ли можно согласиться. Нельзя забывать, что оно высказано по конкретному поводу — при разборе рассказа М. Гаркнесс «Городская девушка» — и основывается на опыте эпических форм реализма, прежде всего реалистического романа XIX века.

В данном случае для Энгельса важно было подчеркнуть, что реализм подразумевает, кроме правдивости деталей, верность передачи типичных характеров в типичных обстоятельствах. Но у Энгельса имеются и другие очень важные высказывания о реализме (например, в письмах к М. Каутской и Ф. Лассалю) — правомерно ли одно из высказываний объявлять определением такого сложного явления, как реализм? И потом, для того чтобы оценить формулу Энгельса во всей глубине и силе, не надо бесконечно расширять сферу ее действия. Она много дает для понимания особенностей реалистической повествовательной и драматической литературы, она вполне применима к реалистической живописи и скульптуре. И она вряд ли может объяснить нам, что такое реализм в музыке, в архитектуре или в лирической поэзии.

Однако хотя положение Энгельса и не обладает эстетической универсальностью, оно в каждом своем элементе необычайно важно для нас, так как в нем гениально схвачены и обобщены существенные особенности реализма, взятого в его наиболее «чистых», «классических» формах.

Энгельс упоминает о правдивости деталей, как о само собой разумеющемся условии реализма. Это упоминание полно значения: детали — это прежде всего та конкретность образов, без которой нет искусства. Процесс художественного творчества не сводится к индивидуализации характеров или жизненных картин, взятых и понятых в своей отвлеченной типичности. В этом смысле даже сам термин «индивидуализация», столь часто употребляемый в критике, нельзя признать точным. Ведь его можно понять как «оживление» общего индивидуальными черточками и приметам. При таком понимании индивидуализации процесс создания образа приобретает глубоко рационалистическую двухступенчатость: сначала появляется понятие, идея, общее предствление о типе, потом художник ищет им индивидуальное выражение — индивидуализирует общее... Реализм не терпит такой двухступенчатости: художник-реалист постигает идею вместе с конкретными формами ее жизненных проявлений. Реальные факты остаются для него исходной точкой художественного творчества даже тогда, когда он синтезирует типический образ. Типическое в реалистическом искусстве не существует от-

¹ «К. Маркс, Ф. Энгельс об искусстве». М.—Л. 1938, стр. 163.

дельно от индивидуального, как «очищенная сущность», взятая в ее логической отвлеченности; типическое — это существенное в явлениях и фактах, увиденное в жизненной конкретности самих явлений и фактов. Только аналитическая мысль критика может обособить типическое от конкретных форм его существования и выразить в понятии; само искусство таких обособлений не терпит: оно тяготеет к конкретности жизненных коллизий, обстановки, характеров, оно остается конкретным в самых широких своих обобщениях.

Идея и предметное, конкретно-чувственное в художественном образе настолько полно пронизывают друг друга, что создается ощущение: образы искусства — это явления жизни, и аналитическая мысль должна подходить к ним как к явлениям жизни. Но это только первоначальное ощущение. При более глубоком и точном рассмотрении вопроса становится ясным, что образы искусства — это уже эстетически освоенная действительность. Искусство не требует признания своих произведений за самую действительность, но, пользуясь оружием художественного анализа и синтеза, оно воплощает жизненные факты, явления, типы в концентрации, в отчетливости, глубине и яркости, свойственной только искусству. «Что такое искусство?» — задается вопросом один из бальзаковских героев. И отвечает: «Сгусток природы».

Искусство изображает человека и предметный материальный мир, в котором также — через свою практику — раскрывается человек. Поэтому для определения любого творческого метода, его границ и особенностей важнейшее, если не решающее, значение имеет подход художника к изображению человеческих характеров, к раскрытию мотивов человеческих действий.

Художники прошлого, начиная с древнейших времен, много сделали для правдивого изображения человека, его облика и трудовой деятельности, его отношения к природе и связей с себе подобными. Но только реализм по-настоящему решил вопрос о раскрытии реальных мотивов человеческих действий.

Можно было бы разобрать подход к решению этого вопроса у художников классицизма, сентиментализма, романтизма, натурализма и других направлений, и мы всюду увидели бы либо господство отвлеченных концепций в объяснении человеческого поведения, либо подмену целого

гипертрофированной частью, использование одного из мотивов в качестве всеобъемлющего объяснителя.

В отличие от искусства других направлений, реалистическое искусство ищет реальные источники, причины, двигатели человеческого поведения в окружающих человека жизненных обстоятельствах, в опыте и уроках общественной практики. Эти двигатели не остаются чем-то внешним по отношению к человеческому характеру: реалистическое искусство выдвигает проблему самодвижения характера. Разумеется, речь идет не о движении, независимом от действительности; объективные, жизнью рожденные причины движения как бы «включены» в самый характер. Мотивы действий героя в реалистическом искусстве являются одновременно и внутренними и внешними: внутренними — в том смысле, что с необходимостью вытекают из сущности человека, внешними — потому, что сама эта сущность есть результат сложных и многогранных воздействий жизни на человека и формируется она в процессе общественной практики.

Большое достоинство трагедии «Франц фон Зикинген» Ф. Энгельс видел в том, что в ней «главные действующие лица действительно являются представителями определенных классов и направлений, а стало быть, и определенных идей своего времени, и черпают мотивы своих действий не в мелочных индивидуальных прихотях, а в том историческом потоке, который их несет»¹.

Конечно, мотивы действий любого человека всегда сохраняют свою индивидуальную форму. Но при всех их индивидуальных особенностях и различиях они не могут оставаться независимыми от окружающей жизни. Поэтому важнейшей особенностью реалистического изображения человека, блистательно проявившей себя в творчестве Толстого, Бальзака и других великих реалистов XIX века, является раскрытие многогранных связей человеческих действий, мыслей, эмоций с «историческим потоком», с обстоятельствами окружающей жизни. Правду реальной действительности, взятой в ее объективных материальных проявлениях, реализм углубляет правдивым изображением того, как эта действительность

¹ «К. Маркс, Ф. Энгельс об искусстве». М.—Л. 1938, стр. 176.

отражается в «жизни человеческого духа» исторически конкретного общественного человека, как она «резонирует» в его психике и эмоциях.

Конкретность и жизненность реалистического искусства проявляются, таким образом, не только в правдивой передаче окружающих человека обстоятельств, но и в конкретности — исторической, социально-индивидуальной — воспроизведения внутреннего мира человека. Реализм раскрывает, как объективная реальность наполняет собой сознание человека, его чувства. Вместе с тем он показывает, как человек накладывает свою печать на окружающее — и в пределах индивидуального быта (шкаф в доме Собакевича — под стать хозяину) и в более широких масштабах общественной практики. Реализм ищет глубинные связи материальной и духовной жизни. Раскрытием этих связей и определяется историческая содержательность характера, его жизненная «емкость».

Вопрос о границах и специфических особенностях реалистического метода усложняется тем, что реализм, как и другие художественные направления, далеко не всегда проявляется в «чистом» виде. Он имеет немало общего с другими направлениями. Это общее то выходит на первый план, то затушевывается, разрушается противоборством разных художественных методов, стилей, школ...

Однако при всем значении общих закономерностей, сближающих реализм с другими художественными направлениями, всегда остаются существенные особенности и принципы, определяющие специфику реалистического метода.

История искусства неизменно ломает любые попытки свести реалистический метод к застывшим формулам, к определенному набору художественных приемов. Ведь один и тот же прием может выполняться в разных произведениях разные функции. Ранний Горький, например, использовал символические образы, чтобы через них выразить революционную идею, показать существенные явления реальности. Для символистов символы служили знаком непостижимых, таинственных «глубин», обращение к символическим образам было органически связано с их идеями о непознаваемости жизни. Точно так же, не перенимая концепций натурализма, некото-

рые писатели-реалисты XX века (Барбюс, Драйвер) используют изобразительный опыт, приемы натуралистической литературы¹. В основе творческого метода всегда лежит определенный подход к действительности, определенное решение проблемы человеческого характера.

Эстетические принципы и различия художественных направлений рождаются не в замкнутом мире искусства, не в «чисто художественном» эксперименте; они являются выразителями лежащих за пределами искусства идейных и социальных противоречий, тенденций, стремлений. Не говоря уже об идейной враждебности друг другу таких явлений искусства, как, скажем, проникнутое демократизмом реалистическое творчество Стендаля и реакционный романтизм Шатоabriана, даже у романтиков и реалистов, близких демократическими устремлениями, остаются не только «различия приемов», но и идейные различия.

Писатель Вильям Моррис был связан с утопическим социализмом, с демократическими движениями своего времени. Но в критике капитализма он оставался романтиком, не смог пойти дальше противопоставления капитализму романтической иллюзии. Его роман «Вести ниоткуда» — поэтизация ручного труда ремесленника, как труда наиболее гармоничного, творческого. Протестуя против калечащего человека капиталистического разделения труда, Моррис фактически противопоставил ему реакционную иллюзию, призыв повернуть историю вспять, отказавшись от всего прогрессивного, что сделал капитализм в экономическом развитии человеческого общества. Таков объективный результат романтического «преодоления» одного из острейших противоречий капитализма. •

Можно было бы в каждом конкретном случае показать и слабости и силу романтической позиции того или иного художника. Но это особый вопрос. Здесь же важно подчеркнуть, что в основе обращения художников к тому или иному творческому методу лежат не только индивидуальные склонности, различия темперамента и т. п., но и более глубокие, общественные в своей основе причины.

¹ Об этом подробно и убедительно пишет, в частности, А. Ивашенко в своей статье «К вопросу о критическом реализме и реализме социалистическом» («Вопросы литературы» № 1 за 1957 год).

В этой связи встает вопрос о реальном содержании понятий: продолжение и развитие художественных традиций в литературе и искусстве социалистического реализма.

Объединение советских писателей и деятелей искусства на платформе марксистско-ленинской идеологии породило новые исторические условия для развития искусства и литературы. Социалистический реализм предполагает проявление широкой творческой инициативы, выбор разных форм и стилей в соответствии с литературными склонностями и вкусам художника и вместе с тем единство, общность идейно-эстетических основ в творчестве художников разных вкусов и склонностей.

Этим определяется и отношение социалистического реализма к наследию. Художники социалистического реализма прежде всего наследуют традиции реализма. Но они ценят и все передовое, прогрессивное, что было в искусстве других направлений. И не надо, как это делали некоторые искусствоведы, всю историю искусства сводить к истории реализма для того, чтобы «расширить» художественное наследие советской литературы и искусства. Советские писатели и мастера искусства ценят и те произведения, в которых идеи времени, правда жизни выражены в формах, присущих романтизму, классицизму и т. д. Естественно, что их отношение к художникам разных направлений не может быть одинаковым: на нем неизбежно отражаются индивидуальные вкусы и склонности разных художников.

Эстетический диапазон искусства социалистического реализма широк: от Маяковского до Твардовского в поэзии, от Сарьяна до Непринцева в живописи, от Эйзенштейна до Пудовкина в кино, — при всей отдаленности этих точек, обозначенных известными именами, возможно, что они еще не самые крайние. А за каждым таким именем — не только сегодняшние различия в творчестве, но и разные художественные симпатии, притяжения и отталкивания в отношении к наследию. Развитие традиций — эта общая и привычная формула — в творчестве каждого самобытного художника реализуется по-своему, часто в полемике с товарищем по перу или с группой художников одинаковых эстетических пристрастий.

Однако все эти эстетические различия, как правило, не заостряются до идейных

противоречий, которые повлекли бы за собой борьбу разных творческих методов. Если и бывают в жизни нашей литературы и искусства творческие срывы, отступления от метода социалистического реализма, то они остаются: именно срывами и отступлениями. Что же касается коренных закономерностей, то они определяются развитием социалистического реализма, а эстетические различия сохраняют свою силу и жизнеспособность как выражение богатства и многогранности жизни, как выражение разнообразия талантов, творческих склонностей самих художников.

Такого рода эстетические различия принципиально не похожи на те расхождения, которые порождают столкновения разных творческих методов, разных идейно-художественных направлений. Чтобы конкретнее понять эту разницу, сравним те же «Вестник откуда» с пьесой «Клоп». И у Морриса и у Маяковского социалистическое будущее изображается романтически, как идеальное царство гармонии человеческого труда и культуры. Но у Морриса эта гармония достигается ценой отказа от созданной капитализмом цивилизации, ценой возврата к ручному труду. У Маяковского гармония основана на величайшем развитии науки и техники, она рождается не в мире парящих над жизнью иллюзий, а как продолжение сегодняшних тенденций социализма, как результат реальных усилий людей труда на тех путях, какие ими найдены в борьбе за счастье.

Надо ли говорить, что эти различия в «производственном» и социальном решении темы, порожденные различиями эпох и мировоззрений писателей, не могли не отразиться и на художественной структуре романтического изображения будущего. Картина, создаваемая Моррисом, далека от реализма. Посвященные будущему сцены «Клопа» Маяковского при всей своей романтичности не противоречат реалистическому принципу изображения жизни в ее развитии.

Я беру этот пример потому, что границы и специфические особенности реалистического направления чаще всего теряют свою определенность именно при сопоставлении с произведениями романтиков.

В нашем литературоведении в свое время делались попытки разграничить реализм и романтизм путем заострения некоторых внешних и непостоянных их признаков. Так появилась концепция: романтизм — мечта,

реализм — правда¹. Еще чаще реализм и романтизм разграничивают по соотношению субъективного и объективного начала. Но ведь «объективность» реализма отнюдь не означает, что художественное творчество для реалиста перестает быть выражением его собственных взглядов и чувств, процессом определения своего эстетического отношения к миру: не тут лежит граница между реализмом и романтизмом. Очевидно, все дело в реальном содержании понятий «объективность» и «субъективность».

Выражение субъективных чувств и взглядов в творчестве художника-реалиста, в том числе и художника социалистического реализма, не оторвано от познания реальной действительности, ее правдивого изображения, воздействия на нее средствами искусства. В истинно реалистическом произведении правда жизни может открыться через субъективное чувство художника с такой силой, с какой никогда не выразит ее изощренный в живописании предметного мира натуралист.

Преувеличенное значение субъективного элемента в романтическом искусстве вырастает на почве разлада художника с действительностью. Но разлад разладу рознь. Как известно, он может стать формой критического отношения художника-реалиста к окружающей действительности, может стать предметом объективного реалистического изображения. У романтиков этот разлад с действительностью приобретает особо острые и даже болезненные формы потому, что о с м ы с л и в а е т с я с у б ъ е к т и в н о, утрачивает свою историческую конкретность.

Одни романтики, не приемля современную им действительность, бежали в средние века — там искали они воплощение своего идеала, другие предавались отвлеченным мечтам о будущем, созданию фантастических картин будущего. Борьба с ненавистой им действительностью у романтиков часто приобретала характер индивидуалистического бунта гордого одиночки. Таким одиночкой и был, например, байроновский Манфред, в котором особенно ярко выра-

жены черты романтического героя. Это, по сути дела, и не характер, взятый в его земной реальности, а скорее состояние духа поэта. И только в этом смысле образ Манфреда правдив — именно как романтическое воспроизведение романтических умонастроений, не одному только Байрону свойственных.

Когда в образах романтических героев есть эта правда умонастроений, когда в них живут боль, гнев, порывы, мечты реальных людей, реальной жизнью порожденные, — эти образы приобретают большую эмоциональную силу. Когда же «романтические черты» в обрисовке героев лишаются своего жизненного содержания, становятся приемом, модой, «романтичность» оборачивается уродливой выпяченностью.

Романтизм неоднороден. И не только политически, но и эстетически, что, разумеется, взаимосвязанно. Названные здесь черты и особенности романтизма живут в нем как тенденция во множестве вариаций. Причем романтические крайности (в художественном смысле) чаще всего присущи тем художникам, которые романтически бунтуют против действительности ради того, чтобы повернуть историю вспять. У романтиков прогрессивного направления, близких революционным движениям, обычно обнаруживается больше связей с конкретно-исторической действительностью, их субъективный мир, которым прежде всего занимается романтическое искусство, больше пропитан объективностью, через него отчетливее «светится» жизнь.

Революционная романтика социалистического реализма коренится в самой жизни советского общества — она утверждает ленинское понимание соотношения мечты и действительности. А такое понимание органически связано с самым трезвым реализмом, и, перенесенное в область эстетического отношения искусства к действительности, оно становится составной частью реалистического художественного метода. Именно за такую романтику боролся Горький, когда он романтизму «устрашенных действительностью и бегущих от нее в область фантазий» противопоставлял романтизм верующих, романтизм людей, «которые умеют встать выше действительности, смеют смотреть на нее как на сырой материал и создавать из плохого данного хорошее желаемое».

¹ О схематичности и несостоятельности этой концепции справедливо говорит Б. Рейзов в своей статье «О литературных направлениях» («Вопросы литературы» № 1 за 1957 год).

3

Социалистический реализм может быть понят и объяснен только на почве самой жизни, в связи с теми историческими процессами, которые характерны для эпохи борьбы за социализм и строительства социализма.

«Это будет,— писал Ленин в 1905 году о литературе социализма,— свободная литература, оплодотворяющая последнее слово революционной мысли человечества опытом и живой работой социалистического пролетариата...»¹

«Не в дум ка новой пролеткультуры,— писал Ленин в 1920 году в наброске резолюции о пролетарской культуре,— а развитие лучших образцов, традиций, результатов существующей культуры с точки зрения миросозерцания марксизма и условий жизни и борьбы пролетариата в эпоху его диктатуры»².

Эти глубокие мысли В. И. Ленина освещают науке путь к пониманию исторических истоков, природы и основных особенностей литературы, творческий метод которой был в тридцатые годы определен как метод социалистического реализма.

Так же как реализм прошлого, социалистический реализм не мог быть кем-то единолично изобретен или создан. Он сложился в ходе общественного и художественного развития человечества как результат действия объективных его закономерностей. Поэтому всякие попытки начать его историю какой-то определенной датой, событием или выступлением не имеют под собой достаточных научных оснований. Когда в искусствоведческую литературу вводятся точные даты рождения нового метода или такие понятия, как «первое произведение социалистического реализма», этим самым неизбежно упрощается весь процесс его становления, и уже не о развитии социалистического реализма в таких случаях заходит речь при оценках даже ранних произведений советской литературы, а об овладении готовым методом и об отклонениях от него.

Но отрицание «дня рождения» социалистического реализма не означает, конечно, что вообще не следует говорить о заслугах отдельных деятелей в создании и развитии

этого метода: любая историческая закономерность в искусстве и литературе имеет своих выразителей, проявляется в творческих усилиях конкретных художников.

Огромную роль в становлении и развитии социалистического реализма сыграл М. Горький. И дело не только в том, что уже на рубеже двух веков он создал ряд произведений социалистической идейной направленности — такие произведения появлялись и раньше (вспомним хотя бы революционные стихи близких Марксу немецких поэтов, вдохновленные «Коммунистическим манифестом», вспомним «Интернационал» Эжена Потье, творчество русских революционных поэтов). В творчестве Горького соединились великие традиции критического реализма классиков и опыт социалистической литературы, впрямую связанной с освободительным пролетарским движением и его идеологией; в творчестве Горького «магистральная линия» реализма получила новое, социалистическое развитие.

Однако при всем значении художественных открытий Горького, при всем значении предреволюционного реалистического творчества других писателей, близких пролетариату, нельзя сказать, что новый творческий метод утвердился сразу же после «Мещан» и «Матери» и художникам революционных лет оставалось только овладевать им. Искусство и литература в этом смысле развиваются более сложно, чем, скажем, точные или естественные науки, в которых любое открытие неизбежно и быстро становится общим достоянием, ступенью для дальнейшего подъема научного знания. В искусстве и литературе уже после плодотворных открытий Горького продолжал свои настойчивые и дерзкие искания Маяковский; Серафимович и Федин, Шолохов и Панферов, Малышкин и Леонов — каждый по-своему — искали новые формы романа, способного охватить революционную массу и конкретность переживаний и действий составляющих ее единиц. Вишневский и Погодин взрывали «пьесу с потолком» ради сценического воплощения могучего размаха революционных преобразований, Афиногенов и Киришон защищали такую пьесу, стремясь найти новую глубину в изображении идейного и нравственного становления нового человека... Это лишь некоторые из множества примеров, показывающих, что утверждение социалистического реализма как творческого мето-

¹ В. И. Ленин. Собрание сочинений. Изд. 4-е, том 10, стр. 31.

² В. И. Ленин. «О культуре и искусстве», М. 1956, стр. 300.

да всей художественной культуры великого народа не последовало автоматически за первыми завоеваниями на этом пути. Более того, в послереволюционной истории нашей литературы была целая полоса, когда эстетическая «левизна» увлекла и захватила весьма значительную часть ее сил. И это не было только результатом вторжения буржуазной интеллигенции в пролетарское литературное движение, это было и проявлением идейной, эстетической, творческой незрелости самого движения, отражением того факта, что наша литература тогда еще только искала свой новый путь.

В работах по истории советской литературы можно иногда встретить такие суждения: утверждение социалистического реализма означало возврат литературы к традиционным художественным формам, возрождение реализма (такую точку зрения, в частности, проводил в свое время «Литературный критик»). На самом же деле социалистический реализм не был и не мог быть простым восстановлением реалистических традиций. Относительно более легким для искусства и литературы первых послереволюционных лет было бы применить блистательно разработанные классиками художественные формы реализма для художественного воплощения новых идей, нового жизненного содержания. Но самое легкое, как известно, далеко не всегда является самым правильным. Новое, социалистическое искусство и его творческий метод не могли развиваться без новаторских поисков, разведки, дерзаний.

Первые послереволюционные годы были, как известно, годами интенсивной борьбы самых различных художественных направлений и групп. В очень пестрой картине тогдашней литературной жизни бросалась в глаза одна распространенная тенденция: эстетическая «левизна», связанная с критическим, а то и анархистским отношением к классике, захватила весьма значительные силы литературы и искусства.

Конечно, тут многое шло от влияния буржуазной идеологии, и не случайно, что проповедниками наиболее крикливых «измов» обычно выступали носители этих влияний. Но среди художников, исповедовавших «левые» эстетические идеи, было немало людей, преданных революции, озабоченных судьбами революционного искусства. И нельзя, как это делается в «Очерке истории советской русской литературы»,

говорить, что все тогдашние «левые» группы объединяло «буржуазно-нигилистическое отношение к классическому наследию», не дифференцируя при этом участников таких групп. А в их эстетических позициях были существенные различия: одни атаковали классику во имя буржуазного индивидуализма и мешанского анархизма в искусстве, другие говорили об устарелости или недостаточности классических форм, потому что стремились найти наиболее «созвучные» революции художественные формы, способные полнее выразить время, правду революционной жизни; пусть они ошибались в своей критике традиций, пусть они иногда давали увлечь себя громкой фразой, позаимствованной из словаря какого-нибудь очередного «изма», — их бурные искания и споры нельзя оценивать без учета их стремлений, их общественной позиции.

Когда заходит речь об ошибках прошлого, всегда очень важно разобраться, на каком пути они совершены, в каких исторических условиях, при решении каких задач. Нельзя, как это еще иногда бывает, в одной тональности, в одних и тех же понятиях осуждать ошибки поэтов «Кузницы» и некоторых студентов сегодняшнего Литинститута, одинаково считать их отклонениями от социалистического реализма. Поэты «Кузницы» творили тогда, когда еще не только термина этого не было, но и самый метод находился в процессе становления. Для широкого утверждения нового метода требовалось, чтобы революционные идеи нашей партии глубоко проникли в сознание художников, чтобы опыт борьбы за социализм и строительства социализма стал их оружием в художественном освоении действительности.

На первых порах развития социалистической культуры освоение традиций у многих писателей отступало перед порывом к новым формам. Однако то, что пафос освоения позднее занял в их творчестве большее место, не означает, как это пытаются представить зарубежные недруги социалистического реализма, движения вспять. Переломев детскими болезнями левизны, эти писатели стали более зрелыми, более умудренными. И — более бережливыми в обращении с накопленными ценностями. Их новаторство от этого не погускнело. Напротив, освободившись от «левацких» завихрений, оно стало более жизненным, более действенным.

Усиление внимания к наследию в тридцатые годы не сопровождалось полным, «зряшным» отрицанием опыта двадцатых годов. Первый порыв к новому, столь же пылкий, сколь и незрелый, не прошел бесследно. Достоянием истории стали изображения огромных масс, безликого множества, в котором пропадал человек, но повышенное внимание к образу массы осталось; ушли в прошлое созданные в двадцатые годы «социальные маски», плакатные олицетворения общественных сил, но осталась острота социальных характеристик; ушла в прошлое упрощенная лозунговость «синей блузы», но стремление громко заявить революционную идею, четко определить свои позиции вошло в плоть и кровь нашего искусства... Это лишь некоторые примеры, показывающие, как литература и искусство выработывали свои принципы, переосмысливая былые увлечения, освобождаясь от ошибок, перенося в каждое свое «сегодня» все то ценное, что было найдено вчера.

В процессе развития и совершенствования своего творческого метода наша литература в тридцатые годы создала широкие и яркие картины трудовой деятельности строителей социализма; она открыла новые глубины в изображении внутреннего мира человека, в изображении идейных и нравственных перемен в человеке в период, когда партия выдвинула в качестве важнейшей задачи своей политики, как сказано в решениях XVII партийной конференции, «преодоление пережитков капитализма в экономике и сознании людей, превращение всего трудящегося населения страны в сознательных и активных строителей бесклассового социалистического общества».

На каждом этапе сорокалетней истории советского общества наша литература находила не только рожденные жизнью, народным трудом новые объекты художественного изображения, но и новые образительные возможности, приемы, принципы. История советской литературы в этом смысле является историей развития социалистического реализма. Именно — развития, а не только овладения готовым методом и применения его в художественном творчестве.

В одной из своих статей Илья Эренбург определил социалистический реализм как социалистическое мировоззрение художника. Конечно, социалистический реализм не

может быть понят вне его мировоззренческих основ. Но указать на основы — это еще не значит определить явление: там, где нужна только запятая, Эренбург поставил точку.

От раскрытия всей полноты творческого метода советской литературы и искусства фактически отказываются и те литераторы, которые считают, что социалистический реализм проявляет свою новаторскую сущность пока лишь в содержании, формы же остаются в основном старые, классиками открытые и разработанные. «...Новое, внесенное нашим искусством, — пишет, например, А. Аникст в статье «О социалистическом реализме»¹, — до сих пор связано в первую очередь с тем новым содержанием, которое создано социалистическим преобразованием жизни в нашей стране». И дальше: «Новое жизненное содержание, данное нашей эпохой, как мы видим, пока в основном еще укладывается в те художественные формы, которые были оставлены нам нашими предшественниками».

Эти выводы находятся в явном противоречии с живой практикой и художественным опытом советского искусства и литературы. Социалистический реализм не только открывает новые объекты для изображения, но и вызывает перемены в художественном мышлении, перемены в формах искусства. Речь идет, разумеется, не только и не столько о приемах, о форме в узком смысле слова. История советской литературы и искусства наполнена поисками новых принципов эстетического отношения к действительности, построения произведения, системы образов, которые могли бы полнее и точнее отразить новые закономерности, особенности и факты революционного развития действительности. Эти новаторские искания охватывают и раскрытие характеров в многогранных связях с жизненными обстоятельствами, с общественной средой, и художественное воплощение авторской тенденции, и многие другие проблемы, от решения которых зависит глубина и полнота отражения искусством и литературой народной жизни, социальная и воспитательная действенность их произведений.

Коммунистическая партия учит бесстрашную правду, трезвости в оценке сделанного, успехов и трудностей, побед и поражений. Ленинская принципиальность и целе-

¹ «Искусство кино» № 7 за 1957 год.

устремленность — неотъемлемые качества партийного отношения к жизни, ее фактам, явлениям, событиям, к оценке людей и их поступков. Партия воспитывает в советских тружениках умение сочетать романтическую окрыленность, революционное воодушевление с деловитостью и настойчивостью в будничной, черновой работе. Эти особенности советской жизни и деятельности партии сказываются и на принципах творческого метода социалистического реализма. Все новое в нем по сравнению с критическим реализмом XIX века связано с тем, что вносят марксизм-ленинизм и опыт борющегося за коммунизм народа в человеческую жизнь, в понимание процессов и противоречий общественного развития, в отношение человека к миру, к людям, к труду.

Как известно, классики критического реализма оставили нам изумительные по своей глубине и полноте картины развития буржуазного общества. Причем картины эти воссоздают не только поток событий и многокрасочность внешних деталей, но охватывают и развитие человеческих характеров, и среду, обстоятельства, окружающие героев. Перемены в характерах героев произведений Бальзака, Толстого и других выдающихся реалистов всегда укоренены в движении общественных отношений и сил.

Эти особенности критического реализма с особой отчетливостью и силой проявились в творчестве писателей, показывавших развитие общества в период перехода от феодализма к капитализму, в период утверждения и бурного развития буржуазных отношений. И они постепенно исчезают (или ослабевают в своей яркости) в творчестве реалистов более позднего периода, когда классовые противоречия буржуазного общества обострились, когда вышел на историческую арену могильщик буржуазии — пролетариат. Уже в творчестве Флобера и Мопассана (если брать французскую литературу) мы не найдем таких широких и напряженных по богатству внутреннего движения картин развития общества, какие есть у Бальзака и Стендаля. В произведениях многих писателей конца века движение общества, среды, окружающей героев, ограничивается областью морали, психологии, культуры. Что же касается экономических отношений, то они обыч-

но изображаются как неподвижная данность: даже критикуя собственнические порядки, писатели не видят их конца. Обстоятельства, действующие на человека, приобретают в их произведениях непреодолимость, даже фатальность.

Оставаясь на почве буржуазного общества, писатель периода упадка капитализма не мог показать всей полноты противоречий общественного развития, новых движущих сил этого развития. А восприятие и изображение жизни в застывших, неподвижных формах нередко рождало у писателя отчаяние, а иногда и оправдание буржуазных отношений как единственно возможной, хотя и не очень разумной реальности; были и такие среди писателей конца XIX — начала XX века, которые своими произведениями выражали восторг, правда перемешанный со страхом, перед «промышленным гением» капитализма.

Эти процессы упадка критического реализма меньше затронули русскую литературу тех лет. Россия еще только подходила к своей буржуазно-демократической революции. Такое предреволюционное состояние страны и определяло общественную остроту и широту реалистической картины общества, возникавшей под пером выдающихся русских писателей. А крупнейший из них, Лев Толстой, настолько глубоко показал развитие общества, его противоречия, что, даже не понимая революции, отстраняясь от нее, он правдиво показал существенные явления и черты революционного развития тогдашней русской действительности. Но и для всеобъемлющего гения Толстого был предел реалистического изображения тогдашней жизни: он не понял рабочего движения, его роли в развитии общества.

А понимание роли рабочего класса становилось в ту пору необходимым условием реалистической последовательности в изображении общества, необходимым условием дальнейшего развития реализма.

Как мы помним, Ф. Энгельс в своем письме М. Гаркнесс упрекал писательницу в том, что ее рассказ «Городская девушка» недостаточно реалистичен, рабочий класс фигурирует в нем как пассивная масса, не способная помочь себе, даже не делающая попыток помочь себе. Но такое изображение было бы реалистичным, если бы речь шла о начале века, а не о конце восьмидесятых годов. «Революционный от-

пор рабочего класса угнетающему его окружению, — пишет Энгельс, — его судорожные попытки — полусознательные или сознательные — добиваться своих человеческих прав являются частью истории и могут претендовать на место в области реализма¹.

Речь, как мы понимаем, тут идет не только о полноте жизненной картины, но и о качественных изменениях в ее изображении, в художественном раскрытии тенденций, процессов и закономерностей развития общества. Ведь борьба рабочего класса — это такая «часть истории», которая открывала перед историей новые перспективы, которая открывала путь к последовательно материалистическому пониманию противоречий и движущих сил общественного развития. Борьба рабочего класса создавала объективные возможности для воплощения того эстетического идеала искусства, который Энгельс сформулировал применительно к драме: «*Полное слияние большой идейной глубины, осознанного исторического смысла... с шекспировской живостью и действительностью*»².

Горький первым в мировой литературе периода упадка капитализма показал развитие общества и его противоречия с такой глубиной и остротой, на таком социально-историческом уровне, который критическому реализму был уже недоступен. Горький смог это сделать потому, что смотрел на жизнь с новой вышки, которую дал ему революционный рабочий класс, которую дала ему партия рабочего класса. Горький не просто показывал факты и явления окружающей жизни, но и вскрывал реальные противоречия капитализма, классовые силы, двигающие их. Он не только «объяснял историю», но и отчетливо определял свою точку зрения, активно и сознательно включался в борьбу на стороне социальных сил, реально двигавших общество по пути революционного развития, заинтересованных в этом развитии. Горький предметно раскрыл последовательность социалистического реализма в правдивом изображении революционного развития действительности, показал, как новый метод расширяет познавательные-художественные возможности литературы, усиливает ее социальную действенность.

Для писателя, следующего методу социалистического реализма, изображение действительности в ее революционном развитии является осознанной целью. Это дает не только «философские преимущества», но и новый подход к художественному изображению человеческих судеб и конфликтов.

Представим себе историю Григория Мелехова, показанную художником, которому недоступно понимание революционного развития действительности. Это была бы, очевидно, страшная трагедия безысходности, обреченности. Шолохов не снимает и не ретуширует трагизма судьбы Мелехова. Но жизнь Мелехова осмысливается в «Тихом Доне» как эпизод, как звено в общем историческом потоке. Не о безысходности человеческого бытия, а о трагедии разрыва с народом говорит страшная судьба Мелехова в романе Шолохова.

Понимание революционного развития действительности рождает у художников стремление художественно выразить его в новых формах, полнее охватывающих его исторический и человеческий смысл. Поисками этих форм наполнено творчество не только таких художников, как Маяковский, чья жизнь в искусстве с самого начала была связана с революцией, но и таких, как Алексей Толстой.

В одном из своих выступлений о драматургии он напомнил товарищам по профессии классические формулы Гегеля, который видел в драматическом действии борьбу людей, ищущих противоположных целей; в этой борьбе, по Гегелю, рождается единство противоречий — покой. «Что можно дополнить к этой формуле, чтобы приблизить ее к нашей современности? Только то, что покой, являющийся в классической пьесе статичным, смертью, для нас — психологически лишь начало новой борьбы. Покой — единство противоречий — становится в душе зрителя началом новых противоречий. С такой поправкой формула классической архитектоники входит в социалистический реализм. Пьеса — как замкнутый круг, но круг лишь в проекции. На самом деле концы его не смыкаются. Это скорее форма спирали».

Проблемы художественной формы, которая эстетически выражала бы (а не только фиксировала) революционное развитие действительности, решают — каждый по-своему — и другие советские писатели: поиски такой формы связаны с самым глубочайшим существом социалистического реализма.

¹ «К. Маркс, Ф. Энгельс об искусстве». М.—Л. 1938, стр. 163.

² Там же, стр. 176.

Характерно, что отступления от социалистического реализма в творчестве отдельных писателей очень часто бывают связаны как раз с неумением видеть развитие жизни, с неумением найти такую образную систему, такие художественные формы, которые позволяли бы глубоко раскрыть тенденции и закономерности этого развития. Когда писатель берет жизненное явление в его изолированной самостоятельности, то даже фотографически точное описание этого явления может привести к неправде, к отступлению от реализма. Явление, не соотношенное с общими процессами и тенденциями жизни, может потерять в произведении свой истинный масштаб — быть произвольно, субъективистски преуменьшенным или преувеличенным; оно лишается своих связей с другими явлениями, а значит, и реальных красок, которые создаются по принципу взаимного освещения...

Социалистическая общественная практика и освещающая ее пути марксистско-ленинская теория позволяют литературе и искусству социалистического реализма сказать новое слово и в художественном изображении отношений человека и среды. Это новое связано прежде всего с тем, что героем нашей литературы и искусства стал человек труда, вышедший на широкие просторы свободного исторического жизнетворчества. Вечные проблемы искусства — «личность и общество», «человек и история» — получили новое жизненное развитие в советской действительности и новое осмысление в искусстве и литературе социалистического реализма.

Очень интересны в этом смысле наблюдения Романа Роллана (хотя в них и сказана известная односторонность в оценке толстовского мировоззрения):

«Лучшие новые произведения советских писателей (например, Шолохова), — писал Роллан в своей книге 1935 года «Мир посредством революции», — связаны с великой реалистической традицией прошлого века, в которой воплотилась сущность русского искусства и которую обессмертило мастерство Толстого...

Но я живо почувствовал разницу между двумя эпохами, перечитывая шедевр русского романа, который всегда был мне особенно дорог, — «Войну и мир». При этом повторном чтении я был поражен тем вихрем жизненной пыли, который поднял гением Толстого. Как будто бы никакой предвзятый выбор, никакой порядок не подчиняет себе последо-

вательности этих фрагментов жизни: все они представлены с одинаковой правдивостью, без предпочтения, — и большие и малые. И вся эта обильная жизненная пыль — люди, толпы, армии — то поднимается столбами, то опускается, словно движимая слепым фатумом, который подчиняет себе все и играет любую волей.

В противовес этому миропониманию прошлого столетия, которое вело Толстого к религиозному фатализму, новый век знает, куда он идет, и идет неукротимо. Человек, люди — сами являются собственным фатумом. Их осмысленная воля ведет их, — и ведет вместе с ними произведения искусства. Эта воля и этот разум непрестанно наталкиваются на противодействие инстинктов, предрассудков и страстей. В этом — драматизм этих произведений. Но каковы бы ни были перипетии, персонажи и этапы развертывания драмы, в ней всегда представлен мир, устремляющийся к цели, ближней или дальней, которую поставило перед ним сознание».

Отношения человека и среды в реалистической литературе прошлого чаще всего раскрывались как зависимость человека от среды. Литература эта создавала и образы мятежных бунтарей, борцов, но вне социалистической практики она не могла по-настоящему показать реальные пути к свободе, за которую они боролись, часто отдавая борьбу своей жизни.

Делала попытки показать человека, вставшего против среды, человека самостоятельного и независимого, и литература упадочная. Но самостоятельность героя этой литературы обычно выступала в форме индивидуалистических капризов мещанина, мнящего себя свободным от общества; безудержная анархия распадающейся личности была реальным выражением такой «самостоятельности» и «независимости».

Советская литература показывает человека, который знает, куда он идет, который является, по слову Роллана, «собственным фатумом». Она показывает свободу человека, понимающего свою зависимость от общества (это не игра в парадоксы!). Ее новый герой — это человек своего времени, сын своей страны, слуга государства и народа. Он — активный борец за коммунизм и поэтому действует инициативно, творчески самостоятельно. В большевистском, в ленинском понимании социализма как живого творчества масс проявляется его общественная сущность. Творческий дух, идейный пафос совет-

ского общества входит в его характер как сила, определяющая его поведение. И именно потому, что он зависит от общества, он действует самостоятельно — по зову души, по убеждению, по совести, не страшась брать на себя бремя инициативных действий и самостоятельных решений. Этому учит его практика нашего общества, этому учит его Коммунистическая партия. Поведение такого человека становится той нормой общественного поведения, какой литература меряет жизнь своих героев, в том числе и тех, кто к делу относится без души, без патристической страсти, заменяет живое творчество безыдейной службой, действует шаблонно и скованно, мешает разворачиванию личности в себе и других.

Помимо героев Шолохова, о которых пишет Роллан, вспомним Левинсона и молодого гвардейцев у Фадеева, Павла Корчагина — героя знаменитой книги Островского, Басова из «Танкера «Дербент» Крымова, автора и героя «Педагогической поэмы» Макаренко, Воропая из «Счастья» Павленко, Макара Дубраву из пьесы Корнейчука... В каждом из них по-своему воплощены эти черты нового героя. И новое отношение к среде, к окружающим обстоятельствам.

Советская литература последовательно реалистична в изображении «героев нашего времени». Поэтому и характерные для нее романтические порывы в будущее получают реалистическое художественное выражение. Романтика в ней не отделяется от реализма и тем более не противостоит ему. Воспевая своих положительных героев, советская литература внимательнейшим образом исследует и показывает процессы их идейного и нравственного становления. Эта тема глубочайшим образом связана с воспитательной активностью советской литературы, с ее действенным участием в выработке и распространении новой морали.

Тема «героя нашего времени», привлекающая внимание художников разных жанров и видов искусства, особенно широко разрабатывается в советском романе.

Предметом буржуазного романа очень часто были вариации больших и малых «робинзонад», о которых писал Маркс в своем введении «К критике политической экономии». Единичный и обособленный индивид, каким был Робинзон, попав в «общество свободной конкуренции», претерпевает весьма драматическую трансформацию. Он не перестает быть одиночкой, делающим

свою судьбу: разобщенность людей, публичное их одиночество является закономерностью собственнического общества. Но под влиянием звериной борьбы всех против всех он становится Растиньком, который отстаивает свой личный интерес вопреки интересам соседей, близких, часто — ценой их страданий и унижений. Отстаивая таким образом свое благополучие, он не может отстоять себя: он покупает это благополучие дорогой ценой утраты благородных юношеских иллюзий и самой человечности; победа карьериста становится поражением человека.

Героем советского романа является человек коллектива, объединенного общностью социалистических идей. На пути к жизненным успехам этот человек тоже наталкивается на препятствия — то во внешних обстоятельствах, то в самом себе. Но, чтобы их побороть, ему не надо расталкивать всех локтями, вгрызаться в глотку соседу. Он тем полнее и тем скорее побеждает, чем решительнее освобождается от привычек и навыков старого, собственнического мира, от пережитков старины, чем органичнее включается в коллективные усилия общества.

И уже не утратой благородных иллюзий, не обесчеловечиванием становится процесс жизненной борьбы, а воспитанием социалистической, коллективистской морали: социализм культивирует человеческое в человеке, рождает полноту общественных связей человека. «Годы учения» и «годы странствий» героев таких романов и повестей, как «Люди из захолустья», «Педагогическая поэма», «Русский лес», становятся годами идейного и нравственного их возвышения, годами социалистического воспитания и самовоспитания, а значит, и все более тесного сближения с обществом, которое ценит все человеческое в человеке. Литература социалистического реализма показывает и воспитывает в человеке качества идейного борца коммунизма, сочетающего революционное воодушевление, романтику борьбы и труда с деловитостью в работе, с трезвостью и самокритичностью в оценке сделанного, с упорством в преодолении трудностей.

Эти качества являются вместе с тем и особенностями самой литературы, жизненной позиции художника. Они определяют и общую эстетическую направленность его творчества и краски, тона, распределение света и тени на создаваемой им картине жизни.

Творческий метод советской литературы предполагает социалистическое развитие таких понятий, как тенденциозность художника, вынесение в процессе художественного творчества приговора явлениям жизни. Передовая демократическая литература всегда была решительна в осуждении зла и в утверждении добра. Развивая лучшие традиции литературы прошлого, социалистический реализм от общедемократического, общегуманистического понимания народных идеалов и сил, им противодействующих, поднимается к социалистическому, партийному их пониманию.

Социалистический реализм — это политическая ясность в раскрытии реального содержания добра и зла, красоты и безобразия, справедливости и несправедливости, свободы и несвободы. Естественно, что эта ясность приобретает объективное эстетическое значение, когда она не ограничивается только областью публицистических оценок, а умножает изобразительную, познавательную и эмоциональную силу литературы: помогает показать осуждаемое зло во всей сложности его конкретных жизненных проявлений, глубоко проникнуть в «химию факта», в процессы жизненной борьбы, помогает увидеть, показать всю красоту прекрасного — и не только там, где оно открывается в могучем цветении, но и там, где оно ростками пробивается сквозь мешающие ему наслоения, где оно присутствует пока еще не в чистых формах, а в противоречивых сочетаниях и причудливых смесях.

Идейные противники советской литературы много пишут о том, что принцип партийности литературы, свойственные социалистическому реализму требования идейной ясности и определенности в оценке жизненных явлений подавляют личность художника, свободу творчества. Но ведь партийность художника не является чем-то внешним по отношению к его личности. Она определяется его убеждениями, его идейной позицией.

«Если борьба за идеалы коммунизма, за счастье своего народа, — указывает Н. С. Хрущев в своем выступлении «За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа», — является целью жизни художника, если он живет интересами народа, его думами и чаяниями, то какую бы тему он ни брал, какие бы явления жизни ни отображал, его произведения будут отвечать интересам народа, партии и государства.

Такой художник избирает путь служения народу свободно, без принуждения, по собственному убеждению и призванию, по велению души и сердца.

«Абсолютная» свобода творчества, о которой так много кричат буржуазные индивидуалисты, — не более как фикция. Жизнь неизбежно ставит художника перед выбором: с кем идти, в каком сражаться стане? И от того, что выбирает художник, какой политике он служит, чьи и какие интересы проводит, зависит реальное содержание его творческого «самовыражения». Свобода неизбежно обернется самым жалким рабством, если писатель служит силам порабощения человека человеком. Истинную свободу писатель обретает тогда, когда он по убеждению и призванию служит общественным силам, двигающим дело освобождения человечества, в современных советских условиях — партии, государству, народу. В этом случае партийность становится объективным свойством произведений художника не потому, что он пишет по чьей-то указке, а потому, что партийность — в его сердце, потому, что она является его жизненной позицией.

И есть своя глубокая жизненная логика в том, что в партийном документе «За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа» так настойчиво ставится вопрос о глубоком знании жизни, о вооружении творческих кадров марксистско-ленинской теорией, о непримиримости и принципиальности в осуждении идейных ошибок. Истинная борьба за социалистический реализм, за партийную направленность литературы и искусства начинается с воспитания художника, с выработки в нем соответствующих взглядов, убеждений, эмоций. Вот почему идейное воспитание творческих кадров рассматривается Коммунистической партией как важнейшая задача партийного руководства литературой и искусством, борьбы за их партийность.

Принцип партийности литературы и искусства, органически связанный с их народностью, зовет художников социалистического реализма на передовые позиции борьбы за коммунизм, на главную линию развития, которая состоит в том, чтобы, как сказал Н. С. Хрущев, «литература и искусство были всегда неразрывно связаны с жизнью на-

рода, правдиво отображали богатство и многообразие нашей социалистической действительности, ярко и убедительно показывали великую преобразовательную деятельность советского народа, благородство его стремлений и целей, высокие моральные качества. Высшее общественное назначение литературы и искусства — поднимать народ

на борьбу за новые успехи в строительстве коммунизма».

Сила и жизненность идейно-эстетических основ социалистического реализма доказаны сорокалетним опытом развития советской литературы и искусства. Этот опыт — живое оружие каждого художника в общей борьбе за торжество коммунизма.

Е. ДОБИН

★

БОГАТЫРСКОЕ ПЛЕМЯ

Недavno группа ленинградских писателей встретила с Григорием Ивановичем Петровским. Эта встреча была для меня встречей с молодостью.

...Впервые я увидел Григория Ивановича в мае 1920 года. В просторном, довольно нелепой постройки харьковском театре «Муссури» заседал IV Всеукраинский съезд Советов. Вел заседание не седой, как сейчас, а черноволосый и чернобородый, казавшийся почему-то более высоким Григорий Иванович. И, прислушиваясь к его мягкому, с какими-то проникновенными интонациями голосу, я представил себе, как Петровский, депутат IV Государственной думы от рабочих Екатеринослава, этим же добрым голосом произносил злые и беспощадные слова по адресу царского режима, не смущаясь зычными окриками и нетерпеливыми звонками председателя Думы екатеринославского помещика Родзянко...

Харьков того времени мне запомнился как жаркий, пыльный и необыкновенно большой город. Большой потому, что трамваи не ходили и нужно было отмахивать огромные расстояния пешком, чтобы попасть на съезд. На голодный желудок это было утомительно. А голодное сосание под ложечкой терзало нас непрерывно. Ибо фунт хлеба и тарелка пустых щей не могли насытить взрослого человека.

Но ощущение голода, жары и недосыпания нисколько не ослабляло и не тушило постоянного, переполнявшего сердце чувства огромного душевного подъема, страстной уверенности в том, что если не завтра, то уж послезавтра наверняка наступит полная победа.

Уже с утра, когда я шагал на съезд по горячим мостовым, обжигавшим босые ноги, охватывало то светлое и радостное состояние, которое можно определить коротко, даже одним словом — энтузиазм...

То, что я попал на съезд Советов (хотя я вовсе не был делегатом, а прошел по обыкновенному гостевому билету), преисполняло меня не только радостью, но и гордостью.

Энтузиасты заполняли зрительный зал театра «Муссури». И это объединяло и как-то уравнивало и юнцов-комсомольцев, и подпольщиков, знавших не только подполье дореволюционное, но и гораздо более страшное подполье времен деникинщины, и боевых рубак-командиров, и опытных партийных ораторов, падавших иногда в обморок на десятом за день митинге от недоедания и усталости.

Мне показывают бородатого, коренастого председателя одного из губисполкомов, которого бандиты, предводительствуемые атаманом с идилической фамилией Ангел, зарыли по горло в землю, обречши его на медленную и мучительную смерть. Крестьяне откопали его. И вот он стоит на трибуне, произнося горячую речь.

...Следуя непрерывной чередой, воспоминания эти сплетаются с тем, что я слышу сейчас от Григория Ивановича, и не только не мешают мне слушать, но обостряют и оживляют его слова.

Вот Григорий Иванович рассказывает, как в 1915 году после суда над пятью депутатами-большевиками их обряжали в арестантскую робу — на далекий путь в гиблый Туруханский край. Тюремщики не переставали удивляться веселому настроению арестантов. Приговор был каторжный: пожизненная ссылка в Сибирь. А приговоренные обменивались шуточками, остряли и смеялись.

И Ленин тоже, рассказывает Петровский, во время заседаний Совнаркома, заседаний Центрального Комитета партии часто от всей души заразительно смеялся. И не только в дни ослепительных успехов боль-

шевистской партии, в дни взятия власти, например. Даже и в самые тяжкие моменты, когда иные падали духом, в Кремле слышался победительный, оптимистический смех Ильича. Упадка духа у Ленина никогда не бывало и не могло быть. Значит ли это, однако, что Владимир Ильич был забронирован от горя, недоступен грусти? Конечно, нет. Он, например, неизменно тосковал, когда после поражения первой революции пришлось вернуться в постылую эмиграцию. «У меня такое чувство, точно в гроб ложиться сюда приехал», — сказал он Надежде Константиновне, когда они прибыли в начале 1908 года в Женеву. Ленин мучился, когда после Февральской революции задерживался его приезд в Россию. «Какая это пытка для всех нас сидеть здесь в такое время!» — писал он в Стокгольм Ганецкому. Оторванность, вынужденное одиночество — вот что было тяжким и невыносимым для Ленина. Но, окруженный соратниками, в кругу великого коллектива партии, Ленин в дни самых тяжелых поражений был живым аккумулятором неисчерпаемой энергии и бодрости духа. Заражая окружающих, всю партию в целом несокрушимым оптимизмом и уверенностью в победе, Владимир Ильич одновременно черпал оптимизм и уверенность в самом воздухе боевого, революционного, большевистского коллектива.

...Я мысленно возвращаюсь в зал заседания IV Всеукраинского съезда Советов. И тогда время было тяжелое. Киев, столицу Украины, захватили белополяки. Они бесчинствовали на правом берегу. По всей Украине то здесь, то там вспыхивали бунты. Петлюровские последыши, кулацкие атаманы (была даже какая-то Маруся, свирепствовавшая на Черниговщине, на Черкащине и в Елисаветградской степи) уничтожали коммунистов, подвергая их изощренным пыткам. Но в зрительном зале театра «Муссури», где заседают люди, только что прибывшие с фронтов, которым завтра возвращаться на фронт (а фронт был повсюду и в так называемом «тылу»), то и дело перекачивается могучий, громогласный хохот. Смеются каждой шуточке, остроте, даже отдаленному намеку на шутку или остроту. Все это от чувства локтя, от ощущения себя звеном и частицей большой семьи — революционной армии, цементированной самой высокой в истории человечества идеей.

Мне трудно восстановить в точности, кто выступал на этих заседаниях и о чем шла речь. Но до сих пор я отчетливо помню мощное дыхание коллектива людей, возвращенных большевистской партией, ощущение его обаяния, его богатырской силы.

Богатыри — не по внешности. Да, немало в этом зале было и таких, о ком говорится «косая сажень в плечах». Такие могут в кавалерийской атаке рубить врага с плеча по бедру. А рядом — типично интеллигентская фигура: узкогрудый, близорукий, с реденькой «учительской» бородкой. С особым чувством уважения оглядывались участники съезда на рабочих-коммунистов, которых прислал на Украину красный Питер. На лицах — следы многолетней работы в дымных, закопченных цехах. Работницы — в сапогах, преждевременно состарившиеся.

Неодинаковы по внешности, неодинаковы и по внутренним качествам. Есть среди них и подверженные партизанщине, анархическим колебаниям. Затесались среди этих сотен людей и чужаки и люди случайные. Кое-кто впоследствии не выдержит железной дисциплины, отойдет в сторону или поддастся ядовитым и тлетворным антипартийным влияниям. Но не они определяют лицо этого собрания. И в зале царит слитный, могучий и покоряющий дух большевистского коллектива.

Почему из многих и многих собраний, на которых мне пришлось быть, именно это запечатлелось с такой остротой? Очевидно, потому, что это была первая в жизни встреча с отборными людьми партии, с людьми, имеющими революционные заслуги. Это слово было полно бесконечно высокого значения. И в душе откладывалось сильно и на всю жизнь ощущение величия и обаяния богатырского племени большевиков...

Богатырское племя... А. Фадеев называет в «Последнем из удэге» дружбу Суркова и Алеши Чуркина «богатырской» (хотя маленький, короткошей, с ежовой головкой Алеша уж ничем не походил на богатыря). Не случаен повышенный интерес к этому роману, проявившийся вновь в последнее время. «Последний из удэге» принадлежит к числу самых значительных произведений советской прозы. Перечитывая этот роман теперь, невольно думаешь о том, что XX съезд КПСС, восстановивший ленинские нормы партийной жизни, вдохнул новую жизнь и в некоторые старые книги,

чудодейственно обновил их. Так произошло и с «Последним из удэге». Стало ясным, как современен внутренний пафос этого романа, его ведущая мысль, как живы и близки нам его герои, как душевно, человечно и богато раскрыта Фадеевым тема большевистского коллектива.

Остановлюсь на одной только — центральной, пожалуй, для замысла романа — сцене. Петр Сурков, Алеша Маленький и Мартемьянов, члены повстанческого ревкома, коммунисты, слушают письмо подпольного областного комитета. Так же, как и их, нас восхищает пронизательное и глубокое понимание сложившейся обстановки, сочетание трезвости и смелости, ясность и простота тактического решения.

Но ведь раньше мы были свидетелями спора Алеши и Суркова, и все казалось необычайно сложным и запутанным! Да, положение и сложно и запутано. Но искусство большевистской стратегии и состоит как раз в умении находить простое и ясное решение в самой сложной ситуации.

Фадеев был художником умным, взыскательным, с большой силой мысли, зорко глядящим в действительность. Его не привлекал тот, к сожалению нередкий, способ построения конфликта (я говорю о конфликте единомышленников, друзей, а не о столкновении врагов), при котором один противник грубо и элементарно неправ, а другой — наглядно и столь же элементарно прав.

В «Последнем из удэге» спорят два давнишних друга, два человека, одинаково преданных партии, одинаково испытанных, закаленных в революционных боях, подпольем, тюрьмой. Спорят они резко, страстно, непримиримо. Мучительно рвутся нити старой дружбы. Мы прислушиваемся к их спору и колеблемся. Нам трудно стать бесповоротно на ту или другую сторону. Мы склоняемся то к Суркову, то к Алеше. «То сей, то оный набок гнется».

«Опыт восстания подсказывал Петру, что, если не идти сейчас навстречу коренным мужицким интересам, мужики скоро остынут и не пойдут на длительную вооруженную борьбу.

А представление о силах интервенции подсказывало Алеше, что мужицкие интересы не могут быть сейчас осуществлены и лучшие силы тратятся бесполезно, вместо того чтобы правильно организовать вооруженную борьбу.

Это же представление говорило Алеше, что вооруженная борьба должна быть организована так, чтобы быть наименее уязвимой. И он отстаивал тактику мелких отрядов.

А логика борьбы толкала Петра на создание крупных отрядов, потому что он не понимал, зачем нужно стремиться к мелким операциям, когда обстановка позволяет совершать крупные.

С точки зрения Петра, наиболее сильным ударом по колчаковскому тылу явился бы захват Сучанского рудника, лишавший город, и порт, и железную дорогу угля и вливавший в партизанские отряды несколько тысяч рабочих.

А Алеша видел, что эти крупные отряды уже несколько месяцев безрезультатно возятся под рудником, вместо того чтобы выйти на Уссурийскую дорогу, от которой зависела материальная связь Колчака со всем внешним миром».

Кто из них прав и кто неправ? В чем-то наверняка прав Сурков. В чем-то, кажется, прав Алеша. Но как точно и непогрешимо отделить правоту от неправоты?

И вот приходит письмо подпольного областного комитета. И вместе с героями романа мы, читатели, чувствуем громадное душевное облегчение. Большевистская школа, большевистская мысль!.. С волнением — неподдельным и нарастающим волнением — следим мы за каждым словом этой прозаической, казалось бы, «директивы». Так мудро решены в ней наиболее волнующие вопросы партизанского движения. А движение разгорелось за десять тысяч верст от границ Советской власти, то в время, когда белогвардейские войска теснили молодые полки Красной Армии далеко за Уралом, у подступов к самой Волге. И в этой неслыханно трудной обстановке — не лихорадочная, не взвинченная, а спокойная и твердая уверенность в победе, умение взвесить все опасности, грозящие партизанам и их большевистскому руководству, умение сплотить и воодушевить людей на героическую, с первого взгляда кажущуюся безнадежной борьбу.

Почему же удалось подпольному комитету то, что не удавалось Суркову и Алеше? Принижает ли это их как руководителей? Нет, не принижает. С каждой новой главой романа и Сурков и Алеша не только становятся нам роднее и ближе, но и вырастают в наших глазах. С разных сторон и Алеша и Сурков подходили к пра-

вильному решению, а во многом — и важном — находили нужный и верный путь.

В глубоком тылу колчаковщины Петр Сурков взял смелый курс на созыв съезда Советов партизанских районов. А Алеша испытывал вполне законную тревогу по поводу длительного безрезультатного топтания партизанских отрядов под рудником, где сосредоточены крупные силы белогвардейцев и интервентов. «Несмотря на то, что письмо несомненно поправляло их всех (больше всего Алешу, но и Петра и тех, кто стоял за ним), несмотря на это, каждый находил в письме и то, что он предлагал. Не говоря уже о Петре, работа которого была одобрена в самом главном (и который был счастлив, но стеснялся это показать), и Алеша мог бы сказать, что он предвидел японское наступление и выдвинул мысль о создании продовольственных баз в тайге...»

И Сурков и Алеша в некоторых вопросах ошибались. Подпольный областной комитет их поправил, и тогда оказалось, что спорить не о чем. Подпольный комитет владел тем магическим «чуть-чуть», в свете которого безошибочно отделялось правильное от неправильного или от не совсем правильного. Почему так получилось? Потому ли, что в областном комитете чудом оказались идеальные, непогрешимые руководители? Конечно, нет. Единственно правильная, единственно возможная тактическая линия нашлась коллективным опытом и разумом, в коллективном обсуждении. Вдумчиво взвешивались все факторы обстановки, отбрасывалось все неточное и расплывчатое в предложениях, закреплялось и усиливалось все верно найденное. И Сурков и Алеша смогли бы стать достойными членами этого богатырского коллектива и внесли бы свой ценный вклад в его богатырскую мысль.

Необыкновенную творческую силу большевистского коллектива я необычайно остро ощутил в истории одного человека, командира торпедного катера во время Великой Отечественной войны. В бригаду торпедных катеров я попал в начале войны и близко наблюдал жизнь и людей этого замечательного соединения. Чем оно было замечательно? Тем, что даже в самые тяжелые месяцы отступлений и поражений первого периода войны катерники вели

наступательные, и только наступательные, бои.

Торпедные катера того времени были маленькими, тонкостенными скорлупками, с командой в пять человек, с ничтожной оборонительной способностью (один пулемет!), но с мощным наступательным оружием — торпедами. Исходя из опыта первой мировой войны, было принято считать, что в силу своей оборонительной слабости торпедные катера могут действовать только скрытно, под покровом ночи или тумана. Но катерники-балтийцы с первых же дней войны блистательно опровергли эту тактическую догму. Среди бела дня, при ярком солнечном свете они выходили в атаку на вражеские корабли и... маленький Давид побеждал гиганта Голиафа! Торпедные катера топили солидные транспорты с оружием и солдатами, эсминцы, сторожевые корабли и даже крейсера. Крохотный размер торпедных катеров, их вертикальность сыграли неоценимую роль. Хладнокровно маневрируя под сосредоточенным, иногда даже ураганным артиллерийским огнем противника, катерники приближались на предельно близкое расстояние, иногда на два-три кабельтовых, и выпускали торпеды в упор. Потопив много вражеских кораблей, торпедные катера за первую летнюю кампанию понесли сравнительно ничтожные потери.

Среди прославленных в 1941 году катерников был один, который при первом знакомстве с ним производил несколько отличное от своих товарищей впечатление. Те были «орлы», бравые, собранные люди. Старший лейтенант Н. не казался человеком волевого склада. Очень симпатичный, добродушный, мягкий, рыхловатый, он, мне казалось, не без удивления относился к свалившейся на него славе.

Ко второй летней кампании 1942 года условия для действий торпедных катеров изменились. Ошеломленные вначале дерзкими нападениями катерников, гитлеровцы нащупали их слабое место. Корабельный артиллерийский огонь был мало действителен. Но обстрел сверху, с самолета, оказался очень опасным для торпедных катеров. Пришлось соответственно усиливать взаимодействие торпедных катеров с нашей авиацией. Так или иначе, операции стали несравненно более опасными, потери увеличились. Тем не менее катерники Балтики, набравшись опыта и мастерства,

выводили из строя все больше и больше кораблей противника.

Иное получилось у Н. В 1943 году он как-то стухевался и заметно поотстал. Командиры катеров, бывшие в начале войны еще совсем зелеными юнцами, возвращались на базы с триумфальным счетом потопленных кораблей. А Н. выходил на поиски и возвращался обратно без результата. Он перестал находить врага.

Что делать? Начальник политотдела полковой комиссар З. собрал коммунистов бригады, от командира звена и выше. Это была «просто» товарищеская беседа. Протоколы не велись. Резолюции не предлагались. Начали с молодого офицера, только что награжденного званием Героя Советского Союза. Он рассказал о своих операциях, не умолчав и о промахах, им допущенных. Неожиданно для Н. разговор коснулся и его, разгораясь все жарче и жарче. Н. упрекали, что слава, завоеванная им в первых боях 1941 года, — не его личное достояние, а честь всей бригады. И то, что имя Н. перестало впоследствии упоминаться в победных сводках Краснознаменного Балтийского флота, взволновало всех его товарищей.

Эта искренняя взволнованность, это дружеское участие в его судьбе и стремление товарищей по-настоящему разобраться в том, что с ним происходило, были очевидны для Н. Поэтому разговор на собрании стал для него потрясением и оказался началом благотворного перелома. Н. начал действовать так решительно и отважно, что вскоре стал Героем Советского Союза; в летописи подвигов Краснознаменного Балтийского флота имя его занимает почетное место.

А ведь Н. действительно не был храбрым человеком. Храбрость родил в нем коллектив. Храбрость не в отдельном поступке, а в поведении, то есть в характере.

Подробности этой истории в ту пору неожиданно напомнили мне наши литературные споры конца двадцатых и начала тридцатых годов. В азарте дискуссии литфронтовцы договорились до лозунга: «Изображать не личность, а коллектив». Им возражали: «Коллектив ведь состоит из личностей; будут изображены личности — будет изображен и коллектив». Истина несомненная... Но она верна для всех времен, для всякого коллектива людей, существующего в любом обществе; в ней не отрази-

лись те специфические новые черты, которые родились в коллективе людей, строящих социализм, и характерны именно для нашего социалистического общества.

Характер формируется в коллективе, коллектив формирует личность (и это может быть раскрыто только при условии глубокого показа психологии, зоркого проникновения в индивидуальность) — вот что уже тогда могло и должно было стать, но не стало главным выводом старой дискуссии.

Это истина не универсальная, не «накладывающаяся» на все искусство в целом; не простая вариация положения, характеризующего новейший реализм: об определяющем влиянии среды на индивидуум. Влияние среды на личность может быть самое разное. И «классический» реализм XIX века дал немало произведений, блестяще показывавших, как уродуют человека строй и среда в собственническом, денежном обществе. В нашем искусстве тема воздействия коллектива на человека, на характер — это тема обогатившая личности, рождения и развития высоких, благородных, истинно человеческих качеств под благотворным воздействием коллектива, выдвинутого историей как авангард человечества, — коллектива революционного, партийного.

Тема роста и совершенствования человека в борющемся и созидающем большевистском коллективе, естественно, стала центральной и сквозной темой искусства социалистического реализма.

В повести Леонида Соболева «Зеленый луч», посвященной советским катерникам, эта тема выдвинулась на первый план.

«Зеленый луч» — одно из лучших произведений о Великой Отечественной войне, о советских людях на войне, несмотря на то, что в повести почти нет боевых сцен. Рассказано только на трех страницах о бое сторожевого катера с вражескими пикировщиками, бое, в котором герой повести, Решетников, принимает на себя командование, заменив убитого командира. В той боевой операции, описание которой идет через всю книгу, от первых слов ее («Сторожевой катер «0944» шел к занятому противником берегу для выполнения особого задания в глубоком тылу врага») до конца, нет прямого столкновения с врагом, нет огня и стрельбы, нет ран и смертей. Кульминация этого похода — героический проплыв Хазова и Артюшина в ледяной

воде мог произойти и в мирных обстоятельствах.

Тем не менее облик моряков, отважно и самоотверженно сражающихся за освобождение и счастье Родины, необычайно ясно выступает в этом произведении. Леонид Соболев живо воплотил черты советского «святого товарищества», пользуясь выражением Гоголя. В повести показано, как зреют люди — духовно, нравственно и идейно — в боевом коллективе. Раскрыты те внутренние, непрерывно обновляющиеся человеческие связи, которые спаяли советских людей на войне в могущественное, единое и непобедимое целое.

Драматичен финальный эпизод повести, где Хазов и Артюшин, не видя другого выхода, затопляют лодку и принимают отчаянное решение — добраться вплавь до катера. Но еще более трогает предыдущая сцена — на катере, — где товарищи Хазова и Артюшина томятся, ожидая их, колеблясь между страхом и надеждой. Страдает и не находит себе места Решетников, волнуясь за своего новообретенного друга боцмана. Не может удержать слез шестнадцатилетний радист Юра Сизов, которому Артюшин спас жизнь.

«Как же теперь жить?» — думает Решетников в эти долгие ночные часы бесплодного ожидания. «Неужели уже рассвет и с ним — конец ожиданию, в котором была хоть надежда?» А ведь еще совсем недавно Решетников именно из-за Хазова хотел перевестись на другой катер. Не потому, что Хазов был плохим боцманом, а, наоборот, потому, что он был слишком хорошим. Настолько хорошим, что Решетникову казалось, что он, командир катера, лишний на корабле. Это терзает мальчишеское самолюбие Решетникова. Он достаточно умен, чтобы видеть свою неопытность и невыгодность сравнения ее с опытностью боцмана, но еще недостаточно умудрен жизнью, чтобы понять, что глупо на это обижаться...

История превращения былой неприязни Решетникова к Хазову в глубокую дружескую привязанность не была бы столь волнующей, если бы она не отражала суть, истину новых, сложившихся в нашей стране человеческих отношений. Решетников приходит на катер командиром, руководителем. Это его заветная мечта. Очень скоро выясняется, что он не сможет стать настоящим командиром, если не сумеет сродниться, спаяться с командой катера, жить ее жизнью. Решетников начинает понимать,

что он никогда не будет хорошим руководителем, если отгородится от коллектива, от его воздействия и влияния.

После нескольких чувствительных промахов, порожденных излишней самонадеянностью, Решетников начинает успешно учиться у боцмана Хазова, у механика Быкова, у командира дивизиона Владыкина, у смельчака Бабурченка, такого же командира катера, как и он. Оказывается, это не только не тягостно, не только не принижает Решетникова в своих собственных глазах, но преисполняет его неведомым ранее «чувством радостного облегчения». Раньше молодой командир был все время скован. Он боялся, что подчиненные будут его учить, давать ему советы, и это, конечно же, подорвет его командирский авторитет. Хазов пытается как можно тактичнее, как можно незаметнее, в форме вопросов, подсказать ему правильное решение. Но эта-то тактичность и раздражает больше всего Решетникова.

Муки задетого самолюбия терзают Решетникова до тех пор, пока он не получает вполне им заслуженную суровую головомойку от капитана третьего ранга Владыкина: «Флот, милый мой, на том и стоит, что офицер у всех учится — и у начальников и у подчиненных. К старым морякам и адмиралам прислушиваются. Самонадеянности море, ох, как не любит!»

Владыкин открывает Решетникову еще одну, не новую истину: «Как, спрашивается, вы будете командовать катером в бою, если не знаете, кто чем дышит, чем живет, как фашиста ненавидит? Кого вы можете на смерть послать, чтобы он жизнью свой катер спас, а за кем в бою присматривать надо? Кому надо душевным разговором помочь, а на кого рывкнуть? Да, наконец, просто: кому водку можно перед походом дать, а кому после...» Теперь, когда Решетников засиживается по вечерам в кубрике, когда он проводит с командой целые дни, когда он сблизился и сжился с командой, когда он научился различать в «смутном и безличном» понятии «команда катера» живых людей, которые ему стали близкими и родными, — он вдруг почувствовал себя как человек, который раньше боялся поплыть без пузырей и пояса, а теперь, «отважившись попробовать, с удивлением обнаружил, что вода его держит и что вовсе не надо думать, какой ногой и рукой шевелить». Решетников ощутил себя подлинным командиром, поверил в свое право быть руко-

дителем. На смену прежним жестоким сомнениям, выйдет ли из него настоящий командир, пришла бодрая, ясная уверенность.

Душевная шелуха, все то вздорное и мелкое, что мешало проявиться хорошим качествам души, начало исчезать в атмосфере коллектива, объединенного великим делом служения Родине. А все лучшее, что было в характере Решетникова, — преданность Отчизне, страстное желание быть полезным и нужным Родине человеком, живой интерес к людям — все это крепло, наливалось соками, набирало силы.

«Сильнее всех тот, кто более всех одинок!» — восклицал в пьесе Г. Ибсена доктор Штокман. Для Жан-Кристофа, как отметил, анализируя книгу Р. Роллана, Стефан Цвейг, истинное величие в одиночестве. Не будем упрекать Ибсена и Роллана в ограниченности и «недопонимании» азбучных истин. Возвышенный пьедестал одиночества — черта, обусловленная временем. Доктор Штокман утверждал свою истину, свое нежелание служить корыстному обману, лишь отгородившись от скопища эгоистических мещан. Жан-Кристоф в достаточной мере распознал лицо буржуазной «ярмарки на площади», заглушающей голос подлинного искусства. Но в поисках величия одиночества Жан-Кристоф смотрит свысока и на рабочие объединения, на синдикаты. Жан-Кристоф «не мог удержаться от презрения к этим людям, которым, для того чтобы идти в бой, нужно было быть скованными друг с другом единой цепью».

В свете этих слов отчетливее предстает великая смена эпох в истории и искусстве. Отмирает идея индивидуализма даже в том варианте, когда она призвана как будто утвердить лучшее в душе человека, заветное и высокое. В строгой гармонии с исторической практикой, с грандиозными революционными сдвигами и победами рождается новое искусство, подвижное светлой идеей освобождения человечества силой бьющегося коллектива. Эта идея настолько вошла в плоть и кровь нашего искусства, настолько стала естественной, что зачастую советский художник уже не испытывает потребности ее так прокламировать, так подкреплять звонкими афоризмами, как прокламируют и провозглашают свой индивидуалистический идеал герои Ибсена и Ромена Роллана.

В повести Леонида Соболева — интонация «обыкновенной истории». Все, о чем

рассказаго в повести, говорит об абсолютной естественности, полнейшей закономерности и органичности той благотворной метаморфозы, которая произошла с героем повести. И, быть может, «обыкновенность» этой истории роста личности, окрыленной и обогащенной влиянием коллектива, вдохновленного идеей коммунизма, и есть самая замечательная черта нашего искусства.

Решетников не попадает в среду каких-то особо подобранных «светлых личностей», каких-то исключительных людей. Это обыкновенные, живые советские люди. Читатель может возразить, что Владыкин, командир дивизиона, выделяется из всех своим незаурядным умом, знанием человеческой психологии и умением на нее воздействовать, широтой понимания и точностью суждений¹.

Да, суждения и действия Владыкина правильны и неоспоримы, точно попадают в цель. Но было бы непростительной ошибкой приписать Владыкина к категории «идеальных героев».

Владыкин — не фигура, списанная с прописи или устава. Читатель повести не знает его прошлого, его предыстории. Но она была... Владыкин не сразу стал тем, каким мы его знаем по повести. Непогрешимость его суждений, без сомнения, — плод накопленного опыта и разума, плод такого же «воспитания чувств» в обществе советских людей, как и воспитание Решетникова. Возможно, что Владыкин в прошлом — в некоторых отношениях Решетников. И есть основания думать, что в будущем Решетников может стать Владыкиным. Фигура Владыкина открывает как бы перспективу дальнейшей судьбы Решетникова. Параллель Решетников — Владыкин углубляет тему повести, раскрывая ее широту и жизненную непрерывность.

В бригаде торпедных катеров, о которой я рассказывал выше, произошел в 1944 году такой случай. На исходе белой ночи группа наших катеров напала на сильный отряд вражеских кораблей. Два корабля

¹ Фигура Владыкина, сообщил мне Леонид Соболев, во многом навеяна живым лицом, командиром дивизиона сторожевых катеров Николаем Ивановичем Сипягиным, впоследствии Героем Советского Союза. (Он погиб смертью храбрых, героически штурмуя своими катерами Новороссийскую бухту осенью 1943 года.)

удалось потопить. Остальные обрушили на катера ураганный огонь.

Головной катер, атаковавший первым, выпустил торпеду и резко отвернул. В этот самый миг грохнул взрыв. Снаряд попал в машинное отделение. Бензин и масло мгновенно воспламенились, и деревянный катер загорелся, как пучок соломы. Моторист Кусков, коммунист, схватив капковый бушлат, бросился тушить огонь. Пламя ударило ему в лицо, полоснуло по рукам. Когда он откинулся назад, его уже нельзя было узнать: лицо стало черным, а руки обгорели по самые локти.

Снаряд разлетелся сотнями осколков и никого из команды не пощадил. Кусков был не только обожжен, но и залит кровью: он был ранен в грудь навывлет, большая рана зияла на лбу. Командир беспомощно повис в рубке с перебитыми ногами и раной в груди. Представитель штаба, старший техник-лейтенант, был смертельно ранен в обе ноги, спину, голову. У всех остальных было по несколько ранений.

Все же команда предприняла отчаянные попытки спасти катер. Старшина группы мотористов коммунист Матюхин (левая нога у него была вся изранена) спустился вниз и попытался открыть бензиновый люк, чтобы дать пламени выход за борт. Но все его усилия были тщетны. Пламя бушевало. С обугленными руками выбрался Матюхин наверх. Пять человек команды сгрудились вокруг командира. Еще минута, может быть даже секунда,— и катер взлетит на воздух. Но до приказа командира никто не трогался с места.

«Оставить катер!» — еле слышно приказал старший лейтенант. С величайшей бережностью боцман приподнял залитого кровью командира, спустил его в воду и прыгнул вслед за ним. «Чужому» офицеру помог Матюхин. Кускова взял «на буксир» радист.

Не успели моряки отплыть метров тридцать от катера, как раздался взрыв, взвилась туча обломков — все, что осталось от катера.

Произошло это во вражеских водах. От поставленных во время боя дымзавес все кругом было в дыму. Что было делать дальше? В самом тяжелом состоянии были командир катера и «чужой» офицер. У командира катера изредка вырывались слабые стоны. У старшего техника-лейтенанта не было уже сил стонать. Сами они уже не могли держаться на поверхности.

Боцман Немиров, коммунист, держал командира на плечах, не давая ему погрузиться. Матюхин обхватил старшего техника-лейтенанта и левой рукой прижал его к себе.

Как потом оказалось, в ногу Матюхина попал двадцать один осколок, и он очень страдал от боли. От огромной потери крови Кусков минутами терял сознание. Морская вода разъедала раны и обожженную кожу. Вода вокруг была красной от крови.

— Давайте свяжемся вместе,— предложил Матюхин.

Связались по трое тесемками от капков. Матюхин и Кусков привязали к себе безмолвного, совсем поникшего старшего техника-лейтенанта.

Боцман достал пистолет и, оставив шесть патронов на крайний случай, чтоб не сдаться в плен живыми, дал несколько выстрелов.

Послышался звук моторов. Катерники воспрянули духом. Шум моторов приближался. Из-за дымзавесы показался катер.

— Вражеский!..

Катерники нырнули и притаились. Неприятельский катер ушел. Тяжелые волны начали захлестывать ослабевших, истекающих кровью людей.

В тишине вдруг раздался прерывистый голос старшего техника-лейтенанта:

— Отвяжите меня, товарищи! Отвяжите!..

«Это было самое тяжелое», — рассказывал мне потом Матюхин в госпитале, где он лежал в одной палате с Кусковым. Руки у них были в проволочных каркасах, обтянутых марлей. Лица забинтованы, видны только глаза. Кусков был еще очень слаб, врачи опасались за его жизнь, а Матюхин бодр и все подшучивал, что раз «перебора» не было (у него был «ровно» двадцать один осколок — «очко»), то его дело верное.

...Так вот, самое мучительное, говорил Матюхин, хуже, чем боль от осколков и от разъедающей морской воды, чем безнадежность сложившегося положения, были просьбы старшего техника-лейтенанта, повторявшиеся слабым, но настойчивым голосом:

— Чего вам погибать зря?.. Без меня продержитесь... А со мной — и вам не выдержать...

Несколько раз он впадал в забытие. Но когда приходил в себя, повторял:

— Отвяжите меня... А то все погибнем... отвяжите...

— ...Что ж вы думали тогда? — спрашивал я Матюхина по своему корреспондентскому обыкновению.

— Да вроде как бы и прав был старший техник-лейтенант... По всему видать было, жить ему недолго... А мне ведь и Кускова нужно было поддерживать... Да как бросишь человека?..

— А кто он был, этот старший техник-лейтенант?

— Не знаем, никогда его не видели. На катер он шел перед самым выходом в операцию. Говорили потом, что разведчик штаба...

— А жив он?

— Умер,— коротко ответил Матюхин.

Три часа (они казались бесконечно долгими) держал Матюхин на плаву офицера и Кускова. И у Матюхина, человека богатырского сложения, силы начали сдавать. На исходе третьего часа показались наши катера, вышедшие на поиски пропавших катерников. Удалось спасти всех, кроме старшего техника-лейтенанта. Он умер уже на берегу, прожив всего несколько часов после прибытия на базу.

...В годы войны я наблюдал много случаев необыкновенного героизма, но эта история по-особому запала в душу... В «Зеленом луче» нас глубоко трогает история зарождающейся и крепнущей дружбы Решетникова с боцманом, переживания Решетникова, когда боцман не возвращается после опасного задания... Здесь передо мной были люди, никогда ранее не видевшие, не знавшие друг друга. В смертельный час, в минуты последних расчетов с жизнью, один на один со своей совестью, каждый думал о спасении другого, не о себе. В социалистической стране коллектив обнимает не только людей, работающих вместе, знакомых друг другу. Это гораздо более широкий круг. Коммунисты Матюхин и Кусков жертвовали жизнью ради незнакомого разведчика, иначе они не могли поступить... Партия, Народ, Отечество — вот этот круг.

...Я вспомнил этот случай в одном литературно-историческом споре с молодыми студентами-филологами. Спор шел о сравнительных достоинствах советской литературы двадцатых годов и последующих десятилетий, и литературные сопоставления перемежались, естественно, историческими

экскурсами, соотнесением книг с живою действительностью.

Так возник и разговор о героизме.

Различно складывались биографии легендарных героев гражданской войны, бесстрашно живущих в народной памяти. Бесстрашный Чапаев и негибаемый Сергей Лазо шли к подвигу во имя революции — каждый своим путем. Юный Николай Руднев или киевские комсомольцы, погибшие в днепровской пучине у Триполья, вообще лишь начинали в битвах и в подвиге свой короткий, но такой яркий и полный неисчерпаемой аккумулярованной энергии, продолжающей действовать до нашего времени, революционный путь. Объединяло всех этих героев одно: сила протеста против horribly им знакомой старой, несправедливо устроенной и постылой жизни и сила мечты о жизни будущей, о социалистическом обществе, которое еще лишь рисовалось смутно за далью грядущего, за гранью первой, еще не добытой победы. И именно во имя первой решающей победы над старым миром и во имя того счастья, которое еще не имело реальных очертаний, но могло возникнуть в результате победы, были совершены подвиги, вдохновляющие и воспитуемые поколения на протяжении четырех десятилетий нашей истории, вошедшие в легенды и песни.

Массовый героизм миллионов советских людей в годы Великой Отечественной войны, тысячи и тысячи новых бессмертных подвигов, многие из которых узнаются лишь теперь, а многие, верно, так и останутся неизвестными никогда, рождены были стремлением отстоять реально завоеванные победы социализма. Народ железной стеной сплотился вокруг Коммунистической партии, чтобы защитить то, что уже было построено под ее руководством и сделало будущее видимым, осязаемым и оттого еще более прекрасным. В этой массовости, всенародности подвига сказались и практическая и идейно-воспитательная работа партии в течение двух десятилетий, последовавших за победой, одержанной в гражданской войне.

...В театре «Муссури» в 1920 году предомной открылся облик богатырского коллектива большевиков. Это были избранные из избранных, лучшие люди Коммунистической партии большевиков Украины. Двадцать лет спустя я увидел беспредельный героизм и богатырскую мощь большевист-

ского коллектива в той «точке» народной массы, в которой я оказался с первых дней войны, — в бригаде торпедных катеров Балтики. И не потому, что это была какая-то исключительная часть. К этому же богатырскому племени принадлежали и артиллеристы дивизиона майора Гранина, и катерники-черноморцы капитан-лейтенанта Сипягина, вдохновившие Леонида Соболева, когда он замышлял «Зеленый луч», и подводники, и летчики, и герои из героев — пехотинцы, сражавшиеся на многочисленных фронтах прошедшей войны. Эта война потребовала неслыханной физической, нравственной и духовной стойкости, неслыханного напряжения сил. И эти силы нашлись...

Матюхина я знал с первых месяцев войны. Разбитной веселый морячок, с неизменными шуточками, у которого работа кипела под руками. Кусков был незаметнее, скромный, малоразговорчивый паренек. Кто мог разгадать в них ту нравственную силу самоотвержения, которую они проявили после гибели старшего лейтенанта Хренова? Они ведь хорошо понимали, что вдвоем они еще имеют шансы спастись, а поддерживая третьего на плаву, им долго не выдержать.

Откуда взялась эта стальная стойкость души, эта внутренняя нравственная непреодолимая сила? Ответ и прост и сложен. Матюхин и Кусков, вряд ли ранее задумывавшиеся над «высокими» вопросами, воюя на торпедных катерах, стали коммунистами. Их взрастила партийная организация, «драившая» за упущения и поддерживавшая все хорошее, всемерно укреплявшая героические традиции бригады. Так выковались без громких слов высокое благородство, человечность, душевная доблесть, негибимый патриотизм...

Годы гражданской войны окутаны легендарной дымкой дали. Это нужно учитывать, иначе может появиться известная aberrация, смещение пропорций. Она-то и проявилась у моих собеседников-студентов в их некоторой переоценке литературы двадцатых годов и явной недооценке современной советской литературы.

«В ходе грандиозной созидательной творческой деятельности растет коммунистиче-

ская сознательность трудящихся, все полнее раскрываются превосходные душевные качества и лучшие черты характера и морального облика советского человека — человека новой эпохи, строителя коммунизма», — говорит Н. С. Хрущев. Вот эта генеральная тема, окрыляющая наше искусство, разве она не углублялась и не обогащалась с развитием советской литературы — вместе с идейным и духовным ростом советских людей?

Тема роста человека, развития характера и обогащения индивидуальности в коллективе советских людей получила в особенности мощный и благотворный толчок благодаря бесчисленным проявлениям всенародного подвига в годы Великой Отечественной войны. Произведения А. Фадеева и А. Твардовского, М. Шолохова и В. Некрасова, В. Ажаева и Л. Соболева, Э. Казакевича и В. Пановой, Н. Чуковского и В. Гроссмана и многих, многих других ознаменовали новый подъем советской литературы. Это не просто сумма талантливых, ярких, значительных художественных произведений. Перед нами — без преувеличения — новая глава в истории мирового искусства, и слеп тот, кто этого не видит. Что бы ни говорили злопыхательствующие или близорукие люди, искусство социалистического реализма — шаг вперед в художественном развитии человечества.

В годы войны с необыкновенной силой раскрылись доблесть и нравственное величие советских людей, став источником вдохновения нашего искусства. Сейчас душевное величие советского народа, большевистского коллектива претворяется в великом созидательном творческом труде. После исторического XX съезда он получил особый размах, к 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции он исполнен особого энтузиазма. «Можно не сомневаться в том, что советские писатели, поэты, художники, скульпторы, композиторы будут и впредь достойными сынами своей социалистической Родины, отдадут все свои силы, свой талант, чтобы воспеть героические подвиги нашего великого народа — строителя коммунистического общества». Эти слова Никиты Сергеевича Хрущева должны стать — и станут — величественной программой действий нашего искусства.

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

СОДЕРЖАНИЕ

★

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

Геннадий Фиш. Утро Советов.— В. Герасимова. Неизбежная победа.— Сергей Наровчатов. Повесть о крестьянском сыне.— Ю. Сотник. Вмятины от пальцев.

ПОЛИТИКА И НАУКА

Д. Кислик. В. И. Ленин в 1917 году.— Е. Муравьева. Вся власть Советам! — А. Лукашев. Волнующие документы.— Г. Петровский. Из жизни партии.— И. Красновова. Говорят участники Октября.— Кандидаты исторических наук А. Байнова, И. Маяк. Иностранная печать о нашем сорокалети. — А. Филиппов. Великие завоевания.— И. Пешкин. Записки рабочего.— Дм. Рудь. На благодатной почве социализма.

Литература и искусство

Утро Советов

Этих дней не смолкнет слава» — поется в известной песне. Да, и через пятьдесят и через сто лет слава эта не только не смолкнет, а будет все расти и расти, и грядущие поэты, романисты и драматурги будут слагать поэмы, писать романы, пьесы, посвященные «десяти дням, которые потрясли мир». Наверное, произведения их окажутся художественно намного совершеннее, чем те, которые уже созданы. Но и через много-много лет особый интерес у читателей и историков вызовут книги, написанные людьми, на долю которых выпало неповторимое счастье быть очевидцами и участниками великого перелома в истории человечества.

В нынешнем юбилейном году переизданы давно исчезнувшие с книжных полок воспоминания Н. Крупской, репортаж Джона Рида, записки Антонова-Овсеенко и многое другое. В журналах опубликованы интересные воспоминания рядовых и руководящих участников Октябрьской революции. Вновь появились на столе читателя романы А. Лебеденко «Тяжелый дивизион» и Михаила Козакова «Крушение империи».

Вышли многие новые произведения, посвященные незабываемым дням и годам.

Ю. Либединский. Утро Советов. «Москва» №1—4 за 1957 год.

«Советский писатель». Редактор А. Семенов. 820 стр. М. 1957.

Среди этих книг, созданных писателями разного опыта, разных почерков, разных творческих индивидуальностей, заметное место занимает и роман Юрия Либединского «Утро Советов».

Действие его происходит в основном в 1917 году — на фронте, в революционном Петрограде, Москве и в вымышленных кавказских городах Арабыни и Красноречке, в которых читатель легко может угадать Владикавказ и Нальчик. И хотя роман-хроника «Утро Советов» напечатан сейчас как самостоятельное произведение, кое-что в нем останется непоясненным, может показаться психологически недостаточно подготовленным для тех, кто не знаком с прежними романами Юрия Либединского «Горы и люди» и «Зарево», продолжением которых, в сущности, и является «Утро Советов». Об этих трех частях все еще остающейся незаконченной хроники-эпопеи следует говорить в общей связи.

...Небольшая страна горцев, стоявшая в стороне от мирового хозяйства и словно бы в стороне от истории, стремительно превращалась в страну нефтепромышленников, торговцев вином, фабрикантов пшеницы и табака. «...господин Купон безжалостно переряживал гордого горца из его поэтического национального костюма в костюм европейского лакея!» — так В. И. Ленин в своей работе «Развитие капитализма в России»

обрисовал пореформенную историю Кавказа. Интересно, что при описании этого процесса Ленин ссылался на очерки Глеба Успенского.

«Горы и люди» — первая книга хроники — история того, как «господин Купон» обряжал гордого горца в костюм европейского лакея и даже превращал этот костюм в придворную ливрею императорского конвоя. Это история того, как горский народ был предан и продан своими князьями и богачами, охотно пошедшими на службу царю и «господину Купону», и одновременно «Горы и люди» — это история сопротивления народа, сопротивления, которое выросло в восстание. Страницами, описывающим: это восстание, когда на помощь князьям Батыжевым и их присным, сгоняющим горцев с земель, приходят карательные отряды, а к горцам, вдохновляя их на дальнейшую борьбу, приезжает посланный партией большевик Константин Черемухов, кончается первый том эпопеи.

Читая этот том, словно слышишь шум быстрых горных рек, словно вдыхаешь аромат трав на высоких пастбищах и видишь снежные вершины высочайших гор, то обогранных светом встающего солнца, то облитых серебристым лунным сиянием. Перед читателем раскрываются картины той жизни, о которой в свое время написал молодой Киров: «Мы должны сказать, что не только красота скрывается в горах Кавказа, но что эта цепь гордых скал явится той могучей преградой, о которую разобьются все силы реакции, что в диких горных ущельях слышен не только вой ветра, но там слышна и революционная песня затаенных надежд истинных сынов демократии».

Юрий Либединский прекрасно знает историю народов Северного Кавказа, их обряды и обычаи. В книге много ярких страниц посвящено именно этой стороне жизни, и, однако, нигде произведение не превращается в этнографический роман, посвященный любопытным и своеобразным нравам. Все детали быта органически входят в плавно развивающийся сюжет.

Когда знакомишься с образом Науруза Керимова — героя эпопеи Ю. Либединского, — невольно всплывают в памяти опубликованные в этом году воспоминания Николая Тихонова о героическом сыне кабардинского народа коммунисте Бетале Калмыкове, и думаешь: не о кабардинцах ли ведет писатель рассказ? Веселореченского народа, которому посвящено повествование, на са-

мом деле нет. Показывая его, автор обобщил отдельные черты нескольких небольших горских народов Кавказа. Ведь судьба веселореченцев во многом типична для всех них.

Если действие первой книги охватывало более полувека, то во второй книге — «Зарво» — повествуется всего лишь о трех годах и главным образом о событиях, происходящих начиная с весны 1913 года — от поражения восстания веселореченцев — до первых лет мировой войны.

В центре второй книги — знаменитая забастовка бакинского пролетариата в мае 1914 года, приковавшая к себе внимание всего пролетариата России и ставшая узловым событием нарастающего революционного подъема.

Действие романа «Горы и люди» развивалось главным образом среди веселореченского народа. Во второй книге рамки повествования значительно расширены. И это естественно. Веселоречье теперь всем ходом экономического развития попадает в сферу мирового хозяйства: судьба веселореченцев неразрывно связывается с судьбой русского народа. Вместе с главным героем Наурузом Керимовым действие романа переходит из Веселоречья в центры борьбы российского пролетариата.

Судьбы всех главных героев — большевика Константина, Науруза, его друга Жамбонта — скрещиваются на тех страницах, которые посвящены бакинской забастовке, и эти страницы — большая удача Ю. Либединского. Ему удалось здесь хорошо показать, как бакинская большевистская организация спланировала рабочих, организовывала их, вела на борьбу. Автор раскрывает неимоверную сложность работы большевиков, самоотверженность их деятельности, увенчавшейся победой в октябре 1917 года.

Борьба идей в трилогии воплощена в столкновении живых, действующих, мыслящих и чувствующих людей. При этом герои повествования не просто «рупоры идей». Они живут полнокровной, напряженной, естественно развивающейся жизнью. Многообразие характеров говорит о зоркости художника и богатстве его палитры.

Как непохожи и вместе с тем как типичны в своем разнообразии Науруз и Константин! Науруз из простого покорного крестьянина становится бунтарем, из бунтаря превращается в сознательного революционера. Константин, активист-большевик, вырастает в вожака масс, опытного организатора их.

Наряду с героями вымышленными и теми героями, в облике которых мы угадываем отдельные черты известных нам деятелей партии (так, в одном из обаятельнейших героев книги, Ване Столетове, мы находим многие качества, присущие И. Фиолетову — знаменитому руководителю бакинских рабочих), в романе действуют и подлинные исторические личности, названные своими именами, — Киров, Свердлов, Дзержинский, Фрунзе в «Утре Советов», Азизбеков в «Зареве».

В третьей книге — в романе «Утро Советов» — есть несколько узловых картин, в которых развиваются характеры персонажей, уже известных из предыдущих книг (например, Кокоша Гедминов), в новых обстоятельствах действуют такие герои, как Константин Черемухов, чей характер вполне определен уже в первых частях повествования.

Эти «узловые» моменты сюжета — стачка-локаут на военном заводе Торнеров, Октябрьский штурм в Петрограде, восстание в Москве и революция в Веселоречье.

Вряд ли стоит здесь пересказывать отдельные эпизоды третьей книги эпопеи Либединского. Хочется только сказать, что если в картинах стачки на московском заводе, принадлежащем капиталистам-англичанам, по-прежнему отчетливо видно своеобразие писательской манеры автора, то это своеобразие значительно меньше чувствуется в главах, посвященных изображению Октябрьской революции в Петрограде.

Многое в этих главах читаешь так, словно встречаешь это уже не впервые, словно знаком с этим по страницам других книг, записок, воспоминаний. О том же, что автор мог и здесь найти свой аспект, говорят хотя бы те страницы «Утра Советов», в которых рассказано, как Константин Черемухов по заданию партии проникает разведчиком в Зимний дворец и уводит оттуда артиллерийскую часть.

Значительно больше находок у писателя в картинах Октябрьского восстания в Москве, протекавшего в чрезвычайно сложной обстановке. Может быть, такое впечатление создается у нас потому, что эпизоды Октябрьских боев в Москве менее известны широкому читателю и меньше отражены в художественной литературе, чем штурм Зимнего дворца и обстановка в Смольном в те дни. Может быть, такое впечатление рождается оттого, что все происходящее в Москве более органически сливается с сюжетными линиями романа.

Но, по-моему, наиболее удалось автору в «Утре Советов» все-таки те эпизоды, истоки которых — в первых частях романа. Это страницы, посвященные борьбе веселореченского народа.

Мы опять встречаем здесь Науруза. Особенно запоминается эпизод, где он участвует в попытках «распропагандировать» «дикую дивизию» — ту самую укомплектованную из горцев дивизию, которую Корнилов бросил против большевистского Петрограда и навстречу которой питерские пролетарии отправили своих делегатов-агитаторов.

Мне довелось в свое время для кабинета мемуаров, организованного по инициативе Максима Горького, записывать воспоминания героя Северной Осети Хаджи Мурата Дзорахохова, ставшего одним из выдающихся командиров Красной Армии. Он тоже был в «дикой дивизии», но после встречи с питерскими делегатами привел свою сотню на помощь путиловцам. Это была первая кавалерийская единица Красной гвардии. И когда я читал в романе «Утро Советов» страницы, посвященные тому, как делегаты рабочих пытаются приостановить движение «дикой дивизии» на революционный Питер, мне вспоминались рассказы Хаджи Мурата Дзорахохова.

В «Утре Советов» в такой делегации, организованной Кировым, был и Науруз Керимов. Делегация свое дело сделала. Но веселореченские князья Батыжевы, офицеры «дикой дивизии», всеми силами стремящиеся помочь русской буржуазии разгромить революционный пролетариат, врасплох нападают на Науруза. От удара одного из них тот падает замертво. Казалось бы, что Батыжевым удалось то, чего они не смогли сделать несколько лет назад, в дни веселореченского восстания, — убить Науруза. Но он еще появится в романе, залечивший свои раны, словно герой легенды, как символ бессмертия народа. И это не бесплотная символика. Его, Науруза, агитатора-большевика, веселореченцы пригласят распахивать межи, отделяющие землю богатых князей от крестьянской, бедняцкой. То, что было украдено у народа, переходит обратно народу в вечное его владение. И, подымая над головой номер «Правды», в котором напечатан был призыв «Земля крестьянам», Науруз, вспоминая о русском большевике Константине Черемухове, обращается к односельчанам:

«— Так помните слово, которое он сказал нам тогда: «Скоро придет время, и от

русских рабочих получите вы и пастбища и земли, обманом отнятые у вас князьями». Сейчас это время пришло. Эй, Тхамали! — зычно, выпрямившись во весь рост, крикнул Науруз, и эхом откликнулись кругогордые горы, окружающие тихую Баташову долину».

На страницах, посвященных Веселоречью, снова возникает подлинная поэзия, которая с такой силой звучит в первом томе и которой так часто не хватает в последней части романа-хроники.

...Читаешь трилогию и все время ловишь себя на мысли — кто же ее главный герой? Закаленный ли в классовой борьбе большевик Константин Черемухов или Науруз, который на глазах читателя из наивного горячего юноши превращается в активного революционера, или, может быть, вообще в книге нет главного героя и в этом, возможно, недостаток композиции романа?

Но, прочитав до конца книгу, твердо понимаешь, что дело вовсе не в том, что автор нарушил каноническую форму романа, где в центре находится один или два персонажа. Герой романа Либединского — партия коммунистов, неразрывно связанная с народом. Хотя в романе читатель только на последних страницах встречается с образом Ленина, вся жизнь героев романа как бы согрета горением его негибаемого духа, овеена его неповторимыми делами, высокими мыслями, счастьем борьбы, верой в грядущую победу.

Произведение Либединского многолинейно, объемно. Лирика и политика, героика и сатира, взаимопереплетаясь, передают ощущение полноты жизни. В романе много острых сюжетных ситуаций и приключений. Таковы побег Константина из-под стражи, и история с транспортом нелегальной литературы, которую Науруз Керимов самоотверженно, рискуя свободой и жизнью, провозит через весь Кавказ, и заговор нефтепромышленников, и похождения первых русских кинематографистов, снимающих чуму в Тюркенде, и нападение горцев на тюрьму, чтобы освободить томящуюся в заключении невесту Науруза — Нафисат (она сохранила деньги, собранные в помощь ба-

стующим бакинским рабочим в самых глухих аулах, у пастухов на самых высоких пастбищах), и «приключения», связанные с организацией стачки на заводе Торнеров, и приключения Константина, пошедшего на разведку в Зимний дворец. Однако все эти острые повороты сюжета не придают повествованию какого-то приключенческого характера. Все произведение, проникнутое романтикой революционной борьбы, по духу своему глубоко реалистично, и действие в нем развивается естественно и правдиво.

Однако этой естественности мешает излишнее многословие, которое порой растворяет главное, основное среди второстепенного и неважного. Случайные и необязательные, может быть и занятные сами по себе, эпизоды подчас даются автором с такими же подробностями, в данном случае несущественными, как и эпизоды центральные, узловые. О проходном персонаже и об обстоятельствах его жизни сообщается часто столь же тщательно и детально, как и о главных героях. Причем их так много, что они иногда дублируют друг друга. Им тесно даже на той огромной площади, на которой поселил их автор. К тому же не всегда удается автору в третьем томе достаточно тонко и эмоционально передать интимные переживания героев; страницы, на которых раскрывается внутренний мир людей, написаны значительно слабее, нежели те, на которых происходят массовые сцены. В отборе материала автору порой не хватает чувства меры, особенно необходимого в повествовании такого масштаба.

Когда читаешь эту своеобразную и такую нужную, особенно для молодежи, книгу, невольно сетуешь на те недостатки, которые затрудняют ее доходчивость, на «мелочи», затемняющие главное, на мало-значительное, мешающее во всей полноте проявиться тому существенному, которое является сердцевинной произведения. И это тем более досадно, что автор располагает всеми возможностями сделать художественно еще более полноцветной свою книгу, показывающую, как в борьбе выковывалась нерушимая дружба народов Советского Союза.

Геннадий ФИШ.

Неизбежная победа

В романе Александра Лебеденко «Лицом к лицу» рассказывается о судьбе сравнительно небольшого круга людей. Но, не ставя перед собой задачи «объять необъятное», автор сумел через частные судьбы показать героическую борьбу народа за небывалый в истории человечества новый общественный строй.

Перед нами проходят члены партии большевиков — фронтовик Алексей Черных, комиссар Альфред Бунге, член ЦК Чернявский, студенты братья Ветровы...

Видим мы в романе и их врагов — ведь дом на Крюковом канале в Петрограде, где в покинутой бежавшими хозяевами генеральской квартире живет главный герой произведения Алексей Черных, населен бывшими офицерами, царскими чиновниками. Там же проживает и бывший владелец дома, капиталист Бугоровский с семьей. Одна за другой возникают перед читателем картины, запечатлевшие грозные и радостные события восемнадцатого года: здесь и северная деревня, куда по заданию партии с продотрядом выезжает Алексей Черных, и Северо-Западный фронт, где части молодой Красной Армии ведут бои с белогвардейцами, а на первом плане революционный Петроград, в котором пролетариат под руководством ленинской партии мужественно сражается с врагами Советской власти.

Героическая борьба рабочего класса и беднейшего крестьянства с врагами революции и является главным содержанием книги А. Лебеденко. Картины зимы и лета 1918 года, развернутые в романе, живо волнуют читателя.

Эксперсы в прошлое, в дореволюционную жизнь и быт не ослабляют впечатления от повествования, — они органически связаны с социально-психологическими характеристиками многочисленных действующих лиц. К таким ярким, выпуклым зарисовкам прошлого относятся страницы, где рассказывается о жизни крестьян деревни Докукина (в ней протекало нерадостное детство Алексея Черных), а также эпизоды из жизни преуспевающего капиталиста «с высшим образованием» Бугоровского, который в предреволюционные годы ловко и уверенно носил маску либерала.

Александр Лебеденко. Лицом к лицу. Редактор Н. Луговцов. 635 стр. «Советский писатель». Л. 1957.

Вылепленные писателем образы выглядят живыми и убедительными. Прежде всего это относится к главному герою романа, Алексею Черных. В начале повествования этот бывший артиллерист царской армии, вступивший на фронте, в семнадцатом году, в Коммунистическую партию, еще полон стихийных порывов. Ему еще чужда железная дисциплина революции.

Наше читательское знакомство с Алексеем начинается с того момента, когда его, партийца, арестовывает командир и комиссар латышского революционного отряда Альфред Бунге, арестовывает за то, что Алексей силой, оттолкнув охрану, врывается в штабной вагон, чтобы только уехать с переполненной людьми маленькой железнодорожной станции.

И много позже, уже посланный партией командиром продотряда в свою деревню, Алексей опять совершает серьезную ошибку. Поддавшись жалости к родне, не разобравшись в сложной обстановке (бывший бедняк, подкупленный главным богачем Докукина, теперь оказался ярым его пособником), Алексей чуть не погубил отряд и едва не сорвал задание.

Черты своевольства, стихийности, политической незрелости в характере Алексея Черных постепенно стираются, сглаживаются и уступают место сознательности и дисциплинированности. Но это все не сразу и не вдруг. Лишь к концу романа герой книги из лихого, отчаянного парня превратится в волевого комиссара. И эти изменения в характере Алексея, конечно, происходят не механически, не по мановению некоей волшебной палочки. Шаг за шагом показывает автор, как работа и тесное общение со старым большевиком Альфредом Бунге и другими закаленными членами партии помогают Алексею стать крепким и сознательным командиром Красной Армии.

Правдиво и тонко раскрыт в романе и образ бывшего офицера, интеллигента-разночинца Дмитрия Сверчкова, одного из тех, кто в годы великих испытаний оказался «между молотом и наковальней». Сверчков мечется и блуждает, он в равной степени сторонится и контрреволюционных офицеров, ярых врагов Советской власти, и таких людей, как Алексей Черных...

Убедительно то, что Сверчков в романе нарисован по-своему честным и искренним человеком. И все же он не в силах изба-

виться от социальной «двойственности» своей природы, ему так и не удастся преодолеть свою отчужденность от цельных и сильных борцов-революционеров. Выразительны страницы, рассказывающие, как Сверчков случайно слышит разговор бывших офицеров с кулаком Коротковым. Сверчков знает теперь, что те лишь ищут удобного случая, покончив с большевистским руководством артдивизиона Красной Армии, перебежать на сторону белых, и все же он не решает сообщить об этом командованию. Это тем более характерно, что разговор касался и судьбы самого Сверčkова.

«— Нужно бы тебе, Игнат Степанович,— сказал один из заговорщиков, командир артдивизиона Синьков,— с братом выяснить точно, кто за нас будет, твердо договориться. Нам неудобно. Нужно разьяснять, что большевики деревню грабят. Нужно прощупать и тех, кто помалкивает. А когда станут наступать белые, мы комиссарам по шапке — и, поверь, многие перейдут к нам.

— А как ты полагаешь со Сверчковым? — спросил Воробьев.— Будем его привлекать? — Я бы привлек его на первую осину...»

Конечно, Сверчков собирается рассказать об этом комиссару дивизии. Но только... собирается. И лишь в письме к Вере, девушке, которую любит, он намекает на угрозу белогвардейского мятежа в артдивизионе. Эта фигура одиночки-интеллигента, от одного берега отшатнувшегося и к другому не приставшего, правдива для того времени и естественно, без натяжки и назойливого морализирования оттеняет сильные фигуры таких людей, как Алексей Черных, как Альфред Бунге и их бодрое, боевое окружение. Это жизненно верное распределение «света и тени», умение вдохнуть «живую душу» в своих героев и делают роман А. Лебедеико интересным.

Привлекает роман и знанием живых подробностей быта, умением передать живо и просто характерные черты времени. Вот одна из сцен, запечатлевшая ночной Петроград, разбуженный тревогой:

«...Ночные патрули безмолвно пропускали идущих. Из поперечных улиц и переулков в основной поток вливались новые группы.

Город кричал. Молчание людей было значительнее слов.

— Смотри, как качнулся Питер,— промолвил наконец плотный большой мужчина в легком пальто и барашковой шапке.

— Неужели все записываться? — спросил невысокий крепыш.

— К Смольному — а зачем же еще?

Это были Федор и Алексей.

Сторож в тулупе до пят, выйдя из подворотни, долго наблюдал движение во тьме, не выдержал и спросил Федора:

— А куда это идут? — и, не дождавшись ответа, продолжал: — И идут и идут. И откуда берутся?

— В Смольный, товарищ, к Ленину,— остановился Федор.

— В Смольный? А там что? Дают что?

— Оружие дают. Немцы пошли на Питер. Сторож собрал бороду в кулак.

— Значит, солдат из окопов, а рабочий в окопы?

— Думаешь, не будет дела? — спросил Федор.— Будет, старик. Рабочий пойдет свое защищать.

...— А за нами и солдат пойдет,— добавил попутчик.— Бабы и те идут. Слышишь, кричит город, как живой.

— Он живой и есть,— твердо сказал Алексей. На минуту все стали слушать гудки. То замирая, то вновь наполняясь трепещущими звуками, вздрагивала ночь над городом. Вразрез глубоким и глухим заводским гудкам врывались в этот хор гигантов резкие дальние гудки вокзалов. Словно потеряв от напряжения голос, замирал где-то рядом могучий фабричный гудок, и на смену ему тоньше возникал другой. Эта странная музыка, как военный марш, возбуждала, бодрила, подстегивала идущих».

Таких картин и эпизодов, зорко выхваченных автором из живой жизни, в романе немало.

Но в этой объемной и интересной книге есть свои просчеты, свои слабости.

Так, например, многие страницы книги знакомят читателей с жизнью докуинского помещика Владимира Андреевича Арсакова. На протяжении целой главы рассказывается о том, как у этого барина появилось два сына. Оба «незаконные» — один от горничной Христины, а другой от крестьянской девушки Ульяны. С не меньшей обстоятельностью рассказывается и о том, что сын горничной был усыновлен, а сын крестьянской девушки хотя и воспитывался со своим сводным братом, но был при нем лишь на положении казачка. Речь об этом — и подробная, обстоятельная — идет в самом начале книги, в дальнейшем же повествовании эти внебрачные сыновья помещика Арсакова никакой роли не играют. Один из них совсем исчезает, а другой наконец

появляется в деревне Докукино лишь для того, чтобы выстрелить в бойца продотряда и вслед за своим братом так же безвозвратно исчезнуть.

Язык и стилевая манера не вызывают серьезных возражений, но все же хочется обратить внимание автора на некоторые стилистические «огрехи», которые, несомненно, выпадают из общего, простого и естественного, тона повествования.

«Поколениями поднимались достатки докукинских богатеев. Поглаживая бороды, объясняли они появление высоких домов трудом, умом, большою семьею и «допрежь всего божьим соизволением». Соседи-неудачники про себя считали, что первопричиной всему удача, и о каждой такой удаче рассказывали, давая понять, что не капризница-удача полюбила молодца — извозчика или лесоруба, а сам молодец, отец или дед нынешних, оседлал эту удачу по-своему, никого не спрашиваясь, без божьего и человеческого соизволения».

Или, например: «Вечерами на обрывах парка она вся замирала, шепотом читала сти-

хи, которые любила до беспамятства. Стихи сладкие, как у Ростана, колдовские сологу-бовские заговоры, фейерверочные вращения слов Бальмонта, таинственное нашептывание молодого, только получившего известность Блока».

К сожалению, подобные примеры мнимых подробностей, выпяченной и витиеватой речи можно встретить и на других страницах книги.

И все же, несомненно, книга А. Лебеденко, правдиво повествующая о всемирно-исторической победе трудового народа, найдет живой отклик у читателя. Основная удача романа в том, что от его страниц веет грозовой и очистительной атмосферой тех лет, когда в исторической битве трудовой народ бесстрашно и мужественно встал «лицом к лицу» со своими многовековыми угнетателями и в яростной борьбе победил их.

Книга участника и свидетеля тех лет А. Лебеденко убедительно свидетельствует о внутренней закономерности, исторической неизбежности этой блистательной победы.

В. ГЕРАСИМОВА.

★

Повесть о крестьянском сыне

Северная русская деревня. Неописанной красоты леса, прозрачные студеные реки, заливные луга. В одной из таких деревень живет ясноглазый мальчик с душой, открытой добру и закрытой для несправедливости. А плохого вокруг больше, чем хорошего. Замучили недороды, бескормица, царские поборы. С утра до ночи бьется мать Миши, добрая и сильная женщина, стремясь свести концы с концами. Трудно вывести семью из чужды — отец на заработках по окрестным деревням, а у нее четверо ребят. Совсем тяжело, если бы не второй хозяин в дому — старший сынок.

Несмотря на страшную бедность, дружная и веселая семья у Калининных. В ней и растет мальчик, который станет много лет спустя одним из самых дорогих народу людей. О детских годах Михаила Ивановича Калинина и написана книга для детей М. Прилежаевой «С берегов Медведицы». Понравится ребятам эта книга, да и не только ребятам!.. В ясных и чистых тонах ведется повествование: ведь детство — это

всегда детство, и бережно перелистывает память взрослого человека его лучшие страницы. Тяжел крестьянский труд, но овеян он высшей поэзией жизнеутверждения. Никогда не забудет человек, выросший в деревне, дней сева, сенокоса, уборки. Это одновременно и страда и праздник. Мальчишечье сердце Миши чутко воспринимает и ту и другую сторону крестьянской работы. Ведь он, как и все деревенские ребята, принимает в ней участие наравне со взрослыми. Но очень рано он начинает ощущать, что слишком мало проку приносит этот труд его семье, да и всей деревне. Без устали звенели косы на сенокосе, а буренка падает от бескормицы; не разгибали спины на уборке, а есть дома нечего. И рано он стал допытываться: почему это так происходит? Возмущение охватывало ребячью душу, но не окрепла она еще в испытаниях, не по силам ребенку разобраться в делах взрослых, не пройдя жестокою жизненной школой.

М. Прилежаева верно взяла с самого начала нужные краски для своей повести. В литературе последних лет ей, бесспорно, служили образцами «Детство» Ф. Гладкова и «Открытие мира» В. Смирнова.

М. Прилежаева. С берегов Медведицы. Повесть. Редактор И. Прусаков. 248 стр. Детгиз. М. 1956.

Несмотря на звериные условия жизни, сохранила русская деревня и свои радости. Многим они омрачались, но не переставали от этого существовать. Но в этих звериных условиях по-разному развивались и складывались людские судьбы. Эту азбучную истину не стоило бы и повторять, если бы не стоял сейчас перед нами на страницах повести образ Миши Калининна. Смелый и любознательный ум, сопряженный с чистым сердцем, выделяет, но не приподнимает его над сверстниками. Среди них он первый среди равных — в игре ли, в озорстве ли, в помощи ли старшим. Писательница верно намечает одну из лучших черт мальчишечьего характера — желание не просто первенствовать, а нести и принимать ответственность за всех и в первую очередь за себя. Сколько раз принимает Миша участие в ребячьих шалостях! Он всегда коновод в них, но и первый ответчик — по своей воле. Гордый и дерзкий растет парнишка!

Неожиданно происходит перелом в его судьбе. Родители, чтобы поправить свои дела, вынуждены отдать Мишу на работу к ближайшим помещикам. Скрепя сердце и ломая шапку, стоит отец перед управляющим и барыней — на какую-никакую работу определить сынка. Куда определить малолетку? Такой и работы в имении нет. И тут вдруг ходатаями за Мишу выступают барчуки Петя и Митя — те самые, с которыми он подрался накануне в лесу. «Эк ты озорной, Мишка, растешь: барчукам и то уступить неохота!» — удивился тогда Мишин отец, втайне довольный неуступчивостью сына. И здесь-то именно Мишина смелость одержала верх и над вековой покорностью отца и над вековой кастовостью Мордухай-Болтовских. Миша стал не только прислужкой по имению, но старшим товарищем игр Пети и Миги. Гордость «сына крестьянского», как именовал себя его давний тезка Михайло Ломоносов, оказалась чище и выше, а наконец и подчинила своей чистотой дворянских ребят. Но дети не взрослые, а те дают Мише на каждом шагу чувствовать разницу между генеральскими сыновьями и «мальчиком на побегушках». Пока он лишь вроде живой игрушки для их детей, а потом... потом вышколенный лакей с необходимой долей образованности, чтобы угождать образованным господам. Так и мыслит помещик, потакая избалованной жене и сыновьям, отправив Мишу в земское училище на попечительский счет... Но не так думает юный бунтарь.

«...Все вытерплю! Только бы научиться книжки читать, без запяток, как Мордухай. Побольше бы книжек...» А там? Там мальчишечьи мечты, с началом, но без конца, — не увидеть и не предвидеть их попечителям земской школы. Много дала мальчику в те годы эта школа! Четырехлетний курс в земском училище он прошел в две зимы. Впервые открылись ему и звонко ударили по сердцу некрасовские строки:

Средь мира дольного
Для сердца вольного
Есть два пути.
Взвесь силу гордую,
Взвесь волю твердую,—
Каким идти?

И он начал выбирать путь. Чуть приоткрытая жизнь уже тревожила его своими возможностями и тут же ставила к ним неодолимые препятствия. Вот и снова деревня...

«Неурожай. На зиму голод... Она (мать.— С. Н.) сходила в усадьбу, поклонившись барыне. Господа взяли Мишу в дом для услужения и увезли его в Питер».

Здесь М. Прилежаева вступает в еще более ответственный период жизни своего героя. Мальчик уже стал подростком, подросток скоро станет юношей. «Для сердца вольного есть два пути...» Показать, как мальчишечьи дерзания не заглохли в самом начале (что по тем временам было бы вовсе не удивительно, а для многих и многих закономерно), но все росли и крепили, — задача серьезная и ответственная.

На первый взгляд, страшной раздвоенностью проникнута жизнь Миши. Он ухаживает за барчуками, одевает и обувает их утром перед уходом в гимназию и одновременно остается участником их игр, споров, взаимных обид. Книжки, которые Мордухай учат со слезами на глазах, Миша читает в охотку, но он — в специально отведенное на это время, а он — в перерывах между уборкой барских комнат и чисткой сапог. Для детей, продолжающих считать его товарищем, постепенно — при повзрослении — выступают черты их кастового неравенства. Для взрослых и для прислуги дома это ясно уже давно. Но и для Миши эта беспощадная ясность неравенства становится очевидной. Как ни хороши милые и славные мальчишки Петя и Митя, как ни добр их старший брат Иван, как, наконец, ни милостива «либеральная барыня», — они далеки друг от друга, рано или поздно пути их разойдутся. И чем раньше, тем лучше.

Михаил прочел раза в три больше своих сверстников — юных Мордухаев-Болтовских, в душу его уже запали огненные слова «Полярной звезды», он присутствовал на похоронах Шелгунова, где звенели в воздухе зажигательные слова против самого царя. Многого еще не может понять Михаил. В нелегальных книжках Герцена и Огарева, в стихах Рыльева и Некрасова нельзя найти ответ на все вопросы. Ответы на них получишь в самой гуще жизни. В голодном и милом селе Верхняя Троица, где протекло его детство, он увидел несчастье во всей его наготе, но бороться с ним по-настоящему не научился. Тогда он был мальчик, теперь юноша. Может быть, люди с черными от машинного масла руками, с которыми он встречался на питерских улицах, дадут ему ответ? Они смелы и решительны, он верит им. Перед фабричными воротами оставляет героя своей повести М. Прилежаева. Они раскрываются перед ним.

«Это было осенью 1893 года,— заканчивает свою книгу автор,— когда в Петербург на революционную работу приехал с Волги молодой Владимир Ильич Ленин».

Много мыслей возбуждает повесть Марии Прилежаевой. Становление характера юноши — будущего борца за рабочее дело само по себе является благороднейшей темой советской литературы. Разрешение этой темы становится особо трудным и ответственным, когда речь идет не о вымышленном герое, а о действительном. Здесь малейшая неправда в одной строке может сразу же отомстить в дальнейшем. Автору просто не поверят и обидятся за героя. С повестью М. Прилежаевой этого не случится. Она задалась труднейшей, но благородной целью создать поэтический рассказ о детских годах Михаила Ивановича Калинина. Художественная правда помогла ей восполнить недостаточность наших сведений о самом раннем периоде жизни замечательного человека. Образ юного Миши Калинина — будущего Всесоюзного старосты Михаила Ивановича Калинина — встает у нас перед глазами в повести М. Прилежаевой с присущей народному любимцу правдивостью, смелостью и внутренней красотой.

Сергей НАРОВЧАТОВ.

★

Вмятины от пальцев

М читается поезд Москва — Владивосток. В одном из его вагонов — герой повести Кузнецова москвич Анатолий. У него десять классов школы за плечами и никакой специальности. У него аттестат зрелости в кармане и страх в душе — страх перед самостоятельной жизнью.

Сколько таких пассажиров было в идущих на восток поездах за последние три года, после того как партия кликнула клич молодежи и призвала ее сперва на освоение степной целины, а затем на таежные стройки и в новые заполярные города! Сколько ребят и девушек вылетело из-под родительского крыла с мечтой о подвиге и сколько таких мечтаний уже осуществилось, воплотилось в тысячах и тысячах реальных героических дел!

Книг о вступлении в жизнь написано много и у нас и на Западе. Но если у современных буржуазных писателей тема молодого человека, как правило, связана с темой яростной борьбы за существование и с те-

мой «потерянного поколения», то совершенно иначе звучит она у нас. Не может быть и речи о каком-либо тупике там, где революция открыла перед молодежью «тысячи дорог и тысячи путей». Полновластным хозяином вступает в свою жизнь молодой человек. Как же он распорядится ею? Как использует те широкие возможности, что предоставляет ему Родина? Какой выберет путь? — вот что волнует наших авторов, пишущих о молодежи. К этим авторам принадлежит и А. Кузнецов.

Он обошелся со своим героем круто: он бросил его, знавшего до сих пор лишь школу да маму, в дальнюю дорогу, он даже отнял у Анатолия возможность завербоваться и заставил его ехать на свой риск, на полную неизвестность. Это уже не вступление, а прыжок в жизнь.

Начинается повесть в хорошем ритме, живо, энергично. Я сразу ощутил тревожно-веселую обстановку путешествия, быстро познакомился со спутниками Анатолия, и передо мной замелькал kaleidoscope дорожных сценок и происшествий. Словом, я был очень доволен, что попал в этот беспла-

картный вагон и вместе с героем повести отправился на поиски его судьбы.

Герой повести не сворачивает гор, ни картонных, ни настоящих. Он не совершает ничего такого, что было бы не под силу нормальному юноше или девушке. Отсутствует в повести и экзотика, в которую легко можно удариться, описывая Сибирь, — и все же повесть пропитана романтикой.

У автора жадный вкус к жизни, со всей ее сочностью, сложностью, многообразием. И это определило удачу повести, взъерошенной, полной движения, написанной в форме торопливого дневника. «Не будь экскурсантом в жизни, не будь зрителем, станись действующим лицом!» — говорит читателям Кузнецов и тут же показывает, как обкрадывает себя тот, кто не решается расстаться с привычными удобствами, кто цепляется за свой спокойный, но узкий мирок.

Вот герой повести, растерянный, одинокий, бродит по Иркутску, а юный москвич или ленинградец, читающие повесть, — из тех, кто предпочел привычный уют новому, неизведанному делу, — уже чувствуют, насколько Анатолий богаче их, не осмелившихся «пойти меж чужих людей в чужие края». Не будет у них в жизни незнакомого города с деревянными тротуарами, не мелькнет в их жизни гениальный чистильщик сапог Серега, не поедут они в отчаянном гэсовском автобусе...

И дело, конечно, не в том, что биография их не обогатится знакомством именно с Серегой, а дело в том, что подспыным же образом прплывут мимо них тысячи и тысячи встреч, впечатлений, больших и малых.

Но и не романтику бродяжничества воспевает Кузнецов. Над цыганкой, выманивающей у Анатолия трешку, над женщиной, продающей в поезде открытки «только мужчинам», над спекулянткой Гришкой, — масштабно оттененная этими жалкими фигурками, — встает картина грандиозной стройки, участником которой становится Анатолий. И тут читателю окончательно делается ясной мысль, приглушенно звучащая уже с начала повести: ведь Анатолий — вовсе не одинокий, есть у нас в стране сотни тысяч людей, готовых сорваться с насиженного места и ехать вдаль — к большому и нужному делу. Вот и едут они: одни — беззаботно, как Васек, у которого все имущество «пиджачок да торбочка с сухарями», другие — с затаенным страхом, как «человек, всюду нужный» Дмитрий Стрепе-

тов... И все они очень разные, эти люди. Тут самоуверенный сибиряк Леонид, похожий на боксера, а рядом смешной парнишка, неудачно разыгрывающий из себя «агента угрозыска», здесь же молчаливый, подтянутый шофер Захарыч, водивший в революцию бронзник и умерший на стройке, как настоящий солдат коммунизма. Все они разные, но всех их объединяет одна общая черта: это люди свободной, смелой души, люди, для которых домом является не квартира в московском переулке, не теплая деревенская хата, а вся наша огромная страна. И если поступок Анатолия и кажется безрассудно смелым, то это, пожалуй, только в кругу родных и знакомых, а здесь им никого не удивишь. Ведь именно сюда, на узловые стройки страны или на неосвоенные просторы целины, стягиваются люди беспокойные, ищущие, которые хотят быть не зрителями, а участниками великих дел.

В товарищах Анатолия по работе, по общжитию читатель видит юношей и девушек, в которых с наибольшей яркостью проявились черты молодых людей нашей советской эпохи. Читая о них, незольно вспоминаешь тех юношей и девушек, кто шли когда-то с котомками за плечами к фронтам гражданской войны, и тех, кто позднее ехал в теплушках строить Комсомольск, и тех, кто в годы Великой Отечественной войны боролся с фашистскими захватчиками в рядах Советской Армии или в подполье на оккупированных территориях.

...На большой высоте, на эстакаде, стоя под огромным кранищем, похожим на динозавра, начал Анатолий свой первый трудовой день. Он должен принимать бетон от самосвалов, лопатой счищать с кузовов его остатки и давать команду крану, чтобы тот подымал бадью. Самосвалы подходят да подходят, а бетон невероятно тяжел («липкая, серая, перемешанная с камнями масса»), а руки у Анатолия давно уже сбиты в кровь, а крановщик нервничает и всячески изворачивается, чтобы не расплющить обалдевшего, то и дело сующегося под тяжелую бадью новичка. Все это передано энергично, насыщенно. И читатель искренне торжествует вместе с Анатолием, когда к парню приходит «второе дыхание», когда он начинает чувствовать, что выдержит, и когда вдруг с гордостью осознает, что ведь это он командует чудовищным краном, виденным им до сих пор лишь на картинках.

Приятно в повести то, что в ней почти неощутим авторский расчет, тяжелая кон-

структурная работа. Кажется, что Кузнецов и не думал над сюжетом, композицией. Подробно познакомя нас с соседями Анатолия по вагону, Кузнецов навсегда прощается с большинством из них, как только они выходят из поезда. Объяснив, что Анатолий едет в Братск, автор приводит его на Иркутскую ГЭС. Он ведет Анатолия «оформляться» в бригаду плотников, а «оформляет» его — бетонщиком. И, за исключением одного места, нет в повести рецептуры, согласно которой в произведение вводятся строго определенные дозы «общественного» и «личного», «бытового» и «производственного». Все здесь крепко замешано, органично соединено одно с другим: бытовые мелочи и трудовой героизм, волнения по поводу покупки часов и думы о коммунистическом будущем.

Молодых авторов у нас любят хвалить за непосредственность, за искренность. Если произведение удачно, то именно этими качествами стараются объяснить его удачу. А хвалить за умение, за мастерство их не любят: рано, мол, зазнаются еще.

Но ведь одно дело — обладать живым восприятием жизни, а другое — заставить читателя так же живо увидеть и почувствовать то, что видел и чувствовал ты. Тут нужна внутренняя организованность, нужен отбор впечатлений. Даже нарисовав множество живых, сочных деталей, нужно уметь расставить их так, чтобы они не заслоняли главного, уметь разобраться в своих наблюдениях. Думается, что А. Кузнецов этим умением обладает. Вот один из примеров. Не очень-то привлекательными рисует автор шоферов стройки. Есть среди них немало рвачей, требующих от Анатолия, чтобы он им приписывал ездки. Но вот наступает великий момент перекрытия Ангары, когда в течение суток с берегов не уходит взволнованный народ. В этой битве с могучей рекой решающая роль принадлежит шоферам. И вот эти «шоферяги», испортившие столько крови Анатолию, в течение суток, без отдыха, без смены носятся на своих машинах по качающемуся наплавному мосту, куда, кроме них, никого не пускают (опасно!), и стараются обогнать друг друга, сбросить в реку побольше камня и бетонных кубов, хотя сегодня никто не запишет, кто сколько ездок совершил.

Насколько эмоционально беднее была бы картина «битвы», если бы Кузнецов убрал из повести столкновения Анатолия с рвачами. Да, читатель знает, что иные люди не

перевоспитаются сразу, но читатель знает также, что даже у «отпетого парня» этот день навсегда остается в памяти, как один из самых красивых дней его жизни, как день, когда он совершал подвиг.

Нет, Кузнецову нельзя отказать ни в умении, ни в такте, и очень жаль бывает, когда они ему хоть редко, но изменяют. Тут надо присоединиться к мнению Д. Милютиной, высказанному в «Литературной газете» относительно писем Виктора, цинично разоблачительных. Дело не в том, что таких циников среди молодых людей не бывает, а в том, что чуть ли не каждого молодого туземца у нас привыкли показывать циником, как две капли воды похожим на Виктора, и то, что было оригинально в первый раз, теперь давно уже стало штампом. Кроме того, трудно поверить, чтобы Виктор, у которого с Анатолием нет ничего общего, оказался его другом или хотя бы близким приятелем. Ясно, что в «друзья» он возведет автором лишь для того, чтобы полемизировать с ним.

И, по-моему, совсем не получилось у автора начало третьей тетради. Только что окончилось яркое описание невероятно трудного и вместе с тем счастливого дня, когда Анатолий стал принимать бетон под краном и выдержал. Только что мы гордились вместе с ним победой и пережили чудесную ночь, когда он в каком-то экстазе возвращался с работы домой и ужинал вместе с шоферами в крошечном буфете, совсем утонувшем среди гигантских «МАЗов», и слушал звуки бурятского танца «йохар». И вот через страницу после описания этой чудесной ночи Анатолий собирается бежать. Что же произошло?

Во-первых, он получил письмо от Виктора, призывающее Анатолия «кончать играть дурачка» и возвращаться домой.

Но письмо Виктора — пошлое, дрянненькое — говорит само против себя, и вопрос Анатолия, «какая же дорога в жизни яснее и прямее», является пустой риторикой.

Во-вторых, у Анатолия разболелись руки и осточертел тяжелый, трудный быт.

Но бытовые невзгоды показаны так коротко, что у читателя не успевает и мысли мелькнуть о возможности бегства героя.

И в-третьих, вспомнилась любимая девушка Юна.

Но, вспомнив Юну, Анатолий думает не о самой девушке, а об обстановке, окружающей ее, думает с отвращением, с нена-

вистью о богатой мещанской квартире, где его, Анатолия, поили чаем в передней.

Тут явный композиционный расчет.

И совершенно лишней является прямая дидактика, которую автор вкладывает в уста шофера Захарыча. Самый образ Захарыча, скупой, лаконичный, куда лучше показывает читателю, каким должен быть советский человек, чем не свойственное ему многословное наставление. Вводить такие наставления в повесть, это все равно, что подпирать шестью здание, которое и не думает валиться. Другими, более мощными средствами располагает Кузнецов.

Когда Анатолий после длительных обсуждений этого вопроса с Михаилом покупает себе часы на заработанные собственным трудом деньги, читатель радуется вместе с ними. И читателю близка и понятна мысль Анатолия, когда он смотрит на эти часы. Близка потому, что не дидактические рассуждения, а весь ход, весь строй повести

подготовил нас к восприятию этой мысли.

«...Они оттуда, из Москвы, мои часы, и собирала их какая-нибудь девчонка, которая бежит сейчас, наверное, в столовку или спускается на эскалаторе в метро и не знает, где, у кого теперь те самые часы, что держала она в своих руках. А мы построим ГЭС, уедем — и кто-нибудь будет идти по шоссе, тронет рукой стену — и не узнает, где же те люди, что вот здесь ее заглаживали, даже следы пальцев видны.

В Историческом музее на Красной площади я видел глиняные черепки посуды эпохи неолита; все забыл, а одно осталось в памяти: вмятины от пальцев на горшке — от пальцев человека, который жил семь тысяч лет назад...»

Думаю, что многие молодые люди, прочитав повесть Кузнецова, почувствуют, как это прекрасно — оставить вмятины, следы своих рабочих рук, на бетонных стенах строек коммунизма.

Ю. СОТНИК.

★

Политика и наука

В. И. Ленин в 1917 году

Жизнь и деятельность Владимира Ильича Ленина, являющие неповторимый пример титанической борьбы за счастье человечества, изучены еще далеко не полно. Благодарным является труд историков, стремящихся познакомить советских людей и трудящихся всего мира с новыми фактами или даже отдельными штрихами ленинской биографии. Эту задачу поставил перед собой коллектив научных сотрудников Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, подготовивший новое издание — «Ленин в 1917 году». Можно не сомневаться в том, что книга, пополняющая наши сведения о жизни великого вождя, с большим интересом будет встречена широчайшими кругами советской общественности.

В книге собраны даты и относящиеся к ним факты из жизни и деятельности В. И. Ленина за время со 2 марта по 27 октября 1917 года, расположенные в строго хронологическом порядке. Эта биографиче-

ская хроника дает довольно полное представление о деятельности Владимира Ильича в насыщенный важнейшими событиями период подготовки и проведения Октябрьской революции, отражает огромную теоретическую, организаторскую и публицистическую работу Ленина в год великих свершений, положивших начало новой эре в истории человечества.

Наряду с датами написания и публикации ленинских статей, брошюр, писем в книгу включены факты выступлений Владимира Ильича перед трудящимися, его участия в работах съездов и конференций, в заседаниях Центрального Комитета партии и в других совещаниях, а также встречи и беседы с партийными работниками, с рабочими и крестьянами, солдатами и матросами. Книга скупое, но выразительно рассказывает о полной трудностей и лишений жизни В. И. Ленина в период после июльских дней, когда он вынужден был скрываться от преследований буржуазно-Временного правительства.

В процессе подготовки издания было просмотрено большое количество опубликованных и неопубликованных источников с целью проверки и уточнения известных

Ленин в 1917 году. Даты жизни и деятельности. Март—октябрь. Книга подготовлена к печати Т. М. Зеленовым, С. П. Кирюхиным, Р. З. Юницкой. 128 стр. Госполитиздат. М. 1957.

уже фактов из жизни и деятельности В. И. Ленина, а также выявления новых, до сих пор не известных или малоизвестных фактов. Так, были изучены протоколы съездов, конференций и заседаний ЦК, большое количество мемуаров, пресса того времени, документы Центрального партийного архива.

В результате настоящее издание значительно обогащено фактами по сравнению с краткими датами жизни и деятельности Владимира Ильича, помещенными в четвертом издании Сочинений.

Серьезное внимание было обращено и на уточнение так называемых спорных дат. Удалось уточнить даты переезда Ленина из Петрограда в Разлив, ухода из шалаша с целью нелегального переезда в Финляндию и другие.

Февральская буржуазно-демократическая революция застала В. И. Ленина в Цюрихе (Швейцария), где он жил с начала 1916 года. Первые известия о революции Владимир Ильич получил 2 марта и сразу же начал принимать меры для скорейшего возвращения в Россию. В книге впервые с такой полнотой освещен этот период. Мы узнаем о множестве новых фактов, отсутствовавших в предшествующих публикациях.

Интересен факт вручения В. И. Ленину на Финляндском вокзале 3 апреля партийного билета за № 600. Билет был вручен по решению Выборгского райкома РСДРП(б) членом райкома рабочим-кузнецом завода «Новый Лесснер» А. И. Селицким.

С большой полнотой отражена кипучая деятельность, которую В. И. Ленин развернул сразу же по приезде в Петроград. И все-таки хотелось бы сделать несколько замечаний по поводу отдельных недостатков издания.

После расстрела июльской демонстрации контрреволюционное Временное правительство обрушилось градом репрессий на большевистскую партию и ее вождя. Временное правительство издает приказ об аресте Ленина и привлечении его к суду; на квартире Елизаровых, где жил Владимир Ильич, производится три обыска. В книге, однако, говорится лишь о первом обыске, хотя в воспоминаниях Н. К. Крупской и М. И. Ульяновой говорится о трех обысках.

В это время В. И. Ленин, предупредивший Я. М. Свердловым о грозящей

опасности, уже перешел на нелегальное положение и в течение пяти дней (с 5 по 9 июля) вынужден был сменить четыре конспиративные квартиры. Но оставаться дальше в Петрограде было опасно, и в ночь с 9 на 10 июля (по уточненной дате) В. И. Ленин переезжает в поселок близ станции Разлив к рабочему Н. А. Емельянову, а затем переходит в шалаш на сенокосе за озером Разлив. Не подлежит никакому сомнению, что переезд в Разлив был предпринят по решению или с ведома Центрального Комитета партии (по-видимому, не всего состава ЦК, а только части его). Это подтверждается и воспоминаниями Н. А. Емельянова, к которому трижды приезжал по этому поводу доверенный от ЦК. Однако этот важный момент почему-то опущен.

В книге подробно отражено время пребывания В. И. Ленина в подполье в Финляндии, куда он переезжает из Петрограда в ночь с 8 на 9 августа (по уточненной дате). Известно, что некоторое время Ленин пробыл в деревне Ялкала (ныне Ильичево), затем остановился ненадолго в городе Лахти и, наконец, приехал в Гельсингфорс. К сожалению, подготовителям издания не удалось уточнить, сколько времени Ленин пробыл в Ялкале и когда он приехал в Гельсингфорс. В литературе данные очень разноречивы: в воспоминаниях А. В. Шотмана говорится, что Владимир Ильич уехал из Ялкалы уже на следующий день, а в других источниках назван срок около десяти дней.

Как только В. И. Ленин обосновался в Гельсингфорсе, он сразу же послал химическое письмо Н. К. Крупской, в котором просил ее приехать: они не виделись с самых июльских дней. В своих воспоминаниях Надежда Константиновна подробно описывает две поездки к Ленину в Гельсингфорс. В книге об этих поездках Н. К. Крупской ничего не сказано.

Наши замечания носят частный характер. В целом же биографическая хроника весьма детальна. Очень подробно прослежена в ней неутомимая деятельность В. И. Ленина в первые дни революции. Вот как описан день 26 октября 1917 года (источники, приведенные в книге под каждым фактом, опускаем):

«После двух часов ночи Ленин, выслушав доклад Н. И. Подвойского о взятии отрядами Красной гвардии Зимнего дворца, высказывается за немедленную орга-

низацию всоруженных сил, необходимых для защиты Советской республики.

После взятия Красной гвардией Зимнего дворца Ленин из Смольного уходит на квартиру В. Д. Бонч-Бруевича (Херсонская ул., д. 5, кв. 9), в которой проживает несколько дней.

Ленин пишет проекты декретов о мире, о земле и об образовании Советского правительства.

В 5 часов утра в актовом зале Смольного Второй Всероссийский съезд Советов принимает написанное Лениным воззвание «Рабочим, солдатам и крестьянам!» о переходе власти в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Ленин в Смольном принимает рабочего А. Семенова с жалобой на задержку зарплаты рабочим завода «Эриксон» и тут же поручает ему привезти в Военно-революционный комитет В. Р. Менжинского. Через В. Р. Менжинского Ленин отдает письменное распоряжение банку: «Немедленно выдать тов. Семенову 500 тысяч рублей для раздачи жалованья рабочим завода «Эриксон».

Ленин беседует с И. Ф. Еремеевым, командиром отряда красногвардейцев-путиловцев. Ленин интересуется настроением путиловских рабочих, их нуждами и отношениями к Советской власти.

Ленин дает указания об организации отпора войскам Керенского, двинувшимся на Петроград, предлагает военным руководителям Красной гвардии немедленно овладеть аппаратом военного округа, перебравшись для этой цели из Смольного в помещение окружного штаба.

Ленин участвует в заседании Центрального Комитета РСДРП(б), на котором вместе со специально приглашенными представителями левых эсеров обсуждается вопрос о составе Советского правительства.

На этом же заседании утверждается название нового правительства — Совет Народных Комиссаров.

С 9 часов вечера Ленин участвует в заседании Второго Всероссийского съезда Советов, выступает с докладом о мире и зачитывает проект декрета о мире. После единогласного принятия декрета о мире съезд устраивает Ленину бурную овацию. Ленин выступает с докладом о земле и вносит проект декрета о земле».

Для сравнения с датами жизни и деятельности В. И. Ленина, приведенными в четвертом издании Сочинений, укажем, что там под датой 26 октября значатся лишь факты: написание Лениным проектов декретов о мире, о земле и об образовании Советского правительства и его выступление с докладами о мире и о земле, в которых он внес проекты соответствующих декретов. Таким образом, вместо двух биографическая хроника дает девять фактов.

Как указано в предисловии к книге «Ленин в 1917 году», ряд важных дат биографии Владимира Ильича не удалось установить из-за отсутствия достоверных источников. Читатели вправе надеяться, что исследовательская работа, посвященная деятельности Ленина в этот период, будет продолжена.

Нельзя не высказать также пожелания, чтобы Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС подготовил и издал подробную биографическую хронику В. И. Ленина за весь период его жизни. Потребность в такой книге, как и в большой научной биографии Ленина, у историков партии и Советского государства, а также у всех изучающих жизнь и деятельность великого Ленина, историю Коммунистической партии Советского Союза, историю нашей Родины очень велика.

Д. КИСЛИК.

★

Вся власть Советам!

Граждане! Твердыни русского царизма пали. Благоденствие царской шайки, построенное на костях народа, рухнуло. Столица в руках восставшего народа. Ча-

сти революционных войск стали на сторону восставших. Революционный пролетариат и революционная армия должны спасти страну от окончательной гибели и краха,

Коммунистическая партия Советского Союза в борьбе за победу социалистической революции в период двоевластия (27 февраля — 4 июля 1917 г.). Редакторы Г. Д. Обичкин и М. Д. Стучебникова. 394 стр. Госполитиздат. М. 1957.

Коммунистическая партия Советского Союза в борьбе за победу Великой Октябрьской социалистической революции (5 июля — 5 ноября 1917 г.). Редакторы Г. Д. Обичкин и М. Д. Стучебникова. 566 стр. Госполитиздат. М. 1957.

который приготовило царское правительство.

Громадными усилиями, кровью и жизнью русский народ стряхнул с себя вековое рабство...

Граждане, солдаты, жены и матери! Все на борьбу! К открытой борьбе с царской властью и ее приспешниками!

По всей России поднимается красное знамя восстания! По всей России берите в свои руки дело свободы, свергайте царских холопов, зовите солдат на борьбу.

По всей России, по городам и селам создавайте правительство революционного народа».

Этими историческими словами начинается Манифест ЦК РСДРП(б) «Ко всем гражданам России», помещенный в сборнике «Коммунистическая партия Советского Союза в борьбе за победу социалистической революции в период двоевластия».

Перед нами встают дни великого прошлого.

Февральская революция. Пробуждаются к активной политической жизни миллионы трудящихся. Партия большевиков, обращаясь к рабочим Петрограда, в листовке «Товарищи!» призывала их к созданию Советов:

«Товарищи! Настал час освобождения пораженного народа... Петербургские рабочие, продолжайте и распространяйте всеобщую забастовку, демонстрации, братание с солдатами и казаками, готовьтесь к вооруженной борьбе.

Для победы нам нужна организованность, нам нужен руководящий центр движения.

Приступайте немедленно на заводах к выборам в заводские стачечные комитеты. Их представители составят Совет рабочих депутатов, который возьмет на себя организующую роль в движении, который создаст временное революционное правительство».

Лозунг партии «Вся власть Советам!» пронизывает документы книги и раскрывается во всей своей силе во втором сборнике — «Коммунистическая партия Советского Союза в борьбе за победу Великой Октябрьской социалистической революции».

Оба сборника богаты и разнообразны по своему содержанию.

Читатели знакомятся с важнейшими партийными документами. Среди них — решения VII (Апрельской) конференции и VI съезда партии, решения и обращения

ЦК, документы других центральных учреждений партии, материалы большевистской фракции I съезда Советов, Демократического совещания, решения II съезда Советов. В сборнике публикуется обширный материал местных партийных организаций, большевистских фракций Советов, фабзавкомов и профсоюзов. Значительная часть материалов была опубликована в газетах или выпущена в виде листовок в 1917 году. Ряд документов печатается впервые.

Большое внимание привлекают документы местных партийных организаций, в которых показано, как партия решала основные вопросы тактики: отношение к Временному правительству, к партиям меньшевиков и эсеров, отношение к войне.

Перед нами проходят страницы истории, зримо встают отдельные эпизоды великих революционных событий 1917 года. «Пролетариат Петрограда зажег факел великой народной борьбы, и она огненными языками разметалась по необъятной многострадальной России,— говорилось в листовке Харьковского комитета РСДРП(б).— С 1914 года, принесшего миру трагедию затянувшейся и по сие время войны, на этом старом знамени появился новый лозунг: «Долой войну! Долой ненужную, ужасную для народа бойню!»... Вы видели, товарищи, как буржуазия в лице Родзянко и Миллюкова подхватила государственную власть, вывалившуюся из дряхлых царских рук... Товарищи! Не попадитесь в ловушку, расставленную миллюковыми, призывающими к «охранению спокойствия», одновременно подготавливающими регентство Михаила и мечтающими о Константинополе и проливах».

Насколько правильно решались в этот период важнейшие вопросы тактики партии на местах, наглядно показано в резолюциях конференций партийных организаций, проходивших в апреле 1917 года по всей стране.

Значительный интерес представляют документы большевистских фракций I Всероссийского съезда крестьянских депутатов, I Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов и Всероссийской конференции профсоюзов. В этих резолюциях отображена большевистская политика по всем основным вопросам революции. Опубликованные почти во всех большевистских газетах, они помогли рабочим, крестьянам и солдатам познакомиться с требованиями большевистской партии и разга-

дать истинную сущность мелкобуржуазных партий.

В книге приведено много документов, показывающих, как партия в период весны и лета 1917 года создавала военные организации РСДРП(б) и Красную гвардию.

В сборнике хорошо показана огромная роль «Правды» в разъяснении политики партии, ее большая организаторская и агитационно-пропагандистская работа в массах. Вот один пример. В редакционной статье об организации сборов в «железный фонд» «Правды» подчеркивалось, что недостаточно просто «записаться» в социал-демократическую партию и получить членский билет, уплатив только членские взносы. «Всякий рабочий, всякая работница,— указывалось в статье,— при вступлении своем в партийную организацию должны по мере сил своих и возможностей поставить себя на службу своей партии, оказывая ей наибольшее содействие в выполнении ею очередных ее задач. Не только на партийных собраниях и на митингах, но и в своей мастерской, за верстаком, каждый социал-демократ должен бороться о пропаганде идей своей пролетарской партии. Каждый член партии неустанно должен агитировать за ее лозунги, должен вербовать членов в рабочие клубы — эти подготовительные школы социализма. Каждый член партии должен неумолимо вербовать членов в ряды социал-демократии, должен собирать пожертвования в ее пользу от сочувствующих. Особое внимание все члены социал-демократических организаций должны посвящать поддержке своей рабочей печати».

И поистине, рабочая печать и ее главный орган — газета «Правда» — существовали на средства самих рабочих. Рабочие, крестьяне и солдаты считали «Правду» своей газетой, помогали ее изданию и распространению. Не раз Центральный Комитет партии обращался к рабочим и солдатам с призывом поддержать свою газету, и всегда рабочие отдавали в «железный фонд» газеты свои трудовые гроши.

Материалами событий 3—5 июля заканчивается первый сборник.

Период борьбы партии от июля до ноября 1917 года в тяжелых условиях разгула контрреволюции отражен в сборнике «Коммунистическая партия Советского Союза в борьбе за победу Великой Октябрьской социалистической революции».

С большим вниманием читаешь страницы, рассказывающие о работе VI съезда

партии — этого важнейшего события партийной жизни того времени. Ленин не присутствовал на съезде, но руководил им через своих соратников и учеников. По указанию Ленина съезд взял курс на подготовку вооруженного восстания.

Большевистская партия, несмотря на трудности и преследования, настойчиво и упорно готовила взятие власти пролетариатом и беднейшим крестьянством. В сборнике публикуются резолюции местных партийных организаций, выражающие полное одобрение решений VI съезда РСДРП(б).

В конце августа борьба обострилась. Выполняя план удушения революции, Корнилов сдал Ригу и повел войска на Петроград. Множество документов ЦК РСДРП(б) и местных партийных организаций, приводимых в сборнике, показывает, как партия большевиков мобилизовала трудящиеся массы на борьбу против контрреволюционного заговора. Вот, например, воззвание Среднесибирского областного бюро и Красноярского комитета партии от 30 августа 1917 года:

«Товарищи! Настал час смертельной борьбы между революционным народом и черными силами контрреволюции, которым удалось двинуть с фронта часть войск на Петербург.

На борьбу против диктатуры корниловых!

На борьбу за власть революционного народа!»

В результате энергичной деятельности большевиков авантюра Корнилова потерпела полный провал. Разгром корниловского мятежа показал, что большевистская партия выросла в решающую силу революции. Началась полоса большевизации Советов. Московский, Киевский, Екатеринбургский, Красноярский и многие другие Советы начинают принимать большевистские резолюции.

На заседаниях 10 и 16 октября ЦК партии принял ленинские предложения о вооруженном восстании. Резолюции этих исторических заседаний Центрального Комитета приводятся в сборнике, равно как и материалы, непосредственно связанные с организацией и подготовкой вооруженного восстания.

Публикуемые в сборнике бюллетени и другие документы подробно рассказывают о деятельности Военно-революционного комитета при Петроградском Совете, о том, как он назначал своих комиссаров в воин-

ские части и отдельные пункты столицы и ее окрестности, организовывал охрану революционного порядка в городе, приводил в боевую готовность вооруженные силы революции и руководил ими в дни Октябрьского восстания.

Военно-революционный комитет выпустил написанное В. И. Лениным воззвание «К гражданам России», в котором сообщалось о том, что Временное правительство

низложено и провозглашалось: «Да здравствует революция рабочих, солдат и крестьян!»

Выход в свет обоих сборников, несомненно, вызовет живой интерес у советского и зарубежного читателя и явится прекрасным пособием для изучения истории Коммунистической партии Советского Союза.

Е. МУРАВЬЕВА.

★

Волнующие документы

К сорскалетню Великого Октября в нашей стране и за рубежом выпускается много книг, воскрешающих живые картины героических дней. Среди этих изданий видное место займут подготовленные Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС два сборника документов «Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями».

В первом сборнике опубликованы материалы за период с марта по октябрь 1917 года. В книге три раздела. В первом напечатаны письма Секретариата ЦК РСДРП(б) местным партийным организациям, военным организациям, Советам, рабочим, крестьянам и солдатам. Во втором разделе — письма местных партийных организаций, Советов, рабочих и крестьян в ЦК РСДРП(б). В третьем — письма военных организаций и солдат в ЦК РСДРП(б). В сборник вошло свыше пятисот документов. Большинство их печатается впервые.

Документы раскрывают яркую картину непосредственных повседневных связей Коммунистической партии, ее Центрального Комитета с широкими народными массами. Эти документы показывают, как в дни подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции все честное и живое тянулось к партии коммунистов, как трудящиеся — рабочие, солдаты, крестьяне, разрывая паутину контрреволюционной буржуазной лжи и эсеро-меньшевистской демагогии, искали и находили правду у партии Ленина, ответы на волнующие их вопросы, поставленные развитием революции.

Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями (март—октябрь 1917 года). Подготовители — В. В. Аникеев и С. И. Елинна. Редакторы Г. Д. Сбичкин, А. А. Стручков, М. Д. Стучебникова. 527 стр. Госполитиздат. М. 1957.

Публикуемая в сборнике переписка отражает многостороннюю организационную деятельность Секретариата ЦК партии в период подготовки Октябрьской революции. Рассылка писем, разъясняющих политику партии, распределение большевистской печати, ответы на самые различные запросы с мест, сбор отчислений от местных организаций в кассу ЦК на нужды партийной работы, рассылка пропагандистов и агитаторов на места — вот далеко не полный перечень вопросов, которыми занимался в то время Секретариат Центрального Комитета нашей партии.

В сборнике публикуется много важнейших партийных документов о развертывании работы среди солдат и крестьян, о проведении на местах муниципальной кампании, о подготовке к выборам в Учредительное собрание, о борьбе с корниловщиной и другие. Включенные в сборник материалы показывают, как в ходе развития революции росло влияние большевистской партии в массах, как укреплялись ее позиции в Советах, как шел на местах процесс организационного размежевания большевиков с меньшевиками (там, где в первые дни после Февральской революции были объединенные организации), как большевики разоблачали антинародный характер Временного правительства и мелкобуржуазную сущность соглашательских партий, меньшевиков и эсеров.

Центральный Комитет партии, приветствуя создание новых большевистских организаций, живо интересовался их работой, оказывал необходимую помощь. В конце сентября 1917 года Секретариат ЦК пишет Новониколаевскому комитету РСДРП(б): «Приветствуем вас в рядах нашей партии. Мы твердо верим, что присоединение к нам все новых и новых пролетарских отрядов даст нам силы для ведения решительной

борьбы за социализм. Мы верим, что вместе с нами вы будете высоко держать знамя Интернационала. Все наши издания, все циркулярные письма по организациям будем посылать и вам...»

Много интересного найдет читатель и в письмах местных организаций, рядовых труженников в Центральный Комитет партии. Эти документы рассказывают, как большевистские комитеты на местах развертывали свою работу после Февральской революции, как они, организуя массы вокруг партий, готовили их к завоеванию политической власти. Письма говорят, что в большевистской партии народ видел своего вождя и руководителя. Нельзя без волнения читать сообщение о том, как 1500 рабочих Иваново-Вознесенска обратились в местный партийный комитет с просьбой, чтобы он «передал об их желании видеть и слышать товарища Ленина».

Письма с мест показывают, каким доверием и любовью пользовалась среди рабочих, солдат и крестьян большевистская печать. «Нравится очень Ваша газета «Правда», но не имею средств на выписку оной, если есть излишек номеров, не откажите выслать, за что были бы мы очень благодарны»,— пишет в редакцию газеты крестьянин Н. Ф. Соловьев из деревни Б. Иевлево Нижегородской губернии. «Все то, что Вы присылаете, ходит по рукам и прямо перечитывается по нескольку раз»,— сообщает в ЦК Н. Е. Суглицкий с завода «Русское общество» Екатеринославской губернии. «Истинным выразителем воли трудящихся масс», «путеводной звездой трудящихся», «истинным лучом света, ярко отражающимся в сердцах рабочего класса» называют большевистскую газету «Рабочий путь», выходящую вместо «Правды», рабочие Сулицко-Лиманского марганцевого рудника. Большевистские газеты и брошюры солдаты Анисимов и Пушкин называют «могучим и сильным орудием духовной борьбы с происками темных сил».

В переписке находит отражение процесс большевизации Советов, наступивший после разгрома корниловского мятежа. «В связи с выступлением Корнилова у нас процесс оформления большевистского настроения пошел гигантскими шагами»,— сообщает в ЦК областной комитет РСДРП(б)

Донецкого бассейна и Криворожского района. «15-го состоялся выборы в Исполнительный комитет Совета солдатских депутатов,— докладывает в ЦК 15 октября Военная секция исполкома Николаевского Совета из Самарской губернии.— ...Несмотря на усиленно развитую со стороны эсеров агитацию, полная победа оказалась на стороне большевиков. Из 15 мест большевики получили 13».

Таких писем много. Все они показывают, как политика большевистской партии становилась политикой масс, как массы, сплачиваясь вокруг лозунгов большевистской партии, превращались в мощную движущую силу пролетарской революции, как под руководством партии в октябре 1917 года они завоевали победу.

В приложении к сборнику дана ценная таблица, содержащая сведения о большевистских организациях, переписка с которыми публикуется в сборнике. В таблице указывается дата начала легального существования организации, время разрыва большевиков с меньшевиками, если организация в первое время была объединенной, численность организации, ее печатный орган.

В ближайшее время выйдет в свет второй сборник, подготовленный Институтом марксизма-ленинизма,— «Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями (октябрь 1917 г.— февраль 1918 г.)». Эта книга явится продолжением первой— она будет содержать письма Секретариата ЦК, письма местных партийных и военных организаций, рабочих, солдат и крестьян за период триумфального шествия Советской власти. В них отражена деятельность партии и широких народных масс по завоеванию власти Советами на территории всей страны, созданию нового аппарата государственной власти, осуществлению ленинских декретов о земле и мире.

Сборники «Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями» явятся полезным пособием при изучении важнейшего периода в истории нашей Коммунистической партии— периода подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции.

А. ЛУКАШЕВ.

Из жизни партии

Чрезвычайно интересная книга М. Лядова рассказывает о бурном периоде истории КПСС — периоде подготовки и проведения первой русской революции.

Мартын Николаевич Лядов стал профессиональным революционером уже в то время, когда только начинала складываться партия большевиков. Ему посчастливилось работать под непосредственным руководством В. И. Ленина. Он был участником II, III и IV съездов РСДРП. Стойко защищая ленинскую линию, М. Лядов, бесстрашный солдат революции, находился на передовых позициях борьбы за укрепление партии.

Живо описывает он свою радость после победы ленинской линии на II съезде и искренне негодует по поводу перехода Плеханова к меньшевикам. «На Владимира Ильича, — пишет он, — сильно подействовал разрыв с Плехановым, которого он ценил очень высоко». Истина в споре с меньшевиками была на стороне Ильича. Уходом из редакции «Искры» после захвата ее меньшевиками Ленин явил пример высокой принципиальности в борьбе за дело революции, за дело народов. Ведь на дьявольской кухне меньшевиков готовилось предательство рабочего класса. Передовые рабочие ясно понимали и всячески одобряли ленинскую позицию.

Не могу в связи с этим не вспомнить рабочего-революционера А. Овчинкина, побывавшего за границей и повидавшего Ленина, большевиков и меньшевиков. В 1905 году он приехал в Екатеринбург и говорил нам, что рабочим надо держаться только Ленина, меньшевики — явные предатели. То же говорил на собрании рабочих большевик И. Захаренко.

Тернистым, полным трудностей и лишений был путь революционеров в царской России, путь — для людей сильного духом, смелых и находчивых, беззаветно преданных высокой идее. Постоянная угроза ареста заставляла М. Лядова, как и других стойких революционеров, подчас забывать даже о еде и сне. «Пришлось и эту ночь, — рассказывает М. Лядов в связи с событиями 9 января в Петербурге, — провести на улице. Ночь была морозная, в центре всюду горели костры и грелись

войска и полиция. Вообще город походил на военный лагерь. Я быстро пошел на окраину и там, среди полного безлюдья, проходил эту жуткую ночь. С нетерпением ожидал открытия извозчицких чайных, чтобы хоть немного согреться и поесть. Не ел я с самого приезда в Питер, т. е. двое суток. После этого мне еще пять суток пришлось провести без ночлега».

О хладнокровии и находчивости М. Лядова, не покидавших его в самых рискованных ситуациях, говорит следующий случай. На платформе пограничной станции между Россией и Австрией М. Лядов из окна вагона увидел русского шпиона, который знал в лицо многих революционеров. «Как только поезд остановился, я сразу подошел к жандарму, о чем-то спросил его, рассказал ему, что я офицер, еду с войны, ранен в грудь... Меня обступили все остальные станционные жандармы, и я им в течение всего времени, пока не началась посадка на заграничный поезд, рассказывал про войну... Сам жандармский ротмистр принес мне мой паспорт... Конечно, шпик, внимательно изучавший всех проезжих, на меня, окруженного жандармами, не обратил ни малейшего внимания».

М. Лядов вспоминает, как он, выполняя задания ЦК и лично В. И. Ленина, побывал во многих странах Европы, устанавливал связи, умело избегал шпионов и провокаторов. Ему довелось встречаться с видными немецкими социал-демократами. После раскола на II съезде РСДРП М. Лядов, посланный в Германию для разъяснения точки зрения большевиков, побывал у Каутского, встречался с Карлом Либкнехтом и Розой Люксембург.

В деревне близ Парижа М. Лядов посетил П. Лафарга и его жену — дочь К. Маркса. «Мне так было неловко, — пишет автор, — что она и он — участник Коммуны, основатель французской социалистической партии, ближайший ученик Маркса — так хлопочут, чтобы угостить нас».

Тепло рассказывает М. Лядов о группе большевиков в Женеве, о женщинах — активных революционерках и помощниках партии.

«Надежда Константиновна, — пишет он, — вела всю переписку с Россией. Это была каторжная работа». Дело в том, что не все товарищи достаточно правильно шифровали письма, и нужно было колоссальное тер-

ление, чтобы их расшифровывать. М. Лядов, по предложению Н. К. Крупской, помогал ей в этом кропотливом, но необходимом деле.

Выполняя задания партии, М. Лядов много разъезжал по России. Он побывал во всех промышленных районах страны, собирая богатый информационный материал о революционном движении. Нелегкими были эти поездки. Приходилось надолго отрываться от семьи, от близких друзей и всегда находиться в положении затравленного волка. Схватят тебя, оскорбят, избьют, в тюрьму засадят, в Сибирь сошлют.

«Очень часто в годы подпольной работы, в особенности после какого-нибудь собрания,— пишет М. Лядов,— я от души завидовал местным работникам. Все они прочно вросли в местные дела, все они близко знают друг друга, у них тесные связи с массами. А я приеду в тот или другой город, проведу два-три собрания, сделаю два-три доклада и еду опять в новое место. Каким-то одиноком чувствовал себя иногда, в особенности после нескольких дней, проведенных в хорошей, тесно сплоченной, чисто товарищеской среде. Но кому-нибудь нужно было нести обязанность разъездного агента, партийного коммивояжера».

Мне приходилось видеться с Мартыном Николаевичем Лядовым несколько раз в Екатеринославе до Октябрьской революции и в годы Советской власти. Затаив дыхание, слушал я на подпольных собраниях речи пламенного большевика. Мы,

революционная молодежь, верили в гений Владимира Ильича и все, что слышали от его посланника М. Лядова, несли в рабочую массу, пускали в ход в спорах с меньшевиками.

Отдаваясь целиком и полностью партийной работе, М. Лядов под руководством Ильича делал все, чтобы сплотить силы пролетариата для победы грядущей социалистической революции в России.

После Октябрьской революции я встретился с М. Лядовым в Москве. А однажды он побывал проездом у нас на Украине. Все встречи с ним оставляли хорошие воспоминания об искреннем ленинцем, убежденном большевике.

Жизнь и революционная деятельность М. Лядова чрезвычайно поучительны и интересны. Старейший член КПСС Е. Д. Стасова в предисловии к книге пишет: «Ценность его воспоминаний определяется прежде всего тем, что они принадлежат перу одного из активнейших участников партийной работы в то время...»

Книга воспоминаний М. Лядова полна картинами встреч и совместной работы с Владимиром Ильичем, воссоздающими образ любимого учителя, вождя и друга трудящихся всего мира. С давно не переиздававшейся книгой «Из жизни партии» должен познакомиться самый широкий круг читателей, и в особенности молодежь. Следует подумать о том, чтобы увековечить память о Мартыне Николаевиче Лядове.

Г. ПЕТРОВСКИЙ.

☆

Говорят участники Октября

О том, как развивались революционные события от Февраля к Октябрю, как рабочие, солдаты, матросы, крестьяне под руководством Коммунистической партии и ее великого вождя В. И. Ленина боролись за власть Советов, рассказывает нам подготовленная Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС книга «Великая Октябрьская социалистическая революция». В сборник включены воспоминания участников революции в Петрограде и Москве — руководящих партийных работников, работников военных организаций партии и

Великая Октябрьская социалистическая революция. Сборник воспоминаний участников революции в Петрограде и Москве. Редактор А. Лукашев. Госполитиздат. М. 1957.

военно-революционных комитетов, передовых рабочих, солдат и матросов.

«Сегодня мы, старые большевики, дожившие до настоящих дней, с гордостью вспоминаем, как, выполняя директивы партии, многие из нас активно участвовали в свержении самодержавия и в дни Великого Октября организовывали борьбу рабочих, солдатских и крестьянских масс против капиталистического строя»,— пишет С. Г. Уралов. С волнением читаем мы воспоминания А. А. Андреева, М. Я. Лациса, Н. И. Подвойского, Н. М. Анцеловича, В. Ф. Алексеевой, С. И. Гопнер, Е. Д. Стасовой и других о приезде В. И. Ленина в Петроград, об исторической роли Апрельских тезисов, о

VII (Апрельской) Всероссийской конференции большевиков.

Живо, ярко, правдиво освещается в воспоминаниях Я. М. Свердловца, М. С. Кедрова, М. Л. Сулимовой, И. П. Флеровского борьба большевистской партии за массы, за переход власти к Советам, разоблачение политики Временного правительства и предательства меньшевиков и эсеров, события 3—5 июля в Петрограде, расстрел демонстрации рабочих, разгром редакции «Правды», преследования и аресты большевиков. После расстрела июльской демонстрации вождь революции В. И. Ленин вынужден был уйти в подполье. С большой теплотой рабочий Сестрорецкого завода Н. А. Емельянов рассказывает, как он прятал В. И. Ленина в Разливе от ищеек Временного правительства.

Волнующий рассказ о работах VI съезда партии читаем мы в воспоминаниях И. П. Флеровского, Н. П. Расгопчина и других авторов.

«Прежде всего,— пишет Н. П. Расгопчин,— хочу подчеркнуть, что VI съезд был съездом и встречей работников большевистского подполья, среди которых было много, думаю даже большинство, революционеров-профессионалов. Здесь как бы собралась наша партийная семья, члены которой встретились после долгой разлуки — после тюрем, ссылки, каторги, разрозненной текущей работы на боевых большевистских постах. Встретились по-братски, как родные, вместе переживали отсутствие среди нас В. И. Ленина, который воспитал и сплотил нас и который был для нас больше чем отец...»

Огромное впечатление производят страницы книги, где рассказывается о деятельности ЦК партии большевиков и В. И. Ленина накануне и в дни Октябрьского вооруженного восстания.

«Весь Смольный ярко освещен. Возбужденные толпы народа спуют по всем его коридорам. Жизнь бьет ключом во всех его комнатах, но наиболее человеческий прилив, настоящий страстный буран — в углу верхнего коридора: там, в самой задней комнате, заседал Военно-революционный комитет... Когда попадаешь в этот водоворот, то со всех сторон видишь разгоряченные лица и руки, тянущиеся за той или другой директивой или за тем или иным мандатом. Громадной важности поручения и назначения делаются тут же, тут же диктуются на трещащих без умолку машинках,

подписываются карандашом на коленях, и какой-нибудь молодой товарищ, счастливый поручением, уже летит в темную ночь на бешеном автомобиле. А в самой задней комнате, не отходя от стола, несколько товарищей посылают, словно электрические токи, во все стороны восставшим городам России свои приказы». Так описывает Смольный в ночь на 25 октября А. В. Луначарский.

В эту ночь в Смольный прибыл Ленин. «Появившись в Смольном, Ленин становится непосредственно душой восстания и пускает машину восстания на полный ход, на самую высокую скорость, подымая на восстание все более глубокие слои пролетариата. Казалось, в его лице была в те часы до самого сильного напряжения сконцентрирована мысль восставшего пролетариата. Смольный работает, как сердце. Все движется от него и к нему. Мысль, душа, воля и сердце пролетариата витали над всем днем 25 октября в лице товарища Ленина», — пишет Н. И. Подвойский.

Рабочие и солдатские массы, возглавляемые большевиками, ночью и утром 25 октября вышли с заводов, фабрик, из казарм, твердо решив: не возвращаться без власти. Воспоминания образно воссоздают кипучую динамику революционных событий.

На помощь восставшему Петрограду приходят моряки Балтийского флота. «Балтфлот должен был дать Питеру до 1 500 бойцов, он дал их в несколько часов — 1 800», — вспоминает Антонов-Овсенко.

Но вот Зимний взят! «И только тогда, когда смолкли пушки, контрреволюционное правительство сдвинуло под замком, а часовые октябрьского гарнизона заняли свои посты в Зимнем дворце, во всех штабах и по всему Советскому Питеру, Ильич перевел свое напряжение с Октябрьского боя к Октябрьскому строительству.

В то время, как в Зимнем дворце закончилось владычество буржуазии, низвергнутой вооруженным народом, в Смольном Ленин открывал первую страницу нарождающегося нового мира», — рассказывает Н. И. Подвойский.

Взволнованно описаны заседания II Всероссийского съезда Советов, принявшего ленинские декреты о мире и земле и образовавшего первое Советское правительство во главе с В. И. Лениным.

С большим интересом прочтет советский читатель страницы воспоминаний Д. З. Ма-

нуильского, Н. А. Ховрина, Т. И. Граф, И. М. Гордиенко о ликвидации петроградским пролетариатом, революционными солдатами и матросами попыток контрреволюции свергнуть молодую Советскую власть.

Во втором разделе сборника помещены воспоминания участников Октябрьской революции в Москве: Е. М. Ярославского, М. Ф. Владимирского, О. А. Варенцовой, М. М. Костеловской, Н. В. Стрелкова и других. Отдельные воспоминания сливаются в четкую и ясную картину деятельности Московской большевистской организации по завоеванию масс, по подготовке вооруженного восстания. «Изумительный напор проявили рабочие в эти решающие дни Великого Октября. Все стали бойцами, все ак-

тивистами... Сражались в отрядах с юнкерами, рыли окопы, строили баррикады, добывали продовольствие, доставали с Ходынки для центра артиллерию, ходили в разведку, давали подкрепления в центр, выбивали белогвардейцев из их штабов, захватывали телеграф, комиссариаты, организовывали походные лазареты, обезоруживали белогвардейцев и т. д. Тысячи геройств, тысячи революционных дел. И в результате победа, в результате Великий Октябрь», — пишет М. М. Костеловская.

С глубоким вниманием прочтут советские люди эту книгу о героических, славных днях величайшей революции, книгу о незабываемом 1917 году.

И. КРАСЮКОВА.

★

Иностранная печать о нашем сорокалети

Уже в течение нескольких месяцев зарубежная печать уделяет внимание ближающейся знаменательной дате — сорокалетию Великого Октября. Главная тема большинства откликов — вечно живое влияние Октября на судьбы народов разных стран и образ гениального вождя революции В. И. Ленина.

Отклики появляются в изданиях различных политических направлений; весьма разнообразны они и по форме.

В журнале «Айнгайт» (ГДР) опубликована статья известного публициста Пауля Ванделя о подготовке штурма буржуазной власти в России и о значении победы русского пролетариата. Вандель показывает, что, несмотря на отличие современных условий от положения в России в 1917 году, опыт борьбы большевистской партии за создание первого социалистического государства является для международного пролетариата важнейшим стратегическим и тактическим оружием. Идеи Октября, указывает автор, отвечают чаяниям всех народов, добывающихся защиты своих прав и стремящихся к миру на земле: «Не случайная, но совершенно органическая, закономерная черта Октябрьской революции состояла в том, что ее первым законом был ленинский декрет о мире».

Венский журнал «Вег унд циль» помещает материал о непосредственном влиянии Октября на подъем революционного движения в Австрии. Автор статьи Леопольд

Горник пишет, что Октябрь, победивший в тяжелую годину мировой войны, усилил до предела жажду народов покончить с империалистической бойней. По примеру рабочих и беднейшего крестьянства России австрийский пролетариат выступил в январе 1918 года, вписав в свою историю «крупнейшую стачку за установление мира», как называлась январская стачка. В статье приводится текст одной из нелегальных листовок того бурного времени: «Рабочие России завоевали свободу в ожесточенной классовой борьбе — в удичных боях и массовых забастовках. Они боролись не только для себя! Они пролили кровь за освобождение народов всей земли от войны и ярма капитала... Рабочие других стран должны объединиться вокруг красного знамени русской революции».

Вслед за пролетариатом Вены в борьбу включились рабочие arsenалов в городах Поло и Каттаро. Военные моряки подняли на своих кораблях красные флаги. Они, как и русские солдаты и матросы, избирали свои советы, выдвигали требования полной независимости страны, немедленного и демократического мира. Восставшие призвали рабочих и крестьян «сделать то же, что сделали русские рабочие».

Австрийское народное движение было подавлено силой оружия. Но, пишет автор, несмотря на временное торжество реакции и вопреки предательской политике австрийской социал-демократии, ряды сторонников борьбы за мир и социализм, начатой грядя-

щимся России, неуклонно росли и ширились. Слова стихов Брехта, приведенные как эпиграф к статье Горника, звучат верой в победу демократических сил:

И великий день придет, с песней громкой,
штурмовой,
Завоюет сам народ навсегда весь шар земной.

Во французском журнале «Нувель критик» помещена статья «Ленин и рабочий контроль», принадлежащая перу Жакелины Риго. Она рассказывает, как сразу же после своего возвращения из эмиграции В. И. Ленин развернул кипучую деятельность по привлечению широких масс трудящихся к активному участию в делах государства. Важным этапом в борьбе за рабочий контроль явилась конференция фабрично-заводских комитетов Петрограда (июнь 1917 года). На ней был избран Центральный совет, фактически объединивший фабзавкомы во всероссийском масштабе.

Риго характеризует роль рабочего контроля — этой новой революционной формы участия масс в управлении хозяйством — в сложных условиях, создавшихся в первые месяцы после победы пролетарской революции, в условиях дезорганизации экономики страны и угрозы иностранной интервенции. В статье содержится вывод о правильности политической линии партии большевиков в борьбе за рабочий контроль, явившийся одним из исходных моментов социалистического преобразования страны.

В связи с сорокалетием Октября берлинский институт марксизма-ленинизма издал книгу «Ленин в Германии». Автор Ксавер Штреб кропотливо и любовно собрал все, что известно о пребывании великого вождя революции в Германии, чтобы сделать его образ еще ближе германским трудящимся. Автор установил адреса частных домов и организаций, где жил, работал или проводил свое свободное время Владимир Ильич. Особенно подробно и полно обрисован в книге эмигрантский период жизни Ленина в Мюнхене и Лейпциге в 1900—1902 годах. В этот период создавалась большевистская «Искра». На страницах книги можно видеть фотографии здания на Руссенштрассе, 48, в Лейпциге, где был отпечатан первый тираж первого номера «Искры», а также дома в Мюнхене, где происходили заседания редакции центрального органа РСДРП. Штреб рассказывает о первых знакомствах

Владимира Ильича с германскими социал-демократами, помогавшими ему в организации печатания «Искры» и в отправке ее в Россию, об его участии в мюнхенской первомайской демонстрации 1901 года. Запоминаются места, посвященные встречам Ленина с выдающимся польским революционером и публицистом Юлианом Мархлевским.

В книге приводятся воспоминания людей, которым посчастливилось встречаться с Владимиром Ильичем. Они рисуют обаятельный образ скромного и мудрого человека.

В книге говорится о большой любви и уважении к Ленину со стороны германского рабочего класса. «Мы можем гордиться, — пишет Ксавер Штреб, — что Германия, вопреки воле тогдашних властителей, явилась страной, где увидела свет «Искра». Автор подчеркивает глубоко принципиальное отношение Ленина к ошибкам германских социал-демократов. Владимир Ильич внимательно следил за борьбой внутри социал-демократической партии Германии, горячо поддерживая ее левое крыло. Штреб напоминает о тех высоких оценках, которые были даны Лениным замечательным деятелям германского и международного рабочего движения — Карлу Либкнехту и Розе Люксембург.

Через всю книгу проходит мысль о значении международной солидарности трудящихся, яркий пример которой являли собой накануне Октября отношения между передовой частью рабочего класса Германии и революционными массами России, руководимыми партией большевиков.

Теплые воспоминания о Ленине появились и на страницах английского журнала «Контемпорери ревью».

Это было в 1902 году, пишет В. Боуман. Во время политических дебатов в одной из крупнейших лондонских аудиторий видные буржуазные деятели усердно защищали внешнюю политику Англии. Силой своего ораторского искусства они хотели убедить слушателей в «миролюбивых» и «гуманистических» целях, которые якобы преследовали империалисты-колонизаторы.

Но вот на трибуну поднялся Рихтер (тогдашняя подпольная кличка Ленина). Он говорил по-английски не совсем гладко, но то, что он сказал, было до конца понято всеми. Ленин охарактеризовал подлинный смысл английской империалистической политики, основанной на захвате чужих зе-

мель, на жестокостях по отношению к коренным народам. В заключительных словах своей речи, вспоминает автор, Ленин предсказал наступление того дня, когда народы Африки и Азии поднимутся против английского ига.

Никто из присутствующих не нашелся, что возразить на эти уничтожающие слова. Тогда никто не мог представить себе, что этот человек со смелым лицом, но совершенно простой по своим привычкам, манере держаться и одежде был «величайшим революционером мира».

Снова и снова демократические круги разных стран возвращаются к истории победоносной Октябрьской революции и идеям ленинизма, чтобы лучше показать соотношение международных сил на современном этапе, чтобы облегчить поступательное движение народов по пути мира и прогресса.

В связи с растущим интересом в зарубежных странах к деятельности В. И. Ленина на немецкий язык переведена книга Пианцолла «Ленин в Швейцарии», вышедшая ранее на французском языке.

В итальянском журнале «Контемпоранео» опубликована статья Валентино Герратана «Грамши и Ленин», в которой говорится о большом влиянии, которое оказал Ленин на основателя Коммунистической партии Италии, подлинного пролетарского революционера, разделявшего основные принципы ленинской революционной теории. Герратана отмечает, что творческое применение марксистско-ленинского учения характерно для передовых борцов международного рабочего движения, для теории и практики революционной борьбы международного пролетариата, национальной по форме и интернациональной в своем существе.

В связи с сорокалетием Октября прогрессивные деятели науки и культуры Италии ставят вопрос о расширении связей с СССР, о широком совместном обсуждении проблем литературы и искусства (журнал «Реальта советика»).

Характеристике всемирно-исторического значения Великой Октябрьской социалистической революции посвящает статью аргентинский журнал «Нуэва эра». Особенно четко здесь выделена мысль о том, что Октябрь навсегда покончил с угнетением человека человеком и явился торжеством принципов интернационализма и международной солидарности трудящихся. Пример Октябрьской революции, пишет жур-

нал, вдохновляет передовых людей страны на борьбу за демократизацию, за укрепление экономических и культурных связей Аргентины с Советским Союзом и другими странами социалистического лагеря.

Великие принципы марксизма-ленинизма, Октябрьской революции продолжают сплачивать сторонников мира и дружбы на всем земном шаре.

По-иному реагируют на сорокалетие Октября злобствующие «критики» всех толков и мастей, и за страх и за совесть прислуживающие капиталистам. Но примечательно, что даже те из них, которые преднамеренно искажают общезвестные факты, не могут не признать всемирно-исторического значения победы трудящихся масс в России в 1917 году.

Английский буржуазный писатель Добрин, потративший немало усилий в бесплодной борьбе против социалистических идей, вынужден был в журнале «Совет стадис», издающемся университетом в Глазго, признать: «Мы еще очень далеки от того, чтобы в полной мере постичь всю силу воздействия ленинизма на мир».

Американский историк Гробард, взявшись исследовать влияние Октября на Англию — страну, где народные массы уже в 1919—1920 годы самоотверженно боролись за оказание помощи молодой Советской республике, пошел по пути искажения событий. Он пытается представить дело так, что весь английский рабочий класс сохранил враждебность к «влиянию Москвы», что все его смелые действия в поддержку завоеваний Октября не оставили следов в английском рабочем движении. Гробард сознательно смешивает воедино предательскую политику лидеров лейборизма с политикой настоящих друзей трудящихся России — миллионов рядовых британских рабочих, сумевших заставить правительство изменить в 1920 году свою политику по отношению к России.

Однако автор этих измышлений не может убедить даже самого себя. Он вынужден констатировать, что влияние Октября «переменило политический климат» в других странах и, в частности, в Англии.

Подобное признание свидетельствует о явной беспомощности не только Гробарда, но и всех тех, кто намеревается бросить тень на празднование годовщины, дорогой всем народам мира.

Кандидаты исторических наук
А. БАЙКОВА, И. МАЯК.

Великие завоевания

Подзаголовок на титульном листе нового сборника, выпущенного Центральным статистическим управлением при Совете Министров СССР, гласит: «Статистический ежегодник». Тем самым ЦСУ после многолетнего перерыва возобновило систематическое издание своих ежегодников. Это очень большое и нужное дело!

Убедительным языком цифр сборник рассказывает о великом подвиге советского народа, сумевшего в исторически кратчайший срок преобразить лицо Родины.

Внимательное изучение материалов этого небольшого по объему томика открывает широкое поле для выводов и обобщений.

Думается, что читательская аудитория, которую заинтересует сборник, отнюдь не ограничится узким кругом экономистов, историков, вообще научных работников. Сотни его таблиц, тысячи его цифр представляют ценнейшее оружие для агитатора, пропагандиста, публициста.

Значительная часть материалов воспроизведена из работ, вышедших в свет ранее и дополненных данными за 1956 год. Но в ежегоднике имеется также ряд новых данных, не публиковавшихся ранее.

Завоевания Великой Октябрьской социалистической революции и героических пятилеток так глубоко вошли в нашу жизнь, мы так с ними сроднились, что не представляем себе иного.

Каждый советский человек, например, знает, что по первому его требованию к нему явится врач и бесплатно окажет медицинскую помощь. Это стало возможным только потому, что заботами социалистического государства, Коммунистической партии количество врачей в стране возросло почти в тринадцать раз по сравнению с дореволюционным временем. По числу врачей на каждые десять тысяч жителей наша Родина занимает ныне первое место в мире, превзойдя почти вдвое такую страну, как Англия.

Мне вспоминается документ, на который я наткнулся, роясь в архивах ВСНХ. Это

Народное хозяйство СССР в 1956 году. Ответственный за выпуск С. Я. Генин. 296 стр. Государственное статистическое издательство. М. 1957.

Страны социализма и капитализма в цифрах (Статистические материалы для пропагандистов). Сборник подготовлен Я. А. Иоффе. 124 стр. Госполитиздат. М. 1957.

доклад, представленный в 1926 году молодым тогда инженером (ныне президентом Академии наук Казахской ССР) К. И. Сатпаевым.

В документе, посвященном проблемам хозяйственного и культурного строительства Казахстана, К. И. Сатпаев между прочим писал: «Все болезни до революции (в аулах Казахстана.— А. Ф.) лечились знахарями. Нервные болезни считались наваждением духов и лечились шаманами путем разных наговоров и писаний».

На огромной территории Казахстана в 1913 году работала лишь горсточка врачей (244 человека!), живших почти исключительно в больших городах. Теперь в Советском Казахстане работает свыше десяти тысяч врачей — в сорок с лишним раз больше, чем до революции! Разветвленная сеть больниц, поликлиник, амбулаторий охватила самые отдаленные районы республики.

Коренным образом изменился в СССР характер труда.

Перед моими глазами встают строительные площадки начала первой пятилетки. Сотни землекопов роют котлованы лопатами. Конные обозы возят в тележках вырытый грунт. Длинные вереницы людей на спине таскают кирпич на четвертый, пятый, шестой этажи. Чернорабочий, землекоп, конновозчик определяли в ту пору темпы строительства. Даже в середине первой пятилетки, в 1930 году, среди каждых пятидесяти строителей был лишь один, работающий у механизмов.

А уже перед войной на строительных площадках действовал богатейший парк машин. Количество механизмов на стройках продолжало неуклонно возрастать. В 1956 году, по сравнению с 1940 годом, экскаваторов стало в десять раз больше, бульдозеров и передвижных кранов — больше почти в тридцать раз. Теперь тяжелый труд целиком перенесен с человеческих плеч на машины. Производительность труда рабочих в строительстве возросла в пять раз по сравнению с 1928 годом.

Так на каждой странице ежегодника колонки цифр раскрывают глубочайшие процессы, преобразившие лицо страны.

В тесных рамках журнальной рецензии невозможно охватить все разнообразное содержание сборника. Остановлюсь на тех материалах, которые характеризуют рост

благополучия советского народа. Их много, и имеются они во всех разделах книги.

Через одиннадцать лет после окончания войны реальная заработная плата промышленных рабочих выросла почти вдвое по сравнению с 1940 годом.

Один из существенных показателей повышения жизненного уровня советских людей — данные результатов обследования бюджетов семей рабочих и колхозников. В последние годы в структуре питания семей рабочих и колхозников произошло серьезное улучшение: значительно увеличилось потребление мяса и сала, рыбы и рыбпродуктов, молока и молочных продуктов, яиц, сахара и кондитерских изделий. Не менее показателен и тот факт, что семьи рабочих и колхозников начали гораздо больше, по сравнению с 1940 годом, приобретать все виды тканей — особенно шерстяных (вчетверо), шелковых (в восемнадцать раз!) — и обуви.

Показательны данные о динамике жилищного фонда в городах. Кто из нас не видел городов, разрушенных фашистами: развалины Сталинграда, сметенные с лица земли кварталы Минска, скелеты зданий в Харькове. А теперь в Сталинграде, в Киеве, в Харькове, в Минске и в сотнях других городов жилищный фонд оставил далеко позади довоенный. В 1956 году довоенный жилищный фонд в городах страны был превзойден почти в четыре раза.

Улучшение питания, условий труда, бесплатная медицинская помощь — все эти факторы способствовали резкому увеличению средней продолжительности жизни в СССР. В 1954 и 1955 годах она составила шестьдесят четыре года — это как раз вдвое больше по сравнению с царской Россией.

Крупные достоинства сборника бесспорны. Необходимо все же отметить и некоторые его досадные недочеты. На страницах 172—173 приведена динамика объема капитального строительства в народном хозяйстве из года в год. В предисловии к этому разделу сообщается, что за период с 1929 по 1956 год объем капитальных вложений в народное хозяйство составил цифру в 1613 миллиардов рублей (в ценах на 1 июля 1955 года), в том числе в промышленность 980 миллиардов рублей. Недоумение вызывает тот факт, что составители не выделили вложения в тяжелую индустрию. Между тем соответствующие данные в советской научной литературе опублико-

ваны: из них видно, что за годы довоенных пятилеток в тяжелую индустрию было направлено 84 процента всех вложений в промышленность. Это наглядно показывает, как Коммунистическая партия последовательно осуществляла ленинский завет о преимущественном развитии тяжелой индустрии.

Нельзя не пожалеть и о том, что в сборнике не показана динамика вложений в промышленность по пятилеткам.

По ряду отраслей промышленности (металлургической, угольной, цементной и другим) приведены показатели не только по союзным республикам, но и по экономическим районам РСФСР. Такие данные очень важны, так как дают наглядную картину подъема хозяйства Урала, Сибири, Дальнего Востока. К сожалению, этот принцип соблюден не всегда. Большой интерес представляли бы, например, сведения о невиданном по темпам, бурном развертывании добычи нефти в районах «Второго Баку». В справочнике же можно найти лишь суммарные цифры по Российской Федерации.

В сборнике не приводятся сравнительные цифры с капиталистическими странами, цифры, которые показывали бы, как наша Родина разрешает основную экономическую задачу, догоняет и перегоняет передовые капиталистические страны по выработке продукции на душу населения. Надо ли говорить о том, какой интерес эти данные представляют для каждого советского человека.

На этот вопрос дает ответ небольшая, но содержащая много ярких данных книжка «Страны социализма и капитализма в цифрах». Ее ведущий раздел так и озаглавлен: «Основная экономическая задача».

В 1913 году в царской России было произведено промышленной продукции на душу населения в двадцать один раз меньше, чем в США. Огромная, казалось непреодолимая, пропасть отделяла нищую, отсталую Россию от самой могучей капиталистической страны мира.

За годы, прошедшие с тех пор, наша страна перешагнула через эту пропасть. Теперь она производит продукции на душу населения в два с половиной раза меньше, чем США. Разрыв сократился в восемь с половиной раз!

Этот вывод подтверждается рядом других, столь же убедительных цифр. За период с 1913 по 1956 год промышленность СССР выросла в тридцать раз, индустрия

США лишь в четыре, Англии и Франции — на 78—85 процентов. За двадцать довоенных и десять послевоенных лет не было ни одного года, когда в СССР промышленное производство сокращалось или стояло бы на месте. За те же годы в США было девять лет, когда производство сокращалось. Таковы темпы промышленного развития СССР и стран капитализма.

Производительность труда в СССР еще значительно ниже, чем в США, но она уже на 15—20 процентов выше, чем в Англии, и почти в полтора раза выше, чем во Франции. Не менее показательно и другое. Почти во все годы мирного строительства (в сборнике приведены данные за 18 предвоенных и 9 послевоенных лет) не было ни одного года, когда уровень производительности труда в СССР не повышался бы. За тот же период в США было восемь лет, когда уровень производительности труда падал.

• Большое впечатление производят мате-

риалы раздела, посвященного культуре. Цифры свидетельствуют о том, что в СССР студентов больше, чем в США, Англии, Западной Германии, Франции и Италии, вместе взятых. В 1955 году в нашей стране было выпущено книг (по количеству названий) почти в пять раз больше, чем в США.

Не менее показательны данные демографической статистики. По чистому приросту населения на одну тысячу жителей СССР превзошел США в несколько раз, опередил Англию, Францию, Западную Германию. Произошло это главным образом потому, что по числу умерших на тысячу жителей СССР занимает последнее место среди этих стран. А ведь в 1913 году царская Россия занимала первое место по размерам смертности.

Цифры, как и факты, — упрямая вещь. Цифры сборника бесспорно свидетельствуют: в мирном соревновании с капитализмом неуклонно побеждает социализм.

А. ФИЛИППОВ.

★

Записки рабочего

Книга токаря киевского завсда «Красный экскаватор» Виталия Семинского — это рассказ о том, как из незаметного паренька вырос первоклассный мастер своего дела, рационализатор, новатор, к мнению которого прислушиваются и ученые.

Читаешь записки Семинского и не можешь не вспомнить путь, пройденный нашей страной за сорок лет Советской власти. Семинский — это рабочий нового типа, рожденный нашим социалистическим строем. Разве не кричали на всех перекрестках оппортунисты всех мастей, что светские рабочие — люди темные, малограмотные и потому надо сначала воспитать кадры, необходимые для передовой промышленности, а затем уже приниматься за индустриализацию страны.

Жизнь опровергла эти «пророчества». Теперь наша страна по уровню производительности труда уже обогнала Францию и Англию. Это результат не только перевооружения промышленности, но и коренного изменения отношения рабочих к своему труду. В том, что решающим является именно этот фактор, еще раз убеждаешься, знакомясь с «Записками» В. Семинского.

В. Семинский. Записки рабочего. Редактор В. М. Паннова. 160 стр. Профиздат. М., 1957.

Его активное участие в решении сложных технологических задач началось совершенно обыденно. У Семинского, еще молодого рабочего, только-только «с радостью и гордостью» закончившего школу малограмотных, возникает здоровая рабочая «зависть» к производственным успехам соседа по цеху токаря Дарагана. Между друзьями-соперниками началось напряженное соревнование. Секрет успеха подсказал Семинскому мастер Рязанов: нужно поработать не только руками, но и головой.

И вот Семинский придумал простое, но высокопроизводительное приспособление, которое принесло ему первую победу над Дараганом. «Это не в счет, — сказал тогда отличный токарь Дараган, — пускай обгонит без приспособления». Но опытный мастер ответил: «Нет, именно в счет. Каждое приспособление в счет!»

Каждое приспособление в счет первой пятилетки!

«Время шло интересное, — рассказывает автор, — полное пафоса первой пятилетки. На всем оставляло оно свой след... Однажды сняли с ворот старую вывеску — «Красный пахарь» и прибили новую — «Красный экскаватор». Что такое «пахарь», мы знали все..., А вот что такое экскаватор, знали да-

леко не все. Да мало ли чего мы тогда еще не знали!»

«Записки» рисуют упорный характер советского рабочего. Смелость и остроумие решений, которые принимает Семинский, вызывают чувство глубокого уважения.

С подлинным волнением читаешь лаконично рассказанную историю перехода сковки на протяжку заготовок для резцов. Два месяца продолжались эксперименты. Они производились «полуполюгально», так как руководство завода отвергло предложение Семинского. Отработав смену у своего токарного станка, Семинский отправлялся на «вторую смену» в волочиный цех.

Изобретательность, настойчивость в достижении цели обеспечили успех, как и во многих других «фантастических» затеях Семинского.

Типична история «жилистого резца». Всей стране хорошо известны имена первых токарей-скоростников — ленинградца Генриха Борткевича и москвича Павла Быкова. Виталий Семинский в своей книге открывает еще одну страницу эпопеи борьбы за высокие скорости резания.

Семь конструкций создал Семинский, но все они оказались неудачными. Однако он не пал духом. Решение явилось неожиданно. Задумавшись над вычерченной схемой, Семинский машинально вертел в руках квадратную полоску карандашной резинки. И вдруг мелькнула мысль: точно так же извернуть квадратную стальную заготовку. Так родился «жилистый резец».

«За один проход при вдвое увеличенной скорости резец растачивал отверстие... огромная сила резания начинала как бы сворачивать инструмент, и он, сопротивляясь этой силе, напрягал все свои «мускулы», выравнивался и продолжал резать». «Мускулы» резца. Какой точный образ!

Этот резец закрепил установившуюся еще ранее творческую связь токаря В. Семинского и профессора С. Рудника, руководителя кафедры технологии машиностроения Киевского политехнического института.

Интересны мысли Семинского о роли рабочего на капиталистическом и социалистическом предприятии. Он вспоминает известное высказывание Тэйлора в его книге «Искусство резать металл». «...Инженерная Америка, — говорит Семинский, — никогда, вероятно, не запишет в свой актив изречение Тэйлора о том, что идеальным рабочим является человек «типа вола»... Что ж, Тэй-

лор, в конце концов, не вся Америка, — продолжает советский рационализатор. — Очевидно, и в Америке есть токари, которых не меньше, чем нас, возмутили его оскорбительные слова. Есть там среди рабочих много умных, талантливых людей. Они проявляют большой интерес к тому, что происходит в мире высоких скоростей». Однако американский рабочий вовсе не заинтересован в применении высоких скоростей и других подобных новшествах или усовершенствованиях; он каждый день видит у ворот заводов людей, ставших жертвами капиталистической рационализации.

Книга Семинского — не «описательная», а полемическая, наступательная. И тем более жаль, что, прочитав ее до конца, вы видите, как много в ней недогворено. Чувство досады вызывают места книги, чуждые ее духу. Это «лирические» отступления, которые никак нельзя принять за непосредственные живые впечатления самого автора. Может быть, это результат своеобразной «помощи» редакции? От некоторых глав отдает дурной литературщиной (особенно грешат главы — «Приглашают зарубежные товарищи» и «Месяц в Румынии»).

Известно, как бережно относился к тексту рабочих авторов М. Горький. К сожалению, подчас такого отношения к рукописям рабочих в наших издательствах еще нет. Нет и того, чтобы какой-нибудь из современных ведущих писателей взялся в порядке шефства за редактирование такой рукописи, как это не раз делал Горький.

Книга В. Семинского раскрывает думы и стремления передового советского рабочего, который самоотверженно трудится на благо всей страны. Наша Родина богата такими людьми, на них она опирается в решении сложнейших экономических задач. Эти люди — главная сила в экономическом соревновании двух мировых систем, ибо, по ленинскому слову, «Коммунизм есть высшая, против капиталистической, производительность труда добровольных, сознательных, объединенных, использующих передовую технику, рабочих».

Одним из важнейших итогов сорокалетия Советской власти является то, что в нашей стране воспитаны сотни тысяч и миллионы рабочих, которые уже на деле устранили существенные различия между умственным и физическим трудом.

Продумав конструкцию своего «жилистого резца», Семинский почти всю ночь не

спал, а рано утром поспешил в кузницу. Там он застал старого кузнеца Кошелюка. Тот встречает его такими словами:

«— Что, друг, не спится, опять надумал что-нибудь учудить?»

Показать, как передовой рабочий может так «учудить», что ученые затем вынуждены пересматривать освященные многолетними традициями технологические аксиомы, — в этом главная задача книг рабочих авторов.

Такие книги, как записки В. Семинского, вызовут живой интерес самых широких кругов читателей, стремящихся познакомиться с особенностями труда на социалистическом предприятии. Можно пожалеть, что вышедшие в разное время книги рабочих авторов не перензаются и становятся библиографической редкостью. А ведь на них могли бы воспитываться новые поколения рабочего класса нашей страны.

И. ПЕШКИН.

★

На благодатной почве социализма

Шел седьмой месяц Октябрьской социалистической революции. Ввергнутая мировой и гражданской войнами в бездну хозяйственной разрухи, молодая Советская республика стояла перед лицом тягчайших испытаний. Страна мучительно голодала. Со всех сторон тянулись к ней жадные щупальца интервентов. На щедрые подачки зарубежной буржуазии снаряжались против нового народного строя полчища белогвардейского сброда.

И уже тогда, в то отчаянно трудное время, В. И. Ленин ставил вопрос о социалистическом преобразовании деревни. Сколь же сильна и непоколебима была в нем вера в грядущее торжество высоких идей пролетарской революции! «Во всем мире, — говорил Владимир Ильич 4 июня 1918 года на объединенном заседании ВЦИК, Московского Совета и профессиональных союзов, — передовые отряды рабочих городских, рабочих промышленных объединились, объединились поголовно. Но почти нигде в мире не было еще систематических, беззаветных и самоотверженных попыток объединить тех, кто по деревням, в мелком земледельческом производстве, в глуши и темноте отуплен всеми условиями жизни. Тут стоит перед нами задача, которая сливается в одну цель не только борьбу с голодом, а борьбу и за весь глубокий и важный строй социализма. Здесь перед нами такой бой за социализм, за который стоит отдать все силы и поставить все на карту, потому что это — бой за социализм».

Большой и верный смысл есть в том, что именно эти проникновенные слова поставлены эпитафией к первому разделу выпущенного Сельхозгизом сборника очерков «Ге-

рой социалистических полей». Верная ленинским заветам, Коммунистическая партия Советского Союза — первая в мире политическая партия, которая, придя к власти, встала на путь систематической и поистине беззаветной, самоотверженной борьбы за социалистическое переустройство мелкокрестьянской деревни. Она решила эту труднейшую задачу революции и довела великую битву за социализм до победного конца.

С чувством понятного удовлетворения берешь в руки сборник очерков о героях колхозного и совхозного строительства, к слову сказать, первую в нашей литературе книгу, которая относительно полно освещает эту громадную, но, к сожалению, еще слабо «освоенную» тему. Упреком «Советскому писателю» является тот факт, что книга эта выпущена издательством, официальный профиль которого далек от литературного очерка. Инициатива Сельхозгиза, который в данном случае не пренебрег и несвойственным ему жанром и специфическими трудностями подобного издания, достойна похвалы.

Сборник состоит из вводной статьи Д. Заславского «Героизм социалистического труда» и сорока очерков о людях — знаменосцах этого труда в деревне.

Нелittle вспомнить сейчас несколько скептическое отношение, какое в свое время вызвала задуманная таким образом структура книги. Большое количество намеченных к помещению в сборнике однотипных, большей частью биографических очерков давало повод для многих, порой даже казавшихся довольно аргументированными, опасений. Побавивались авторы и составитель, многие очерки не смогут в какой-то мере не повторять, не напоминать друг друга, что, одолев три, пять, от силы десять очерков, читатель не станет интересоваться тридцатью остальными и из-

дание не достигнет своей цели. Грешным делом, придерживаясь такой точки зрения и автор этих строк. И что же? Оправдались эти предположения? Они оказались беспочвенными.

Нужно, правда, сказать, что в литературном отношении очерки, вошедшие в сборник, написаны пестро: одни — на высоком профессиональном уровне, другие — посредственно. Некоторые из них неряшливо, а порой просто плохо отредактированы.

И тем не менее книга читается с большим и неослабевающим интересом. Ее недочеты как-то скрадываются, заслоняются содержащимся в ней богатейшим фактическим, я сказал бы, человеческим материалом. В жизненных путях и судьбах людей, которым посвящены очерки, немало общего, схожего, почти одинакового. И в то же время в каждом из них ясно и отчетливо отражена неповторимая индивидуальность человека. Пусть отдельным очеркам многого и недостает, но, взятые вместе, они ярко и образно повествуют о славных зачинателях колхозной стройки, талантливых новаторах, смело ломающих старые, привычные традиции и приемы труда в деревне, прокладывающих новые пути к изобилию сельскохозяйственных продуктов в нашей стране, к коммунизму.

Четыре десятилетия отделяют нас от тех дней, когда из-под пера Ленина вышла знаменитая статья «Как организовать соревнование?». Владимир Ильич, между прочим, писал тогда: «Прихвостни и прихлебатели буржуазии рисовали социализм, как однообразную, казенную, монотонную, серую казарму. Лакеи денежного мешка, холюпы эксплуататоров — господа буржуазные интеллигенты — «пугали» социализмом народ...»

Можно подумать, что слова эти написаны сейчас, — так мало изменений претерпел за сорок лет арсенал «средств», используемых противниками нашего строя. Борзописцы капитализма и сегодня рисуют социализм как некую «казарму», где царит отупляющая муштра, где нет места свободному проявлению индивидуальности, таланта и способностей человека. Они и сегодня пугают народы «коммунистической опасностью». Но сейчас их уличает во лжи сама жизнь. Рецензируемая книга — один из многих документов нашей социалистической действи-

тельности, с огромной силой разоблачающий злобные наветы врагов.

В той же статье Владимир Ильич писал, что «организационных талантов в крестьянстве... много, и эти таланты только-только начинают сознавать себя, просыпаться, тянуться к живой творческой, великой работе, братья самостоятельно за строительство социалистического общества».

Сорок героев, которым посвящены очерки сборника, — всего лишь крохотная толика бесчисленной уймы талантов, поднявшихся из «низов» и пышным цветом распустившихся на благодатной почве социализма. Различны их жизненные дороги, но едино народное признание, какого они все удостоены. В кратком предисловии к сборнику верно говорится: «В книге показана лишь малая часть огромной массы известных и еще не известных героев труда, но и из этих рассказов читатель увидит, какими стали люди в деревне за 40 лет Советской власти, как изменилась за это время их жизнь».

К сорокалетию Великого Октября Коммунистическая партия пожинает великий и славный урожай титанической организаторской и воспитательной работы в деревне. Трудовой героизм стал у нас уже широко распространенным, повседневым явлением деревенской жизни, об этом говорит и многоплановость сборника. Среди персонажей очерков — представители разных народов нашей многонациональной Родины, мужчины и женщины, коммунисты и беспартийные, колхозники, рабочие МТС и совхозов, ученые, специалисты.

Очерки расположены в шести разделах книги. Каждый из них отведен определенному периоду, представляющему собой известную веху на величественном пути, пройденном страной за сорок лет. Вот эти разделы: «Они были первыми», «Переворот, равнозначный Октябрю», «Торжество социализма», «Все для победы», «Первые послевоенные годы», «На крутом подъеме».

Эту книгу продолжит жизнь. Что ни день, то в колхозной деревне свершаются все новые и новые, большие и замечательные дела. И даже трудно представить себе, какие чудеса роста еще явят миру колхозы и совхозы. На примере тех, о ком эта книга, мы видим, как уверенно шагают в будущее советские крестьяне-колхозники.

Дм. РУДЬ.

ОТГОЛОСКИ МИНУВШЕГО

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА УЛЬЯНЫ ГРОМОВОЙ

В редакцию нашего журнала поступило письмо от заведующего кафедрой истории Ворошиловградского педагогического института Я. И. Корчмаря. К письму приложены документы. Ниже мы публикуем это письмо и сопроводительные материалы.

«Уважаемая редакция!

Работая с 1946 г. заведующим кафедрой истории Ворошиловградского пединститута, я организовал студенческий исторический кружок. Естественно, наше внимание было привлечено к героике Великой Отечественной войны и, в частности, к землякам-молдогвардейцам.

В фондах Ворошиловградского областного партийного архива я обнаружил документы, с которыми, думаю, небезынтересно познакомиться читателю. Эти материалы собирала вскоре после освобождения области от фашистских оккупантов специальная комиссия ЦК ВЛКСМ. Подлинники материалов были посланы в Москву, а копии оставлены в облпартархиве. По моей просьбе облпартархив выдал мне копии с копий.

Я посылаю Вам записную книжку Ульяны Громовой. Мне кажется, что книжка эта имеет большой интерес для показа роли художественной литературы в воспитании моральных качеств советского патриота.

По данным областного партийного архива, записная книжка Ульяны Громовой, как и другие документы, была известна Александру Фадееву.

Посылаемые Вам материалы нигде в печати не публиковались».

«ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ
УЛЬЯНЫ ГРОМОВОЙ»

Июль 1939 года¹.

Прочла книжки:

1. «Каинова печать» — Лампкии²...
2. «Три мушкетера» — А. Дюма.
3. «Горе от ума» — Грибоедов.

4. «Домби и сын» — Диккенс.

5. «Цемент» — Гладков.

6. «Прокаженный король» — П. Бенуа³.

7. «Дом» — М. Виван⁴.

8. «У фонаря» — Никифоров⁵.

9. «Десятиклассники» — Копиленко⁶.

10. «Очерки бурсы» — Помяловский.

«В жизни человека бывает период времени, от которого зависит моральная судьба его, когда совершается перелом его нравственного развития.

Говорят, что этот период наступает только в юности. Это неправда: для многих он наступает в самом розовом детстве».

(Н. Г. Помяловский).

11. «Война и мир», I том — Л. Н. Толстой.

12. «Казачи» — Л. Н. Толстой.

13. «Оля» — Юхвид⁷.

14. «Залізний потік» — Серафимович.

«Взгляды, новые идеи, знание жизни, любовь у одаренной личности сильнее и глубже, чем у обыкновенного человека».

(В. Поляк⁸).

15. «На дне».

16. «Двадцать братьев»⁹.

«Взгляды, новые идеи, знание жизни — вот что дают книги.

Правдивая любовь к науке узнается по страстности к подробностям»¹⁰.

«Лучшие произведения прошедших эпох ценны для нас, как правдивые картины прошлой жизни, они углубляют наши знания о далеком прошлом (в этом их познавательное значение).

Во многих из них звучат искренние горячие призывы к борьбе против эксплуатации человека человеком, против угнетения, против неправды и пр. (в этом воспитательное значение)»¹⁰.

«Любите книгу; она поможет разобраться в пестрой путанице мыслей, она научит вас уважать человека».

(М. Горький)¹¹.

«Для лакея не может быть великого человека, потому что у лакея свое понятие о величии».

(Толстой Л. Н., «Война и мир», том IV).

«Уважение выдумали для того, чтобы скрывать пустое место, где должна быть любовь».

(Толстой, том X, «Анна Каренина»).

«Не торопись при чтении книг.

Внимательно читай текст, выписывая непонятные для тебя слова и выражения, справляйся об их значении в словаре или у преподавателя. Учись выделять в содержании текста самое главное. Выписывай то, что особенно понравилось, в особые тетради»¹⁰.

«Экстаз — есть то возбужденное состояние, когда человек под влиянием духовного нравственного движения ничего не сознает, что происходит вокруг него»¹⁰.

«Насмешки боится даже тот, который уже ничего не боится на свете».

«Засмеяться добрым, светлым смехом может только одна глубоко добрая душа».

(Гоголь Н., стр. 587).

«Гораздо легче видеть, как умирают герои, чем слушать вопли о пощаде какого-нибудь жалкого труса».

(Джек Лондон)*.

«Любознательность придает жизни ценность»¹⁰.

«Надо пролетарскую трудовую дисциплину довести до самой высокой степени напряжения и тогда мы будем непобедимы».

(Ленин).

«Одно из самых больших зол и бедствий, которые остались нам от старого капиталистического общества, это полный разрыв книги с практикой жизни».

Поэтому простое книжное усвоение того, что говорится в книгах..., было бы в высшей степени неправильным...»

(Ленин, т. 25, стр. 385)¹¹.

* Эта запись сделана уже в период оккупации 9.XI.1942 г. (Примечание, существующее в копии). — Ред.

«Храбрый среди скромных наших командиров и скромнейший среди храбрых — таким помню я товарища Котовского. Вечная ему память и слава».

(Сталин).

«Когда труд — удовольствие, жизнь хороша! Когда труд — обязанность, жизнь — рабство».

(М. Горький).

«Ложь — религия рабов и хозяев... Правда — бог свободного человека!»

(М. Горький).

«Чело-век! Это — великолепно! Это звучит... гордо! Че-ло-век! Надо уважать человека! Не жалеть... не унижать его жалостью...»

(М. Горький).

«Удачное приспособление к среде — вот что такое успех.

Жизнь живая — это жизнь удачи; удача — это биение ее сердца. Преодоление большой трудности — это всегда удачное приспособление к среде, требующей большой точности. Чем больше препятствия, тем больше удовольствия от их преодоления».

(Джек Лондон, том VII).

«Зачем жить тому человеку, который втайне разуверился во всем? Который разочаровался в жизни?»

(А. Блок)¹¹.

«Жить стоит только так, чтобы предъявлять безмерные требования»¹².

«Родных потерять плохо, жену потерять плохо. А друга потерять — хуже всего. Второго друга, настоящего, хорошего друга, не скоро найдешь».

Так выпьем же за дружбу, потому что нет ничего ценней!»¹⁰

«Ваша задача благодарней и грандиозней. Вы должны пробудить в человечестве любознание... заставить людей искать... толкнуть их спящий ум в поиски истины... — Беспокойство, внедрить в человека беспокойство, это чувство, которому мы обязаны всем, что нам известно: огнем, книгопечатанием, телеграфом. Человек ищет, потому что сомневается. Сомнение не дает покоя».

(К. Федин. «Братья», гл. 4).

«Все или ничего, ждать неожиданного, верить в то, что должно быть на свете». (А. Елок)¹⁸.

«Как бы человек ни страдал, какие бы ни терпел испытания, но если он услышит одно приветливое, сердечное слово, слово искреннего участия от далекого неизменного друга, он забывает гнетущее его горе, хоть не надолго, хоть на час, на минуту. Он совершенно счастлив, а минута полного счастья, говорят, заменяет бесконечные годы самых тяжелых испытаний».

(Шевченко. «Художник»).

«У нас еще многие забывают, что учащийся 9—10 класса—это далеко не ребенок. Это учащийся, который вскоре должен вступить в самостоятельную жизнь. И к этому его надо серьезно готовить. Нужно учить его самостоятельно работать, критически мыслить, уметь делать выводы, нужно учить его умению свободно держать себя в новой обстановке, в новых условиях».

(С. Китайгородская).

«Самое дорогое у человека — это жизнь. Она дается ему один раз, и прожить ее нужно так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жег позор за подленькое и мелочное прошлое, и чтобы, умирая, мы могли сказать:

вся жизнь, все силы были отданы самому прекрасному в мире — борьбе за освобождение человечества».

(Н. Островский. «Как закалялась сталь»).

«В человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли».

(Чехов).

«Умри, но не давай поцелуя без любви».

(Чернышевский).

«Что может противостоять твердой воле человека? Воля заключает в себе всю душу, хотеть — значит ненавидеть, любить, сожалеть, радоваться, жить: одним словом, воля есть нравственная сила каждого существа, свободное стремление к созданию или разрушению чего-нибудь, творческая власть, которая из ничего делает чудеса!»

(М. Лермонтов).

«Быть коммунистом — значит дерзать, думать, хотеть, сметь».

(В. Маяковский).

«Когда усталость так велика, что ноет тело, — то радовать уж ничего не в состоянии».

(М. Шолохов)¹⁹.

«И если уж надобно говорить о «священном» — так священно недовольство человека самим собой и его стремление быть лучше, чем он есть; священна его ненависть ко всякому житейскому хламу, созданному им же самим; священно его желание уничтожить на земле зависть, жадность, преступления, болезни, войны и всякую вражду среди людей; священен его труд».

(М. Горький).

«Я должен быть жесток, чтоб добрым быть».

(Шекспир. «Гамлет»).

«Что человек, когда еду и сон считает он ценнейшим в жизни благом. Животное, не более».

«Велик не тот, кого волнует каждый повод, но кто из-за соломинки дерется, когда стоит, как ставка, честь».

(«Гамлет»).

«Конечный вывод мудрости земной: лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день идет за них на бой. Поделом тому, кто сдался! Сильным побуждать дано!»

(Джек Лондон)²⁰.

21 октября 1942 года.

«Смелость города берет! Дерзайте и не страшитесь препятствий».

Смелый человек чудеса творить может, и никакие пропасты ему не страшны».

(В. Розв. «К незримому солнцу»)²¹.

«Плох тот народ, который не хочет быть первым».

«Только ненависть, не боящаяся идти до конца, способна так отрицать ложь, как надо это для утверждения истины. И чем беспощаднее будет ненависть, тем ослепительнее будет любовь».

(В. Фофов).

23.X.1942 года.

На этом обрываются записи Ульяны Громовой.

(Горошинловградский Облпартархив обкома КП(б) У, фонд 170, дело 18, листы 27—34)²².

ПРИМЕЧАНИЯ РЕДАКЦИИ

¹ Дата, стоящая здесь, означает, вероятно, время, с которого Уля Громова, перешедшая в это лето в девятый класс, начала делать записи. Встречающиеся в дальнейшем даты свидетельствуют о том, что она вела эту книжку в течение трех лет, вплоть до октября 1942 года.

² Грейс Ламкин — американский писатель. «Кайнова печать» — роман о борьбе за свободу и равноправие негров в США.

³ Пьер Бенуа — французский писатель. «Прокляженный король» — авантюрно-приключенческий роман из жизни Востока. Героиня романа — человек сложной судьбы, полной неопределенности, опасности и риска.

⁴ Мадлен Биван — французская писательница. «Дом» — роман о жизни французской молодежи в период первой мировой войны и в последующие годы. В романе рассказывается о детстве и юности французской девушки из рядовой мелкобуржуазной семьи.

⁵ Георгий Никифоров — советский писатель. «У фонаря» — роман, написанный в конце двадцатых годов. Тема его — борьба с бюрократизмом, карьеризмом и мещанским приспособленчеством.

⁶ Александр Копыленко — современный украинский писатель. «Десятиклассники» — роман о жизни, учебе и дружбе выпускников школы.

⁷ Леонид Юхвид — современный украинский писатель. «Оля» — повесть о революции и гражданской войне. Героиня повести — крестьянская девушка, самоотверженно борющаяся за свободу своего народа.

⁸ Установить данные о названном авторе нам не удалось.

⁹ Установить данные об этом произведении нам не удалось.

¹⁰ Установить, откуда взята данная цитата, нам не удалось.

¹¹ Цитата приведена в записной книжке с некоторым сокращением.

¹² Цитата, так же как и предыдущая, взята из статьи А. Блока «Интеллигенция и революция».

¹³ Эти слова являются непосредственным продолжением предыдущей цитаты из Блока; возможно, что разрыв произошел при снятии копии. Цитата приведена в записной книжке с сокращением. В целом фраза в статье звучит так: «Жить стоит только так, чтобы предъявлять безмерные требования к жизни: все или ничего; ждать нежданного; верить не в «то, чего нет на свете», а в то, что должно быть на свете; пусть сейчас это нет и долго не будет».

¹⁴ Цитата приведена в записной книжке несколько неточно. У Шолохова она звучит так: «Он (Вунчук. — *Ред.*) готовился к смерти, как к невеселому отдыху после горького и страдного пути, когда усталость так велика: так ноет тело, — что волновать уже ничто не в состоянии» («Тихий Дон», т. 2).

¹⁵ Здесь, вероятно, соединились две цитаты. Первый часок дословно совпадает с известным афоризмом Гёте из второй части «Фауста». Принадлежность второй Джеку Лондону нам установить не удалось.

¹⁶ Розов Борис — современный советский писатель. «И незримо солнцу» — повесть о следе художника, написанная по материалам биографии художника Вас. Ив. Печерава. Цитата приведена в записной книжке с некоторым сокращением.

★

ВЫСТУПЛЕНИЕ Великий Октябрь, В. Я. БРЮСОВА разбудив к жизни миллионные массы трудящихся, в то же время обозначил коренной перелом и в судьбах лучших представителей старой российской интеллигенции. К числу людей, которые, пройдя через

В ПЯТУЮ ГОДОВЩИНУ ОКТАБРЯ

приски и метания, твердо встали на путь беззаветного служения своему народу, всей душой приняли идеи партии Ленина, отдавая все свои способности строительству новой, социалистической культуры, принадлежит и В. Я. Брюсов.

Время после Октябрьской революции стало новым этапом не только в общественной биографии поэта (в 1920¹ году В. Я. Брюсов вступил в ряды Коммунистической партии), но и в его творческих исканиях. Брюсов и сам подчеркивал это в своем неизданном предисловии к предполагаемому собранию сочинений. «Несомненно, — отмечал он, — что все написанное мною после 1917 года² отличается от остального как общим устремлением, так и самими приемами письма...»

Те же перемены запечатлелись и в его литературно-публицистических высказываниях. Ниже мы печатаем (с незначительными сокращениями) выступление В. Я. Брюсова перед студентами Литературно-художественного института (первым директором которого он был) в связи с пятой годовщиной Октябрьской революции. Документ этот представляет, на наш взгляд, большой интерес, показывая, как уже в 1922 году деятели нашего искусства глубоко понимали совершенно новый характер рождающейся и крепнущей советской литературы, с ее ответственностью перед народом. Брюсов особо подчеркивает и но-

¹ Обычно принято указывать, что Брюсов являлся членом партии с 1919 года. Это неточно. В сохранившемся партийном билете писателя, в графе «Время вступления в партию» написано: «май, 1920 г.»

² Подчеркнуто Брюсовым. — А. Г.

вый характер взаимоотношений между писателями и Советским государством. Это выступление В. Я. Брюсова до сих пор нигде не публиковалось и хранилось в его личном архиве, который так велик, что до сих пор еще до конца не разобран, несмотря на неустанные труды вдовы поэта И. М. Брюсовой. Думается, что этот большой и интересный архив (где хранятся документы, письма, рукописи писателей многих стран мира) должен привлечь внимание Института мировой литературы имени А. М. Горького.

Публикацию подготовил Арам Григорян.

«Товарищи! Мне очень хотелось бы говорить сегодня много, и я очень жалею, что состояние моего здоровья заставляет меня ограничиться всего несколькими словами. Говорить подробно мне хотелось потому, что я считаю сегодняшний день как бы двойным праздником для нашего Института. Наступают дни, когда вся новая Россия, весь РСФСР поминает свой Красный Октябрь, ту Революцию, величайшую из всех известных в истории, которая вывела нас на пути новой жизни. Эта Революция не только пересоздала Россию, но и сделала из нее великий пример всем народам, показала реальную возможность создать трудовое государство в современных условиях и указала единственный правильный метод к тому: диктатуру рабочего класса. Этот переворот глубочайшим образом отразился на судьбе высших учебных заведений, изменив дух преподавания в них и его методы, а главное — широко раскрыв двери высшей школы для тех классов общества, которые раньше были от нее отстранены.

Вы знаете, что ныне господствующим элементом в контингенте слушателей вузов являются пролетарские массы, та молодежь, которой предстоит довершить и вести дальше начатое строение Российской Советской Республики. Одно это, не говоря о том, что все мы граждане этой Республики, заставляет нас особенно живо чувствовать значение празднуемой годовщины.

Но у Высшего литературно-художественного института есть еще своя, так сказать специальная, причина — ощущать это празднование и как свой юбилей. Дело в том, что институт — всецело создание на-

шего нового строя, т. е. — создание Революции. В прошлом, в эпоху царизма, среди вузов не было места для высшего учебного заведения типа литературно-художественного института. Тогда искусство, в частности художественно-литературное творчество, поэзия, почиталось — не скажу забавой, это было бы слишком и все-таки несправедливо, — но то, что называется «свободной профессией», до которой государству почти нет дела. Учить будущих писателей, воспитывать их в определенном направлении — об этом государство буржуазного строя не могло думать.

Иное — в государстве социалистическом, где всякая деятельность должна быть трудом на пользу государства, должна быть учтена и направляема к определенной цели, согласованной с другими. Здесь деятельность писателей, в том числе и поэтов, становится обязательно профессиональным трудом, и государству не безразлично, в каком направлении и в каком духе она будет протекать. Отсюда — необходимость высших профессиональных школ для всех родов искусства. Притом, при старом строе усвоение писателями технических навыков, технической стороны (столь же присущей поэзии, как музыке, живописи и т. п.) происходило путем усвоения их в так называемых интеллигентских кругах, где преемственно передавались культурные традиции. Но это тоже было неприемлемо для нашей новой жизни...

Эти и подобные этому причины и повели к тому, что в период после Революции стали возникать не существовавшие раньше поэтические студии и художественно-литературные курсы, которые и привели, наконец, к организации нашего института...

Ныне ВЛХИ¹ является единственным в России, да и во всем мире, высшим учебным заведением, посвященным специально изучению художественной литературы, готовя нам тех деятелей, которые намерены выступить в этой области в качестве художников-творцов (т. е. поэтов, драматургов, романистов), так и тех, которые посвятят себя теоретическому изучению той же области, станут критиками, инструкторами и преподавателями художествен-

¹ Высший литературно-художественный институт. — А. Г.

ной литературы. Курсы института обнимают поэтому, по возможности, все вопросы, связанные с художественной литературой: ее историю, ее теорию, вопросы ее техники. Рядом с этим стоят неразрывно с ними соединенные общие дисциплины гуманитарных наук, как логика, психология, языкознание. Наконец, Институт настойчиво стремится дать своим слушателям и общее образование, для чего служат как некоторые так называемые декретированные предметы (5 по общеполитическим вопросам, 3 по естествознанию), так и некоторые другие, специально вводимые в нем. Само собой разумеется, что Правление института особенно озабочено тем, чтобы все преподавание в институте отвечало потребностям нашей Республики, в частности, чтобы в основу преподавания основных предметов было положено материалистическое миропонимание. Что касается состава слушателей, то, выполняя меры, предложенные Наркомпросом, Институт в значительной мере достиг того, что в нем собрался именно тот состав, который он всегда желал иметь в своих стенах: привлекались рабочие классы, крестьянство и дети нашей трудовой интеллигенции — той ее части, которая будет идти вслед за Советским правительством.

Вот, товарищи, те специальные причины, которые — повторяю — позволяют нам смотреть на начинающееся празднование и как на наш собственный юбилей. Но, разумеется, этот маленький юбилей все же скромного учреждения, нашего института, одно звено в общей цепи вузов, — исчезает в великом обще-Российском празднестве чествования 5-ой годовщины Великой Революции.

Мы должны вспоминать, сегодня и завтра, и великих основоположников тех идейных предпосылок, на которых основан новый строй, и тех первых борцов, которые заложили его фундамент, начиная от вождей с Владимиром Ильичем Лениным во главе, и других борцов, из которых многие грудью защищали свою Революцию на баррикадах в первые дни Октября 1917 года. Мы должны будем вести и довести строительство нового государства, прежде всего строительство народного образования... Мы должны будем пересмотреть многое в педагогике, за 5 лет назад, и воздать нашу благодарность всем тем, кто дал нам возможность сегодня собраться в этом зале и праздновать 5-летний юбилей Революции в стенах Высшего литературно-художественного института».

КОРОТКО О КНИГАХ

★

ПЕСНИ НАШЕЙ РОДИНЫ. Составители М. Лисянский и Я. Шведов. «Московский рабочий». 1957. 544 стр. Цена 12 р.

Песня А. Поморского «Рабочий дворец» — одна из первых советских песен, исполнявшихся в Петрограде спустя неделю после взятия Зимнего дворца. Этой песней открывается настоящий сборник.

Советская массовая песня — неоценимый вклад, сделанный советскими поэтами и композиторами в культуру нашего народа. За сорок лет существования первого в мире социалистического государства создано огромное количество замечательных песен, популярность которых вышла далеко за пределы нашей Родины.

Читатель найдет в сборнике «Песни коммуны» В. Князева, известную в большевистском подполье, песни, родившиеся в годы революции и гражданской войны, и многие, многие другие, с которыми советские люди сражались на фронтах Великой Отечественной войны, трудились на разнообразных участках социалистического строительства.

В книге собраны произведения ста сорока шести авторов. Наиболее полно представлено творчество А. Жарова, М. Исаковского, В. Гусева, В. Лебедева-Кумача, Е. Долматовского, А. Софронова, Л. Ошанина, А. Фатьянова, чьи песни прочно вошли в историю развития советского песенного жанра.

Р. БАРХУДАРЯН. Мухтар из Карадаша. «Молодая гвардия». М. 1957. 214 стр. Цена 4 р. 70 к.

«Мухтар из Карадаша» — это повесть об азербайджанском юноше Мухтаре, который нашел себя и свое счастье в революции. Однако в повести Р. Бархударяна за историей Мухтара встает также и история его односельчан, история его народа, который за годы революции прошел стремительно быстрый путь от рабства к свободе.

В книге интересно описаны жизнь и быт азербайджанской деревни, в ней много живых, острых эпизодов из эпохи гражданской войны.

ЮРИЙ ЧЕРНЫЙ-ДИДЕНКО. Правда на земле одна. Роман. Радянский письменник. Киев. 1957. 348 стр. Цена 7 р. 25 к.

Донбасс, шахтеры, революция — такова тема нового романа украинского писателя Черного-Диденко «Правда на земле одна».

Эту правду ищет и находит юный герой романа Никишка Зотов, который из застенчивого деревенского мальчишки превра-

щается в упорного и мужественного борца за найденную правду.

Первая мировая война, Февральская революция, Октябрь, гражданская война — все движение сложной революционной эпохи показано через жизнь и борьбу донецкой шахтерской массы.

Действие эпилога разворачивается в 1919 году. Но замысел писателя не исчерпан. Новый роман — это только первая часть задуманной трилогии о революционных судьбах шахтерского Донбасса.

НА ЗАРЕ ОКТЯБРЯ. Очерки и воспоминания. Ивановское книжное издательство. 1957. 382 стр. Цена 5 р. 85 к.

В городе ткачей — Иваново-Вознесенске — в героическом 1917 году встретились два в будущем прославленных человека, встретились и стали друзьями. Это были М. В. Фрунзе и Дм. Фурманов. Не раз потом скрещивались их жизненные пути — на гражданской войне, на государственной работе, в родном Иваново-Вознесенске. О легендарном полководце, о своей дружбе с ним и вспоминает Дм. Фурманов в статье, открывающей этот сборник, написанной в 1925 году, вскоре после смерти Фрунзе.

В книге приведен и материал о самом Фурманове (очерк Г. Горбунова), в котором автор рассказывает о юношеских годах Фурманова — Митя, как называли его земляки, о его мужании, о борьбе за власть Советов и его литературном творчестве.

Есть в книге и другие очерки и воспоминания, посвященные революционным деятелям Иваново-Вознесенского края — П. С. Батурина, первому председателю Иваново-Вознесенского губсознархоза, героически погибшему в 1919 году, коммунистам-подпольщикам В. П. Кузнецову и С. И. Балашову, «красному военному» Жугину, ткачихе Гладышевой, красногвардейке Марусе Рябининой и другим участникам Великой Октябрьской революции и гражданской войны.

Д. А. ЩЕРБАКОВ. Калужанин-движенец Е. Н. Сапунов. Издательство газеты «Знамя». Калуга. 1957. 36 стр. Цена 50 к.

«У стен Московского Кремля на Красной площади в братской могиле похоронены рабочие и солдаты, отдавшие свою жизнь за победу Великой Октябрьской социалистической революции в дни октябрьских боев в Москве. Их могила обрамлена гранитными

плитами, на одной из которых выгравировано имя: Сапунов Е. Н.»

Этому красному командиру, трудной жизни его и беззаветной борьбе за подготовку Октябрьской революции посвящает свой очерк Д. Шербаков.

Солдаты-двинцы (ими командовал в Москве Сапунов) получили свое название от Двинской крепости, в казематы которой летом 1917 года были заперты контрреволюционным командованием тысячи солдат Двинского участка Северного фронта за то, что они вели борьбу против войны, против политики Временного правительства.

Автор показывает нам жизнь крестьянского юноши Евгения Сапунова со времени его вступления в революционную борьбу в годы первой русской революции до боя на Красной площади 27 октября 1917 года, во время которого смертью храбрых погиб главный командир отряда солдат-двинцев.

«ЭТИХ ДНЕЙ НЕ СМОЖНЕТ СЛАВА...» Воспоминания участников партизанского движения в Красноярском крае. Красноярское книжное издательство. 1957. 108 стр. Цена 1 р. 10 к.

В сборник включены воспоминания активных участников гражданской войны в Красноярском крае А. Кравченко, П. Щетинкина, Вассы Щетинкиной, Т. Перовой, С. Карасева, Н. Емельянова и Матэ Залка.

В воспоминаниях подробно рассказывается о деятельности Степно-Баджейской советской республики, о героическом походе красных партизан под руководством А. Кравченко и П. Щетинкина в Танна-Ту-ву и освобождении ее от белогвардейцев, об отважной борьбе сибирских партизан с колчаковцами.

Особый интерес представляет очерк Матэ Залки «В партизанах». В нем рассказывается о пути, который привел группу военнопленных австро-венгров в ряды красных партизан. «Мы шли (из лагеря военнопленных.—*Ред.*), конечно, не лес рубить для подрядчика «уфимского земства», эвакуированного из Уфы. Мы шли в тайгу, и когда на пристани нам выдали топоры — мы посмотрели на них, как на будущее оружие в схватке с врагом».

БАЛТИЙСКИЕ МОРЯКИ В ПОДГОТОВКЕ И ПРОВЕДЕНИИ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ. Издательство Академии наук СССР. М.—Л. 1957. 440 стр. Цена 24 р. 10 к.

В разгар штурма самодержавия, 26 февраля 1917 года, Петроградский комитет РСДРП направил солдатам и матросам Балтики обращение с призывом присоединиться к борьбе восставшего народа. Слова призыва упали на горячую почву. Документ за документом сборника воскрешает бурные революционные события в Кронштадте, Ревеле и в тогдашней главной базе Балтийского флота — Гельсингфорсе. После приезда В. И. Ленина к балтийцам, рассказывается в одном из воспоминаний, «солдатская и матросская масса сразу вос-

прянула духом, почувствовав в Ильиче мощную опору. Ленина не слушали, а впитывали в себя его слова».

Десятки резолюций Центробалта, общих собраний представителей матросских Советов и корабельных команд, газетные сообщения рассказывают о том, как крепла боевая помощь революционному Петрограду со стороны балтийских моряков. Накануне Октябрьского переворота ЦК Балтфлота в обращении к рабочим писал: «Балтийский флот зорко следит за центром и колеблется революцией — Петроградом. По первому зову Петроградского Совета Р. и С. Д. наша мощь и наше оружие вместе с вами, преданные революции... Балтийский флот не дрогнет ни перед какими силами реакции врагов революции».

В сборнике содержатся ценнейшие, ранее не публиковавшиеся материалы о роли Балтийского флота в Октябрьской революции.

Б. М. МОРОЗОВ. Создание и укрепление Советского государственного аппарата (Ноябрь 1917 г.— март 1919 г.). Госполитиздат. М. 1957. 216 стр. Цена 2 р. 65 к.

В первые дни после Октябрьского переворота администрация и служащие банков саботировали распоряжения молодой Советской власти. Государственный банк отказал Совету Народных Комиссаров в выдаче денег; в то же время сорок миллионов рублей перекочевало из его кладовых в руки подпольно существовавшего «Временного правительства». И только через три с лишним недели после Октябрьской революции управление финансами фактически перешло в руки представителей народа: заместитель Народного комиссара по Министерству финансов В. Р. Менжинский вручил Совнаркомом первые пять миллионов рублей. Ряд малоизвестных фактов, интересных документов использовал автор в своей книге.

В. И. Ленин требовал, чтобы «обучение делу государственного управления велось сознательными рабочими и солдатами и чтобы начато оно было немедленно, т. е. к обучению этому немедленно начали привлекать всех трудящихся, всю бедноту». О выполнении этого ленинского указания, о советском строительстве, об огромной роли партии в деле создания и укрепления Советского государства рассказывает книга Б. Морозова.

А. М. БОГДАНОВ. Борьба тульских большевиков за ленинскую аграрную реформу (1917—1918). Тульское книжное издательство. 1957. 128 стр. Цена 3 р.

Тульская губерния могла служить своеобразным эталоном как типичная дореволюционная губерния Центральной России: в большинстве уездов свыше половины всех земель принадлежало помещикам. Вот почему обстоятельное исследование А. М. Богданова по существу выходит за рамки избранной им темы и дает общее представление об истории аграрных преобразований в ходе революции.

Опираясь на неопубликованные архивные

материалы, автор рисует широкую картину крестьянского движения, развернувшегося в Тульской губернии после Февральской революции. Возглавленное местной партийной организацией, движение против помещиков принимало все больший размах. С марта по июнь 1917 года было свыше тысячи отдельных выступлений крестьян. На базе некоторых имений начали создаваться первые коммуны.

В заключительной части книги рассказывается о победе колхозного строя и об успехах тульского крестьянства после XX съезда партии.

Перед первой мировой войной в сельских местностях России проживало восемьдесят шесть процентов всего населения страны. Понятна поэтому ценность работ местных исследователей, воссоздающих отдельные штрихи революционной борьбы крестьян.

Н. Ф. ГОНЧАРОВ. Фрунзе в нашем крае. Владимирское книжное издательство. 1957. 132 стр. Цена 2 р.

«Большой ум сочетается в нем с детской наивностью взора, движений... Все слова — просты и ясны; речи — коротки, нужны и содержательны; мысли понятны, глубоки и продуманны; решения смелы и сильны; доказательства убедительны и тверды. С ним легко», — так отзывался о Фрунзе, своем друге и учителе, писатель Фурманов, работавший вместе с ним в 1918 году в Иваново-Вознесенске.

Представитель славной стальной гвардии бо. шевиков, Фрунзе прошел суровую школу подполья, долголетней каторги, стал профессиональным революционером. Его замечательный талант организатора, политического и государственного деятеля проявился во время Октябрьских событий в Иваново-Вознесенском районе Владимирской губернии. Имя Михаила Васильевича Фрунзе дорого нам и как имя активного помощника партии в создании и укреплении Вооруженных Сил нашего государства, начиная с того периода, когда большевики, по выражению В. И. Ленина, «камешек по камешку закладывали в первой половине и в начале второй половины 1918 года фундамент настоящей социалистической Красной армии».

Узнать больше о выдающемся революционере помогает книга Н. Гончарова, в которой автор, опираясь на документальные материалы и воспоминания старых большевиков, рассказывает о роли Фрунзе в борьбе за победу и упрочение Советской власти во Владимирской губернии.

В. С. ПЛАТОВ. Александр Петрович Вагжанов. Калининское книжное издательство. 1957. 64 стр. Цена 60 к.

Одна из улиц и крупная прядильно-ткацкая фабрика в Калининне носят имя А. П. Вагжанова.

В истории революционного движения в бывшей Тверской губернии видное место занимает этот ткач с фабрики Берга, с юношеских лет связавший свою жизнь с партией большевиков.

О популярности Вагжанова в Твери можно судить по такому факту. В 1913 году жандармы доносили губернатору о страшном «святотатстве»: они обнаружили, что в правлении рабочего кооператива при фабрике Берга на одной стене висят портрет царя Александра II и «в увеличенном размере фотография каторжника, социал-демократа Александра Петровича Вагжанова, члена Государственной Думы 2-го созыва... Исключительное предпочтение Вагжанову может быть объяснено только его политической в обществе деятельностью».

На каторге и в ссылке Вагжанов пробыл в общей сложности около десяти лет. После победы Октябрьской революции он вел большую партийную работу, был избран председателем Тверского губисполкома. В 1919 году в Сибири А. П. Вагжанов был расстрелян белобандитами.

Хорошо, что книгу о своем славном земляке калининцы получили как раз к восьмидесятилетию со дня его рождения.

В. П. МАЛЫШЕВ. Революционер-большевик Ф. Н. Мухин. Амурское книжное издательство. Благовещенск. 1957. 120 стр. Цена 1 р. 35 к.

Трудно было заставить трудящихся Дальнего Востока поверить в то, что председателя Амурского областного Совета Федора Никаноровича Мухина нет более в живых. Японские интервенты, зная, какой широкой популярностью пользуется этот негнбаемый борец за Советскую власть, верный сын Коммунистической партии, отпечатали специальные открытки с его фотографией и подписью под ней о том, что Ф. Мухин убит 9 марта 1919 года.

Но расчеты на то, что это известие вызовет растерянность и нежелание продолжать борьбу, не оправдались. Партизанское движение в Амурской области развертывалось все шире и шире. В марте 1920 года в области была восстановлена Советская власть.

В книге В. Малышева с большой теплотой обрисован путь видного деятеля рабочего движения, профессионального революционера, одного из организаторов Красной гвардии Ф. Мухина. Трудящиеся Приамурья бережно хранят его память. Имя Мухина носит ряд колхозов, МТС, железнодорожных станций, улицы во многих городах и поселках Амурской области.

В конце книги дано полезное приложение: краткие биографические сведения о дальневосточных большевиках, упоминаемых в тексте.

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

★

ГОСПОЛИТИЗДАТ

В. И. Ленин. К годовщине Октябрьской революции. 112 стр. Цена 1 р. 25 к.

М. Баккер, Ф. Барух. Октябрьская социалистическая революция и рабочее движение в Нидерландах. 40 стр. Цена 35 к.

Д. Бахшиев. Учение о Коммунистической партии. Беседы пропагандиста. 88 стр. Цена 90 к.

Л. Бромберг, И. Якушев. Большевики — организаторы разгрома корниловщины. 112 стр. Цена 1 р. 30 к.

Ларби Бухали. Октябрьская социалистическая революция и национальное движение в Алжире. 40 стр. Цена 45 к.

В. Ганштак, П. Жуков. Специализация и кооперирование в промышленности (на примере промышленности Свердловской области). 152 стр. Цена 2 р. 40 к.

Антонио Грамши — великий сын итальянского народа. 24 стр. Цена 25 к.

Виктор Жоаннес. Октябрьская социалистическая революция 1917 года и интернационализм французских рабочих. 32 стр. Цена 30 к.

Я. Кноблех, П. Пронин. За единство журналистов всего мира. 80 стр. Цена 1 р.

М. В. Мостепаненко. Что такое возможность и как она превращается в действительность. 52 стр. Цена 65 к.

С. И. Мурашов. Как победила Великая Октябрьская социалистическая революция. 84 стр. Цена 90 к.

Пребывание партийно-правительственной делегации Советского Союза в Чехословакии (9—16 июля 1957 года). Сборник материалов. 152 стр. Цена 1 р. 50 к.

Л. Стариков. Управление социалистическим промышленным предприятием. (Из серии «В помощь работникам печати»). 84 стр. Цена 1 р.

Дионисмо Энсина. Влияние Октябрьской социалистической революции на развитие революционного движения в Мексике. 32 стр. Цена 25 к.

«СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ»

А. Абсаямов. Орлята. Роман. Перевод с татарского. 568 стр. Цена 11 р. 30 к.

Наби Бабаев. Горное солнце. Стихи и поэма. Перевод с азербайджанского. 112 стр. Цена 2 р. 20 к.

О. Баркова. Обыкновенная жизнь. Роман. 428 стр. Цена 7 р. 30 к.

В. Вальсонеене. Звезда счастья. Стихи и поэмы. Перевод с литовского. 180 стр. Цена 3 р. 45 к.

Е. Воробьев. Высота. Роман. 448 стр. Цена 8 р.

И. Гордон. Повести и рассказы. Перевод с еврейского. 472 стр. Цена 7 р. 80 к.

А. Гудайтис-Гузавичюс. Братья. Роман. Перевод с литовского. 816 стр. Цена 15 р. 90 к.

С. Данилов. Зори студеного края. Стихи. Перевод с якутского. 112 стр. Цена 1 р. 30 к.

А. Караваева. По дорогам жизни. Дневники, очерки, воспоминания. 792 стр. Цена 15 р. 20 к.

М. Квливидзе. Стихотворения. Перевод с грузинского. 112 стр. Цена 1 р. 65 к.

Г. Колесникова. Борис Горбатов. Творческая биография. 240 стр. Цена 5 р. 90 к.

П. Скосырев. Листья и цветы. Литературные портреты, очерки и заметки о туркменской литературе. 288 стр. Цена 6 р. 50 к.

А. Сурков. Восток и Запад. Стихи. 232 стр. Цена 3 р. 50 к.

Тока Салчак. Слово арата. Книга вторая. Перевод с тувинского. 220 стр. Цена 2 р. 60 к.

А. Фадеев. За тридцать лет. Избранные статьи, речи и письма о литературе и искусстве. 988 стр. Цена 24 р. 50 к.

ГОСЛИТИЗДАТ

С. Бабенышева. Степан Шипачев. Критико-биографический очерк. 179 стр. Цена 2 р. 65 к.

Бабур. Лирика. Перевод с узбекского. 64 стр. Цена 60 к.

Б. Брайнина. Федор Гладков. Очерк жизни и творчества. 215 стр. Цена 6 р. 40 к.

Джованни Верга. Новеллы. Перевод с итальянского. 255 стр. Цена 3 р. 25 к.

Андрей Головки. Бурьян. Роман. Перевод с украинского. 200 стр. Цена 4 р. 90 к.

А. М. Горький и В. Г. Короленко. Переписка. Статьи. Высказывания. 287 стр. Цена 7 р. 75 к.

Из поэзии 20-х годов. 295 стр. Цена 4 р. 65 к.

Избранные пословицы и поговорки русского народа. 204 стр. Цена 2 р. 10 к.

Петер Карваш. Черт не дремлет. Очерки, фельетоны. Перевод со словацкого. 200 стр. Цена 4 р. 25 к.

Лев Кассиль. Швамбрания. Повесть. 270 стр. Цена 3 р. 45 к.

Поль-Луи Курье. Памфлеты. Перевод с французского. 366 стр. Цена 6 р. 90 к.

А. В. Луначарский. Статьи о литературе. 735 стр. Цена 11 р.

Иван Манжура. Избранные стихи. Перевод с украинского. 111 стр. Цена 1 р. 85 к.

Томас Манн. Лотта в Веймаре. Роман. Перевод с немецкого. 371 стр. Цена 5 р. 75 к.

Муа Мартинсон. Мать выходит замуж. Перевод со шведского. 335 стр. Цена 5 р.

Мухими. Лирика и сатира. Перевод с узбекского. 152 стр. Цена 1 р.

Дм. Петровский. Избранное. 679 стр. Цена 14 р. 55 к.

Ф. И. Тютчев. Стихотворения. Письма. 626 стр. Цена 8 р. 65 к.

Симон Чиковани. Стихотворения. Перевод с грузинского. 319 стр. Цена 5 р. 55 к.

ДЕТГИЗ

Б. Азбукин. Пять колодезей. Повесть. 208 стр. Цена 4 р.

Ч. Диккенс. Рассказы. Перевод с английского. 336 стр. Цена 5 р. 75 к.

С. Капутикян. Я, Алеша и Али. Стихи. Перевод с армянского. 16 стр. Цена 85 к.

Л. Квин. Палатки в степи. Рассказы. 112 стр. Цена 2 р. 50 к.

И. Койн. Девочка, с которой детям не разрешали водиться. Перевод с немецкого. 144 стр. Цена 3 р. 15 к.

Н. Колпакова. Сокровище народа. Русское народное поэтическое творчество. 272 стр. Цена 4 р. 50 к.

Б. Саулит. Годы юности. Повесть. Авторизованный перевод с латышского. 112 стр. Цена 2 р. 70 к.

Э. Шим. Неслышимые голоса. Рассказы. 72 стр. Цена 2 р. 35 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

М. А. Бирман. Революционная ситуация в Болгарии в 1918—1919 гг. 391 стр. Цена 15 р.

Е. И. Круннов. Древняя история и культура Кабарды. 176 стр. Цена 8 р. 75 к.

А. А. Молчанов, И. Ф. Преображенский. Леса и лесное хозяйство Архангельской области. 239 стр. Цена 14 р. 25 к.

Положение и борьба рабочего класса стран Западной Европы. 420 стр. Цена 14 р. 80 к.

А. В. Предтеченский. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века. 456 стр. Цена 19 р. 45 к.

Шара Туджи. Монгольская летопись XVII века. 200 стр. Цена 9 р. 75 к.

ГЕОГРАФИЗ

К. Гагенбек. О зверях и людях. 192 стр. Цена 3 р. 50 к.

С. В. Калесник. Краткий курс общего земледелия. 264 стр. Цена 6 р. 55 к.

Х. Меншинг. Между Рифом и Дра. Путешествие по Марокко. 183 стр. Цена 3 р. 50 к.

С. В. Обручев. По горам и тундрам Чукотки. 198 стр. Цена 3 р. 30 к.

Мирко Пашек. Ловцы жемчуга. 140 стр. Цена 2 р. 15 к.

Поволжье. Экономико-географическая характеристика. 464 стр. Цена 14 р. 50 к.

В. Ровинский. Мятежный корабль. 191 стр. Цена 2 р. 80 к.

М. И. Ростовцев, В. Ю. Тармисто. Эстонская ССР. Экономико-географическая характеристика. 367 стр. Цена 12 р.

В. Г. Удовенко. Дальний Восток. Экономико-географическая характеристика. 248 стр. Цена 6 р. 45 к.

Я. Худзиковская, Я. Ястер. Люди великой отваги. 300 стр. Цена 1 р. 20 к.

Г. Н. Яковлев. Испытание мужества (Дневник полярника). 262 стр. Цена 5 р. 75 к.

МЕДГИЗ

Е. Д. Ашурков и В. С. Гражуль. Врачи мира в борьбе за мир. 92 стр. Цена 1 р. 35 к.

М. Н. Егоров и Л. М. Левитский. Ожирение (патогенез, клиника, лечение). 236 стр. Цена 7 р. 30 к.

Н. Н. Малинковский, Н. И. Кашин (1825—1872). 156 стр. Цена 6 р. 20 к.

Профессиональные болезни (руководство для врачей). 512 стр. Цена 26 р. 15 к.

Руководство для врачей яслей и домов ребенка. 416 стр. Цена 18 р. 70 к.

А. И. Страшинин. Радиоактивные вещества в медицине. 76 стр. Цена 1 р. 35 к.

III Международный семинар студентов-медиков. 104 стр. Цена 1 р. 40 к.

ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Гагская конвенция 1954 г. о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта. 48 стр. Цена 45 к.

А. Х. Махненко. Государственный строй Народной Республики Албании. 80 стр. Цена 85 к.

И. Ф. Покровский. МТС — опорный пункт государственного руководства колхозами. 100 стр. Цена 2 р. 65 к.

Справочник следователя. 260 стр. Цена 3 р. 80 к.

Главный редактор **К. М. Симонов**

Редакционная коллегия:

Б. Н. Агапов (зам. главного редактора), **С. Н. Голубов,**
А. Ю. Кривицкий (зам. главного редактора), **Б. А. Лавренев,**
М. К. Луконин, А. М. Марьямов, Е. Успенская, К. А. Федин

Редакция: Москва-Центр, Пушкинская площадь, 5 (почтовый адрес).
Вход с улицы Чехова. 1. Тел. К 5-76-97.

Сдано в набор 21/IX-57 г.

Подписано к печати 17/X-57 г.

А 09360. Формат бумаги 70×108¹/₁₆ 10 бум. л.—27,4 печ. л. Тираж 140 000. Заказ 2213.

Типография «Известий Советов депутатов трудящихся СССР»
имени И. И. Скворцова-Степанова, Москва, Пушкинская пл., 5.

Цена 9 руб.